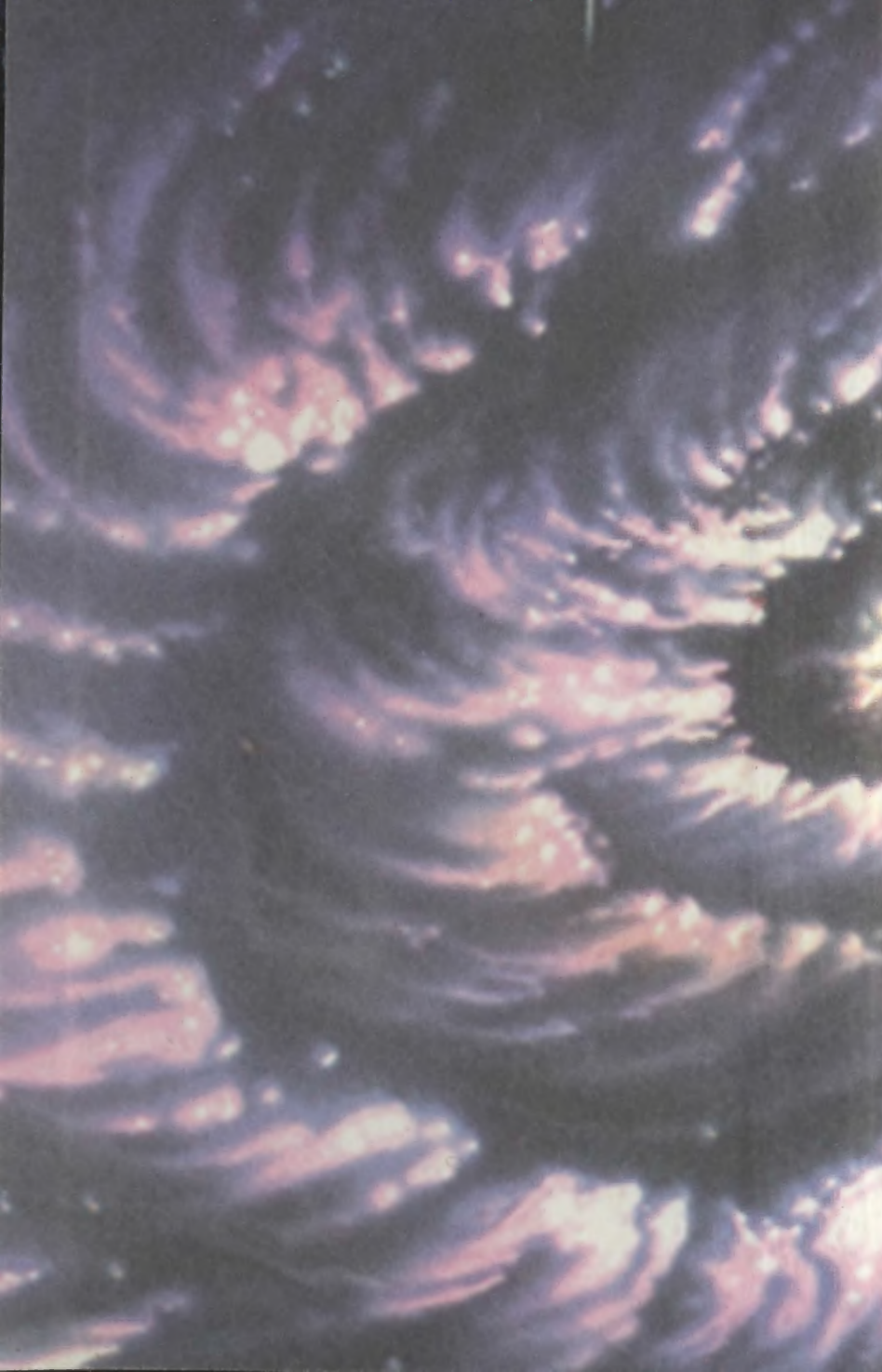

МИРЫ РЭЯ БРЭДБЕРИ

МИРЫ РЭЯ БРЭДБЕРИ

РЭЙ БРЭДБЕРИ

WORLDS OF RAY BRADBURY

Volume eight

**A MEMORY
OF MURDER
THE COLD WIND
AND THE WARM**

«POLARIS» PUBLISHERS
1997

МИРЫ РЭЯ БРЭДБЕРИ

Том восьмой

**ВСПОМИНАЯ
ОБ УБИЙСТВЕ
ХОЛОДНЫЙ ВЕТЕР,
ТЕПЛЫЙ ВЕТЕР**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997**

*Издание подготовлено
совместно с АО «Титул»*

**Миры Рэя Брэдбери. Т. 8 / Пер. с англ. — Полярис,
1997. — 377 с.**

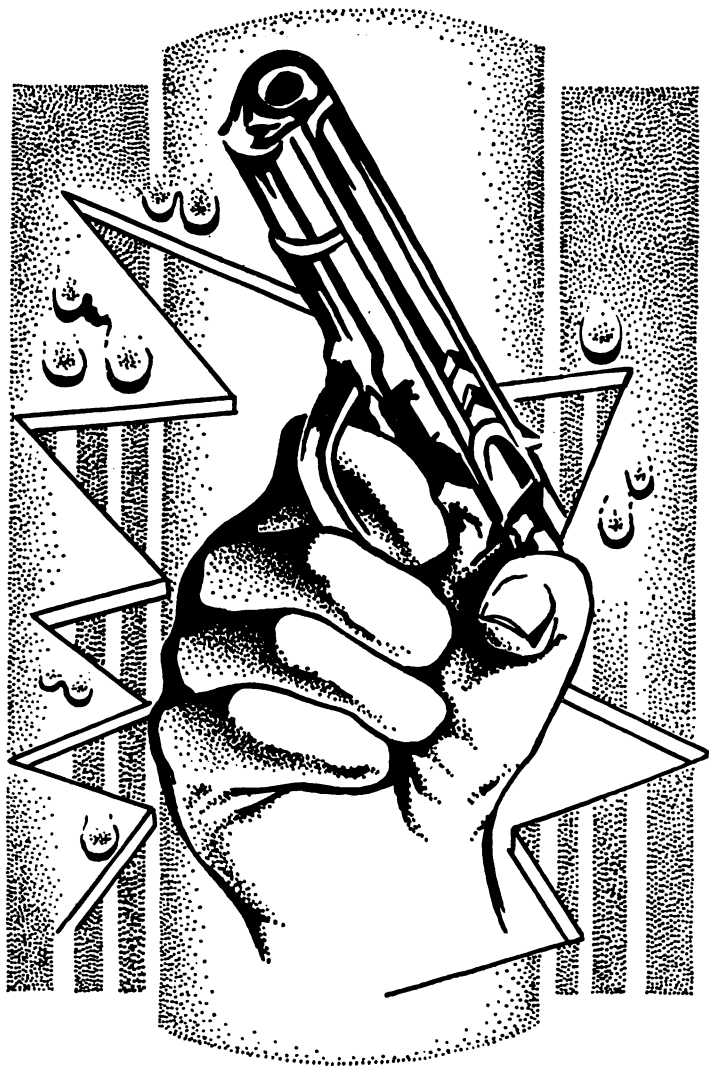
В эту книгу вошли детективные рассказы Рэя Брэдбери из авторского сборника «Вспоминая об убийстве», а также рассказы, навеянные ирландскими впечатлениями писателя.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных рассказов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

*Иллюстрация на обложку печатаются с разрешения художника
Michael Whelan и его агентов: Glassonion Ltd. (США) и Александра
Корженевского (Россия)*

ISBN 5-88132-327-0

© Издательство «Полярис»,
составление, оформление,
название серии, 1997

**ВСПОМИНАЯ
ОБ УБИЙСТВЕ**

СМЕРТЬ ОСТОРОЖНОГО ЧЕЛОВЕКА

По ночам ты спишь всего четыре часа. Ложишься в одиннадцать, встаешь в три, и все ясно как божий день. Начинается твое утро; ты пьешь кофе, приблизительно с час читаешь какую-нибудь книгу, прислушиваясь к отдаленным, тихим, нереальным голосам и музыке предрассветных радиостанций, иногда выходишь прогуляться, не забывая взять с собой пропуск, полученный в полиции. Поскольку раньше тебя часто забирали в участок за появление на улице в позднее и необычное время, это наконец стало надоедать, и ты выправил себе специальный пропуск. Теперь можешь гулять когда вздумается — руки в карманах, насвистывая, медленно и едва слышно постукивая каблуками по тротуару.

Это тянется с шестнадцати лет. Сейчас тебе двадцать пять, а четырехчасового сна все равно вполне достаточно.

У тебя дома почти нет стеклянной посуды. Бреешься ты электробритвой, потому что безопасная бритва иногда наносит порезы, а ты не можешь себе этого позволить.

Ты — гомофилик. Если начинает идти кровь, ее нельзя остановить. То же самое было и у отца, хотя он

знаком тебе лишь как страшный пример: однажды порезал палец, причем довольно глубоко, по пути в больницу истек кровью и умер. Гемофилия была и у родственников с материнской стороны; от них болезнь передалась и тебе.

В правом внутреннем кармане ты всегда носишь пузырек с таблетками коагулянта*. Если порежешься, то немедленно их глотаешь. Лекарство попадает в кровеносную систему, снабжая ее недостающими свертывающимися веществами, которые останавливают кровотечение.

Вот так и живешь. Тебе нужно всего четыре часа сна, да еще держаться подальше от острых предметов. Каждый день твоей жизни чуть ли не вдвое дольше, чем у обычных людей, однако, поскольку вряд ли удастся прожить долго, здесь кроется некий забавный баланс.

До утренней почты еще очень долго. Поэтому ты садишься за пишущую машинку и выдаешь четыре тысячи слов. Ровно в девять раздается звяканье почтового ящика перед дверью, и ты собираешь отпечатанные страницы, складываешь их вместе, просматриваешь копии и убираешь в папку. Потом, закулив сигарету, идешь за почтой.

Достаешь из ящика письма. Чек на триста долларов от крупного журнала, два отказа из маленьких издательств и небольшая картонная коробочка, перевязанная зеленой лентой.

Просмотрев письма, берешься за бандероль, развязываешь, открываешь крышку, лезешь внутрь и вытаскиваешь оттуда эту штуку.

— Черт!

Роняешь коробку. Все пальцы в красных брызгах. Сверкнув и раскручиваясь, из коробки вылетает что-то блестящее. Слышится тихое жужжание стальной пружины.

Из пораненного пальца обильно потекла кровь. Несколько секунд ты переводишь взгляд с руки на острый

* Коагулянт — лекарственное вещество (например, викасол), повышающее свертываемость крови. (Здесь и далее примеч. пер.)

предмет, валяющийся на полу, — маленькое зверское приспособление с бритвой, приделанной к закрученной пружине, которая, застигнув врасплох, распрямилась, когда ты ее вытащил!

Ты дрожишь, суетливо лезешь в карман, пачкая одежду кровью, достаешь пузырек с таблетками и глотаешь сразу несколько штук.

Затем, пока ждешь, чтобы лекарство подействовало, заматываешь руку носовым платком и, подобрав с пола устройство, со злорадством водружаешь его на стол.

Минут десять сидишь, неуклюже держа сигарету, и, уставившись на этот механизм, моргаешь. Взгляд туманится, проясняется, и снова предметы в комнате расплываются. Наконец ответ готов.

...Меня кто-то не любит... Кому-то я сильно не нравлюсь...

Звонит телефон. Ты берешь трубку.

— Дуглас слушает.

— Привет, Роб. Это Джерри.

— А, Джерри.

— Как дела, Роб?

— Скверно и безотрадно.

— Что такое?

— Кто-то прислал мне в коробочке бритву.

— Перестань трепаться.

— Серьезно. Но тебе это не интересно.

— Что с романом, Роб?

— Я никогда его не закончу, если мне не перестанут присылать острые предметы. В следующий раз, видимо, пришлют хрустальную шведскую вазу или шкатулку фокусника с разбивающимся зеркалом.

— У тебя голос какой-то странный, — говорит Джерри.

— Еще бы. Что касается романа, Джералд, то он наделает много шума. Только что написал еще четыре тысячи слов. В этой сцене я рассказываю о великой любви Энн Дж. Энтони к мистеру Майклу М. Хорну.

— Ты напрашиваешься на неприятности, Роб.

— Минуту назад я пришел к такому же выводу.

Джерри что-то бормочет.

Ты отвечаешь:

— Джерри, Майк напрямую меня не тронет. Так же, как и Энн. В конце концов, мы с Энн когда-то были помолвлены. Еще до того, как я узнал, чем они занимаются. О вечеринках, которые они закатывали, о шприцах с морфием, которыми они потчевали гостей.

— Но ведь они могут попытаться как-нибудь помешать изданию книги.

— Возможно, ты прав. Они уже пробуют. Вот, например, сегодняшняя бандероль, присланная по почте. Ну, может, они сами и не делали этого, но кто-то другой, из тех, кого я упоминаю в книге, тоже мог что-нибудь пронюхать.

— Ты в последнее время говорил с Энн? — спрашивает Джерри.

— Да, — отвечаешь ты.

— И она по-прежнему предпочитает вести такой образ жизни?

— Это очень возбуждает. Когда принимаешь какой-нибудь наркотик, начинаешь видеть множество восхитительных картинок.

— Никогда бы про нее такого не подумал; она производит впечатление совершенно другого человека.

— Это все твой эдипов комплекс, Джерри. Ты никогда не воспринимаешь женщин как людей иного пола. Они представляются тебе вымытыми, надушенными бесполоыми статуями на пьедесталах в стиле рококо. Ты слишком самозабвенно любил свою матушку. К счастью, я не такой идеалист. Энн некоторое время удавалось дурачить меня. Но как-то ночью она так разошлась, что я подумал, будто Энн пьяна, и тут вдруг она целует меня, сует в руку маленький шприц и говорит: «Ну давай же, Роб, пожалуйста. Тебе понравится». А шприц был полон морфия, как и сама Энн.

— Так вот оно что, — отозвался Джерри на другом конце провода.

— Вот именно, — говоришь ты. — Поэтому я обратился в полицию и Федеральное бюро по наркотикам, но они там ничего не умеют и боятся пошевелиться. А может, получают хорошие отступные. Подозреваю, что и то и другое. В каждой системе где-то сидит

человек, закупоривающий трубу и мешающий работе. В полицейском управлении всегда отыщется какой-нибудь парень, который понемногу прирабатывает на стороне и пачкает доброе имя всего департамента. Это факт. И поделаться с этим ничего нельзя. Людям свойственны человеческие слабости. Но если я не могу прочистить трубу одним способом, то сделаю это другим. Свой роман, как ты понимаешь, я для того и пишу.

— Роб, тебя самого вместе с этой книгой могут спустить в канализацию. Неужели ты всерьез думаешь, что твой роман пристыдит наркобюрократов и они начнут действовать?

— Идея именно такая.

— А тебя к суду не привлекут?

— Я об этом позаботился. С издателями я подписываю бумагу, освобождающую их от всякой ответственности, где сказано, что все персонажи романа вымышлены. Таким образом, если я солгал своим издателям, то это не их вина. А если в суд потащат меня, то гонорара за книгу хватит для защиты. А у меня полно доказательств. Между прочим, роман получается чертовски хороший.

— Seriously, Роб. Тебе правда кто-то прислал бритву в бандероли?

— Да. В этом-то и заключается самая большая опасность. Довольно занятно. Они не решатся открыто убить меня. Но если я умру по собственной бытовой халатности от наследственной болезни крови, их ни в чем нельзя будет обвинить. Они не станут перерезать мне горло, это было бы слишком уж очевидно. Но бритва, гвоздь или руль в моей машине, к которому прикреплено лезвие... как это мелодраматично. Джерри, а твой роман продвигается?

— Медленно. Может, сегодня пообедаем вместе?

— Идет. В «Коричневом котелке»?

— Ты точно нарываешься на неприятности. Ведь, черт возьми, отлично знаешь, что Энн с Майком едят там каждый день!

— Джералд, старичок, это возбуждает у меня аппетит. До встречи.

Ты вешаешь трубку. С рукой уже все в порядке. Перебинтовывая ее в ванной, насвистываешь. Потом еще раз тщательно осматриваешь маленькое бритвенное устройство. Примитивная штукавина. Шансы были едва ли пятьдесят на пятьдесят, что она вообще работает.

Утренние события побуждают тебя сесть и настрочить еще три тысячи слов.

Над ручкой дверцы твоего автомобиля ночью поработали напильником, заострив ее, как бритву. Роняя капли крови, возвращаешься в дом за бинтами. Глотаешь таблетки. Кровотечение прекращается.

Положив две новые главы книги в абонентный ящик в банке, ты едешь в «Коричневый котелок», чтобы встретиться с Джерри Уолтерсом. Он, все такой же маленький и возбужденный, с небритым подбородком, таращится из-за толстых очков.

— Энн внутри, — ухмыляется Джерри. — А с нею Майк. Ну почему обязательно обедать здесь, позволь спросить? — Усмешка исчезает, и он во все глаза смотрит на твою руку. — Тебе надо выпить! Пойдем-ка. Вон там, за тем столом, Энн. Кивни ей.

Киваю.

Энн сидит за угловым столиком. На ней спортивного покроя платье с капюшоном, вышитое золотыми и серебряными нитями, на загорелой шее — ацтекское ожерелье из бронзовых пластинок. Ее волосы такого же бронзового цвета. Рядом с Энн, за сигарой и облаком дыма, довольно высокая худоцавая фигура Майкла Хорна, который выглядит так, как и должен выглядеть игрок, специалист по наркотикам, сластолюбец *rag excellence**, ценитель женщин, образец для подражания среди мужчин, любитель бриллиантов и шелковых подштанников. Не хотелось бы здороваться с ним за руку. Его маникюр кажется слишком острым.

Ты приступаешь к салату. Допив коктейли, Энн и Майк проходят мимо твоего стола.

— Привет, остряк, — говоришь ты Майклу Хорну, слегка подчеркивая последнее слово.

* В высшей степени, преимущественно (фр.).

Позади Хорна идет его телохранитель, двадцатидвух-летний парень из Чикаго по имени Бритз, с красной гвоздикой в петлице черного пиджака и с черными намаженными волосами; уголки его глаз несколько опущены, поэтому вид у него печальный.

— Привет, Роб, дорогой, — говорит Энн. — Как книга?

— Отлично, отлично. Я только что написал шикарную главу о тебе, Энн.

— Спасибо, дорогой.

— Когда ты наконец бросишь этого большого тупоголового лепрекона*? — спрашиваешь ее, глядя на Майку.

— Когда убью его, — отвечает Энн.

Майк смеется:

— Отлично сказано. Пойдем, детка. Меня утомляет этот сопляк.

Ты бросаешь нож и вилку. Тарелки летят на пол. Тебе почти удается врезать Майку. Но Энн, Бритз и Джерри набрасываются на тебя и усаживают на место. Кровь стучит у тебя в ушах, окружающие подбирают приборы и кладут на стол.

— Пока, — говорит Майк.

Энн проходит в дверь; она похожа на маятник, и ты смотришь на часы. За ней следуют Майк и Бритз.

Перед тобой недоеденный салат. Ты берешь вилку, поддеваешь еду и отправляешь в рот.

Джерри выпучил глаза:

— Ради Бога, Роб, что случилось?

Ты ничего не отвечаешь. Только вынимаешь вилку изо рта.

— В чем дело, Роб? Выплюни!

Ты плюешь.

Джерри шепотом ругается.

Кровь.

Вы с Джерри выходите на улицу, и ты теперь разговариваешь на языке жестов. У тебя во рту кусок пропитанной лекарствами ваты. От тебя пахнет антисептиками.

— Но я не понимаю как, — говорит Джерри. Ты жестикулируешь. — Ну да, ясно: ссора в «Котелке».

* Лепрекон — маленький злой дух в ирландском фольклоре; эльф.

Вилка упала на пол. — Ты снова показываешь руками. Джерри дает перевод. — Майк или Бритз поднимают, возвращают тебе, но подсовывают другую, заостренную вилку.

Ты энергично киваешь, все еще кровоточа.

— А может, это сделала Энн, — добавляет Джерри.

Нет, отрицательно трясешь ты головой. И с помощью пантомимы пытаешься объяснить, что, если б Энн об этом узнала, она тут же бросила бы Майка. Джерри не понимает и таращится сквозь свои толстые линзы. Ты теряешь терпение.

Язык опасно ранить. Ты был знаком с одним парнем, который порезал язык, и рана так никогда и не зажила, хотя кровотечение остановилось. А если такое случается с гемофиликом!

Уже забираясь в машину, ты делаешь руками знаки и вымученно улыбаешься. Джерри шурится, думает, наконец понимает:

— А, — смеется он, — хочешь сказать, что теперь осталось только всадить тебе нож в спину?

Киваешь, жмешь ему руку, уезжаешь.

Вдруг жизнь перестает казаться забавной. Она реальна. Жизнь — это то вещество, которое выливается из твоих вен при самой ничтожной случайности. Рука бессознательно снова и снова ощупывает внутренний карман пиджака, где спрятан пузырек. Старое доброе лекарство.

В это время замечаешь, что тебя преследуют.

На следующем углу поворачиваешь налево и начинаешь соображать, очень быстро. Авария. Ты без сознания, весь в крови. В таком состоянии нипочем не сможешь принять дозу тех драгоценных крохотных таблеток, которые носишь в кармане.

Давишь на педаль газа. Машина делает рывок, ты оглядываешься и видишь, что другой автомобиль по-прежнему едет сзади, все приближаясь. Удар головой, малейший порез, и с тобой все кончено.

На Уилкоккс сворачиваешь вправо, резкий поворот налево, когда доезжаешь до Мелроуз, но они все еще у тебя на хвосте. Остается только одно.

Останавливаешь машину у тротуара, вытаскиваешь ключи, спокойно вылезает, идешь и усаживаешься на газоне перед чьим-то домом.

Когда преследователи проезжают мимо, ты улыбаешься и машешь им рукой.

Кажется, будто слышишь, как они ругаются, скрываясь из виду.

До дома добираешься пешком. По дороге звонишь в гараж и просишь пригнать твою машину.

Никогда раньше ты так остро не ощущал, что жив. Ты будешь жить вечно. Ты умнее, чем они все, вместе взятые. Ты начеку. Они не в состоянии сделать ничего, что ты не увидел бы и так или иначе не обошел. Ты полон веры в собственные силы. Ты не можешь умереть. Умирают другие, но только не ты. Ты совершенно убежден в своей способности выжить. Не найдется такого умника, который убил бы тебя.

Ты способен поедать пламя, ловить пушечные ядра, целовать женщин, у которых не губы, а факелы, трепать бандитов по подбородку. То, что ты такой, вот с этой кровью в теле, превратило тебя... в игрока? Любителя риска? Наверно, есть какое-то объяснение твоему болезненному стремлению к опасности, к краю пропасти. Каждый раз, выходя из очередной переделки, ты ощущаешь неимоверный взлет собственного «я». Надо признать, что ты — тщеславный, самовлюбленный человек с патологическим стремлением к самоуничтожению. Естественно, подсознательным стремлением. Никто открыто не признается, что хочет умереть, но где-то внутри таится это желание. Инстинкт самосохранения и тяга к смерти дергают его то туда, то сюда. Побуждение умереть втягивает в рискованные ситуации, самосохранение снова и снова вырывает оттуда. А ты смеешься и ненавидишь этих людей, дрожащих и корчащихся от злости, потому что ты цел и невредим. Ты ощущаешь свое превосходство, чувствуешь себя богоподобным, бессмертным. Они — неполноценны, трусливы, заурядны. И тебя слегка раздражает то, что Энн предпочитает тебе свои наркотики. Игла возбуждает ее сильнее. Пошла она к черту! И тем не менее...

она тебя влечет... и кажется опасной. Но ты готов с ней рискнуть, в любое время, да, как раньше...

Снова четыре часа утра. Пальцы порхают по клавишам пишущей машинки, и вдруг раздается звонок в дверь. Ты поднимаешься и в полной предрассветной тишине идешь узнать, кто там.

Где-то далеко-далеко, на другом конце мироздания, звучит ее голос:

— Привет, Роб. Энн. Только что встал?

— Точно. Давненько же ты ко мне не заходила, Энн.

Открываешь дверь, и она проходит в комнату, мимоходом обдав тебя приятным запахом.

— Устала от Майка. Меня от него тошнит. Мне необходима хорошая доза Роберта Дугласа. Я правда устала, Роб.

— Похоже на то. Мои соболезнования.

— Роб... — Молчание.

— Да?

Молчание.

— Роб... давай завтра уедем? Я хочу сказать, сегодня... днем. Куда-нибудь на побережье. Полежим на солнышке, пусть оно нас просто погрееет. Мне это нужно, Роб, очень.

— Вообще-то, думаю, можно. Конечно. Да. Разумеется, черт возьми!

— Я люблю тебя, Роб. Мне бы только не хотелось, чтобы ты писал этот проклятый роман.

— Если ты распрощалась с этой шайкой, я могу перестать, — говоришь ты. — Но мне не нравится, что они с тобой сделали. А Майк рассказывал тебе, что он вытворяет со мной?

— Разве он что-нибудь вытворяет, дорогой?

— Пытается обескровить меня. Я имею в виду, по-настоящему обескровить. Ты ведь хорошо знаешь, что такое Майк, разве нет, Энн? Подлый и трусливый. Бритз... Бритз, между прочим, тоже, если уж на то пошло. Я и раньше встречал таких. Хотят казаться крутыми, чтобы скрыть собственную трусость. Майк не желает убивать меня. Убийства он боится. Думает, будто ему удастся меня запугать. Но я не собираюсь

поддаваться, потому что уверен, у него не хватит духа довести все это до конца. Он скорее согласится, чтобы ему повесили обвинение за наркотики, чем решится на убийство. Знаю я Майка.

— А меня ты знаешь, милый?

— Думаю, да.

— Очень хорошо?

— Достаточно хорошо.

— А вдруг я тебя убью?

— Не сумеешь. Ты любишь меня.

— Себя, — промурлыкала она, — я тоже люблю.

— Ты всегда была со странностями. Никогда не понимал и сейчас не понимаю, что и зачем ты делаешь.

— Самосохранение.

Ты предлагаешь ей сигарету. Она стоит совсем рядом. Ты с удивлением качаешь головой:

— Видел однажды, как ты отрываешь мухе крылышки.

— Это было интересно.

— А ты в школе не анатомировала слепых котят?

— С увлечением.

— Ты хоть представляешь, что наркота с тобой делает?

— Мне это доставляет огромное удовольствие.

— А это?

Вы стоите совсем рядом, поэтому довольно одного движения, чтобы лица сблизилась. Ее губы все так же хороши. Теплые, живые, мягкие.

Она чуть-чуть отстраняется:

— Это мне тоже очень нравится.

Ты прижимаешь ее, ваши губы снова встречаются, и ты закрываешь глаза...

— Черт! — Ты отскакиваешь.

Ее ноготь впился тебе в шею.

— Прости, милый. Я тебе сделала больно? — спрашивает Энн.

— Все хотят принять участие в представлении, — говоришь ты, достаешь любимый пузырек и вытряхиваешь на ладонь несколько пилюль. — Бог мой, леди, ну и хватка у вас. Впредь обращайтесь со мною получше. Я очень нежный.

— Извини, забылась, — говорит Энн.

— Лестно слышать. Но если будешь забываться каждый раз, когда мы целуемся, то от меня скоро останется лишь кровавая лужа. Подожди.

Еще бинт — на шею. Опять целуешь ее.

— Тише едешь — дальше будешь, детка. Мы смотаемся на пляж, и там я прочитаю тебе лекцию о том, сколько зла таит в себе общение с Майклом Хорном.

— Роб, что бы я ни говорила, ты все равно будешь продолжать роман?

— Решение принято. На чем мы остановились? Ах да. Снова губы.

Чуть позже полудня ты останавливаешь машину у края облитого солнцем обрыва. Энн бежит впереди, к деревянной лестнице, уходящей на двести футов вниз по склону. Ветер треплет ее бронзовые волосы; в синем купальнике она выглядит очень нарядно. Ты, задумавшись, идешь следом. Ты исчез. Городов нет, шоссе пусто. Под ногами море охватывает широкий пустынный берег с гранитными выступами, выщербленными и вымытыми бурунами. Пронзительно кричат болотные птицы. Энн идет впереди. «Ну что за дурочка», — думаешь ты о ней.

Вы гуляете, взявшись за руки, и стоите, впитывая солнечные лучи. Тебе кажется, что все очистилось, все хорошо. Пока. Жизнь чиста и свежа, даже жизнь Энн. Тебе хочется разговаривать, но среди этого соленого безмолвия голос звучит как-то нелепо, да и все равно язык еще болит от той острой вилки.

Вы подходите к самой воде, и Энн что-то поднимает.

— Ракушка, — говорит она. — А помнишь, как ты нырял в своей резиновой маске и с трезубцем, Сорви-голова? В старое доброе время.

— Старое доброе время. — Ты думаешь о прошлом, об Энн и о себе, о том, что вам обоим нравилось. Ездить на побережье. Рыбачить. Нырять. Но уже тогда она была каким-то странным существом. Совершенно спокойно убивала омаров. С удовольствием чистила их.

— Ты всегда был таким безрассудным, Роб. Да, в сущности, таким и остался. Не боялся нырять за устри-

цами, а ведь этими раковинами мог сильно порезаться. Острые, как бритвы.

— Знаю, — говоришь ты.

Энн кидает ракушку, которая падает около твоих сброшенных ботинок. Возвращаясь, ты обходишь ее, чтобы случайно не наступить.

— Мы могли бы быть счастливы, — говорит Энн.

— Приятно об этом мечтать, правда?

— Мне бы хотелось, чтобы ты передумал.

— Слишком поздно, — отвечаешь ты.

Она вздыхает.

На берег накатывает волна.

Тебе не страшно быть здесь вместе с Энн. Она ничего тебе не сделает. Ты ее контролируешь. Нет, это будет легкий, праздный день, без всяких событий. Ты настороже, готов к любым неожиданностям.

Ты лежишь на солнце, и оно пронизывает до самых костей, расслабляет, расплавляет на песке. Энн рядом, солнечные лучи золотят ее вздернутый носик и сверкают в крохотных капельках пота на лбу. Вы болтаете о веселых пустяках, ты ею очарован; как она, такая красивая, может быть такой подкольной змеюкой, лежащей у тебя поперек дороги, и в то же время смущенной и маленькой где-то в глубине души, куда ты не можешь заглянуть?

Ты перевернулся на живот. Песок горячий. Солнце теплое.

— Да ты сейчас сгоришь, — наконец, смеясь, говорит Энн.

— Не исключено, — отвечаешь ты, чувствуя себя очень умным, совершенно бессмертным.

— погоди, дай-ка я намажу тебе спину маслом, — говорит Энн, расстегивая блестящую, натуральной кожи китайскую головоломку своей сумочки. Вынимает бутылочку прозрачного желтого масла. — Это защитит тебя от солнца. Идет?

— Идет, — отзываешься ты, чувствуя себя очень хорошо, прямо-таки превосходно.

Она поливает тебя маслом, словно поросенка на вертеле. Бутылочка опрокинута и содержимое стекает

тонкими струйками, блестящими, желтыми и прохладными, во все углубления на спине. Энн растирает масло рукой. Ты лежишь с закрытыми глазами, что-то мурлыча под нос, наблюдая за маленькими голубыми и желтыми пузырьками, танцующими под зажмуренными веками, а она все льет и льет масло, смеется, массирует спину.

— Мне уже прохладнее, — говоришь ты.

Она растирает тебя еще минуту-другую, потом тихо садится рядом. Проходит много времени, а ты лежишь не двигаясь, поджариваясь на песчаной жаровне, не желая пошевелиться. Солнце уже не такое горячее.

— Ты боишься щекотки? — доносится сзади голос Энн.

— Нет, — отвечаешь ты и улыбаешься уголками рта.

— У тебя такая милая спинка, — говорит Энн. — Хочу пощекотать ее.

— Валяй щекочи.

— Здесь щекотно? — спрашивает она.

Ты чувствуешь далекое, какое-то сонное прикосновение к спине.

— Нет.

— А тут?

Ты ничего не ощущаешь.

— Ты ведь даже не дотрагиваешься до меня.

— Я читала в какой-то книге, — говорит Энн, — что зоны чувствительности на спине развиты очень плохо, поэтому большинство людей не может точно определить, до какого места у них дотрагиваются.

— Чушь, — отвечаешь ты. — Вот дотронься. Давай. Я точно скажу.

Чувствуешь три долгих прикосновения к спине.

— Ну? — спрашивает Энн.

— Ты провела пальцем вниз под одной лопаткой дюймов на пять. Так же под другой лопаткой. А потом прямо вниз по спине. Так-то вот.

— Умница. Сдаюсь. Тебя не проведешь. Хочу сигарету. Ах, черт! Все кончились. Не против, если я сбегаю возьму в машине?

— Я схожу, — предлагаешь ты.

— Ничего, лежи.

Она бежит по песчаной косе. Ты провожаешь ее взглядом, лениво, сквозь дрему. Довольно странно, что она взяла с собой сумочку и бутылку с маслом. Эти женщины. А бежит она красиво. Энн взбирается по деревянным ступенькам, поворачивается, машет и улыбается. Ты улыбаешься в ответ и слегка шевелишь рукой.

— Жарко? — кричит она.

— Промок насквозь! — нехотя выкрикиваешь в ответ.

У тебя на теле выступает пот. Жар теперь внутри тебя, и ты погружаешься в него, словно в ванну. Пот льется по спине ручьями, но как-то вяло и слабо, будто по тебе ползают муравьи. С потом все выйдет, думаешь ты. С потом все уйдет. Пот сочтется по ребрам и щеkotно стекает по животу. Ты смеешься. Господи, сколько пота. Никогда в жизни ты так не потел. В теплом воздухе разносится сладкое благоухание масла, которым тебя натерла Энн, и усыпляет, усыпляет.

Взбадриваешься. Наверху слышится какой-то шум.

На вершине обрыва завели машину, включили передачу, и вот ты видишь, как Энн машет рукой, автомобиль, сверкнув на солнце, разворачивается и уносится в сторону шоссе.

Вот и все.

— Что? Куда, сучка?! — злобно орешь ты. Хочешь встать. И не можешь. От солнца совсем обессилен. В голове все плывет. Черт поberi! Ты потел.

Потел.

В знойном воздухе появился какой-то новый запах. Что-то знакомое и вечное, как соленое дыхание моря. Горячее, приторное, тошнотворное благоухание. Аромат, чудовищнее которого для тебя и тебе подобных не существует. Ты с воплем вскакиваешь на ноги.

На тебя наброшен плащ, пурпурное одеяние. Он прилип к бедрам, и ты видишь, как начинает обволакивать поясницу, ноги, голени. Плащ красный. Наикраснейший красный во всей цветовой гамме. Чистейший, нежнейший, ужаснейший красный, какой ты

только видел, пульсируя, растекается и покрывает все тело.

Трогаешь спину. Бормочешь бессмысленные слова. Рука нащупывает три открытые раны, взрезавшие плоть ниже лопаток!

Пот! Думал, что потеешь, а это была кровь! Лежал, полагая, что из тебя выходит пот, посмеивался, наслаждался!

Ты ничего не чувствуешь. Пальцы неуклюже и бес- сильно царапают спину. Спина ничего не ощущает. Омертвела.

«Погоди, дай-ка я намажу тебе спину маслом, — говорит Энн где-то вдалеке, в зыбком кошмаре моей памяти. — А то сейчас сгоришь».

Волна ударилась о берег. В мыслях всплывает длинная тонкая струйка жидкости, льющейся тебе на спину из бутылочки, зажатой в восхитительных пальцах Энн. Вспоминаешь, как она растирает спину.

Раствор наркотика. Желтый раствор новокаина, кокаина или чего-нибудь еще, который, прикоснувшись к спине, сделал нечувствительным каждый нерв. Энн ведь отлично разбирается в наркотиках.

Сладкая, сладкая, милая Энн.

В голове опять звучит ее голос: «Ты боишься щекотки?»

Тебя рвет. В кроваво-красном тумане мозга эхом отзывается твой ответ: «Нет. Валяй щекочи. Валяй щекочи. Валяй щекочи... Валяй щекочи, Энн Дж. Энтони, очаровательная леди. Валяй щекочи».

Прекрасной острой ракушкой.

Нырлял за устрицами неподалеку от берега, задел спиной за скалу и сильно расцарапал ее об острые, как бритвы, раковины моллюсков. Да, именно так. Нырлял. Несчастный случай. Как все здорово подстроено.

Сладкая, милая Энн.

А может, ты оселком заточила свои ногти, моя дорогая?

Солнце повисло прямо у тебя в мозгу. Песок начинает плавиться под ногами. Ты пытаешься отыскать пуговицы, чтобы расстегнуть, сорвать багряное одея-

ние. Ничего не чувствуя, вслепую, на ощупь ты ищешь застешки. Их нет. Плащ не снять. Как это глупо, приходит нелепая мысль. Как глупо, что тебя найдут в этом длинном, красном шерстяном исподнем. Как же это глупо.

Тут где-то должна быть молния. Эти три длинных глубоких пореза можно крепко застегнуть на молнию, и тогда липкая красная жидкость перестанет течь из тебя. Из тебя, бессмертного человека.

Порезы не слишком глубокие. Надо добраться до врача. Надо принять таблетки.

Таблетки!

Ты бросаешься к пиджаку, обшариваешь один карман, другой, потом еще один, выворачиваешь его наизнанку, отрываешь подкладку, кричишь и плачешь, и с грохотом, подобно проносящимся поездам, четыре волны обрушиваются на берег позади тебя. И ты снова принимаешься за карманы в надежде, что чего-то не заметил. Но там пусто, только завалились кусочек ваты, коробок спичек и два корешка от театральных билетов. Бросаешь пиджак.

— Энн, вернись! — кричишь ты. — Вернись! До города, до врача тридцать миль. Я их не пройду. У меня не осталось времени.

У подножия обрыва ты поднимаешь глаза вверх. Сто четырнадцать ступеней. Отвесный обрыв сияет в солнечных лучах.

Ничего не остается, как только карабкаться по ступеням.

До города тридцать миль. Подумаешь, что такое тридцать миль?

Превосходный денек для прогулки!

Я ВЕСЬ ГОРЮ!

Я лежу как раз посередине комнаты, причем я не зол, не раздражен, не возмущен. Во-первых, для того чтобы человек возмущался, раздражался, злился, он должен воспринимать некие стимулы извне, воздействующие на его нервы. Нервы передают сигнал в мозг. Мозг моментально рассылает приказания во все части тела: раздражайся, злись, возмущайся! Веки: раздвинуться! Глаза: вытаращиться! Мышцы: сокращаться! Зрачки: расшириться! Губы: сжаться! Уши: вспыхнуть! Лоб: наморщиться! Сердце: колотиться! Кровь: закипеть! Раздражайся, возмущайся, злись!

Но мои веки не раскроются. Глаза просто уставились в бесцветный темный потолок, сердце остыло, рот безвольно приоткрыт, пальцы вяло разжаты. Я не злюсь. Не раздражаюсь и не возмущаюсь. А между тем у меня есть все основания сердиться.

Следователи слоняются по моему дому, сквернословят в моих комнатах, прикладываются к фляжкам. Репортеры освещают вспышками мое расслабленное тело. Соседи заглядывают в окна. Жена полулежит в кресле, отвернувшись от меня, и, вместо того чтобы плакать, радуется.

Так что вы понимаете — у меня есть причина злиться. Но как бы я ни старался рассвирепеть, разъяриться,

It Burns Me Up!
Copyright © 1944 by Ray Bradbury
Я весь горю!
© С. Анисимов, перевод, 1997

выругаться — не могу. Меня окутывает и наполняет лишь всеобъемлющая холодная невесомость.

Я мертв.

Я лежу здесь и сплю, а эти люди — обрывки моих безжизненных сновидений. Они кружат надо мной, словно стервятники над разлагающимся трупом, как хищники, алчущие в ночи горячей крови жертвы, собирают эту кровь и разбрызгивают ее по страницам бульварных газетенок. Но каким-то образом по пути к печатным станкам кровь становится совершенно черной.

Несколько капель крови дадут краску для миллионов печатных цилиндров. В нескольких каплях крови достаточно энергии, чтобы привести в действие десять миллионов офсетных машин. В нескольких каплях крови достаточно адреналина, чтобы быстрее забились тридцать миллионов грамотных, читающих сердец.

Я умер сегодня ночью. Завтра утром я умру опять в тридцати миллионах умов, пойманный, как муха паутиной, и досуха высосанный бесчисленными щупальцами читающей публики, и, промелькнув в закоулках их сознания, уступлю место:

**НАСЛЕДНИЦА ПРЕСТОЛА
ВЫХОДИТ ЗАМУЖ ЗА ГЕРЦОГА!**

**ОЖИДАЕТСЯ ПОВЫШЕНИЕ
ПОДОХОДНОГО НАЛОГА!**

ЗАБАСТОВКА ШАХТЕРОВ!

А стервятники все прячут наверху. Вот коронер*, небрежно осматривающий мои органы, гиена-репортер, копающийся в мертвых мыслях моей любви. Вот фавны и козлы с синтетическими львиными сердцами робко заглядывают в окно, но держатся от ужасного зрелища на безопасном расстоянии, наблюдая за разгуливающими по комнате плотоядными.

Наверно, моя жена — самая умная из них. Она похожа всего лишь на небольшую темную пантеру,

* Особый судебный следователь в Англии, США и некоторых других странах, на обязанности которого лежит расследование случаев насильственной или внезапной смерти. (Здесь и далее примеч. пер.)

помахивающую хвостом и умывающуюся, довольную собой, притаившуюся на узорчатой обивке кресла.

Вот прямо надо мной возник губастый следователь, вошедший в мир живых, подобно огромному льву. Губами он обхватил длинную дымящуюся сигару и разговаривает, не вынимая ее изо рта и поблескивая янтарными зубами. При этом время от времени роняет серый пепел на мой пиджак. Он вещает:

— Так вот, значит, мертв. А мы, значит, беседуем с ней час, два, три, четыре часа, и что имеем? Ничего! Черт, не можем же мы сидеть здесь всю ночь! Жена убьет меня. Я теперь уже ни одной ночи дома не бываю. Сплошные убийства.

Коронер, такой проворный, такой ловкий, с пальцами, похожими на кронциркули, измеряет меня вдоль и поперек. Есть ли что-нибудь, помимо чисто профессионального интереса, в его бегающих, печальных зеленых глазах? Он высокомерно вскидывает голову и важно заводит речь:

— Скончался мгновенно. Глубокая ножевая рана в горле. Затем его еще трижды ударили в грудь. Здорово поработали. Весь залит кровью. Довольно впечатляюще.

Следователь кивает рыжеватой головой в сторону моей жены и морщится:

— А на ней нет ни капли крови. Как ты это объяснишь?

— А сама она что говорит? — спрашивает коронер.

— Ничего не говорит. Просто плюхнулась в кресло и затянула песню: «Ничего не скажу, пока не повидаюсь со своим адвокатом». Честное слово! — Детектив не способен понять поведения таких вот кошечек. Но я, лежа здесь, вполне могу. — Это все, чего мы от нее добились. «Ничего не скажу, пока не повидаюсь со своим адвокатом» — снова и снова, заладила, как какую-нибудь дурацкую прибаутку.

В дверь ломится какой-то человек, который тут же привлекает к себе всеобщее внимание. Симпатичный, атлетического сложения журналист норовит прорваться внутрь.

— Эй там! — Детектив выпячивает мощную грудь. — Что, черт вас всех побери, происходит?

В комнату заглядывает полицейский с раскрасневшимся от борьбы лицом.

— Да вот этот чудака хочет пройти, босс!

— А кто он такой, черт возьми? — вопрошает следователь.

Издали доносится голос репортера:

— Карлтон из «Трибюн». Меня послал мистер Рэндолф.

Детектив взрывается:

— Келли, проклятый дурак! Живо впусти парня! Мы с Рэндалфом вместе в школе учились! Так-то вот.

— Ну и ну, — невозмутимо произносит коронер.

Следователь бросает на него неприязненный взгляд, а полицейский Келли тем временем открывает дверь, и потный журналист Карлтон проникает в комнату.

— Если бы не прорвался, — смеется Карлтон, — меня бы с работы поперли.

— Привет, Карлтон, — следователь смеется в ответ. — Отодвинь труп и садись.

Это была шутка. Все хохочут, кроме моей жены, которая по-женски свернулась буквой «S» между ручками кресла и облизывает губы с довольным видом, будто сытая кошка.

Остальные репортеры возмущены вторжением Карлтона. Но молчат.

Карлтон взирает на меня младенчески-голубыми глазами.

— Надо же так порезаться! От уха до уха! Как же он в таком состоянии будет беседовать со святым Петром?

Коронер с гордостью заявляет:

— Пустяки, зашью — и будет как новенький. У меня это довольно хорошо получается. Большой опыт.

Карлтон энергично проходит вперед, не обращая внимания на коронера и чиркая каракули в блокноте. Он так и сыплет вопросами. Записывает, ухмыляется:

— Фу-ты ну-ты. Напоминает любовное гнездышко. Обстановочка, во всяком случае, соответствующая. Господи, да он похож на рождественский венок: жабры

зеленые, и большие красные ленты крови, завязанные запекшимися узлами.

Даже для следователя слишком; он слегка кашлянул. Жена тоже у себя в кресле в первый раз за все время утратила невозмутимость и беспокойно заерзала. Это длилось лишь секунду. И прошло. Она разгладила складку на светло-зеленой юбке, прикрывавшей согнутые колени, и бросила взгляд в сторону вновь прибывшего журналиста, словно пытаюсь привлечь его внимание.

Но репортер уже преклонил колени у алтаря моей оскверненной плоти. Холодного мраморного алтаря, искусно вырезанного руками самого Творца и лишь недавно перерезанного... кем-то.

Миссис Мак-Леод, соседка, заглядывает со двора в южное окно, привстав на цыпочки и сверкая в ночи серыми бегемотьими глазками. Ее голос звучит приглушенно, она нарочито поеживается:

— Обязательно надо написать об этом Сьюзан в Спрингфилд. То-то она будет завидовать. Таинственное убийство почти что у меня во дворе! Кому бы пришлось в голову, что такое может случиться здесь, у нас? Попомни мои слова, Анна, вот подойди, посмотри... Видишь, это детектив, вон тот мужчина с жирной шеей. Совсем не похож на детектива, по-моему. Тебе как кажется? Скорее похож на негодяя, рожа прямо злодейская. А вон, погляди на того молоденького журналиста, ну вылитый Фило Вэнс*, только помоложе. Бьюсь об заклад, именно он-то и распутает все дело. Только их никто никогда не слушает... А вон, видишь ту женщину в углу? Наверняка она была его любовницей, а никакой не женой...

— Отойдите от окна, леди!

— Знаете, мне кажется, что я имею право заглянуть!

— Леди, отойдите!

— Молодой человек, эта лужайка прямо до самого окна принадлежит мне. Это мой дом! Я лично сдала его мистеру Джеймсону.

* Вымышленный персонаж, детектив из романа Вана Дайна «Убийство Бенсона» (1926 г.).

- Леди, отойдите.
- Молодой человек...

Вернемся к тем, кто в комнате.

Репортера, Карлтона, теперь притягивает моя жена, как Солнце — планету. Он мечет в нее вопросы, а она намеренно не говорит ему ничего вразумительного. Журналист напорист, а жена сидит, прикрыв веки, такая томная и беззаботная. Из нее ничего не вытянешь, ее не удастся заморочить. Просто будет стоять на своем. Мурлыкающим голосом она повторяет: «Я вернулась домой из ночного клуба, а он лежит вот здесь на полу, глядит в потолок. Больше ничего не знаю».

Другие репортеры тоже записывают. Им ничего не удалось выудить из жены, откуда не объявился симпатичный Карлтон. Он тут же вливается в нее:

— Вы поете в ночном клубе «Бомба»?

— Да. Я очень хорошая певица. Если хотите знать, я могу взять «до» выше верхнего «до». Меня один раз даже приглашали в «Метрополитен-Опера». Я отказалась — они мне не нравятся.

У коронера есть собственное мнение по поводу этого высказывания. Но он держит его при себе. Хотя на лице у него такое же выражение, какое некогда появлялось и у меня. Как коронер, так и следователь раздражены, поскольку свет софитов переместился с них и их сцены на этот маленький никчемный дивертисмент мужчины с женщиной. Особенно уязвлен детектив — ему ничего не удалось добиться от моей жены, кроме речитатива с требованием адвоката, и вот появляется этот мальчишка-репортер...

Во дворе кто-то подсаживает к окну маленькую девочку. Ее личико на мгновение появляется в квадрате рамы.

— Смотри, детка, может, никогда больше такого не увидишь.

— Ой, мама, а что это с тем дядей?

— Отойдите, леди, прошу вас. Ну сколько можно гонять людей? Я очень устал. Всю ночь на ногах. Отойдите...

— Ой, мама!

Теперь я бессмертен! Плененный памятью ребенка, я темными ночами стану как пьяный слоняться по дрожащим закоулкам ее тела. И она будет просыпаться с пронзительным криком, раздирая простыни. Однажды ее муж почувствует красный ноготь на своей пухлой руке, и это буду я, снова цепляющийся вытянутым когтем за жизнь!

— Довольно, довольно, — встревает детектив, гневно глядя на журналиста Карлтона. — Здесь допрос веду я, а не ты! Тоже мне, хват нашелся!

У Карлтона опускаются уголки губ. Он разводит руками и слегка пожимает плечами:

— Но вы ведь хотите, чтобы в газете появился хороший репортаж, разве нет, капитан? С фотографиями? Наверняка хотите. А мне для этого нужны подробности.

Подробностей он получает в избытке. У моей жены объем бюста — тридцать три дюйма, талии — двадцать восемь, а бедер — тридцать один. Эти подробности запечатлелись у журналиста в мозговом блокноте. Кто-нибудь, напомните ему позвонить ей после похорон.

Коронер прочистил горло.

— Так вот, что касается тела...

Ага, ради Бога, джентльмены, давайте вернемся к моей персоне. А то зачем я здесь лежу?

Карлтон снова задает вопрос, точно щелкает своими худыми пальцами:

— За вами, мадам, как мне кажется, ухаживают многие мужчины?

Жена опускает ресницы и снова широко раскрывает глаза:

— Да, я всегда пользовалась успехом. Ничего с этим не могу поделать, знаете ли. Он... — кивок в мою сторону. — Он, кажется, ничего не имел против того, что за мной волочатся мужчины. Думаю, ему как бы льстило, что он женат на... породистой женщине.

Коронер быстро толкает меня под ребра, что, вероятно, является шуткой, принятой среди медиков. Он делает вид, будто тщательно меня осматривает, чтобы

не фыркнуть или не расхохотаться над ее выбором слов.

Остальные репортеры теперь гудят, как растревоженный улей. Жена не пожелала говорить с ними, но, видимо, в Карлтоне есть что-то такое... может, в выражении губ или форме плеч... Во всяком случае, коллеги сердятся. «Кончай, Карлтон, дай нам тоже попробовать!»

Карлтон поворачивается к следователю:

— А кто убил, капитан?

— Мы проверяем всех ее дружков, — отвечает детектив с умным видом, покачивая головой, словно обдумывая свои слова.

Карлтон тоже кивает, почти не слушая, весело косится на жену, торжественно просматривает свои записи, салютует моему холодному телу и выходит из комнаты.

— Благодарю, благодарю, благодарю. Сейчас вернусь. Хочу позвонить. Продолжайте работать. — И, ухмыляясь, мне: — Не жди меня, дорогой.

Хлоп. Дверь закрывается.

— Что ж, — со вздохом говорит детектив, — здесь мы, кажется, закончили. Отпечатки пальцев. Вещественные доказательства. Фотографии. Допрос. Мне сдается, тело уже...

Он внезапно умолкает, давая возможность высказаться коронеру, который, в конце концов, имеет право сделать небольшое официальное заявление.

Коронер благодарен за такую учтивость и после приличествующей глубокомысленной паузы изрекает:

— Полагаю, тело уже можно забирать. Да.

Один из оставшихся журналистов подает голос:

— Скажите, Шерлок, не кажется ли вам, что это похоже на самоубийство? Если хотите знать мое мнение...

— Не хочу, — обрывает следователь. — Как ты объяснишь колотые раны?

— Мне это представляется таким образом, — перебивает коронер. — Она возвращается домой, видит его на полу; он только что покончил с собой. Это объясняет, почему на ней нет крови, брызнувшей из перерезанной

яремной вены. Очевидно, женщина схватила оружие самоубийства и нанесла ему три удара в припадке — как бы это выразиться... — восторга? Она обрадовалась, увидев его мертвым, и дала себе волю. В колотых ранах крови нет, а это доказывает, что они были нанесены позже, после того, как обнаружили лежащий труп.

— Нет-нет, погодите! — ревет следователь. — Вы совершенно не правы! Все происходило совсем не так! Совершенно! Все не так! — Он горячится, трясет головой, и волосы падают ему на глаза. Пытается найти выход из тупика, жует сигару, бьет кулаком в ладонь. — Нет, нет и нет! Вы категорически ошибаетесь!

Коронер снова тычет меня под ребра и смотрит мне в лицо. Я отвечаю ему взглядом, в котором нет ничего, кроме холодного блеска.

— Но коронер прав! — Жена с проворством леопарда, выбрасывающего лапу, хватается за эту информацию и присваивает ее. — Он абсолютно прав!

— Подождите-ка минутку, — недовольно бормочет следователь, чувствуя, как у него из-под ног выбивают почву.

— Именно так все и было, — мурлыкая, настаивает жена и моргает большими, влажными, темными глазами. — Я вошла. Он лежал вот здесь. И... что-то... на меня нашло. Наверно, я просто схватила нож и закричала от радости, что он умер, и ударила его еще несколько раз!

— Однако, — слабо защищается детектив, — так просто не могло быть.

Он понимает, что такое могло случиться, но ему не хочется признавать это. Он вот-вот затопает ногами, как обиженный ребенок.

— Так все и произошло, — повторяет она.

— Так, так. Давайте разберемся, — растерянно бормочет следователь. Нарочно роняет сигару, чтобы потянуть время, пока поднимает и отряхивает ее, снова засовывает в рот. — Нет, ничего не получается, — устало произносит он наконец.

В разговор вмешивается коронер:

— Юная леди, вас не станут преследовать за убийство, однако подвергнут штрафу за нанесение повреждений труп!

— Да заткнитесь вы! — орет детектив, поворачиваясь то туда, то сюда.

— Хорошо, — соглашается жена. — Оштрафуйте меня. Давайте.

Журналисты кричат, создавая еще большую неразбериху.

— Это правда, миссис Джеймсон?

— Можете цитировать меня. Это правда.

— О Господи! — свирепеет следователь.

Жена своими лакированными когтями разрывает все дело в клочья, ласково, любовно, аккуратно и намеренно, а детектив лишь в изумлении разевает рот и пытается заставить ее умолкнуть.

— Парни, не обращайтесь на нее внимания!

— Но это чистая правда, — настаивает она, и в глазах ее светится честность.

— Вот видите? — ликуют репортеры.

— Всем очистить помещение! — кричит следователь. — С меня довольно!

А между тем дело закрыто. По крайней мере, так со смехом утверждают журналисты. Сверкают вспышки, моя жена при этом мило жмурит глаза. Следователь видит, как слава раскрытия преступления уплывает от него. Сделав над собой усилие, он успокаивается.

— Послушайте, парни, послушайте... Насчет этих моих фотографий для газет, сейчас...

— Какие фотографии? Ха. Точка. Восклицательный знак. Ха!

— Убирайтесь отсюда, все до единого! — Детектив с силой крошит сигару в пепельнице. Пепел и табак летят на меня. Никто их не стряхивает.

Коронер усмехается, а под окнами, затаив дыхание, стоит толпа любопытствующих. Такое впечатление, что в любую секунду могут грянуть аплодисменты.

Все кончено. Раздраженный детектив трясет головой.

— Довольно, миссис Джеймсон. Если журналистам нужна дополнительная информация, прошу пройти в участок.

В комнате движение тел; они шаркают по ковру, толпятся в дверях. «Надо же, вот это будет статья! А девочка — будь здоров, какие фотографии!»

— Алиса, быстрее, посмотри в окно. Они его сейчас унесут!

Кто-то закрывает мне лицо тряпкой.

— Черт, опоздали, теперь ничего уже не видно!

Репортеры выходят из комнаты; в небрежных жизне-радостных руках они уносят мои снимки, один даже цветной. Все торопятся, чтобы поспеть сдать материал в номер.

Я доволен. Я умер еще до полуночи, поэтому наверняка попаду в утренние газеты. Очень предусмотрительно с моей стороны.

Следователь делает гримасу. Жена встает и выходит из комнаты. Один полицейский кивает другому:

— Ты как насчет пирожков с лимонадом в «Белом бревне»?

А я не могу даже облизнуть губы.

Детектив утомленно морщит лоб. Он ничего не говорит, он думает. Судя по лицу, он подкаблучник. Ему не хочется сейчас идти домой, к жене; он предпочитает бездельничать, не возвращаться по ночам. Трупы предоставляют ему такую возможность. Я в том числе. Только теперь от меня мало толку. Придется написать обычный отчет и отправиться домой.

Остался один только коронер. Он хлопает меня по плечу:

— Тебя так никто ни о чем и не спросил? И что же, старичок, произошло? Может, тебя убила она или ее дружки, а может, ты покончил с собой из-за нее? А? Влюбленный дурак — дважды дурак.

Ну а я молчу.

Уже поздно. Коронер уходит. Возможно, у него тоже есть жена. Может быть, ему нравятся трупы, потому что они не пререкаются, как некоторые другие.

Теперь я совсем один.

Через несколько минут сюда явятся санитары в белом, жующие резинку. Они без любопытства посмотрят на меня, положат на носилки и медленно, не спеша, отвезут на труповозке в центр города.

А через неделю некий человек, озабоченный своими подоходными налогами, повернет ручку, и меня охватят языки пламени. И я вылечу в трубу крематория множеством крохотных серых пылинок.

И тогда, через неделю, всем этим людям — Карлто-ну, жене, следователю, коронеру, репортерам, миссис Мак-Леод, — когда они будут переходить улицу, резкий мартовский ветер, соблюдая забавную справедливость, запорошит чем-нибудь их проклятые глаза!

Всем сразу!

Может, крошечными хлопьями серого пепла.

ПОГИБНУТЬ ИЗ-ЗА СКУДОУМИЯ

Сказать, что эта идея пришла Коротышке в голову в тот момент, когда незнакомец попытался столкнуть его с моста Юнион-Бридж на железнодорожное полотно, означало бы погрешить против истины. По правде говоря, сам Коротышка его на это спровоцировал.

— Ну-ка, столкни меня вниз, — сказал он.

И в последний момент отпрянул в сторону, чтобы не мешать своей жертве.

Незнакомец дико закричал. Крик его заглушил свисток паровоза, который в это время проходил внизу.

Спустя несколько минут Коротышка уже разговаривал по телефону с одним малосимпатичным толстяком по фамилии Шэболд. Голос у Коротышки был самый радостный. А разговор велся в неизменно уважительном тоне с обеих сторон.

— Послушайте, Шэболд... Моя фамилия Маллиген, а прозвище — Коротышка. Я рассказывал вам про труп, который лежит под мостом Юнион-Бридж. Так вот, это — один из ваших телохранителей...

Шэболд был явно расстроен известием. Коротышка попытался его утешить:

— Понимаю, мистер Шэболд. За один месяц пострадали сразу трое ваших парней. Один из них случайно выстрелил в себя и до сих пор находится в больнице. Второго в пьяном виде задержали на Мэйн-стрит; у него из карманов торчали фальшивые банкноты. Как все это печально...

Шэболд мрачно выдавил из себя несколько язвительных слов, словно пухленький мальчик, у которого только что отняли мешок со сладостями:

— Так ты — тот самый фраер, который день и ночь отирается возле Центральной тюрьмы?

— Так оно и есть. Что же, до скорого, Шэболд...

Коротышка повесил трубку обратно на рычаг, где ей было спокойнее, и направил свои стопы к тюрьме, не обращая внимания на холодный зимний ветер. Следующий час он провел в тюрьме, болтая о разных пустяках с сержантом Полмборгом. Сам же все это время не спускал глаз с дороги, на которой, по его расчетам, должен был вот-вот появиться большой черный лимузин с тем самым толстяком, которому он сумел испортить настроение.

Вообще-то жизнь — штука довольно скучная. Но выдаются в ней вечера, вроде сегодняшнего, когда доводится общаться с самыми разными людьми, презирующими его за ничтожество. Вот такие дела!

Часом позже сержант Полмборг стоял перед главным входом тюрьмы.

— Добрый вечер, сержант Полмборг!

— Ты снова здесь? — удивился сержант, глядя на Коротышку сверху вниз. — Понятно... — Полицейский неторопливо, с достоинством раскурил трубку. — У тебя какие-нибудь неприятности?

— Никаких, — отвечал Коротышка.

Они помолчали.

— Год назад у тебя отобрали полицейский значок за то, что ты вел себя как последний дурак, — сказал сержант.

— Меня подставили, — отозвался Коротышка. — А значок был красивый, с золотым обрезом...

— К тому же, — с прежним спокойствием продолжал сержант, — ты лишился своего оружия, так что твоя кобура стала похожа на пустое ласточкино гнездо. И все же ты снова появляешься здесь, словно кошка, которая знает, чье мясо съела.

— Это довольно вкусно, — нашелся Коротышка.

— К нам только что доставили еще тепленького покойничка, — сказал Полмборг, кивая головой на вход в тюрьму. — Нашли бедолагу на железнодорожных путях. Один из охранников Шэболда. Ты, конечно же, ничего о нем не знаешь.

— Натурально не знаю.

— Выяснилось, что он один из боевиков, которые участвовали в нападении на банк в Детройте, когда было убито несколько человек. До сих пор о нем ничего не знали.

— Паровоз помог.

— Ты по уши в дерьме, парень, — с презрением произнес сержант. — Мне не известно пока что, ты ли насолил Шэболду. Но тот, кто это сделал, не отвертится. Шэболд не допустит. Он только месяц назад приехал в город, а уже пострадали трое из его людей...

Коротышка приготовился ответить сержанту, но в этот момент послышался рев мотора, заглушивший вой ветра, и — откуда ни возьмись — перед глазами возник большой черный лимузин. На заднем сиденье, развалившись на вельветовых подушках, в нем сидел Шэболд, будто огромная жирная свинья, водящая по стономам осовелыми глазками.

— Ну вот... — Коротышка взглянул на часы, — как раз вовремя. — И помахал сидевшему в лимузине Шэболду.

— Послушай, ты... — взмолился сержант, — вынь палец из носа.

Автомобиль удалился с утробным урчанием. Сержант прикусил мундштук трубки.

— Хотелось бы мне раздобыть какие-нибудь сведения об этом жулике с черного рынка, об этой куче дерьма...

— У меня есть теория, — оживился Коротышка. — Шэболд богат и всегда купался в деньгах. Так почему он стал мошенником? Ответь мне, сержант. Помнишь, что сказал один старый мудрец? Каждый человек должен отвечать за свои деяния. Так и с Шэболдом. Если сможешь раздобыть о нем порочащие сведения, он в твоих руках. Послушай-ка, сержант...

Так они беседовали, стоя на холодном ветру, и ждали. Сердце у Коротышки сильно стучало. И когда снова появился рычащий черный лимузин, сержант, повинаясь какому-то внутреннему импульсу, свистнул водителю и пошел наперерез машине. Коротышка не отставал от него ни на шаг.

Лимузин заскрипел тормозами. В окне появилось лицо Шэболда, который удивленно спросил:

— Что все это значит?

В ответ сержант улыбнулся и сказал:

— Предъявите документы.

Шэболд достал свое удостоверение личности, поблескивая золотом перстней на пухлых пальцах. Сержант удовлетворенно кивнул и тут же обратился к телохранителям босса, которые располагались на переднем сиденье лимузина.

— И ваши документы, — потребовал он.

— Э... — начал один из охранников, — мы... значит... мы так торопились... что забыли захватить их с собой.

— Так, так... — промолвил сержант. — Я обязан вас задержать до завтрашнего утра. ФБР проверит, законно ли вы находитесь на данной территории. Выходите из машины.

— До завтрашнего утра? — спросил Шэболд.

Его массивное, тучное тело с трудом переваливалось на мягких подушках сиденья. Он изучал лицо сержанта, но ничего особенного в нем не обнаружил. Затем обрушил свой гнев на телохранителей:

— Безмозглые скоты!

— А вы свободны и можете ехать, — сказал сержант Полмборг толстяку в лимузине. — Вы нам не нужны. С вами все в порядке.

Шэболд пожевал толстыми красными губами и принял решение. Не говоря ни слова, он пересел на водительское место. Коротышке вдруг вспомнился огромный серого цвета заградительный аэростат, беспомощно колыхавшийся под порывами сильного ветра. Его передвижения зависели от послушного обслуживающего персонала, который постоянно находился в тени аэростата. В данный момент веревки аэростата обрезаны, отдавать приказание было бесполезно. Все зависело от ветра. И Коротышка находился рядом, зная, что делать.

Он вскочил в лимузин и уселся на переднее сиденье, рядом с Шэболдом. Коротышка с грохотом закрыл за собой дверцу и помахал сержанту на прощание рукой.

— Эй, ты! — возмутился аэростат.

— Доброй ночи, сержант. Вы знаете, с кем я был, если вдруг завтра утром меня найдут мертвым. Запомните.

Затем Коротышка повернулся к толстяку и скомандовал:

— Поехали!

Трудно сказать, кто больше был поражен случившимся. Охранники остались стоять с открытыми ртами. Кто-то выругался. Мотор взвыл, и машина с гудением скрылась в лабиринте улиц, продуваемых злыми зимними ветрами.

Коротышка поудобнее устроился на сиденье, ерзая на нем задом и посмеиваясь.

— Не торопитесь. Нам предстоит беседовать целую ночь. Насчет того, как вам половчее убить меня, а мне — вас.

Машина замедлила ход.

— Ладно, что вы предлагаете?

— Ничего. В этом местечке, где мы сейчас находимся, нам с вами можно безопасно провести ночь. Вы же, вероятно, полагаете, что попали в пасть льва. Все видели, толстячок, как вы увезли меня куда-то в ночь. Это было частью моего грандиозного плана. Вы и пальцем не осмелитесь меня тронуть сегодня, да и завтра тоже.

Дорога шелестела под колесами лимузина.

— Я вам расскажу кое-что о себе, Шэболд. Иногда я не сплю ночами, поскольку думаю о преступниках, которые гуляют на свободе. Я не нахожу себе места от бешенства. Тогда я начинаю кое-что предпринимать. Прежде всего убеждаюсь, что передо мной настоящий преступник. Затем приступаю к действиям. В данном случае для начала я устранил ваших охранников. Иначе, если бы что-нибудь со мной случилось, вы могли бы свалить вину на кого-нибудь из них. Вы уже прибегали к таким трюкам. Но мне нужны только вы — и никто другой. Чтобы мы оставались с вами один на один в течение двадцати четырех часов, мой дорогой. Теперь ваш ход.

Казалось, ворот рубахи душит Шэболда. Его серые глаза, устремленные в одну точку, словно бы ничего не видели перед собой. Нижняя челюсть заметно дрожала.

Коротышка следил за быстро убегавшей назад дорогой.

— Вот и приехали, Шэболд, — сказал пассажир. — Здесь вам нужно остановить машину, войти в дом и взять револьвер...

Завизжали тормоза. Коротышка ударился лбом о лобовое стекло и отскочил от него, словно мячик. Шэболду это понравилось. Его тучное тело переместилось из кабины на проезжую часть. Он заковылял через улицу к дому. Коротышка трусцой направился следом.

Револьвер они искали на кухне. Коротышка охотно помогал.

— Может быть, в корзине для мусора? Нет. В холодильнике? Я знал, что возле тюрьмы вы будете без оружия. Может быть, в банке из-под джема?

Наконец Шэболд отыскал револьвер. Коротышка шел за ним обратно к машине, на ходу жуя крекеры. Ни один, ни другой не пытались даже позвонить кому-нибудь и позвать на помощь. Лимузин снова двинулся вперед, ревя мотором.

Шэболд, обретя оружие, несколько успокоился. По глазам было видно, что внутри этой туши происходит какая-то умственная работа. Шэболд увеличил скорость.

Машина стрелой пронеслась через Беверли-Хиллс. Коротышка что-то весело насвистывал. Окончив свистеть, он обратился к толстяку с просьбой:

— Мистер Шэболд, будьте добры, достаньте свой револьвер.

— Зачем?

— Просто так.

Шэболд вытащил револьвер.

— Ну и?..

Коротышка начал давать ему указания:

— Приставьте револьвер к моей груди.

Дуло револьвера с готовностью уперлось в хилую грудь Коротышки.

Пассажир подышал на свои пальцы, затем неторопливо, словно нехотя, почистил ногти о брюки на сгибе колена.

— Теперь нажмите курок.

Мотор сбавил обороты и издавал теперь какой-то хрипловатый, шелестящий звук.

Шэболд прошептал:

— О, мне бы очень хотелось нажать на курок. И всаживать в тебя пулю за пулей.

Глаза на жирной туше то открывались, то закрывались попеременно.

— Одному Богу известно, что осталось бы от такого фраера. Даже не знаю, стоило ли бы это делать.

— Стоило ли бы? — переспросил Коротышка. — Вы еще сомневаетесь, как мне кажется?

Дуло револьвера сильнее уперлось в его ребра.

— Наслаждайтесь. Поиграйте со мной. Ведь вам кажется, что в таком положении вы можете надо мной смеяться. Так что позабавьтесь. Продолжайте.

Лимузин двигался вперед очень медленно. В открытое окно дул сильный холодный ветер. Шэболд продолжал нашептывать неторопливо, ледяным тоном:

— Но я не люблю неприятностей. Мне ни к чему получить тюремный срок. Во всяком случае, не сейчас.

Он с трудом пересилил себя и убрал револьвер.

Сердце у Коротышки трепетало. Его прошиб пот.

Машина направлялась к морю. Шэболд сидел в глубокой задумчивости. Ветер доносил соленый запах волн. В вышине сияли звезды. Шэболд что-то упорно обдумывал и наконец улыбнулся. То была недобрая улыбка, и предназначалась она Коротышке. Тот как-то судорожно глотнул.

Океан встретил их грохотом прибоя на широком пляже снежно-белого песка. Шэболд остановил машину и взглянул на волны. Его мысль напряженно работала, подобно этим волнам. Он был на грани принятия какого-то решения. Когда толстяк снова заговорил, голос его был задумчивым и мягким. Все куда-то ушло — гнев, возбуждение, ярость; говорил человек, принявший твердое решение:

— Коротышка, в этом мире есть место только для одного из нас... Ты или я...

Сердце у Коротышки трепыхнулось, словно испуганная маленькая птичка, сидящая в клетке.

Шэболд начал с признаний:

— Я приехал на Побережье, чтобы продавать газ по ценам черного рынка, — начал он. — Можно вполне сказать, что я — бизнесмен. А ты становишься у меня на пути, калечишь моих людей, беспокоишь меня в любое время суток. Я решил сегодня вечером лично проследить за тем, чтобы ты наконец отправился на тот свет. Я никогда не берусь за дело в одиночку. Мне нужна помощь. Что до моих людей, то на любого из них я могу переложить свою вину, в случае, если мне будет угрожать тюремное заключение. Взять, к примеру, нападение на банк в Детройте. Органам правосудия так и не удалось доказать в нем наше участие. Когда в Форт-Уорте был убит полицейский, я велел отсидеть Луи Мартину. Так что, Коротышка, всегда найдется способ справиться с любым делом, — довольно вежливо и в то же время снисходительно сказал толстяк. — За всю свою жизнь я ни разу не попадал в тюрьму. Голова у меня работает исправно, и я этим горжусь. Ты же сегодня вечером решил застать меня врасплох,

немножко надо мной поиздеваться и, так сказать, об-работать по-своему. А потому, недомерок, — сухо закончил он, — выходи сейчас же из машины, но очень медленно, будь добр.

Револьвер снова уперся в бок Коротышки.

Коротышка аккуратно открыл дверцу и выскользнул из машины. Шэболд тяжело последовал за ним. Глаза его торжествующе сверкали.

— Прощай.

— Не будь дураком! — крикнул Коротышка.

Шэболд выстрелил. Он стрелял до тех пор, пока в барабанах не кончились патроны. Выстрел! Коротышка дернулся... Выстрел! Коротышка весь съежился. Выстрел!

В ушах зазвенело. Пули пронзительно свистели возле головы и рикошетом отскакивали от прибрежной гальки. Звезды плясали перед глазами Коротышки, словно светлячки. Снова выстрел...

Затем — тишина. Волны накатывались на берег и отступали. Белая пена на их вершинах напоминала кружева, украшавшие дамские юбки. В тишине, пропитанной запахом морской соли, слышался негромкий, самодовольный смех Шэболда.

Пальцы Коротышки, словно осторожные паучьи лапы, ощупывали грудь, живот, руки, затем схватились за лицо.

Шэболд продолжал смеяться.

— Ты еще... взгляни... на свои... ноги!

Коротышка сказал просто:

— Я жив.

— Конечно же, — подтвердил Шэболд и снова залился смехом.

Коротышка был как будто этим разочарован.

— Вы нарочно стреляли мимо!

Толстяк хохотал до слез. Он от души потешался: они с Коротышкой поменялись местами.

Шэболд снова сел в машину и, фыркая от удовольствия, вставил ключ в замок зажигания.

— Мне вовсе не нужно тебя убивать, Коротышка, — сказал он. — Я обдумывал в течение последнего часа,

как от тебя избавиться. Убить тебя, конечно, было заманчиво. Мне этого очень хотелось. Но я решил повременить. Подождать с недельку, а может, и месяц. Пока моих ребят не выпустят из тюрьмы. Тогда у меня будет железное алиби, и ты исчезнешь без следа, так что никто тебя больше не увидит. И ничего не докажут.

Он разоткровенничался:

— Никаких улик. Мне достаточно будет привезти тебя сюда и бросить. А самому вернуться домой, в свою постель, и забыть обо всем.

— В ваших рассуждениях есть лишь один логический изъян, — заметил Коротышка, просовывая в машину руку и ловко выхватывая ключ из замка зажигания. — Дело в том, что мои планы не изменились. Вы думаете, что отсрочили расправу со мной. Но кто способен изменить мои намерения? В течение многих лет вы были толстым и богатым, да к тому же известным. Я сделаю все, чтобы вас достать. Если даже это будет стоить мне жизни.

Шэболд взглянул на Коротышку так, словно тот только что свалился с Луны.

— Ты с ума сошел. Совсем сбрендил.

— Может быть.

Коротышка поиграл тихо звенящими ключами от машины.

— Если вы уедете, оставив меня здесь, я взберусь на скалы и брошусь вниз головой. При этом я могу разбиться насмерть, но, возможно, уцелею. В любом случае вам будет грозить тюремное заключение.

Шэболд ничего не мог понять из рассуждений Коротышки.

— Ты, видать, слабоумный какой-то. Несешь всякую чушь... Пора заткнуть тебе глотку.

— Ага! — торжествующе вскричал Коротышка. — Видишь? Вот ты и попался! Что бы ты ни предпринял, твоя песенка спета. Если убьешь меня, тебя поймают и вся вина ляжет только на тебя одного! Не убьешь меня — так я тебя прикончу... А может быть, прыгну со скалы — кто знает?

— Оружие есть?

— Нет, — ответил Коротышка. — Есть лишь кулаки и ноги. Тебя, Шэболд, я знаю как облупленного. Изучал довольно долго. Иначе не рискнул бы отправиться сюда в твоей компании. Другой на твоём месте пристрелил бы меня запросто. Но только не ты. Ты очень осторожный человек. Ну, шутки в сторону! Тебя когда-нибудь били в морду, Шэболд?

— Нет...

— Что же, тогда получай! — Коротышка ударил его по лицу.

— Что ты делаешь! — вскричал толстяк, хватаясь за рулевое колесо.

— Спорим, что тебя и по коленкам никогда не били, — сказал Коротышка. — Уверен, что с тобой вообще никогда ничего интересного не приключалось... Кроме одного — ты стал мошенником. Как это произошло, Шэболд?

Толстяк захлопал глазами.

— Ты слышал, о чем я спросил? — Коротышка угрожающе надвинулся на Шэболда. — Так что же случилось?

Шэболд помедлил, потом сказал:

— Это было в двадцать девятом году.

Коротышка кивнул:

— Я так и думал. За тобой ухаживали, тебя лелеяли. Ты не знал превратностей жизни. Но в двадцать девятом году тебе досталось. Ты не готов был взглянуть в лицо действительности. Ты превратился в мошенника и сохранил свое богатство, но оно уже дурно пахло. Все это мне известно. Что же, толстячок, давай пожмем друг другу руки... Представь себе, что я — жизнь, действительность, которая тебе противостоит. Именно от этого ты старался убежать в течение многих лет — от жизни, от боли, от действительности. Но вот я перед тобой. Так пожмем друг другу руки?

Коротышка стремительно вскочил на подножку машины, сунул ногу внутрь и не слишком сильно ударил Шэболда по коленкам. Сначала — не сильно.

— Мне кажется, что именно так каждый день убивают полицейских. Вернее, с этого начинают. А если убьют меня? Будет то же самое. Я развлекаюсь. Нужный мне человек — в моих руках. Получай же!

— Прекрати это! Остановись! — закричал Шэболд.

— А теперь ты попробуй меня убить! Давай же, жирный боров!

Шэболд тяжело откинулся к противоположной стенке кабины. Коротышка устремился за ним.

Шэболд дышал тяжело, с перерывами.

— Не... приставай... ко м-мне! Пошел вон! Пошел вон! — кричал он.

— Тебя никогда не душили, Шэболд? Давай попробуем!

Шэболд взревел вдруг, словно медведь, и движением одной руки откинул Коротышку в сторону. Затем он запустил в Коротышку незаряженный револьвер, но промахнулся. И тут же получил еще один удар по ногам.

— Сердишься, приятель, да? Хорошо... — Коротышка приплясывал возле машины. — Ты начинаешь заводиться, Шэболд. Это очень опасно. Раз ты теряешь выдержку, значит, решил умереть! Сейчас ты похож на устрицу, вынутую из раковины. Ее мягкое белое брюшко ничем не защищено!

Шэболд ринулся вперед и вылез из кабины. Коротышка бегал вокруг автомобиля.

— Догоняй! — крикнул он.

Толстяк схватил тяжеленный камень и метнул его в противника обеими руками, словно игрок в баскетбол — мяч. Камень угодил в крыло машины. Коротышка успел пригнуться и убежать. Взмешенный до последней крайности, Шэболд издал какой-то звериный рев во всю мощь своих легких и, нагнув по-бычьей голову, бросился в погоню. Он совершенно утратил над собой контроль. Инстинкт самосохранения куда-то отступил. Его место занял неуправляемый слепой гнев. Толстяк издал нечто, похожее на рычание:

— Ну, Коротышка! Ну, подлая тварь!

Лишь звезды в небесах были свидетелями этой странной, словно во сне, погони по глубокому прибрежному песку под аккомпанемент морского прибоя. Впереди, на расстоянии полумили, сверкало ожерелье огней, которое словно звало их к себе: то был Венецианский причал — место, где располагалось множество увеселительных заведений.

Было два часа пополудни, когда они с высунутыми языками достигли Венецианского причала. Огни увеселительных заведений погасли. На причале не было ни души.

Задышавшийся, выбившийся из сил Шэболд перешел на шаг.

— Как же я тебя ненавижу, тварь! — воскликнул он.

Соленые морские волны плескались между сваями под настилом из досок. Ноги Шэболда были покрыты грязью. Он чувствовал, что они стали тяжелыми, опухшими и старыми.

Толстяк готов уже был схватить Коротышку и протянул к нему руки, однако Коротышка ловко увернулся и упорхнул, словно легкокрылая птичка колибри.

Неожиданно где-то рядом вспыхнули яркие огни карусели. Шэболд напряг свои усталые глаза и среди соленых испарений моря различил застывших на металлических подставках лошадей. Послышались звуки каллиопы. Это Коротышка легким движением пальцев включил карусель. Лошади рванулись вперед и вверх, карусель пошла по кругу. Коротышка пристроился на ее краю и вместе с лошадьми завертелся в бешеном круговороте.

— Поди сюда, поймай меня, толстячок!

Шэболд повиновался, однако карусель равнодушно оттолкнула его. Он упал на землю. В следующее мгновение слышались шаги бегущего ночного сторожа. В свете зажженного ручного фонаря были видны большой, выступающий вперед живот и потное лицо.

— Эй, кто там балует?!

Шэболд поднялся и изо всех сил ударил сторожа. Он не хотел, чтобы в этот момент кто-нибудь мешал ему.

Ночной сторож упал, потом поднялся и побежал прочь, громко зовя на помощь.

— Ты только что убил человека, Шэболд! — назидательным тоном произнес Коротышка.

Он ходил вокруг толстяка, отступал в сторону, снова начинал кружить вокруг него, потом снова отходил. Звуки каллиопы заунывно вторили его словам.

Шэболд в отчаянии заплакал и вытянул вперед руки со скрюченными пальцами, словно желал остановить эту вращающуюся карусель, олицетворявшую для него в этот момент мир, где все ценности потеряли свое былое значение.

Карусель остановилась. Шэболд весь дрожал — у него зуб на зуб не попадал. Он промычал что-то, взобрался на карусель и снова ее включил. С криками полетел по кругу вместе с лошадьми, пытался, но не мог нигде найти Коротышку. Заметил лишь какую-то тень, которая убегала прочь среди какофонии адской музыки. Коротышка снова исчез без следа, словно легкокрылая птичка колибри...

Шэболда обнаружили на рассвете. Он сидел на карусели на самой большой лошади, которая неустанно прыгала вверх-вниз под звуки оглушительной музыки. Шэболд любил лошадей. И потому подчинился этому тяжелому, однообразному ритму карусели и послушно взлетал вверх-вниз. Ему не хотелось слезать с лошади.

Один из полицейских попытался стащить его, но Шэболд ударил стража порядка. Досталось и второму полицейскому, а затем и третьему.

Толстяка посадили в тюрьму. Несколько дней спустя Коротышка, который пришел навестить сержанта Полмборга, услышал всю эту историю из его собственных уст.

— Шэболд просто с ума сошел. Его задержали только за нарушение общественного порядка, вот и все. Но он ударил полицейского. А это уже усугубило вину. Он стучал по решетке камеры, кидался на людей, порвал

на себе одежду, выбросил свои бриллиантовые перстни, кричал... И в дополнение ко всему сломал руку какому-то парню, которого, как он утверждал, звали Коротышкой. Обрати внимание — Коротышкой. Шэболд в конце концов сознался во всем. В том, что он торговал на черном рынке, был причастен к различным убийствам и ограблениям. Казалось, он стремился сбросить с себя какой-то груз, чтобы почувствовать облегчение.

Коротышка покачал головой с философским видом:

— Все точно так, как я сказал. Мы несем ответственность за наши прегрешения. Шэболд никогда не знал реальной жизни. Между ним и действительностью стоял барьер из его жирной кожи и телохранителей. Так что же произошло? На его пути встретился я. Я был частью действительности. Я был для него неудобен. Я означал смерть, раздражение и всяческие жизненные неудобства, о существовании которых он даже не подозревал. Шэболд не мог от меня отделаться. Тогда он как бы вернулся в детство и повел себя словно капризный ребенок. Люди вроде него очень мягкотелые: стоит жизни покрепче их ударить, они сразу же сдаются без дальнейшего сопротивления... Да, сержант, все это, в общем, печально.

Коротышка слез с краешка стола, на котором сидел во время их разговора.

— Вот такие дела. Есть много способов разоблачить негодяя. Но лучше, если он сам себя разоблачит. Я го-жусь как раз для этого. Никакой я не сыщик. Просто знаю, как можно досадить людям. Такой уж у меня талант. До скорого, сержант...

— Ну а куда ты сейчас направляешься? — спросил сержант.

Коротышка нахмурился:

— В утренней газете было сообщение о том, что из Голландии поездом в час пятнадцать прибывает тот самый Корелли. Пожалуй, стоило бы пойти туда и швырнуть в него комом земли. Хочу увидеть,

какая у него будет реакция. Может, пригодится в будущем.

— Тебя могут побить, Коротышка.

— Скажи-ка, а я об этом не подумал! — сказал коротконогий пройдоха.

В следующее мгновение он был уже на улице, купаясь в лучах солнечного света.

Сержант Полмборг остался сидеть, привалившись к спинке своего служебного кресла. Он покачал головой и тихонько выругался.

ПОХОРОНЫ ДЛЯ ЧЕТВЕРЫХ

— **И**звините меня, — сказал Коротышка, — но вы похожи на преступника.

Хорошо одетый джентльмен взглянул на свои безупречные перчатки, сверкающие туфли, на свое пальто стоимостью в семьдесят долларов, которое он небрежно перекинул через руку. Затем взглянул на Маллигена по прозвищу Коротышка и предпочел удалиться, бочком обойдя говорившего.

— Ну конечно же, интеллектуального преступника, — торопливо прибавил Коротышка, не желая обидеть незнакомца. — Допускаю, что это нечто вроде улучшенной породы.

Коротышка внимательно изучал покрой платья незнакомца.

— Прекрасно, прекрасно. — Затем обратил внимание на его маникюр. — Отличный у вас мастер.

Дошло дело до прически.

— Великолепные длинные седые волосы, умело подстриженные и причесанные. Чистый воротничок. Блестяще!

— Подите-ка вы прочь, — сказал джентльмен.

— А мне не хочется, — отвечал Коротышка.

— Если вы не исчезнете, — предупредил его собеседник, — позову полицию.

— Ну, вы не похожи на такого человека, — заметил Коротышка. — То, как вы произнесли слово «позову», недвусмысленно указывает: вы сделаете это интеллигентным тихим голосом — ни один уважающий себя полицейский не станет обращать внимания. Если понадобится полиция, нужно кричать. А вы, сэр, на это не способны. Вы избегаете огласки, боитесь дурной славы и не пойдете на то, чтобы устроить кому-либо сцену. Нет, нет...

Зеленые глаза-щелочки джентльмена еще больше сузились от изумления. Было ему лет пятьдесят. Одна его рука в перчатке сжимала рукоять трости. По-видимому, он размышлял, не задать ли Коротышке трепку с ее помощью, но внезапно рассмеялся коротким смешком:

— Ступай прочь, недомерок.

— Только в том случае, если признаетесь, что вы преступник.

— Ладно, если вам так угодно, я преступник. Довольны?

Коротышка как-то странно заморгал.

— Не очень. Не слишком интересно получается. Люди, которых я встречал до сих пор, не хотели признавать себя преступниками. Так что мне приходилось бить их по коленкам или кусать их за лодыжки. Поверьте, это довольно трудно сделать. Но речь идет о вас. Для меня вы — новое явление. Человек, который признает себя везучим подонком. Мне бы не хотелось сажать вас в тюрьму.

— А вы собираетесь это сделать? — спросил седовласый джентльмен, надевая безупречную серую шляпу на аккуратно подстриженные сероватые волосы.

Коротышка пожал плечами:

— Даже и не знаю. Вы — плохой человек. Но если вы решитесь пересмотреть свое отношение к жизни, мы могли бы прийти к соглашению.

Со стороны было видно, что джентльмен, к которому прицепился Коротышка, не намного выше его самого.

Коротышка же, как известно, был совсем небольшого росточка.

Наступали сумерки. В парке вокруг росли деревья, кустарник, на скамейках сидели люди, по дорожкам бродили любители поспорить о политике. Рядом проезжали окрашенные в желтый цвет такси, двигались пешеходы. Неподалеку виднелись желтые и красные неоновые огни театра и квадратные освещенные витрины магазинов.

Джентльмен поднял голову.

— Вы — необычный человек, — сказал он. — Что-то мне в вас нравится.

— Удивительно. Большинство людей при знакомстве испытывают ко мне отвращение.

— Не хотите ли выпить со мной кофе? — предложил джентльмен. — Меня зовут Эрл Лайош. Я адвокат. Мне бы хотелось разобраться, каковы ваши жизненные интересы.

— У меня все наоборот, — сказал Коротышка, — я стремлюсь напакостить людям. Мы с вами, конечно же, можем малость поболтать... Тогда я решу, стоит сажать вас в тюрьму или нет. Договорились?

— Хорошо, хорошо, — согласился Лайош.

Они покинули парк, шагая в ногу.

На Коротышку во все глаза смотрели креветки, лежавшие на тарелке. И он в свою очередь рассматривал своих деликатесных сородичей.

Лайош очень деликатно орудовал ножами и вилками. Отрезал тонюсенькие кусочки, насаживал их на вилку, аккуратно прожевывал пищу и спокойно кивал Коротышке. Тот же проглотил свою порцию разом, будто пригоршню попкорна. Казалось, за столом работает миниатюрная мусоросжигательная машина.

— У вас есть полицейский значок? — спросил адвокат.

— У меня под рубашкой только мое сердце, — печально промолвил Коротышка. — Окружной прокурор поместил меня в рамочку и выставил в Музее ископа-

емых млекопитающих. Подотряд: частный детектив... Был несколько лет назад.

Лайош поместил на тарелку очередную креветку, затем точно и хладнокровно начал расчленять ее ножом молекула за молекулой.

— Я о вас слышал, мистер... Коротышка, не так ли? Да, да. Вас называют Коротышкой. Вы... выводите людей из себя. У вас нет в настоящее время никаких прав на это, но вы не оставляете преступников в покое. Мне припоминается один случай. Кажется, ваш брат, тоже полицейский, был зарезан несколько лет назад в Сан-Франциско. И это каким-то образом повлияло на вашу психику. Вы приятный человек, но у вас просто мания преследования тех, кто, по вашему разумению, творит черные дела.

Лайош крестообразно положил на свою идеально чистую тарелку нож и вилку. Сам же подался вперед, готовый продолжать беседу.

— А, положим, вам не хотелось бы изловить сразу трех преступников? Не одного. Не двух. Трех. Сосчитайте...

И он поднял вверх три пальца с ногтями, покрытыми лаком.

— Трех... — возбужденно выдохнул Коротышка. — Говори же, Макдафф!

Лайош вертел в руках бокал с водой.

— Разумеется, вы не получите этих троих, пока не позволите мне свободно удалиться в целости и сохранности.

— Этого-то я и опасался, — вздрогнув, произнес Коротышка. — Трое в обмен на одного. Неплохая сделка. Однако я предпочитаю всех четверых. Сначала же я не стану требовать даже этих троих, пока мы не окончим нашу словесную игру. — Он закусил губу. — Сделка состоится, хотя ее действие будет ограничено во времени.

Лайош нахмурился. Коротышка торопливо произнес:

— Я могу лишь гарантировать не трогать вас в течение трех... ладно, пусть будет в течение четырех лет.

Лайош приветливо улыбнулся.

— Но прежде всего, — продолжил Коротышка, — назовите преступников. Мне не нужны второсортные алкоголики или занюханные репортеры.

— Это я гарантирую, — сказал Лайош. — Ребята будут первый сорт, без подделки, отъявленные рецидивисты чистой воды. Вот их имена: Кельвин Драм, известнейший голливудский актер; Уильям Мэксил, который надеется стать окружным прокурором следующей весной, а также Джоуи Марсонс, известный специалист в игре на скачках и знаток лошадей.

— Бог мой! — вскричал Коротышка. — Не могу в это поверить. Скорее, мистер Лайош, едем!

Они въехали в Беверли-Хиллс в роскошном «родстере» Лайоша. По пути Лайош рассказал Коротышке некоторые подробности, касавшиеся упомянутой тройцы: как они связаны друг с другом, как помогают и защищают один другого. Но по словам Лайоша вышло, что они ему чем-то мешают.

— Эти джентльмены стоят у меня поперек горла. Мне не дышать полной грудью, пока я не уберу их со своей дороги. Так что я помогу вам, мистер Маллиген, помогу собрать против них улики.

— Удивительно, — заметил Коротышка, — эти птенчики у меня уже давно на примете. Я даже собирал на них материал.

— В самом деле? — спросил мистер Лайош, как если бы действительно не знал об этом.

Дом Лайоша белой скалой возвышался над кронами деревьев. Машина остановилась на вымощенном кирпичом въезде. Они вошли в дом, миновали холл и очутились в какой-то комнате. Все шло очень гладко, и потому Коротышка был готов к любым неожиданно-стям.

Дверь захлопнулась за ними — шелкнул замок. Коротышка подумал: «Боже мой, ловушка. Нужно было это предвидеть. Однако все становится забавным».

Тут он увидел джентльменов, играющих за столом в очко. Драм, Мэксил и Марсонс мрачно взглянули на Коротышку, когда он к ним приблизился. Их взгляды

красноречиво говорили о том, что он уже может считать себя покойником. Стоявший за спиной Коротышки мистер Лайош достал откуда-то маленький аккуратный револьверчик и деликатно приставил его к позвончику гостя.

Драм, в прошлом актер, весело закричал:

— Потрясающе! — Потом загасил сигарету, которая догорела уже до самого конца, и добавил: — Вы опоздали.

— Все потому, — вставил Коротышка, — что по пути мы навещали вашу любовницу.

Черные брови Драма взметнулись вверх.

— Что?

Лайош расхохотался:

— Не слушай его, Драм. Мы там не были.

— Она такая милашка, — заметил Коротышка.

— Если вы действительно вломились к Элис... — угрожающе произнес Драм.

— Да-да — Элис! — обрадованно сказал Коротышка, который теперь знал имя женщины и мог использовать его в дальнейшем. Он принялся осматривать своими маленькими черными, словно пуговики, глазками квадратную задымленную комнату, быстро определяя расстояния между стульями, окнами, до двери и сидящих за столом людей. Так, так, так... Готово. Четырнадцать футов на семнадцать и еще шесть футов на три, а также...

Коротышка спокойно отошел от Лайоша с его револьвером, словно тот стрелял игрушечными резиновыми пулями. Затем уселся на свободный стул, неприступно привалившись к спинке.

— Так что, Лайош, сделаем мы это сейчас или подождем, пока они уже ничего не смогут сделать?

Мэксил сидел справа от Коротышки, одетый в мешковатый деловой костюм. В профиль его двойной подбородок и чудовищное тугое брюхо просто выпирали, хотя в остальных местах жировые складки не были заметны. Под глазами у него синели мешки, также напоминавшие маленькие животики на усталом лице.

Губы у Мэксила были пухлые, и весь он был какой-то неумытый.

Слева от Коротышки располагался нервозный, ерзающий Марсонс, в лице которого угадывалось нечто лошадиное. Он сдавал карты. За столом напротив сидел уже обративший на себя внимание Драм.

— Вот что, ребята, — объявил Коротышка, — у нас в отношении вас есть некоторые планы. — Он причмокнул губами. — Мы с Лайошем решили бороться за должности: он — окружного прокурора, а я — члена городского совета. Правда, кисонька?

Лайош подошел к Коротышке и сказал:

— Помолчи, пожалуйста.

Коротышка не обратил никакого внимания на его замечание.

— Прежде всего, — продолжал он, — мы вас уничтожим, как вонючих гадов. Потом привлечем на свою сторону ваших людей и... ну вы же понимаете, что Лайош не любит быть на вторых ролях в любом деле, в том числе в отношениях с вами...

Маленький аккуратный револьвер коснулся правого уха Коротышки.

— Слушаю, сэр, — сказал Коротышка и смолк.

Лайош посмотрел на него сверху вниз. Он заговорил со своими друзьями, и при этом его аристократическое лицо выглядело несколько возбужденным.

— Не верьте ни одному его слову, — сказал он. — Это сплошная ложь. Я встретился с ним в парке, как и было нами задумано. Я прохаживался взад-вперед, пока он меня не заметил. Тут он и попался на удочку. Я обещал познакомить его с тремя преступниками — и вот мы здесь. Все очень просто.

Коротышка издал сдвленный смешок:

— Ах вы, подонки...

Мэксил пожевал кончик своей сигары.

— Хватит тебе, Коротышка. Мы выведем тебя на чистую воду. Мы наслышаны о том, что доставляешь неприятности людям, беспокоишь их. Нас тебе поссорить не удастся. Мы добрые друзья, верно, ребята?

— Да, конечно, без сомнения, точно, — с деланным энтузиазмом хором выпалили собравшиеся.

— Тебе нас не разлучить, — сказал Мэксил голосом, в котором чувствовалась твердая убежденность.

— Верно, верно, — поддержали его единомышленники.

— Тебе нас не одурачить, — заявил Мэксил.

— Не удастся, — подхватили остальные.

Коротышка подтащил стул к столу и положил на него свои маленькие ручки с подвижными, словно паучьи лапки, пальцами. Он говорил, а паучьи лапки тем временем разгуливали по столу.

— Друзья мои, неужели вы могли подумать, что я по доброй воле способен попасть в такую явную западню? И как вы могли вообразить себе, будто я поверю в сказочку, сочиненную кисулей Лайошем? Я — Коротышка! Мне казалось, ребята, что вы обо мне лучшего мнения. Может быть, я не слишком разбираюсь в жизни — кто знает, — но в пасть ко льву я бы так запросто не полез. Подумайте об этом.

И он дал им время подумать. Лайош в костюме фирмы мужской одежды «Харт, Шэфнер и Маркс» сидел, молча глотая слюну. Актер Драм нервно докуривал сигарету аж до самой золотой коронки. Марсонс шелестел колодой игральных карт. Мэксил с выражением удивления на лице ощупывал свой живот.

Выждав время, Коротышка продолжал:

— Я полез в пасть ко льву, ребята, в силу одной-единственной причины: дядюшка Лайош выложил мне солидную сумму зеленых.

«Ребята» насторожились. Коротышка быстро добавил:

— И если он меня сейчас застрелит, то это будет доказательством его вины... Значит, ему нужно, чтобы я замолчал навсегда!

Глаза Лайоша сузились до того, что стали похожи на крохотные изумруды. Его холеные пальцы судорожно сжали револьвер.

Коротышка между тем достал папиросную бумагу, кيسет с табаком и начал скручивать себе сигарету. Ему оставалось лишь насыпать табак на бумажку, и в этот момент он сказал:

— Один тип в каком-то детективном романе все время скручивал себе сигареты. Как только в разговорах возникала пауза, он брался за бумагу и табак. Я никак не мог понять, за каким дьяволом это ему было нужно. Кажется, того парня звали Сэм Спейд.

Квадратную комнату затянуло дымом. Все сидели и чего-то ждали.

Лайош осторожно кашлянул и сказал, раздувая ноздри:

— Вот к чему привели наши замыслы. Я предупреждал тебя, Мэксил, что, если нам когда-либо удастся захватить Коротышку, мы после этого греха не оберемся. Не стоило за это браться вообще. Прошло всего две минуты — и вот, полюбуйтесь, да-да, полюбуйтесь... Пресвятая Мария, что же это происходит? Он шаг за шагом натравливает нас друг на друга. Вы видите? Видите?

У Мэксила уже слипались глаза.

— Вижу, — сказал он.

Марсонс перебирал карты в колоде.

— Давайте кончать это дело. Подонок Коротышка уже много лет сует свой нос в чужие дела. Мы решили, что убьем его прежде, чем он возьмется за нас. Что ж, хорошо, давайте его убьем. Ведь мы же не хотим, чтобы следующей весной он нарушил наши планы, связанные с избирательной кампанией. Верно?

Драм выругался, сохраняя при этом приветливое выражение лица.

— Да, я тоже «за». Хотели его убить? Так давайте убьем!

— А слышали вы про мышонка, который до смерти напугал стадо слонов? — вполголоса спросил Коротышка, швырнув в сторону недоделанную сигарету. — Как-нибудь я научусь их скручивать, черт побери!.. — Он взглянул на Мэксила: — Ты хочешь стать окружным прокурором. В качестве прокурора ты будешь содейст-

зовать игорному бизнесу, особенно на киностудиях. Марсонс — твоя правая рука, король букмекеров на скачках. Драм будет главным связующим звеном с актерами и актрисами. Так что вы задумали неплохой бизнес. А в случае неудачи к вам на выручку поспешит наш незабвенный «Шанель номер 5» и обладатель лакированных ногтей — мистер Лайош.

Коротышка потер руки от удовольствия и откинулся на спинку стула.

— Но!.. — вскричал он. — У мистера Лайоша есть собственные планы: он метит на место окружного прокурора! И сегодня вечером, когда мы ехали сюда, он вручил мне тысячу баксов с условием, что прибавит к ним еще девять тысяч!

Мэксил спросил, поводя сонными глазами:

— Почему вы нам это рассказываете? Почему ничего не предприняли? Зачем зря болтать?

— Мне глубоко неприятна манера поведения мистера Лайоша. Я не люблю предателей и обманщиков, ведущих двойную игру. По моим понятиям, с ним надо поступить так же.

— Но в таком случае, — заметил Мэксил, — вы можете получить пулю в лоб.

— Я привык испытывать судьбу. Мне следовало умереть давным-давно. Пожалуй, мы можем прийти к соглашению. Скажем, вы дадите мне информацию о других преступниках, которые вам почему-то не симпатичны. И не препятствуете моим действиям относительно их. Я расчищаю вам путь, вы же оставляете меня в покое. А я не мешаю вам. Вот такую я предлагаю сделку. Единственное, что от вас требуется, — это отдать мне Лайоша. Он — подлый убийца, поверьте мне.

— На первый взгляд весьма разумное предложение. Не правда ли, Мэксил? — заметил Драм.

— Возможно, — пока еще довольно безразличным тоном сказал Мэксил, однако пробуждаясь. — Вы, Коротышка, как я вижу, пойдете на все, чтобы добраться до преступников?

— На все что угодно, — подтвердил Коротышка. — Даже если для этого потребуется защитить некоторых из них, но зато я получу возможность схватить дюжину других. Нужно уметь играть, я бы сказал.

Во время этого обмена мнениями лицо у Лайоша все больше вытягивалось и становилось все бледнее. Сказанное вызвало у него негодование, и он пытался подобрать нужные слова, чтобы возразить говорившим, но подходящие слова не приходили ему на ум.

— Он врет! — пронзительно крикнул Лайош.

Тогда Коротышка посоветовал:

— Наберите номер Рочестер-семь-шесть-одиннадцать и попросите позвать Берта. Берт вам все скажет.

Мэксил любовно посмотрел на телефон. Лайош перехватил его взгляд и забегал взад-вперед вокруг стола.

— Мы не станем никому звонить и не будем никого ни о чем спрашивать! — писклявым голосом объявил он. — Никому не будем звонить!

Мэксил стряхнул со своей сигары розовато-сероватый пепел и сказал Марсонсу:

— Позвони Рочестер-семь-шесть-одиннадцать...

— Если он дотронется до телефона, — заявил Лайош, вставая во весь рост, — я выхожу из игры! Мы больше не можем доверять друг другу!

— Это всего лишь обычный звонок в целях предосторожности, — объяснил Мэксил.

Лайош приоткрыл было рот, затем энергично его закрыл и сказал, качая головой:

— Ладно! Звоните! Валяйте!

Марсонс набрал номер и услышал на другом конце линии звуки наподобие пчелиного жужжания. Но пчелка тут же куда-то пропала: ее убил тот, кто снял трубку.

Коротышка сидел с виду очень спокойный. Драм весь подался вперед — в точности как он это делал в одной из сцен кинофильма «Любовь — это прекрасно». Мэксил, казалось, слушал своими большими глазами.

Марсонс произнес несколько нервно:

— Берт?

В наступившей тишине из трубки, которую держал Марсонс, послышался голос Берта. Он звучал в плавающем вокруг табачном дыму — негромкий, словно игрушечный, и одновременно отчетливый.

— Да? — отозвался Берт.

Марсонс быстро заморгал глазами, затем сказал в трубку:

— Я звоню вам относительно того, что произошло сегодня вечером, Берт...

— Вы хотите сказать, насчет тысячи долларов? — уточнил Берт.

Лайош судорожно глотнул, и его щеки еще сильнее побледнели, а морщины вокруг рта стали заметнее. Мэксил переломил свою сигару. Марсонс едва не уронил телефонную трубку. Драм выругался. Коротышка улыбнулся.

— Деньги Коротышки будут у меня, — сказал Берт. — Он сможет забрать их в любое время.

В наступившей тишине Марсонс повесил трубку.

— Это неправда, — проговорил Лайош, переводя взгляд с Мэксила на Драма, затем на Марсонса. — Коротышка врет!

— Ну-ка, Драм, — сказал Мэксил, — отбери у него револьвер.

Драм встал и пошел вокруг стола.

— Не подходите ко мне, — предупредил Лайош. — Все это подстроено. Послушайте!.. Дайте же мне время осознать, что происходит! Наконец, нужно придерживаться демократических правил!

Драм продолжал приближаться. Он не предполагал, что Лайош выстрелит. Лайош тоже не собирался этого делать. Но все получилось у него как-то инстинктивно. Револьвер оглушительно взревел, выбросив из дула продолговатое облачко сине-красного пламени.

— А-а-х... — произнес Драм.

Это была его лучшая реплика за все времена. Он стоял посреди комнаты с пулей в животе.

Марсонс швырнул в сторону колоду карт, которые с шуршанием разлетелись по комнате, словно голуби.

Грузный Мэксил застыл на месте. Коротышка переместился чуть в сторону, чтобы быть подальше от опасного места.

Лайош смотрел на отверстие, пробитое пулей в животе Драма, и не мог поверить своим глазам.

— Я же не хотел... — пробормотал он, исполненный изумления. В ужасе он подался назад. — Вот, держи этот револьвер, — обратился он к Марсонсу, бросая ему оружие. — Я вовсе не имел намерения стрелять! Я ни в чем не виноват! Это просто несчастный случай!

Лайоша душили рыдания.

Драм продолжал стоять на прежнем месте, и над ним витал призрак Смерти. Смерть уже пожирала его плоть, подрубала корни, которые связывали Драма с земной жизнью. Она кинулась ему наперерез с криком:

— Берегись!

И Драм рухнул, словно подрубленное гигантское дерево, оставшись лежать неподвижно.

«Один готов! — с удовлетворением подумал Коротышка. — На самом деле двое. Один мертв, второму будет предъявлено обвинение в убийстве! О, какая радость!»

Теперь все они дрожали. Даже Мэксил. Марсонса лихорадило, он был похож на испуганную пегую лошадь с белой гривой. Лайош же лежал на софе в углу комнаты в своем тщательно отутюженном костюме и, рыдая, словно женщина, вытирал слезы изысканным галстуком. Что до Коротышки, то он пребывал в необыкновенном возбуждении, словно находился на цирковом представлении, которое ему несказанно нравилось.

— Прекрати! — сказал Марсонс плачущему Лайошу. — Тебе нужно прийти в себя. Ну же, старина...

Когда рыдания не прекратились, Мэксил обернулся к Коротышке, сердце которого прыгало от восторга как сумасшедшее.

— Для чего на самом деле вы сюда пришли?

— Пришел с вами познакомиться и встретиться еще с какими-нибудь преступниками.

Мэксил закурил сигару, словно она могла помочь ему вспомнить какие-то прежние мысли и теории.

— И вы были готовы рисковать ради этого своей жизнью?

— Я и раньше ею рисковал, хотя поводы бывали намного менее значительными. Предпочитаю разобраться во всем изнутри. Прежде я пытался со стороны понять суть дела. Но изнутри оно лучше.

— В вашем рассказе, — сказал Мэксил, глядя на кончик горящей сигары, словно это должно было помочь ему точнее выразить свою мысль, — концы с концами не сходятся. Если Лайош хотел выдать нас вам, то почему вы так запросто и спокойно приехали сюда вместе? Почему не ворвались в дом, стреляя из револьвера?

Коротышка не мог решить, что же ему теперь ответить Мэксилу. Момент был самый подходящий для того, чтобы поскорее свернуть сигаретку. Он достал табак и бумагу, одновременно лихорадочно размышляя о том, что случилось, однако ничего путного в голову не приходило.

— Мы хотели сначала прийти и поговорить, чтобы усыпить вашу бдительность, — наконец произнес Коротышка. — Лайош предложил следующий план действий. Он должен был убить вас и Марсонса, потом вложить револьвер в руку Драма и застрелить его из вашего оружия. Затем следовало позвонить в полицию, а самим смыться. Лайошу требовалась моя помощь, поскольку у него могло не хватить выдержки. Он рассчитывал, что я буду драться, кричать, бегать и прыгать, нападать на вас сзади.

Мэксил задумался над этими словами. Рыдания Лайоша ненадолго смолкли, и адвокат выдавил из себя:

— Он-он... врет...

Коротышка рассмеялся:

— Пытаешься спасти свою шкуру? Драм, великий актер наших киностудий, — мертв... И кто же его убил? Не я. Не ты, Мэксил. Лайош! Вот такие дела, ребята. Вы же понимаете, что это невозможно скрыть.

Мэксил неторопливо кивнул головой.

— Но в случившемся заключено одно большое противоречие, — заметил он, выпрямляясь в кресле и поглядывая на свой живот. — Почему Лайош прекратил стрелять после того, как выстрелил в Драма? Ведь он мог прикончить и меня, и Марсонса...

Коротышка все еще возился с табаком и бумагой.

— Здесь вы правы. Верно, — согласился он.

Мэксил тоже считал, что тут есть над чем подумать, и потому сказал:

— Лайош сразу же бросил револьвер. Он не хотел убивать Драма. Это был несчастный случай. Мне кажется, что на самом деле, Коротышка, ему все это время хотелось убить тебя. А так у нас и было задумано. Он притащил тебя сюда для того, чтобы прикончить, а ты пустился в рассуждения. У нас тут внизу припасен бочонок цемента, а в Санта-Монике дожидается катер. В общем, мы хотели скормить тебя рыбам...

— Вот какие бывают случайности, черт побери! — воскликнул Коротышка. — У старины Лайоша не выдержали нервы. Всю дорогу, пока мы ехали сюда, он нашептывал: «Надеюсь, я смогу это сделать! Дай Бог, чтобы меня не подвели нервы!» Он — отъявленный мошенник, и вам не удастся доказать обратное. Так вот, послушай, Мэксил, с этой минуты я связан с вами. Мы с вами заодно. Вам приходится признать, что вы попали в дерьмо — по самую шею. Как вы думаете скрыть убийство Драма?

— Я убью тебя и вложу мой револьвер в руку Драма, а револьвер Лайоша — в твою, — сказал Мэксил.

— Я никогда не ношу оружия, — заметил Коротышка.

— Сегодня вечером у тебя был револьвер.

— Полициейским известно, что я ненавижу оружие. Если они обнаружат у меня какой-нибудь револьвер, они сразу поймут, что дело здесь нечисто. Вас привлекут к ответственности, обработают как следует... Да вы и сами знаете, что ваш Лайош распустит нюни и все им выложит. Ну и что с вами со всеми тогда будет?

Мэксил явно забеспокоился:

— Выкладывай, что ты предлагаешь?

— Нужно убить Лайоша. Сказать, что он намеренно застрелил Драма. От него все равно не будет никакого толку. Ему невозможно доверять.

С Лайошом началась новая истерика.

— Это неплохая идея, — сказал Мэксил. — Спасибо.

— Не стоит благодарности.

— Нет! — истерически крикнул Лайош.

Далее события развивались стремительно. Сами знаете — горячая кровь горячих парней... Эмоциональное напряжение в комнате достигло предела. Мэксил уже не мог усидеть в кресле.

— Нет! — снова закричал Лайош.

Коротышка посоветовал пристрелить адвоката прежде, чем у того начнется настоящая истерика. Мэксил кивнул головой в знак согласия. Достал свой револьвер и задумчиво прицелился, глядя на жертву вдоль вороненого ствола. И думал, думал, думал...

— Нет! — повторил Лайош хриплым, рвущимся изнутри голосом.

— Кто здесь командует, ты или он? — спросил Коротышка. — Давай же, Мэксил, кончай его!

И Мэксил выстрелил.

В возбужденной, безумной вселенной Коротышка пророчно вскочил на ноги.

— Марсонс, у тебя есть оружие?

— Да, — ответил Марсонс, хлопая рукой по кобуре под мышкой.

— Я буду говорить, а ты, Марсонс, пока прицелься в меня. Давай же... Достань револьвер и прицелься. Вот так, молодец.

Учащенно дыша, Коротышка лихорадочно определял дистанции и оценивал промежутки времени.

— Послушай, Марсонс, тебе не кажется странным, что в этой комнате оказалось столько убитых?

— Сядь, Коротышка! — велел Мэксил.

Вся честная компания выглядела смущенной, раздраженной, неуверенной в себе. Драм лежал, вытянувшись на ковре во весь рост, не желая ни на мгновение поверить в то, что он уже мертвец. Нет, великий и

неповторимый, единственный Кельвин Драм не мог умереть!

Лайош в свою очередь тоже не мог поверить в реальность своей смерти. На его лице были написаны гнев и возмущение, что было по меньшей мере смешно в его положении, когда жизнь уже покидала холодеющее тело! Он и Драм ушли из жизни, не веря в реальность смерти и не понимая, как такое могло с ними произойти. Ведь это было так несправедливо!

— А ну-ка, Марсонс, оглянись вокруг! — резко сказал Коротышка.

Взгляд его сверкающих черных глаз стремительно переходил с одного объекта на другой.

— Драм мертв. А почему? Его на месте застрелил Лайош! Так, а кто велел Драмe выхватить револьвер у Лайоша? Это сделал Мэксил! Он знал, что Лайош по своей натуре человек раздражительный, нервный, словно больная кошка, и что он может выстрелить, и все же велел Драмe забрать у Лайоша револьвер. Это было равносильно смертному приговору! Взгляните на Драма! Он мертв!.. Затем, в дополнение к этому несчастью, Мэксил стреляет в Лайоша. Клянусь Господом, это ясно как белый день! Все твои друзья мертвы! Ничего себе история!

— Коротышка! — крикнул Мэксил и поднялся с кресла.

— Берегись, Марсонс! — заорал Коротышка, мечась из стороны в сторону, словно хорек, который приноравливается, откуда ему сподручнее схватить противника зубами. Он кричал, пригибался, увиливал... — Стреляй в Мэксила! Стреляй в него, пока он тебя не достал!

Коротышка нырнул за спину Марсонса, закрываясь им в тот момент, когда Мэксил выстрелил. Пуля, которая предназначалась увертливому Коротышке, пробила Марсонсу бедро.

— Ты грязный ублюдок, Мэксил! — простонал Марсонс, корчась от боли и одновременно сознавая свое бедственное положение. Болевой спазм схватил его руку, и он нажал на курок. Револьвер Марсонса выстрелил трижды подряд. Все три пули угодили в Мэксила и отбросили его обратно в кресло.

Мэксил трясущимися пальцами обследовал свой живот. Глаза у него полезли на лоб, да так и застыли. Боже мой, о чем он думал, когда его неожиданно настигла смерть?! Вероятно: «У меня всегда был один пупок... А теперь взгляните! У меня их четыре! Сразу появилось три новых!»

Коротышка издал звук, похожий на рычание, вцепился пальцами в локти Марсонса и потянул его на себя. Затем сделал подножку этому джентльмену, рухнул на пол и тут же откатился в сторону. Он слышал, как со стуком упал револьвер Марсонса, а его владелец грязно выругался. Коротышка первым поднялся и что было силы ударил Марсонса ногой в лицо, показавшееся ему теперь очень и очень странным. Марсонс перевернулся на спину и застыл.

На поле битвы опустилась гробовая тишина. Коротышка стоял посреди этого побоища и вдруг понял, что впервые в жизни видит в одной комнате столько трупов с выражением удивления на лице.

Посвистывая на манер какого-то детектива из какой-то детективной истории и слегка фальшивя при этом, Коротышка покинул место действия.

Телефон-автомат в аптеке проглотил пятицентовую монету Коротышки. Он набрал нужный ему номер.

— Алло, Берт? Сегодня вечером ты отлично сыграл свою роль. Великолепно, Берт...

— Очень рад, Коротышка. Можешь рассчитывать на меня в любое время. Когда работаешь уборщиком, надоедает всю ночь подметать и мыть в одиночку. Я правильно запомнил текст, которому ты меня научил?

— В точности. И не забудь, Берт: начиная с сегодняшнего вечера текст будет один и тот же.

Берт прокашлялся.

— Это насчет тысячи долларов? Они будут у меня, пока не понадобятся Коротышке.

— Прекрасно, Берт, прекрасно. Доброй ночи, Берт.

Коротышка повесил трубку с улыбкой на лице. Выйдя из аптеки, он достал из кармана папиросную бумагу

и табак. И снова попытался скрутить сигарету. Попытки окончились, как всегда, неудачей; Коротышка все скомкал, кинул под ноги и растоптал.

— Да ну к черту! Когда-нибудь же научусь!

Мимо прошел незнакомец, который походил на грабителя банков. Коротышка окинул его внимательным взглядом.

— Эй, мистер! — окликнул он прохожего, быстро его догоняя. — Сигаретки не найдется?

ДОЛГАЯ НОЧЬ

Перед жилым домом собралась наша обычная компания: Гомес, Тони, Барон, Сэм Песочный человек и другие. Тони по привычке скакал на одной ножке, то и дело ударяя меня по руке. Наконец мне это надоело, и я сказал ему, если он не прекратит, я сделаю из него отбивную. Тони рассмеялся, широко открыв рот, так что стали видны его большие белые зубы. И начал вместо меня бить по руке Барона. Барону это не понравилось, и он довольно сильно шлепнул Тони. Тони заорал и подступил к Сэму, уже изрядно глотнувшему рому, и принялся наносить ему быстрые легкие удары.

Дело было вечером, в октябре. В такие вечера и случаются всякие истории. Бывает, кого-то избыбют, а другим и дела до этого нет. Мы ждали появления Руди Вердугоса. Он сидел в забегаловке через улицу, откуда доносились звуки музыки. Звуки эти были красными, зелеными, голубыми, розовыми — как лампочки, которые вспыхивали на панели музыкального автомата. Мы топтались на тротуаре, демонстрируя прохожим наши широчайшие брюки с моднейшими отворотами, а также кожаные сандалии — гуарачи — цвета спелого апельсина. На мне была новая черная рубаха.

— Привет, — сказал появившийся наконец Вердугос. В черной спортивной куртке, буквально висевшей на его тшедушном теле, Вердугос был парень с огоньком, и за это мы его любили.

— Руди, Руди, Руди! — заговорили мы все наперебой. Он был старше нас.

— Ладно вам, заткнитесь, — сказал он с улыбкой.

Мордочка у него была узкая, крысиная, а изо рта торчали мелкие острые зубки.

— Что вы тут делаете, ребята?

— Тебя ждали, Руди, — отвечали мы хором.

— Да? — удивился он. — Ладно, я вам кое-что покажу.

Мы взглянули на его вытянутую вперед ладонь. На ней лежал кастет.

— Что это? — полюбопытствовал кто-то из нас.

— Эх ты, недоумок, — сказал Тони. — Это кастет из латуни. Сгодится в хорошем деле.

— Такая штука нужна, чтобы как следует поколотить погромщиков, когда те явятся сюда и станут срывать с нас, пачучос*, одежду, — спокойным тоном объяснил Вердугос. Глаза же его при этом горели. — Это еще ерунда. У меня надежные связи.

— Вот это да... — удивились парни.

Я же не проронил ни слова и только наблюдал за ним.

— Держитесь ко мне поближе, — самым серьезным тоном продолжал Вердугос. — И старайтесь немного заработать.

Тут появились трое пьяных, которые громко распевали какую-то песню, шагая вдоль Темпл-стрит. Вердугос окинул их презрительным взглядом.

— Паршивые гринго, — выдавил он из себя. — Вот что я вам скажу: сегодня ночью здесь будет потасовка.

— Да!.. — дружно подхватили мы.

— В газетах пишут, — сказал я, — что прошлой ночью на берегу пачучос пырнули ножом какого-то матроса.

* Молодые американцы мексиканского происхождения из района Лос-Анджелеса, которые любят носить яркие одежды и прожигать жизнь; часто входят в местные банды. (Примеч. ред.)

— Не верь ты этим газетам, — отрезал Вердугос, сверкнув глазами. — Мы имеем право здесь жить! Разве нет?

— Конечно, конечно, Руди, — сказали мы не вполне уверенно.

Я чувствовал себя одиноким. Внезапно мне показалось, что я не знаком с этими ребятами. Я вообще толком никого не знал. Ни Тони и Гомеса, ни Вердугоса с Бароном. Не понимал, на кой черт им нужны были их дурацкие прически, зализанные назад черные, сверкающие, как у селезней, волосы.

Кто-то вскрикнул. Откуда-то повалил дым. Люди забежали вокруг трехэтажного здания, словно тараканы. Из подвального помещения полыхнуло пламя. Его красные языки взметнулись вверх, охватив старые побеленные сухие доски дома. Я услышал крик моей мамочки.

Я тоже крикнул ей в ответ и помчался вдоль аллеи.

— Не бойся, мама! Не бойся!

— Позвоните в пожарную команду! — истошно закричал кто-то.

Я наткнулся на шланг, которым поливают сад. Вокруг меня суетились люди. Мама уже спустилась на землю с третьего этажа и кричала мне:

— Фредди, Фредди, будь осторожен! Будь осторожен!

Струя воды из шланга с силой ударила в горящее дерево. Послышалось шипение. Откуда-то донесся рев пожарной сирены. Он стремительно приближался, и в следующее мгновение пожарные машины с грохотом подъехали к горящему дому. Кругом забежали пожарные. Я отошел в сторону, чтобы им не мешать. Вода хлынула из настоящих пожарных шлангов.

Вердугос с остальными парнями стояли на тротуаре с краю и смотрели на пожар.

Ко мне подошла мама.

— Ох, кого-то пожар застал внизу, в подвале! — крикнула она. — Там мертвое тело!

Я схватил маму за руки. Мы стояли и смотрели на дым, сквозь который почти ничего не было видно.

Запасные пожарные шланги лежали скрученными в одном месте и были похожи на клубок умирающих змей. Я почувствовал, что меня мутит.

Через пять минут из подвала вынесли обгорелый труп.

— Кто это? — На балконе второго этажа стояла Фанни Флорианна, громко притопывая ногами.

Мы не знали, кто погиб, даже тогда, когда подошли и посмотрели на покойника. Он был весь обгоревший, закопченный и мокрый, голова превратилась в черную головешку.

Пожарные вытащили все из его карманов и узнали имя этого человека. Это был Пескуарра, который делал ароматические свечи для магазина на Олверастрит.

Мама тяжело переступила с ноги на ногу.

— У него была беременная жена, — сказала она. — А теперь он умер... О Боже...

Я спустился в подвал. Пожарные уже ушли вперед и сгребали в кучу разные остатки к одной стене. Все было обгорелым и сырым. Меня душил дым.

Железная дверь бойлерной была открыта. Оттуда шел тяжелый запах горелой плоти и волос. Смерд ударил мне в нос, словно кулаком. Я протянул руку и взял клочок человеческих волос. И спрятал находку в карман. Пожарные были слишком заняты и не заметили этого.

Наверху жена Пескуарры в этот момент увидела обгоревшее лицо своего мужа. И завывала нечеловеческим голосом.

Меня пронзила дрожь. Я догадался: кто-то окунул голову Пескуарры в кипящую воду. А затем вытащил его оттуда, бросил где-то и поджег помещение. Все было очень похоже на несчастный случай.

Не отдавая себе отчета в том, что делаю, я швырнул мокрый пепел на бойлер. Затем, словно побитая собака, начал тяжело подниматься по ступеням наверх.

— Что с тобой? — вскричала мама, с опаской оглядывая меня с ног до головы.

— Ничего, — ответил я. — Оставь меня в покое.

Спускаясь в подвал, я не рассчитывал обнаружить что-либо особенное. Не думал, что такое может случиться. Мне было просто интересно.

Я выпроводил маму домой, а сам пошел в холл трехэтажного дома. Там пахло капустой и человеческим потом. Попасть в комнату Пескуарры не составляло никакого труда. Я удивился тому, что смог отыскать ее, бродя в дыму.

Меня шатало из стороны в сторону. Я и сам не знал, чего я ищу. Теперь Пескуарра навсегда покинул эту комнату и мог не беспокоиться относительно выплаты за нее арендной платы. Он был тихим, приятным человеком. Никогда ни с кем не разговаривал. Избегал всяческих неприятностей. Вероятно, поэтому я рассчитывал найти нечто такое, что раскрыло бы мне истину.

Я включил свет. Передо мной стояли ряды разноцветных ароматизированных свечей. И вдруг...

Кто-то шелкнул выключателем. Свет погас. Я почувствовал, как волосы у меня на голове встали дыбом, и нырнул под стол шириной в тысячу миль. Слышно было, как дверь приоткрылась. Кто-то стоял возле нее и ждал. Значит, я не был единственным человеком, который из любопытства пришел в комнату Пескуарры.

Любой зверь знает, что ему делать, если его загоняют в угол. Я тоже это знал. Каким-то чужим голосом я прошипел:

— У меня есть нож. Не входи сюда. Убирайся!

Неизвестный у дверей помедлил мгновение. Потом за ним захлопнулась дверь. Я слышал его шаги, когда он пересекал холл. Мне показалось также, что я слышал звон крошечных колокольчиков.

Я не стал торопиться вслед за незнакомцем. Я ослабился в тишине комнаты и выждал, пока высохнет испарина у меня на лбу.

Не прошло и пяти минут, как в комнате снова стало светло. Другие звуки привлекли мое внимание. На улице послышались чьи-то крики. Я быстро выбрался из комнаты Пескуарры, подбежал к пожарной лестнице и глянул вниз.

На противоположной стороне улицы, на тротуаре рядом с кафе «Счастливое место», я увидел лежавшего на земле человека, голова которого была в крови. Видимо, его сильно ударили. Тот, кто это сделал, сейчас убежал в самом конце улицы. За ним вдогонку бросилось несколько человек. Они бежали быстро, молча.

Пожарные машины, сделав свое дело, разворачивались и уезжали. Все жители дома вышли на улицу и наблюдали за ними. Среди них — Пьетро Массинелло со своими собачками, одетый в цветастую рубашку с колокольчиками, тощий пьяница Сэм с вечно затуманенным взглядом, мускулистый Джилберт Рамирес — воплощение неукротимой силы. А также Вердугос, тощий, словно церковная крыса. Собрались и другие парни. Я смотрел на них и пытался угадать, кто мог убить Пескуарру. И почему.

Каким-то резким, металлическим голосом меня позвала мама.

Я поднялся наверх, к ужину. Ничто не может сравниться с кипящим на кухонной плите острым, ароматным соусом «чили». И ничто не может сравниться со столом, на котором высится горка дымящихся мясных блинчиков «энчиладас», где стоят откупоренные бутылки с ароматным вином. А также с мамой, которая скликает своих детей на вечернюю трапезу.

Мы взгромоздились на стулья и, схватив ложки, начали накладывать на тарелки соус «чили», бобы, свинину. Все лопали так, что за ушами трещало. Кроме меня и моего брата Джо. Он стоял у окна и смотрел вниз, на улицу.

Мама подняла голову:

— Что с тобой, Фредди? — Она пододвинула ко мне блюдо с бобами в остром соусе. — Положи себе, сколько хочешь.

Острый соус был похож на кровь.

— Нет, мама, — сказал я и отодвинулся от стола, чувствуя подступающую тошноту. — Что там происходит внизу?

— Уезжают пожарные, — ответила мама, обрадованная тем, что я разговариваю.

Папа ел торопливо. У него при этом шевелились усы.

— Обошлось без большого ущерба, — заметил он. — Вот только мистер Пескуарра погиб. Нужно будет отнести им цветы. Надо же, такое несчастье...

— И это все? — спросил я.

— Конечно. А что еще?

— Как видно, ничего. А что говорит полиция?

— Они говорят, что несчастье произошло из-за бойлера. Было плохое соединение труб или что-то в этом роде. Пескуарра как раз его чинил.

Я замер, вспомнив, как швырял пепел на бойлер, пытаясь заглушить запах горелой плоти и волос. Сам не знаю, зачем я это делал. Наверное, мне просто не хотелось, чтобы миссис Пескуарра знала, что ее мужа сначала сунули в бойлер головой.

Джо все еще молча стоял у окна и смотрел вниз. Лицо у него было бледное, словно камья. Очень печальное у него было лицо. Он любил петь заунывные, неторопливые песни и хорошо играл на гитаре. Этого я не мог в нем понять. Мне нравились мелодии джаза.

Когда мама посетовала на то, что Джо ничего не ест, он ответил:

— Мамочка, сегодня вечером у нас тут будут беспорядки. И они будут продолжаться всю эту неделю. Я рад, что я не имею отношения к пачучос.

— Послушай! — сказал я, проводя пальцами по своим длинным черным волосам и чувствуя, что у меня краснеют уши. — Я тоже не имею отношения к пачучос! Но мне нравятся эти ребята!

Джо вперил в меня свой печальный взгляд. Он был молчаливым чужаком в этом шумном доме.

— Если я поймаю тебя в твоей цветастой куртке, я стащу ее с тебя собственными руками, — сказал он.

— Ну-ка, успокойтесь, вы двое! — прикрикнул на нас отец. Он жадно запихивал пищу в рот.

Мама подошла к Джо и тоже выглянула на улицу.

— Толпа собралась, — сказала она. — Ты думаешь, они вернутся сюда ночью?

— Не знаю, — ответил Джо, оглядывая улицу. — Их не так много. В основном обыкновенные хулиганы, которым нравятся разные беспорядки. Вчера вечером в Белл-Гарденс собралось пятьсот таких бездельников. Они раздели догола десятерых пачучос и затолкали их в мусорный контейнер. Бывают случаи, когда во время драк люди получают увечья. Для мексиканцев, вроде нас, мамочка, в этом нет ничего хорошего.

— Мы поотрываем им головы! — сказал я, распаляясь и краснея, словно перец «чили» на тарелках. — Они не имеют права приставать к нам только из-за того, что мы по-другому одеваемся!

— Фредди!

Я смолк, дрожа от негодования.

И тут я решился. Совершенно неожиданно. И выпалил:

— Смотрите! Смотрите! — Я достал из кармана обгоревшие волосы Пескуарры и бросил их на стол. — Взгляните, что они сделали с Пескуаррой!

— Что это? — спросила мама.

Они подошли ко мне вместе с Джо. Я рассказал им о своей находке.

В комнате словно бы разом сгустилась тьма. Мама побледнела, так что у нее сразу резко обозначились лицевые кости, а глаза стали большими и влажными. Она прижала ко рту сложенные в кулак пальцы. Джо словно бы поперхнулся, а папа перестал есть.

— Дело рук этих хулиганов, — громко заявил я. — Видите, на что они способны?!

— Нет, не могу поверить, что они это сделали, — со вздохом проговорила мама.

Джо взял в руки обгоревшие волосы. Рот его был крепко сжат. Я решил про себя, что ему полезно об этом подумать.

— Нет, они не могли, — повторила мама.

Я не был так в этом уверен. Странно, но в гневе человек может сказать такие вещи, в которые по-настоящему не верит. Есть потребность выговориться. И все кажется почти правдой.

— Нужно сообщить в полицию, — заметил Джо.

Я поднялся со стула:

— Нет. Меня в этом случае задержат. Я виноват в том, что полиция не узнала, как умер Пескуарра. Что сначала его сунули головой в бойлер. Что толку сообщать им об этом теперь? Они никого не смогут поймать.

— Извините меня, — проговорил папа.

Он выскочил из комнаты на балкон, где его вырвало. Мама тяжело опустилась на стул:

— Куда идет наш мир? И что мы должны предпринять?

Папа вернулся и остановился в дверях. Глаза у него слезились, лицо было красным.

— Я слышал разговор про немцев, — медленно проговорил он. — Это они стараются вызвать у нас беспорядки. Возможно, Пескуарра был как-то с ними связан. А может, он знал вещи, которые ему не положено было знать. Сегодня возле этого дома не было никаких чужих людей. Не нужно делать поспешных выводов. Не исключено, что Пескуарру мог убить кто-нибудь из пачучос. Подождем до утра.

Я ушел, хлопнув дверью. Спустился по лестнице и вышел в темноту, вдыхая затхлые запахи. Я старался настроить себя против хулиганов, но все мое зло прошло. Папа прав. Любой, кто знал, где находится комната Пескуарры, не мог быть чужаком, только кто-то из своих. У людей — как у термитов. Это был человек, который подошел к двери комнаты Пескуарры и ждал. Тот самый, кого я испугал, сказав, что у меня есть нож. Он-то и был убийцей.

Я услышал, что ко мне кто-то приближается тяжелой поступью. Мимо прошел мускулистый Джилберт Рамирес.

— Привет, Фредди, — сказал он и потопал дальше.

Я посмотрел ему вслед и подумал, мог ли он совершить такое. Возможно. А может быть, нет?

На улице вновь послышался страшный шум. Сквозь окно холла я увидел, что к нам опять приближается толпа народа — примерно человек пятьдесят. В основном

молодые парни лет восемнадцати-девятнадцати, но были личности и постарше. Все ребята как на подбор, крепкие. За ними двигалась толпа человек в двести.

Холодная судорога сжала мой живот, и я потерял способность здраво рассуждать. Я знал, что им было здесь нужно.

Мне захотелось закричать и швырнуть в них сверху кирпичом.

Дверь комнаты Фанни Флорианны была открыта настежь. Фанни перегородила вход в комнату своим огромным телом. На ее круглом розовом лице был написан испуг.

— Иди поскорее сюда, — быстрым шепотом сказала она мне, — пока они тебя не заметили.

Странно слышать, что такая крупная женщина говорит таким тихим голоском. Я вошел к ней.

В комнате Фанни повсюду были разбросаны астрологические карты. В мойке гонялись друг за дружкой тараканы. Почетное место занимала аккуратно заправленная постель, однако хозяйка уже многие годы не спала на кровати. Свои ночи она проводила в большом кресле, где отдыхала сидя.

Фанни захлопнула дверь.

— Космические вибрации подсказывают мне, что сегодня вечером здесь произойдут большие неприятности, — доверительно объяснила она. — Овен противостоит Тельцу и взаимодействует с Близнецами. Это будет иметь фатальные последствия. Лучше всего пораньше лечь спать.

— Всем это известно и без ваших карт.

Фанни вразвалку пошла к массивному креслу.

— Я знала, что это должно произойти, — как открытие сообщила она мне, прикрыв глаза. — Происходит вообще очень много событий. И все они не случайны.

Я ничего не ответил. Уши в жизни Фанни Флорианны играли первостепенную роль. В ней было двести девяносто фунтов веса, и в силу этого уши у нее тоже были большие. Остальное восполнялось природной про-

ницательностью. Люди вращались вокруг нее наподобие планет, обращающихся вокруг Солнца. Все приносили Фанни еду и заискивали перед ней, ожидая, что она скажет. Даже мыши отдали бы ей свой сыр, если бы захотели узнать будущее.

Кто-то вошел в холл. Я прислушивался, затаив дыхание. Фанни тоже напряглась. Шаги проследовали по длинному коридору и остановились у ее двери.

Кто-то постучался. Фанни сказала:

— Войдите...

Послышалось тоненькое позвякивание медных колокольчиков. Дверь отворилась, и на пороге перед нами предстал Пьетро Массинелло. Он, пританцовывая, вошел в комнату, сверкая объемистой лысиной. У ног его, обутых в сандалии, вертелись собачонки.

— Привет, моя королева! — пропел вошедший и поклонился. Изысканным движением руки поставил на стол тарелку с салатом. — Это для вас, ваше величество.

Я не мог не рассмеяться. Всегда трудно было понять, где кончалась его игра и начиналась серьезная беседа. Пьетро ждал, что скажет Фанни, как это всегда делали все. Даже я. Мне приходилось выполнять ее поручения. Случилось это после того, как однажды она увидела, что я курю. Если бы я отказался ей помогать, она могла сообщить о том случае моей мамочке.

Крохотные колокольчики на красной рубашке Пьетро сверкали, издавая музыкальные трели. Я смотрел на них. И вспоминал комнату Пескуарры. Тот, кто его убил, убежал оттуда, звеня маленькими колокольчиками. Но ведь Пьетро — хрупкий, согбенный старикашка.

— А теперь мне пора уходить, — пропел Пьетро, схватив одну из собачонок и кружась с нею в ритме танца. — Я танцую на Мэйн-стрит под граммофон, чтобы заработать деньги для бедных. Кто эти бедняки? Я сам. Малюю чем-нибудь ярким щеки и надеваю штаны с колокольчиками... Надеюсь, вам понравится мой салат!

Когда дверь за ним закрылась, Фанни вздохнула и сказала:

— Сегодня вечером все сошли с ума! — Ее необъятный бюст медленно колебался в такт словам. — Вечные неприятности между хулиганами и пачучос... Ты, наверное, знаешь, что все началось именно в этом доме?

— Как это? — спросил я.

С хитроватым видом она прикрыла глаза:

— Думаешь, все эти неприятности случаются сами собой? Нет... — Фанни помахала в воздухе толстым, словно сосиска, пальцем. — Такие события должны получить толчок со стороны. Как новорожденный, получающий шлепок по попе.

— А кто несет за это ответственность? — спросил я.

— Мне платят за то, что я держу язык за зубами. Если ты дашь мне немного денег, может быть, и тебе я кое-что поведаю.

— Как бы не так, — сказал я. — Это Вердугос? Он любит всякие беспорядки.

— Нет. Ему скорее всего платят другие. Более значительные, но менее известные, чем он. Платят за то, чтобы он говорил то, что говорит, и делал то, что делает.

Я сказал:

— Ходят слухи, будто эти беспорядки провоцируют нацисты. Это так?

Фанни лениво, словно гиппопотам, прикрыла одно веко.

— Может быть. Всякое может случиться. Забавно, когда ты знаешь очень много, а говоришь очень мало.

— Ты врешь! — крикнул я.

Фанни не обиделась, но это ее задело. Посмеиваясь, она сунула свою огромную руку в карман платья.

— Ты думаешь, я вру и у меня нет доказательств? Смотри сюда.

Она достала сложенную газету и развернула ее.

— Не прикасайся к ней! — предупредила она меня. — Оставайся на месте и взгляни на то, что тут напечатано.

Я взглянул на газету и присвистнул:

— Написано по-немецки!

Я не мог ни слова понять из того, что там было. Фанни торопливо спрятала газету снова в карман, но достала оттуда еще что-то — кусок какой-то материи. С изображением свастики.

Она сказала:

— Мне помогают мои астрологические формулы. Они подсказывают, куда нужно заглянуть, руководствуясь указаниями звезд. Свастику и газету я обнаружила в комнате одного человека!

— Того, кто живет в этом доме?

— Да. Ты думаешь, что в этой части нашего города живут нацистские главари? Нет. Однако время от времени они навешиваются сюда в больших автомобилях, чтобы проверить, как тут работают их агенты. И вот этим бедным агентам они платят деньги. Те, кто учиняет беспорядки, находятся среди нас. Они ведут себя и рассуждают, как и все остальные люди. Как наши знакомые. Как люди, которых мы встречаем каждый день. Эти предметы я нашла, руководствуясь моими астрологическими предсказаниями.

— В чьей комнате? — крикнул я и быстро протянул руку к карману Фанни.

Она торопливо прикрыла карман толстыми ладонями.

— Не смей! Я тебе не дам! Сейчас закричу! Если придет полиция, скажу, что нашла свастику и нацистские газеты в комнате твоего отца. Так что лучше меня не трогай!

Я отстранился от нее, наблюдая за тем, как свастика была спрятана в тот же карман, где находилась нацистская газета. Все неприятности, грозившие этому дому, напряженность, мучения и заботы, — все это было сосредоточено в запрещенной газете, которая находилась у Фанни. Я стоял и смотрел ей прямо в глаза.

— Как ты можешь спокойно сидеть здесь, в то время как люди дерутся на улицах из-за таких вот вещей?

— Какое мне до этого всего дело? — ответила Фанни. — У меня здесь собственный мир, и я нахожусь в самом его центре. Люди на улице меня не волнуют. Что они для меня сделали?

Она подалась вперед, широко улыбаясь:

— Конечно, если бы ты смог достать немного денег...

Не было смысла вести дальнейший разговор. Я повернулся к двери и крепко ухватился за ручку. Мне казалось, что теперь я в состоянии остановить беспорядки. Ведь я могу рассказать людям правду, и они должны перестать ненавидеть друг друга. Да. Но сделают ли они это?

Пожары уже начались. Может быть, я опоздал со своими откровениями.

Я распахнул дверь со словами:

— Я вернусь с деньгами!

Вышел в коридор и с треском захлопнул за собой дверь.

Я ей врал. Не было у меня никаких денег.

Мне показалось, что я слышу удалявшиеся шаги в холле.

На улицах все было спокойно. Я прислушивался к этой тишине, наступившей после того, как хулиганы направились дальше, к центру города.

И, стоя вот так в темноте, я вдруг понял, что я — единственный, кому действительно известно об убийстве Пескуарры. Конечно, мама, папа и Джо также знали об этом. Но именно я все раскрыл. Фанни, может быть, тоже прослышала кое о чем, но что от этого толку?

Меня начала бить дрожь. В темноте я быстро спустился по лестнице и споткнулся... Поняв, что это чье-то тело, я закричал. И тут же поднялся.

Но это был Сэм, который заснул прямо на полу. От него привычно разило ромом, и он лежал весь грязный и спал. Старый человек с морщинистым лицом.

Я выбежал на улицу и остановился у светофора. Дом, который я только что покинул, в темноте казался мне слишком большим и слишком мрачным. В этом доме жило довольно много людей. И один из них знал все, что касалось беспорядков, и делал все...

чтобы пачучос их затевали. Флорианна знала, кто он такой.

Был ли это Пьетро, который пел и танцевал вместе со своими твякающими собачками? Может быть, Пескуарре стало известно, что Пьетро был нацистом, и он пригрозил сообщить обо всем полиции? А за это Пьетро сунул его головой в бойлер? Или беднягу убил Вердугос? Он парень сообразительный и расторопный и к тому же любит деньги. А возможно, Сэм, который жить не может без выпивки? Ну а если это Джилберт Рамирес? Большой, неповоротливый и молчаливый... А вдруг это только видимость, а сам он парень не промах...

Неожиданно меня в плечо ударил камень. Я едва не упал. Второй камень просвистел мимо, не задев. Я помчался прочь. За мной погнались пятеро хулиганов.

— Это один из тех вшивых пачучос, который ударил Пита! — кричали они.

Я бросился бежать по аллее, перепрыгнул через какой-то забор, пересек двор, затем снова перемахнул через изгородь. Преследователи отстали: я не слышал больше их тяжелого дыхания и ругани. Я спрятался за куст и стал ждать. Сердце у меня громко стучало. Я припал к земле, готовый вскочить в любую минуту.

На меня устроили настоящую охоту, выслеживая словно дикого зверя. Но они не смогли найти меня ни по запаху чеснока и соуса «чили», ни по бешеному стуку моего сердца, который самому мне казался оглушительным.

Некоторое время спустя им надоела охота, и они ушли. Я решил вернуться домой намного позднее — через те же заборы и по тем же аллеям. По пути я останавливался и прислушивался. Издалека доносились крики людей, топот ног. Похоже было, что беспорядки снова набирают силу. И всего лишь в нескольких кварталах от нас.

Я начал пробираться вдоль аллеи к дому. Что-то заставило меня остановиться возле ступеней, которые вели вниз, в сгоревший подвал. Мне показалось, что там, внизу, кто-то лежит.

Это был мой брат Джо. Ему уже не суждено больше вступать со мной в споры. Передо мной лежало изуродованное тело Джо. На голове у него виднелась глубокая рана с запекшимися сгустками крови.

Я упал на колени перед бездыханным телом и обхватил его руками.

— Джо! Джо! — звал я его.

О Боже, мир сошел с ума... Я оказался в центре событий, не будучи ни на чьей стороне. Эта мысль поразила и потрясла меня. Очевидно, Джо спустился в подвал для того, чтобы убедиться в правдивости моих слов насчет убийства Пескуарры. Убийца, по всей вероятности, заметил, как он пробирался в подвал, и убил его, опасаясь, что Джо может позвать полицию.

Все выглядело так, будто с Джо расправились хулиганы. Как будто произошел несчастный случай. Словом, привычное дело. Вроде убийства Пескуарры. Того могли убрать за то, что он слишком много знал о происходящих здесь беспорядках. А ведь Джо на самом деле убили из-за того, что я совал нос не в свое дело. Никто и никогда не узнает, кто убил моего брата.

Ну а что будет со мной?

Кто-то потихоньку крался за мной в доме, кто-то выслеживал меня на улице, выбирая момент для того, чтобы прикончить. Если бы это случилось, в завтрашних утренних газетах появились бы броские заголовки. А это подлило бы масла в огонь, и люди еще больше бы озлобились.

И тут я решил наконец, чью сторону мне следует принять. Это мне подсказал лежавший передо мной Джо, хотя он не мог уже произнести ни слова. Он сказал мне, на чьей стороне быть. Не на стороне Вердугоса и шайки, которая слепо исполняла его приказы. Они не давали себе труда над чем-либо задумываться. В головах у них гулял ветер — и ничего больше не было. Они просто не понимали, что делали, помогая нацистам.

Я дотронулся до ладони Джо:

— Я с тобой, Джо. Честное слово. Мне жаль, что мы с тобой ссорились. Господь свидетель, честно говорю, мне жаль. Напрасно я сказал тебе обидные слова...

Я встал. Гнев кипел в моей груди, когда я поднимался по ступеням из подвала. Я не понимал, куда иду, и опомнился только тогда, когда увидел, что держу пальцами ручку двери Фанни Флорианны. Она знала все. Скрипя зубами, сжимая кулаки, я решил, что заставлю ее сказать, кто повинен в убийстве Джо. Я добуду правду, даже если мне придется убить...

Я отворил дверь в ее комнату и остолбенел. Все получилось гораздо проще. Проще, чем найти Джо. Флорианна лежала на полу, посреди комнаты, лицом вверх. Оно было синевато-бледное. Врач мог бы сказать, что она умерла от сердечного приступа.

Меня не слишком интересовало, на месте ли нацистская свастика и нацистская газета. Скорее всего их взяли.

Стоя над Фанни, я пришел к выводу, что это так. Я взглянул на ее постель, в которой Фанни не спала годами. Ведь она не могла нормально лежать. Она была настолько тучная, что не могла дышать лежа.

Вероятно, кто-то вошел в ее комнату, толкнул ее так, что она упала на пол, и не давал вставать.

А больше ничего и не требовалось. Не нужно было ее бить дубинкой, душить или стрелять. Требовалось только держать Фанни лежащей на полу, пока полнота не задушит женщину и ее округлое розовое лицо не приобретет синюшный оттенок.

Словом, все похоже на еще один несчастный случай. Все сделано очень аккуратно, чистая работа. Произошло три убийства, и все они выглядели как несчастные случаи.

Теперь в живых оставался я один.

Наверху, на третьем этаже, набирали номер на телефоне-автомате. Я потихоньку приоткрыл дверь и прислушался. Кто-то говорил шепотом. Я разобрал лишь несколько слов:

— Полиция, да... Пришлите патрульную машину. На улице лежит труп человека. Да, это все хулиганы...

Я рванулся наверх, перескакивая по три ступеньки сразу и не заботясь о том, что произвожу сильный шум.

Когда я добрался до телефона, то увидел лишь висющую на шнуре трубку, которая раскачивалась, словно

маятник. Говоривший уже убежал вниз. Я видел лишь какую-то быструю тень и крикнул что-то ей вдогонку. В холл выходило два десятка дверей, неизвестный мог скрыться в любой из них. И оттуда можно было спуститься вниз по трем лестницам. Тень исчезла.

Я вернулся к телефону и повесил трубку на рычаг. В этот момент я уже все знал. Я знал, кто убил Пескуарру. Я знал, кто был нацистом и как ловко он маскировался. Сначала убил Пескуарру. Затем — Джо. И вот теперь — Флорианну.

Сейчас наступила моя очередь. У убийцы все было точно рассчитано.

Толпа погромщиков появилась неожиданно и поднялась по лестнице. Я не успел убежать, и они меня поймали. Было их примерно человек двадцать — похоже, парни, которые учились в школе или в колледже, и явились сюда поразвлечься.

— Хватайте проклятых пачучос!

— Есть еще кто-нибудь в этом доме? Тащите их сюда!

— Стучите во все двери! Ломайте их и вытаскивайте этих ублюдков!

— Эй, вы там! Открывайте!

Меня поволокли по лестнице и дальше на улицу. Там было очень светло. Сотни автомобилей выстроились в ряд с включенными фарами. Трамваи стояли, поскольку пути были заблокированы машинами. Потоки людей двигались в разных направлениях, волнуясь, словно весенние воды. Все оживленно переговаривались и чего-то ждали. Увидев, как меня вытаскивают на улицу, толпа разразилась дикими криками.

Орудовавший у нас убийца сказал им, что в доме находятся пачучос. Вот они и пришли за мной. Сам убийца в этот момент тоже находился в толпе — смешался с ней и ждал развязки. Я пытался узнать его среди сотен лиц.

Я сопротивлялся. Брыкался и размахивал кулаками. Выкрикивал что-то хриплым голосом... Меня били в зубы, так что губы мои были в крови и распухли.

Я пытался сказать им:

— Погодите... теперь я на вашей стороне! Возьмите мою одежду и оставьте меня в покое, но дайте мне позвонить в полицию! Я знаю, кто убил моего брата! Это сделали нацисты!.. О Боже, пусть меня отпустят!

Но кругом было очень шумно. Ревели автомобильные гудки, кричали парни, звенели трамваи, кто-то свистел. И со всех сторон напирала толпа, жаждавшая увидеть, как выглядят настоящие пачучос, когда из них выпускают кишки.

Меня затащили в круг и начали с силой толкать из стороны в сторону. Я упал и почувствовал удар ногой в живот. Кто-то запустил камнем мне в спину. Я пополз назад, к стене, и в этот момент другой камень угодил мне в ногу. В толпе покатывались со смеху.

«Я же на вашей стороне, — проносилось у меня в мозгу. — Пожалуйста, позвольте мне быть с вами!»

Иногда случается, что людям во время войны не позволяют перейти на другую сторону.

Прибыла полиция. Подъехала патрульная машина, завывая сиреной. Звук ее усиливало эхо, отраженное от соседних домов.

Толпа расступилась, давая возможность полиции проехать. Во всеобщей сумятице я вырвался и помчался вдоль аллеи. Кто-то заступил мне дорогу. Я ударил его изо всей силы кулаком, потерявшим всякую чувствительность. Человек упал.

Я рыдал. Одежда на мне была порвана. Я бежал и ощущал на губах вкус крови. Снова я увидел Джо, лежавшего неподвижно в ожидании отправки в морг. Я же продолжал бежать, преследуемый разными болезненными видениями. Затем споткнулся о какую-то изгородь и упал, заполз в густой кустарник и затаился, уткнувшись носом в землю...

Только к полуночи полиция смогла очистить улицу и открыть ее для движения. Полицейские сирены были беспрестанно.

Какие-то люди пришли и забрали Джо. Я слышал, как кричала мама. Тоска разрывала мне сердце.

О мама, если бы я мог сейчас погладить тебя по голове... Если бы я ничего не сказал Джо, он был бы жив сейчас.

Но я не мог пойти к ней сразу. Оставалось дело, которое нужно было проверить. Ночь только вступала в свои права, и не все еще было кончено.

Я с трудом поднялся и пошел назад по тихим аллеям. Прохожие мне не встретились. Я вошел в кафе «Счастливое место» и остановился в дверях. Буфетчик поднял голову.

— Проваливай отсюда, малый, — сказал он, увидев мою изодранную одежду. — Ты несовершеннолетний, а сюда вот-вот нагрянет полиция.

Меня мало интересовало то, что он говорил. Я внимательно разглядывал публику, которая располагалась в кабинках.

В одной из них сидел Вердугос с какой-то пышной блондинкой. Перед ними на столе стояло пиво в бокалах. Вердугос чему-то смеялся.

Увидел я и Сэма — худого, с покрасневшими глазами. Его небритое лицо блестело от пота. Он стоял возле бара и наливал себе рому в стакан.

Был там и Пьетро Массинелло со своими крохотными колокольчиками и маленькими собачками. Он сидел на столе и лакал вино из какой-то плошки, задрав кверху рукава яркой рубашки. Колокольчики на нем вызванивали залихватскую мелодию, которая мне казалась грустной. Музыкальный автомат громко выдавал мотив «Ла Компаньера».

Я стоял и смотрел. Мне попался на глаза Джилберт Рамирес — огромный, угрюмый и сильно пьяный. Все кафе как-то болезненно пульсировало, наподобие боли в порезанной руке, которая начинает нарываться и болеть.

Я взглянул на Вердугоса и увидел, что он пьет пиво. Посмотрел на Пьетро Массинелло. Он не пил никогда. Он просто пел и танцевал, да еще дурачился. Сэм, как всегда, пил ром. То был ром особого разлива, который никто больше здесь не пил.

Музыка прекратилась, а я остался стоять в дверях подобно мухе, запутавшейся в паутине. Пот заливал мне лицо, и я усиленно моргал глазами, чтобы он не мешал смотреть.

Сэм обернулся к автомату, шаркая ногами подошел к нему и сунул в прорезь пятицентовую монету. Он не стал ее проталкивать сразу. Там на выбор было двадцать четыре мотива, и Сэм осоловелыми глазами читал названия, выбирая какой-то из них.

Я ждал. Затем подошел к нему сзади на несколько шагов и позвал:

— Сэм.

Он обернулся.

— Ты пьешь ром, Сэм, — сказал я.

— Конечно, я пью ром, — подтвердил он.

— Ты единственный из всех, кого я здесь знаю, пьешь ром.

Сэм захлопал глазами. Я чувствовал, что все посетители кафе смотрят на меня, разглядывая мою фигуру нетрезвыми глазами.

— Конечно, — сказал Сэм. — Я пью ром. Ну и что? Я сглотнул и закусил губы.

— Значит, это ты перед последними беспорядками вызвал полицию?

Сэм глянул по сторонам.

Я сказал ему:

— Ты, однако, себе на уме. Все думают, что ты просто пропойца, паршивый пьянчужка, никчемный бродяга. Где уж тут догадаться. Никто не станет подозревать старого алкоголика. Вот взгляни на Вердугоса, он ведь похож на человека непорядочного. Но такой тип, как ты... нет. Нет!

— Ты что, шутишь? — спросил Сэм.

Но было видно, что он заволновался.

— Замолчи! Дай мне закончить, — сказал я. — Ты позвонил в полицию и сказал им, где находится тело моего брата Джо. Ты позвонил в полицию для того, чтобы свалить это убийство на хулиганов. Потом ты снова спустился вниз по черной лестнице, а толпа в это время уже возвращалась. Тогда ты подсказал им, что

наверху они могут найти еще пачучос... Меня! Ты убийца, Сэм!

— Ты не можешь это доказать и не смеешь обвинять меня в убийстве! Не смеешь, черт возьми!

Я с трудом выдавливал из себя слова:

— Когда ты говорил по телефону, Сэм, в трубку попали капельки твоей слюны. Так происходит со всеми, кто говорит по телефону. Трубка становится слегка влажной. Но после тебя еще остался запах рома, Сэм! Ты — единственный в этом доме, кто пьет ром!

Лицо Сэма исказила злобная гримаса.

— Это ничего не доказывает. Зачем мне было убивать Джо?

— Первым был Пескуарра, — сказал я. — Он пригрозил сообщить в полицию насчет тебя и твоих связей с нацистами. О том, как вы провоцируете беспорядки между группами людей разных национальностей. У тебя было очень много поводов убить Пескуарру. Я как раз находился в его комнате, когда явился ты, чтобы проверить, не осталось ли каких-нибудь вещественных доказательств, которые могли бы тебя изобличить. Ты стащил у Пьетро одну из его рубашек с колокольчиками, чтобы кто-нибудь подумал, что раз звенят они, значит, крадучись идет Пьетро. Потом тебе понадобилось избавиться от меня. Ты заметил, что Джо делает что-то внизу, возле бойлера. Ты знал, что я ему все рассказал. Тогда ты убил Джо и сообщил в полицию, что это сделала толпа погромщиков...

Сэм дернулся в сторону, и я ударил его кулаком.

— Ты убил Джо и в то же время создал видимость, будто беспорядки начались с новой силой. В этом и состояла твоя задача с самого начала. Убить мексиканца и вызвать возмущение мексиканцев. Потом, возможно, убить белого человека для того, чтобы натравить белых на мексиканцев. Ты провоцировал беспорядки. А Джо был уже мертв.

Буфетчик направился к нам, обходя стойку.

Я продолжал:

— Потом ты убил Флорианну, поскольку сильно опасался, что я или полиция заставим ее проболтаться.

И потому ты сбил ее с ног, а лежа она не могла дышать и умерла. Но это выглядело как еще один несчастный случай...

Я набрал побольше воздуха в легкие.

— Итак, оставался только я, сующий нос во все дырки в этом доме. Ты пытался использовать меня точно так же, как ты использовал Джо, чтобы нацисты смогли перевернуть наш город вверх дном; оружие — беспорядки, белые против цветных. Только мне удалось спастись, Сэм, только я убежал. А ты совершил непростительную ошибку — не подумал о запахе рома в телефонной трубке! Так что теперь мы знаем, кто ты есть, Сэм. И все эти люди лишились жизни только из-за тебя. Трое умерли из-за твоего предательства, Сэм. Стоило это тех серебриков, которые ты получал? Стоило?..

Сэм быстро сунул руку во внутренний карман пиджака и начал что-то оттуда вытаскивать. Видимо, он в тот вечер хватил лишнего. Мне удалось первым достать свой нож. Я нанес ему удар, а он выстрелил — одновременно. Пуля попала в оконное стекло, осколки которого с грохотом посыпались на пол.

Сэм начал задыхаться, с удивлением глядя на нож, который торчал из его худой груди. Казалось, он не чувствует никакой боли.

Потом склонился немного вперед, пытаясь схватиться за рукоятку ножа. Его револьвер с грохотом упал на пол. Все следили за тем, как он задыхался. Затем Сэм подался назад и оперся спиной о музыкальный автомат. Приготовленная монетка скользнула в прорезь автомата. Раздался щелчок — механизм пришел в движение...

Сэм осел на пол, придерживаясь за автомат. Он уже не мог говорить: кровь ручьем хлынула у него изо рта.

Кто-то звонил в полицию. Меня била сильная дрожь. Очень хотелось позвать сюда маму.

Музыкальный автомат оглушительно заиграл. Это была веселая мелодия, но никому в кафе не было весело.

И вот я лежу в собственной постели, на третьем этаже нашего дома. Завтра день рождения Джо. Ему должен был исполниться двадцать один год. Я лежу в

постели, прислушиваясь к тому, как капает вода из крана, который я не могу как следует завернуть. Потому что на самом деле это слезы моего сердца, и они не утихают.

В комнату долетают звуки музыки. Они заглушают биение моего сердца. Это незабываемая музыка.

Та самая музыка, которая зазвучала через десять секунд после того, как окровавленный Сэм свалился на пол. Музыка, за которую он заплатил немецкой монетой и которая гремела, словно гром, еще долго после того, как Сэм умер.

Я не могу разбить эту пластинку. О матушка, в одиночку я не могу разбить эту пластинку!

КАРНАВАЛ ТРУПОВ

Случилось невероятное! Рауль отпрянул, но вынужден был смотреть в лицо действительности. Его сотрясала частая дрожь, порождаемая нервными спазмами. В ночном небе вяло и угрюмо развевались на ветру красные, голубые и желтые флаги цирка. Сверху на него смотрели невероятно толстая женщина, скелет, уроды без рук и ног. И в их взглядах были та же ужасная ненависть и угроза насилия, которые они символизировали в реальной жизни. Рауль слышал, как Роджер пытается вытащить нож из своей груди.

— Не умирай, Роджер! Держись, Роджер! — закричал Рауль.

Они лежали рядом, на теплой траве, слегка присыпанной ароматными опилками. Сквозь широкие створки главной палатки цирка, что развевались на ветру, словно кожаные крылья какого-то доисторического монстра, Рауль видел под самым куполом специальный аппарат, в котором каждый вечер Дейрдре небесной птичкой взмывала вверх. Ее имя не выходило у него из головы. Ему вовсе не хотелось умирать. Он желал Дейрдре больше всего на свете.

— Роджер, ты слышишь меня? Роджер?

Роджер нашел в себе силы кивнуть головой. Лицо его стало почти неузнаваемым от боли.

Рауль вгляделся в это лицо: черты его заострились, морщины обозначились резче. На нем проступила сильная бледность. Оно стало вызывающе красивым. Глубоко посаженные глаза, казалось, еще более потемнели. Губы были надменно изогнуты. Обозначился высокий лоб. И все это — в обрамлении длинных прядей черных волос. Видеть Роджера таким было все равно что смотреть в зеркало на свои собственные предсмертные муки.

— Кто это сделал? — Рауль сделал нечеловеческое усилие и приник помертвевшими губами к уху Роджера. — Один из этих уродов? Циклоп? Или Лал?..

— Я... я... — сквозь рыдания произнес Роджер. — Я не видел. Темнота. Кругом темнота. Что-то белое, стремительное...

Он хрипло дышал.

— Не умирай, Роджер!

— Ты только о себе и думаешь! — со свистом пробормотал Роджер. — Только о себе!

— О чем мне еще думать? Ты должен понимать мои чувства! О себе думаю!.. А что должен был бы чувствовать на моем месте любой другой? Отторгнута вторая половина привычного тела, души и всей жизни, ампутирована нога, оторвана рука! А ты говоришь, что я думаю только о себе... О Боже!

Звуки каллиопы замерли, растворяясь в ночном воздухе. Карлик Мэтьюс, который практиковался в игре на этом инструменте, подбежал к ним, обогнув палатку.

— Роджер, Рауль... Что случилось?

— Быстрее зови врача! Как можно скорее! — скороговоркой выпалил Рауль. — Роджер сильно пострадал. Его кто-то изувечил!

Карлик с криками бросился бежать, словно юркая мышь. Казалось, он отсутствовал не меньше часа, но вернулся с врачом. Тот склонился над Роджером и разорвал на его щуплой влажной груди голубую рубашку с блестками.

Рауль плотно прикрыл глаза.

— Доктор! Он умер?

— Почти, — отвечал врач. — Я не в силах ему помочь.

— Кое-что вы можете сделать, — шепотом произнес Рауль.

Он протянул руки, вцепился в халат врача, словно это могло помочь ему преодолеть страх.

— Достаньте свой скальпель! — попросил Рауль.

— Нет, — ответил врач. — Нет условий для соблюдения антисептики.

— Да, да... Умоляю, разъедините нас! Воспользуйтесь скальпелем, пока еще не поздно! Освободите меня от него! Я хочу жить! Пожалуйста!..

Вновь раздались звуки каллиопы: напряженные, шипящие и хриплые. Страшные лики смотрели с высоты цирка вниз. Из-под опущенных век Рауля показались слезы.

— Пожалуйста... Какой смысл умирать нам обоим?

Врач потянулся за черным чемоданчиком с инструментами. Лики наверху не стали отворачиваться, когда он разорвал одежду на братьях — сиамских близнецах — и обнажил худые спины Рауля и Роджера. Врач ввел им под кожу большую дозу обезболивающего препарата, чтобы подействовало наверняка. Затем принялся трудиться над тонкой прослойкой кожи и мышц, которая соединяла тела Рауля и Роджера. А они жили так, неотделимо друг от друга, уже в течение двадцати семи лет, с самого дня рождения.

Когда врач сделал первый надрез, Роджер не произнес ни звука, а Рауль вскрикнул.

В течение многих дней его мучила лихорадка. Постель под ним была влажной от пота. Рауль вскрикивал и оглядывался через плечо, чтобы перекинуться несколькими словами с Роджером... Но Роджера там не было! Роджера там уже никогда больше не будет!

Роджер находился у него за спиной в течение двадцати семи лет. Они вместе ходили, вместе падали. Вместе любили или недолюбливали что-то. Один был эхом другого, его зеркалом. Хотя отражение каждого из них в этом зеркале не всегда полностью совпадало.

Прижимаясь спиной друг к другу, они вместе противостояли окружающему миру. Теперь же у Рауля появилось такое чувство, будто он утратил какую-то защиту, словно черепаха, лишившаяся своего панциря. Или улитка, потерявшая раковину. Ему не на кого было опереться, чтобы ощутить, что кто-то оберегает его сзади. Теперь мир окружал его со всех сторон, тылы лишились прикрытия.

— Дейрдре!

В лихорадочном полусне он выкрикивал ее имя и однажды наконец увидел ее склоненной над постелью. Темные волосы девушки были собраны на затылке в тугую блестящий узел. На память приходили ее выступления под куполом цирка, когда она, одетая в облегающий костюм, бесчисленное количество раз кувыркалась там, ухватившись за прочные канаты.

— Я люблю тебя, Рауль. Роджер умер. Цирк отправляется в Сизтл. Ты сможешь нас догнать, когда поправишься. Я люблю тебя, Рауль.

— Дейрдре, не уезжай с ними!

Проходили недели. Часто он лежал без сна до рассвета, думая, что Роджер рядом, связанный с ним неразрывными узами.

— Роджер?

В ответ — тишина. Долгая и тягучая. Потом Рауль оборачивался и начинал плакать. За спиной у него был вакуум. Нужно научиться никогда не оглядываться.

Он не мог вспомнить, сколько месяцев провел на грани жизни и смерти. Боль, страх преследовали его, и он заново рождался в тишине, один — один вместо двух, — так что приходилось заново начинать жизнь.

Рауль пытался припомнить лицо или фигуру убийцы, но был не в силах. Он мучительно перебирал в памяти события дней, предшествовавших убийству: то, как Роджер оскорблял других неполноценных, несчастных уродов, попавших в цирк, его решительный отказ ладить с кем бы то ни было, даже с ним самим, Раулем... Он вздрогнул. Несчастные ненавидели Роджера, несмотря на то что сам Рауль ладил с ними. И эти

люди требовали, чтобы цирк навсегда избавился от сиамских близнецов!

Что же, их больше там не было. Один лег в землю. Второй прикован к постели. Рауль лежал и рассуждал о будущем. Если ему удастся вернуться в цирк, он станет выслеживать убийцу. Он станет жить с ним одной жизнью, видаться с отцом Дэном, владельцем цирка, снова будет целовать Дейрдре. И разберется с этими несчастными, будет внимательно вглядываться в их лица, пытаясь определить, кто из них совершил преступление. Он никому не скажет, что не видел лица убийцы в темноте ночи. Пусть убийца помучится, пытаясь догадаться, известно ли Раулю больше, чем он сам говорит!

Были сумерки — жаркий летний вечер. Рауль задыхался от удушливой вони, исходившей от животных цирка. Он тяжело и неторопливо ступал по траве, окрашенной светом заката. Непривычно было передвигаться одному, свободно, не оглядываясь постоянно назад, чтобы убедиться, что Роджер от него не отстает.

В небе загорелась первая вечерняя звезда. Впервые в жизни Рауль понял, что на него никто не обращает внимания! Ведь прежде, стоило появиться ему с Роджером, как вокруг них собирались толпы, где угодно и в любое время. А теперь люди смотрели лишь на завлекательную рекламу, порой страшноватую. К тому же Рауль заметил — и при этом у него екнуло сердце, — что рекламный холст, на котором были изображены они с Роджером, давно исчез. Между холстами образовалось пустое пространство — будто зуб выдернули из самой середины. Раулю очень не понравилось это неожиданно пренебрежительное отношение к их былой известности. Но одновременно его охватило новое ощущение обретенной индивидуальности.

Он мог бежать! Не требовалось говорить Роджеру: «Повернем здесь!» или: «Осторожно, я падаю!» И не требовалось мириться с разными язвительными замечаниями Роджера, вроде: «Какой ты неповоротливый! Нет, нет, нам в другую сторону. Я хочу идти сюда. Пошли!»

Из какой-то палатки показалось раскрасневшееся мужское лицо.

— Не может быть! Черт возьми, Рауль! Это ты? — Человек устремился навстречу вновь прибывшему. — Рауль, ты вернулся! Я не сразу тебя узнал, потому что... — Он заглянул за спину Рауля. — В общем, черт возьми, добро пожаловать домой!

— Здравствуйте, отец Дэн!

Затем они сидели в палатке отца Дэна и чокались стаканами с бренди. Отец Дэн был огненно-рыжим горластым ирландцем небольшого росточка.

— Ты молодец, что приехал, я очень рад тебя видеть. Но извини, мне нужно готовиться к представлению. Не хочется с тобой расставаться. Да, вспомнил! Дейдрре тут сильно тосковала по тебе и все время ждала. Не волнуйся, ты скоро ее увидишь. Пей тут бренди...

Отец Дэн причмокнул губами. Рауль допил обжигающий напиток.

— Я никогда не думал, что вернусь к вам, — сказал он. — Легенда гласит, что если умирает один из сиамских близнецов, то такая же участь ждет и второго. Но, полагаю, доктор Кристи провел отличную хирургическую операцию. А что, отец Дэн, полиция сильно вас беспокоила?

— Наведывались к нам несколько дней подряд. Не нашли никаких улик. А к тебе они цеплялись?

— Перед отъездом на Запад пришлось беседовать с ними целый день. Они разрешили мне отправляться куда угодно. Но вообще-то я не очень люблю общаться с полицейскими. То, что случилось, касается только Роджера, меня и убийцы. А теперь...

Рауль откинулся на спинку стула.

— А теперь?... — повторил за ним отец Дэн, судорожно сглатывая.

— Я знаю, о чем вы думаете, — сказал Рауль.

— Я? — Отец Дэн неестественно громко захохотал, фамильярно ударяя Рауля по колену. — Ты же знаешь, что я никогда ни о чем не думаю.

— Дело в том, папа Дэн, что вы об этом знаете и знаю об этом я. Мы оба знаем, что я больше не

сиамский близнец, — сказал Рауль. У него дрожали руки. — Меня зовут Рауль Чарльз Декейнз, и я безработный. Нет у меня никаких особых талантов. Немного выпиваю, плохо играю на саксофоне и иногда рассказываю какие-нибудь глупые истории. Для вас, папа Дэн, я могу ставить палатки или продавать билеты, или сгребать навоз. А в один из вечеров я мог бы прыгнуть без страховочной сетки с самой высокой трапеции. Тогда бы вы подняли цену билетов до пяти баксов. Ведь вам приходится для этого трюка приглашать каждый раз нового человека.

— Замолчи! — крикнул отец Дэн, багровея. — Что ты тут раскудахтался? Жалко стало самого себя? Я тебе скажу, Рауль Декейнз, на что ты можешь у меня рассчитывать... На тяжелую работу! Ты прав, тебе придется убирать дерьмо за слонами и верблюдами. А потом, когда ты окрепнешь, возможно, я позволю тебе работать на трапециях вместе с семьей Кондиэльяс.

— С Кондиэльясами! — Глаза у Рауля широко раскрылись — этому трудно было поверить.

— Может быть, я сказал. Возможно! — фыркнув, резко произнес отец Дэн. — И надеюсь, что в этом деле ты сломаешь себе шею. А пока пей, парень, пей!

Вход в палатку с тихим шорохом приоткрылся, и внутрь вошел темнокожий слепой индус, ощупывая руками предметы, попадавшие ему на пути.

— Отец Дэн?

— Я здесь, — ответил отец Дэн. — Входи, Лал.

Лал словно бы заколебался, втягивая в себя воздух ноздрями.

— Здесь кто-то есть? — спросил он, застывая на месте. — А... — Глаза его влажно заблестели. — Они вернулись. Я ощущаю запах их обоих.

— Вернулся только я, — с громко быющим сердцем сказал Рауль, внезапно холодея.

— Нет, — мягко, но настойчиво произнес Лал. — Я ощущаю запах вас обоих.

Лал, одетый для выступлений в потертый шелковый халат, с блестящим кинжалом у пояса, осторожно шагнул вперед, чуть вытянув перед собой руки.

— Придется забыть о прошлом, Лал.

— После всех оскорблений, которые нанес мне Роджер?! — негромко выкрикнул Лал. — О нет. После того, как вы оба украли у нас представление, обращались с нами, как с какими-то отбросами, так что нам пришлось объявить забастовку? Ты забыл?

Незрячие глаза Лала превратились в узкие щелочки.

— Тебе, Рауль, лучше покинуть нас. Если ты останешься здесь, ничего хорошего не выйдет. Я расскажу в полиции про разорванную рекламу на холсте, и тогда тебе придется несладко.

— Про разорванную рекламу?

— У входа в цирк висел холст, на котором были нарисованы вы с Роджером — желтыми, красными и розовыми красками. Мимо идущие зрители видели на холсте надпись: «СИАМСКИЕ БЛИЗНЕЦЫ». Четыре недели назад, однажды вечером я услышал треск рвущейся ткани. Я побежал на этот звук и запутался в разорванном холсте. Тогда я позвал своих товарищей. Они мне сказали, что это холст с твоим и Роджера изображением. Холст был разорван точно посередине. Оторвали как раз ту часть, где был ты. Если я расскажу об этом полиции, ничего хорошего для тебя не будет. Я сохранил оторванный кусок холста. Он у меня в палатке...

— Какое это имеет ко мне отношение? — рассердился Рауль.

— Ответить способен только ты, — тихим голосом произнес Лал. — Может, я тебя шантажирую. Если ты уедешь отсюда, я никому не скажу, кто в тот вечер разорвал холст надвое. Если же ты останешься, мне придется объяснить полиции, почему ты иногда желал Роджеру смерти и хотел от него избавиться.

— Пошел вон! — неожиданно крикнул отец Дэн. — Убирайся отсюда! Начинается представление!

Лал исчез. С шорохом закрылись створки входа в палатку.

Когда Рауль и отец Дэн допивали бренди в бутылке, началась суматоха. Сначала разошлись львы: они начали рычать, бросаться на стенки своих клеток, да так,

что трещали их железные прутья. Слоны трубили, верблюды высоко подпрыгивали в облаках поднятой ими же пыли, электричество погасло. Кругом металась люди. Лошади срывались с коновязей и носились вокруг палатки владельца цирка, усиливая всеобщее замешательство. Львы начали рычать еще громче, так что казалось, что у всех не выдержат барабанные перепонки.

Отец Дэн выругался, случайно сбросил недопитую бутылку из-под бренди на землю и выскочил из палатки наружу. Он изрыгал ругательства, размахивал руками, хватал за что попало помощников и громовым голосом отдавал приказания прямо им в уши. Кто-то громко вскрикнул, однако голос кричавшего потонул в невероятном шуме, стуке копыт животных и всеобщей неразберихе. Ужас охватил толпу, стоявшую у касс и покупавшую билеты на представление. Люди с криками бросились врассыпную. Дети визжали от страха!

Рауль схватился за столб, поддерживавший палатку, и повис на нем. Тут же мимо него пронеслось несколько обезумевших лошадей.

В следующее мгновение опять загорелся свет. Не прошло и пяти минут, как помощники собрали вместе всех лошадей. Вспотевший, раскрасневшийся, не перестававший всех клясть папа Дэн подвел итог этого переполоха, определив общий урон как незначительный. Все вокруг успокоилось. И все были в полном порядке, за исключением индуса Лала. Его нашли мертвым.

— Отец Дэн, — сказал кто-то, — идите и посмотрите, что сделали с ним слоны.

Слоны прошлись по телу Лала, и оно выглядело теперь словно небольшой темного цвета коврик, сотканный из трав. Его голова была глубоко вдавлена в опилки, окрасившиеся в красный цвет. Лал уже ничего никому не мог сказать.

Рауль вдруг почувствовал тошноту, и ему пришлось отойти в сторону, скрипя зубами. С трудом соображая, где он находится, Рауль вдруг увидел, что стоит перед балаганом, в котором они с Роджером провели десять лет своей ненормальной, кошмарной жизни в цирке.

Мгновение он колебался, затем раздвинул занавески и вошел внутрь.

В цирке сохранились знакомые запахи. Все здесь напоминало о прошлом. Крыша, подпираемая синего цвета столбами, прогибалась внутрь наподобие огромного серого брюха. Электрические лампы без абажуров освещали выдавший виды, но еще крепкий манеж, разрисованный снежинками, и прямоугольные ряды кресел, на которых расположились толстые и худые, безрукие и безногие, а то и вовсе незрячие уроды. В воздухе приглушенно жужжали «живые лампочки» — большие жирные жуки-светлячки, отбрасывавшие неровный свет на странно онемевшие, нахмуренные лица этих необычных человеческих созданий.

Уроды поглядывали на Рауля словно бы с опаской. Глаза их бегали, привычно искали, но не находили за его спиной Роджера. Рауль вдруг почувствовал жжение в том месте, где скальпель врача отделил его от брата и где навсегда остался памятный шов после операции. Ему вспомнился Роджер. Он изводил этих уродов, придумывая им оскорбительные клички.

— Привет, Тупица! — обращался он к Толстушке.

— Алло, Пучеглазый! — так он называл Циклопа.

— Это ты, «Британская энциклопедия»? — говорил он, встретив Татуированного.

— А вот и Венера Милосская! — приветствовал он безрукую блондинку.

Казалось, из могилы, из-под шести футов земли донесся раздраженный голос Роджера:

— Обрубок!

Так он обращался к безногому несчастному человеку, который постоянно сидел на подушке из вельвета малинового цвета.

— Привет, Обрубок!

Рауль в страхе зажал свой рот рукой. Неужели он сказал это вслух? Или циничный голос Роджера продолжал звучать в его мозгу?

На теле Татуированного было изображено множество человеческих голов. Они походили на толпу, устремившуюся куда-то вперед.

— Рауль! — радостно воскликнул Татуированный.

Он гордо напряг мускулы, отчего головы на его груди задвигались, словно изображая какую-то сцену из представления. Обычно он сидел очень прямо, подняв голову, поскольку Эйфелева башня, запечатленная на его спине, не должна была выглядеть наклонной. На каждой из его лопаток парили легкие голубые облачка. Он любил сводить лопатки вместе и со смехом выкрикивал:

— Гляди-ка! Эйфелева башня закрыта грозowymi облаками! Ха-ха!

Но хитрые глаза других уродцев пронзали Рауля, будто острые иглы. Вокруг него плелась паутина ненависти.

Рауль покачал головой:

— Не могу никак понять! Прежде у вас был повод нас ненавидеть. Наши выступления были эффектнее ваших. Нас ценили выше и платили нам больше. Но сейчас — почему вы до сих пор ненавидите меня?

У Татуированного на месте пупка был изображен человеческий глаз. Калека засмеялся, а глаз словно бы мигнул.

— Я тебе все объясню, — начал он. — Теперь все они ненавидят тебя еще больше потому, что ты перестал быть уродом. — Он передернул плечами. — Что до меня, то я тебе никогда не завидовал. Я ведь не урод.

Татуированный покосился на окружавшие их рожи:

— Им никогда не нравилось то, какие они есть. Они никогда не обдумывали свои выступления. За них это делали их больные органы. Что до меня, то мне всегда хватало собственных мозгов. И помогали изображенные у меня на груди канонерские лодки, прекрасные женщины на моем животе, отдыхающие на островах, и мои пальцы с вытатуированными на них цветами! Со мной все иначе, в моем случае произошло несчастье. Что же касается их, то они — результат мерзкого эксперимента природы... Я поздравляю тебя, Рауль, по случаю избавления от уродства.

Дюжина уродцев, собравшихся вокруг Рауля, издала дружный, возмущенный вопль. Похоже было, что они

впервые осознали: Рауль стал единственным из их числа, кто освободился от бремени уродства и любопытства зрителей.

— Мы объявим забастовку! — заявил задетый за живое Циклоп. — Вы с Роджером всегда были причиной неприятностей. Теперь вот и Лал погиб. Мы начнем бастовать и заставим отца Дэна выкинуть тебя вон!

Рауль, словно со стороны, услышал собственный голос.

— Я вернулся сюда только потому, что Рауля убил один из вас! — крикнул он. — Кроме того, этот цирк был и остается частью моей жизни! К тому же здесь Дейдре... Никто не запретит мне остаться и найти убийцу моего брата. А когда это произойдет и как я это сделаю — мое личное дело.

— В ту ночь все мы спали, — плаксивым голосом сообщила Толстушка.

— Да, да... Мы спали, спали... — начали вторить наперебой уродцы.

— Теперь уже слишком поздно, — заявил Небоскреб. — Ты ничего не узнаешь.

Безрукая дама взбрыкнула ногами и сказала с кривой усмешкой:

— Я его не убивала. Рук у меня нет, а держать нож я могу только пальцами ног, да к тому же лежа на спине!

— Я почти ничего не вижу! — заявил Циклоп.

— А я слишком полная, и мне трудно двигаться! — простонала Толстушка.

— Хватит вам, перестаньте! — остановил их Рауль, которому стало не по себе.

Охваченный гневом, он выскочил из-под купола и по инерции пробежал несколько футов. И тут внезапно увидел ее... Она стояла в тени и ждала его.

— Дейдре!

Она была словно видение, спустившееся с небес на землю, невесомое создание, взлетающее под купол цирка каждый вечер, вращаясь при этом наподобие пропеллера до сотни раз. Число оборотов подсчитывал

строгий инспектор манежа, говоривший скрипучим голосом:

— ...восемьдесят восемь... Еще один оборот... восемьдесят девять... Кувырок через голову... девяносто!

Правой сильной рукой она сжимала канат, пальцы ее мертвой хваткой цеплялись за петлю. Ладони, локти, бицепсы удерживали тело, помогали подбрасывать его вверх, так что ноги оказывались выше головы. Она достигала высшей точки и скользила вниз. Вверх — оборот — и вниз... И как только Дейрдре заканчивала очередной виток, внизу раздавались вздымавшиеся волной восторженные крики.

Сейчас она стояла в полутьме на фоне звездного неба, подняв свою сильную правую руку вверх и держась ею за оттяжку, чуть подавшись вперед и глядя на Рауля. Пальцы девушки то сжимали оттяжку, то отпускали.

— Они на тебя набросились, правда? — шепотом спросила она, глядя сверкающими глазами мимо него, туда, где собрались все эти несчастные.

— Я тоже имею здесь влияние, — продолжала она. — У меня ведь один из главных номеров. У нас с папой Дэном общие интересы. Так что, милый, мое слово здесь кое-что значит.

Произнеся слово «милый», Дейрдре как бы расслабилась. Ее напряженная рука скользнула вниз. Теперь она стояла перед ним опустив руки, чуть прикрыв глаза и ожидая, что Рауль подойдет к ней и обнимет. И он подошел и обнял ее.

— Жаль, что тебя тут так неласково встретили, — со вздохом сказала Дейрдре. — Мне очень жаль, Рауль.

Он чувствовал живое тепло ее тела.

— Милый, эти восемь недель показались мне десятью годами.

Тепло ее тела, близость... Как хорошо!

Рауль еще сильнее прижал ее к себе. И впервые в жизни Роджер не гнусавил у него за спиной:

— Ради Бога, кончайте все это поскорее!

В девять часов они стояли у ковровой дорожки. Зазвучали фанфары. Дейрдре чмокнула его в щеку:

— Скоро вернусь, это недолго.

Инспектор манежа объявил ее выход.

— Рауль, ты должен воспрянуть, отойти от этих уродов. Завтра у тебя репетиция с семьей Кондиэльяс.

— А может быть, эти монстры еще больше ополчатся против меня? За то, что остались при своих незавидных ролях? Они убили Роджера. Теперь, если я снова их обставлю, они доберутся и до меня!

— Черт с ними, с уродами... Пусть летит к чертям все, лишь бы мы были с тобой, — заявила Дейрдре.

Ее сильные пальцы сжимали пеньковую веревку, пропитанную смолой.

Зазвучала выходная мелодия, предварявшая номер. Девушка нахмурилась:

— Милый, тебе приходилось когда-нибудь видеть молитвенную мельницу тибетских буддистов? Один оборот мельницы означает, что совершена одна молитва, адресованная небесам...

Рауль поднял голову и взглянул вверх, на канат, на котором Дейрдре должна была повиснуть несколько мгновений спустя.

— Каждый вечер, Рауль, каждый мой оборот под куполом будет означать, что я тебя люблю, люблю, люблю... Вот так, снова и снова.

Звуки фанфар стали оглушительными.

— И еще вот что, — торопливо сказала она. — Обещай мне, что ты забудешь о прошлом. Лал умер, практически он совершил самоубийство. Отец Дэн сочинил для полиции какую-то историю, в которой твое имя даже не упоминается. Так что давай забудем обо всем этом. Полиции же известно, что Лал был слепой. Когда случился переполох из-за погасшего света, животные вырвались на свободу и раздавили Лала.

— Лал не совершал никакого самоубийства, Дейрдре. И все произошло не случайно. — Рауль говорил с трудом, стараясь не смотреть на девушку. — Когда я вернулся в цирк, настоящий убийца запаниковал и решил спрятать концы в воду. Убийца к тому же был на подозрении у Лала — еще один повод избавиться от индуса. Кто-то толкнул Лала под ноги взбешенного

слона, чтобы заставить меня прекратить поиски убийцы Роджера. Но ничего еще не кончено. Все только начинается. Лал был не из числа тех, кто кончает жизнь самоубийством.

— Но ведь он ненавидел Роджера.

— Его ненавидели все уроды. И никто не может забыть того, что нас с Роджером разъединили.

Дейдре стояла и слушала его. Снова объявили ее выход.

— Рауль, если ты прав, то они тебя убьют. Если убийца пытался направить тебя на ложный след, а ты продолжаешь его искать...

Тут она убежала — навстречу музыке, аплодисментам и шуму. И начала возноситься вверх — все выше и выше.

Из темноты выплыл цветок с большими лепестками, приблизился к Раулю и пристроился на его плече.

— А, это ты, Татуированный...

Эйфелева башня покосилась. Цветы, наколотые на руках Татуированного, боязливо затрепетали.

— Уроды, — мрачно произнес он. — Они пошли к отцу Дэну кто на чем — кто на руках, а кто и на коленях!

— Что?!

— Да. Безрукая дама орет не своим голосом, жестикулируя огромными ногами. Безногий размахивает руками, карлик взобрался на стол, Небоскреб раскачивает палатку... О Боже, они просто с ума посходили. Толстушка начала нести такое, что уши вянут! Клянусь! А Тонкий бренчит, как сломанный ксилофон!

Они утверждают, что Лала убил ты и что они заявят об этом в полицию, — продолжал Татуированный. — Полиция уже переговорила с отцом Дэном, и он убедил их, что смерть Лала — чистая случайность. Теперь эти уроды ставят ультиматум: либо отец Дэн тебя выгонит, либо они снова обратятся в полицию. Поэтому отец Дэн велел тебе без задержек явиться в его палатку. Удачи тебе, парень.

Отец Дэн плеснул виски себе в стакан, затем перевел взгляд на Рауля.

— Дело не в том, что ты делал и чего не делал, — сказал он. — Главное в том, что думают эти уроды. Они вне себя от ярости. Они утверждают, что Лала убил ты, поскольку ты знаешь правду насчет того, как все случилось с тобой и твоим братом...

— Правду! — вскричал Рауль. — А в чем состоит эта правда?

Отец Дэн не мог смотреть ему прямо в глаза, он отвел взгляд в сторону.

— Они говорят, что тебе надоел брат, что ты устал быть привязанным к нему, словно лошадь к дереву, и что ты... что ты убил своего брата, чтобы стать свободным... Вот что они говорят!

Отец Дэн вскочил и начал взволнованно ходить взад-вперед по опилкам под ногами.

— Я этому до сих пор не верю. Пока...

— Значит, по-вашему, — взорвался Рауль, — я мог рискнуть это сделать?

— Послушай, Рауль, рассуди сам... Если кто-то из уродов убил Роджера, то почему ты остался жив? Почему он не убил и тебя? Зачем ему было рисковать, давая тебе возможность впоследствии отомстить? Не из-за того же, что ты такой красавчик. Черт побери... Никто из уродов Роджера не убивал.

— Может быть, убийца испугался. Хотел, чтобы я остался жить и страдал. Это была бы ирония судьбы, понимаете? — пытался возражать обескураженный Рауль.

Отец Дэн прикрыл глаза.

— Я смотрю немножко дальше, — промолвил он, помогая себе жестом руки. — А что ты скажешь насчет найденного Лалом разорванного холста, где вы были нарисованы вместе с Роджером? Выходит, неизвестному хотелось, чтобы Роджер умер, а ты остался жив. Так, может, ты заплатил кому-то из уродов, чтобы они выполнили эту работу за тебя? Потому что тебе не хватило духу убить самому?

Отец Дэн быстро ходил по палатке.

— А после того когда дело было сделано, твой друг-убийца торжествующе разорвал холст на две половины!

Отец Дэн остановился, глубоко вдохнул и посмотрел на мрачное, с кровоподтеками лицо Рауля.

— Ладно, — громко проговорил он, — может быть, я пьян. Может, сошел с ума. Так что, возможно, ты его и не убивал. В любом случае тебе придется отсюда убираться. Я тебя очень люблю, Рауль, но не хочу из-за тебя рисковать. Не могу себе позволить ставить под угрозу судьбу цирка.

Рауль встал, пошатываясь. Казалось, земля ходила под ним ходуном. В ушах был страшный шум. Словно со стороны он слышал собственный какой-то странный голос:

— Дайте мне еще два дня, отец Дэн. Больше мне ничего от вас не нужно. Когда я найду убийцу, все успокоится. Обещаю. Если я его не найду, я уйду из цирка. Это я тоже вам обещаю.

Отец Дэн с мрачным видом разглядывал носок своего ботинка с налипшими опилками. Потом он выпрямился с таким же невеселым видом:

— Ладно, даю два дня. Но это все. Два дня — и ни минутой больше. Ты сильный человек, сиамский близнец номер два, тебя так просто в бараний рог не согнешь...

Они выехали из спящего города верхом на лошадях, следуя изгибам ручья, болтали без умолку и целовались, примолкнув. Рауль рассказал Дейрдре об отце Дэне, о разорванном на две части холсте, о Лале, а также о том, какая опасность угрожает его будущей работе в цирке. Она всматривалась в лицо Рауля, взяв его в ладони.

— Милый, давай уедем. Я не хочу, чтобы ты подвергался опасности.

— Осталось всего два дня. Если я найду убийцу, мы можем здесь остаться.

— Но ведь есть же другие цирки, другие города. — Ее серые глаза выражали муку. — Я пошлю к черту свою работу, лишь бы ничто нам не угрожало. — Она схватила его за плечи. — Какое значение может сейчас иметь для тебя Роджер?

И прежде чем он понял, что она делает, Дейдрре в темноте ночи повернула его к себе спиной, притянула за локти и прижалась своей гибкой талией к его изуродованной спине.

— Теперь ты мой, впервые в жизни, один на один, — тихо прошептала она. — Не покидай меня.

Медленно Дейдрре разжала объятия, но он обернулся к ней и вновь обнял.

— Не покидай меня, Рауль, — тихо повторила она. — Я не хочу, чтобы что-то снова нам мешало...

Неожиданно на Рауля нахлынули воспоминания. Ему припомнилось, как однажды Дейдрре спросила Роджера, почему бы им не обратиться к хирургу и не сделать операцию. Из глубин памяти Рауля всплыло лицо брата, который насмешливо, а скорее цинично улыбнулся и возразил ей:

— Нет, моя дорогая Дейдрре, нет. На такую операцию требуется согласие обоих близнецов. Я против.

Рауль поцеловал Дейдрре, стараясь забыть резкий ответ Роджера. Он вспомнил, как Дейдрре первый раз его поцеловала, а Роджер внезапно выпалил:

— Не так нужно с ней целоваться, Рауль! Дай-ка я тебе покажу, как это делается! Вы позволите? Нет-нет, Рауль, так целоваться не романтично! Вот так лучше. Вы не против моего вмешательства? — Он фыркнул, изображая смехок. — А так, пожалуй, уже слишком.

— Замолчи, заткнись! — вскричал Рауль.

Сейчас, чтобы стряхнуть с себя эти назойливые воспоминания прошлого, он снова ринулся в объятия Дейдрре...

Утром Рауль проснулся с непреодолимым желанием бежать отсюда: взять Дейдрре, собрать вещи, сесть в поезд и немедленно уехать, чтобы навсегда забыть все, что их окружало. Он начал беспокойно метаться по гостиничной комнате.

«Уехать, — думал он, — оставить все и никогда больше не узнать, что стало со второй половиной твоего существа? Забыть о Роджере, похороненном на кладбище в сотнях миль от тебя? Нет, я должен все выяснить...»

Раздался звук трубы, возвещавшей наступление полудня. У дощатых столов выстроились в ряд разномастные подхалимы, уроды, шпионы, лгуны, зазывалы и бродяги. Рауль рассеянно тыкал вилкой в какое-то мясное блюдо на тарелке. Был один способ найти убийцу. И способ верный.

— Сегодня, — негромко проговорил Рауль, — я сдам убийцу моего брата в полицию.

Татуированный едва не уронил вилку.

— Ты это серьезно говоришь?

— Передайте-ка мне кекс с белым верхом, — попросили рядом. Мимо хмурого лица Рауля проплыл кекс.

— Я выжидал все это время, с тех пор, как вернулся. Пытался определить, кто же из вас убийца. Я видел его лицо в ту ночь, когда он набросился на Роджера. Я не сказал об этом полиции. Вообще об этом никому не говорил. Я ждал — просто ждал, — когда наступит подходящее время, чтобы рассчитаться с ним в удобном месте. Я не хотел, чтобы за меня это сделала полиция. Предпочитал рассчитаться лично, так, как я хочу.

— Так это был не Лал?

— Нет.

— И ты допустил, чтобы Лала убили?

— Не думаю, что здесь можно было что-то сделать. Ему следовало больше помалкивать. Мне очень жаль Лала. Но сегодня вечером возмездие свершится. Я лично передам полиции тело убийцы. Будет доказано, что я убил его в порядке самозащиты. Они не станут меня задерживать. Пусть этот подлый человек знает...

— А если он первый тебя достанет?

— Я уже и так мертв наполовину. Я готов ко всему.

Рауль подался вперед, держа Татуированного за синюю руку.

— Ты, конечно же, никому об этом не расскажешь?

— Кто? Я? Ха-ха... Только не я, Рауль.

Эту сенсационную новость Татуированный сообщил Тупице. Тот — Скелету. Скелет — Безрукой. Она — Циклопу. Циклоп — Недомерку и далее по кругу. Рауль предвидел, что так оно и будет. И знал, что теперь-то

дело дойдет до логического конца: либо он одолеет убийцу, либо убийца одолеет его. Все очень просто. Чтобы поймать крысу, нужно загнать ее в угол.

После захода солнца Рауль обследовал все самые темные места. Он прошелся мимо алого цвета вагончиков, из окон которых на его голову могло свалиться ведро и прибить его до смерти. Ничего такого не случилось. Он поболтался возле клеток со львами, где внезапно открывшаяся дверца могла выпустить зверя на волю, и тогда уж страшные когти вонзились бы в изуродованную скальпелем спину... Нет, львы на него не набросились. Тогда Рауль улегся возле размалеванного колеса синего вагончика и стал ждать, что оно покатится и задавит его. Колесо не тронулось с места, слоны его не растоптали, на него не свалилось перекрытие цирка и никто в него не выстрелил. Под звездным небом звучала лишь ритмическая музыка джаза.

Тогда Рауль начал передвигаться быстрее, лихорадочно думая обо всем на ходу и подбадривая себя громким свистом. Для убийства Роджера, понятное дело, существовал какой-то повод. И в силу этого же обстоятельства Рауля оставили в живых.

Из-под большого купола, нарастая, словно волна, донесся шум аплодисментов. Затем послышался рык льва. Рауль прикрыл уши ладонями и зажмурился. Никто из этих несчастных, подвизавшихся в цирке, не был виновен в убийстве. Теперь это ему стало ясно. Если бы это было дело рук Лала, Татуированного, Толстушки, Безрукой или Обрубка, то они бы убили их обоих. Поэтому оставался только один вариант.

Он направился ко входу в цирк, шаркая ногами по настилу. Теперь не будет ни драки, ни пролитой крови, ни взаимных обвинений и ненависти.

— Я проживу еще долго, — устало сказал он сам себе. — Но после сегодняшней ночи для чего мне жить?

Какой смысл теперь стремиться участвовать в этом шоу? И что толку от того, что уроды согласятся вновь принять его в коллектив? Он знает имя убийцы — и где же радость? Никакой радости, совсем никакой. В настойчивых поисках одного Рауль утратил другое. Он

был жив. Сердце его билось сильно, толкая по жилам горячую кровь, пот лился у него из-под мышек, по спине, выступал на лбу и ладонях. Он был жив. И сам факт того, что он жив, того, что билось его сердце, ноги двигались, — доказывал безошибочно, кто был настоящим убийцей.

«Не часто случается, — мрачно подумал Рауль, — когда убийцу находят благодаря тому, что человек остался жив. Обычно это происходит тогда, когда человека находят мертвым. Хотелось бы, чтобы я был мертв. Да, хотелось бы».

В последний раз в своей жизни Рауль присутствовал на цирковом представлении. В состоянии некоей отстраненности он волочил ноги по настилу из досок, слышал грохот музыки, аплодисменты, хохот клоунов, кувыркавшихся и боровшихся в красных кругах, нарисованных на арене...

Дейрдре стояла на дорожке, похожая на белое чудо сродни небесным звездам — воплощение чистоты и легкости. При его приближении девушка обернулась. Лицо ее было бледное, под глазами светились синие круги после бессонных ночей. И все же она была красива.

Она смотрела на то, как идет Рауль с опущенной головой.

Музыка помешала им говорить. Он поднял голову, но не взглянул на девушку.

— Рауль, — спросила Дейрдре, — что случилось?

— Я нашел убийцу, — ответил он.

Звонко ударили тарелки в оркестре. Дейрдре долго и внимательно глядела на Рауля.

— Кто же это?

Он не отвечал. Но заговорил словно бы сам с собой, будто читая молитву, глядя при этом на ряды кресел, заполненных зрителями:

— Тебя поймали. Что бы ты ни делал, тебе ничто не может помочь. С Роджером я был несчастлив, без него мне еще хуже. Когда у меня был Роджер, я хотел иметь тебя. Теперь же, когда Роджера нет, тебя у меня никогда не будет. Если бы я прекратил поиски убийцы, я бы

никогда не был счастлив. Теперь же, когда погоня закончилась, я стал еще несчастнее, узнав правду.

— Ты... ты собираешься сдать убийцу в полицию? Так? — спросила наконец Дейдрре, выдержав долгую паузу.

Рауль стоял рядом, не произнося ни слова, не будучи в состоянии думать, видеть или говорить. Он чувствовал, что музыка становится громче. Он слышал, как где-то далеко объявляют выход Дейдрре. Ее сильные пальцы на мгновение стиснули его руку, а ее теплые губы запечатлели на его лице чувствительный поцелуй.

— Прощай, милый.

Дейдрре легко побежала вперед, сверкая блестками на одежде, развевавшейся, словно крылья. Вот она вступила в нежно-розовый свет рамп, идя навстречу буре аплодисментов, высоко подняв голову. Там, вверху, было ее небо, ее канаты. Канат понес девушку вверх — выше и выше. Музыка внезапно смолкла. Зазвучала ровная, монотонная дробь барабана. Дейдрре начала делать свои витки.

Рауль шагнул в сторону, и сейчас же навстречу ему вышел из тени человек с сигарой во рту, который, казалось, жевал ее с задумчивым видом. Он остановился рядом с Раулем, и несколько минут они молчали, глядя вверх.

Там была Дейдрре, работавшая под самым куполом, в свете мощного немигающего прожектора. Ухватившись руками за тонкий конец каната, Дейдрре вскинула вверх ноги, сделала переворот через голову, изящно изогнувшись и раз за разом описывая широкие круги ногами.

Инспектор арены громким голосом считал сделанные ею витки:

— Раз... два... три... четыре!

Дейдрре продолжала вращаться, словно белый мотылек, мечущийся в поисках выхода из западни. Помни, Рауль, когда я вращаюсь под куполом, про молитвенную мельницу тибетских буддистов. Рауль изменился в лице. Я люблю тебя, люблю тебя, люблю...

— Она милашка, верно? — произнес детектив, стоявший рядом.

— Да, — неторопливо ответил Рауль, — к тому же она та самая, кого вы ищете. — Он сам не мог поверить в то, что говорил. — Я стою перед вами живой. Это и есть доказательство ее вины. Она убила Роджера и разорвала пополам холст, на котором мы были нарисованы. Она убила Лала.

Рауль провел по лицу трясущейся рукой.

— Примерно через пять минут она спустится вниз, и тогда вы можете ее арестовать.

Они оба смотрели вверх с таким выражением лиц, словно не верили, что там находится именно она.

— Сорок один... сорок два... сорок три... сорок четыре... сорок пять, — считал детектив. — Вы что, плачете? Сорок шесть... сорок семь... сорок...

ПОЛЧАСА АДА

Комната была в ужасном состоянии: картины безжалостно сорваны со стен, мебель разбросана, перевернута. Во многих местах виднелись глубокие борозды на обоях и дереве. Там мистер Колдуэлл — а он был слепым — пытался ногтями расцарапать стены, словно ища что-то внутри их. Причиненный вред был значительным.

Лейтенант Крис Прайори, служивший в отделе по расследованию убийств в городе Грин-Бей, штат Калифорния, стоял довольно долго рядом со мной в этой комнате и просто смотрел.

У дальней стены лежал труп Колдуэлла. Возле него валялись очки, стекла которых были раздавлены в порошок. Одна рука несчастного с растопыренными пальцами была занесена как для удара, словно он хотел с помощью ногтей пробиться сквозь непреодолимую толщу этой стены. Его ударили чем-то тяжелым по голове, о чем свидетельствовала глубокая вмятина на затылке. В сущности, еще молодой, привлекательный человек с тонкими чертами свежего лица и темными вьющимися волосами... Смерть обезобразила эти черты.

— О Боже, какой ужас, — сказал я.

Было слышно, как внизу, на втором этаже плакала хозяйка квартиры.

Прайори взглянул на меня и несколько удивленно произнес:

— Колдуэлл был слепой.

— Да, — подтвердил я. — Хозяйка рассказала, что он въехал сюда семнадцатого октября. После этого зрение его начало стремительно ухудшаться. Через две недели он уже ничего не видел, и с тех пор положение его не улучшилось ни на йоту. Это случилось шесть недель назад.

— Странно, — пробормотал Прайори. — Логика подсказывает, что если кто-то прошлой ночью явился сюда убить Колдуэлла, то он мог без труда с ним расправиться. И для этого не понадобилось бы учинять такой разгром. Как я понимаю, потребовалось не меньше двадцати минут для того, чтобы разгромить здесь все. Зачем? Слепой человек находится в полной власти убийцы. Достаточно одного удара по его ничем не защищенной голове, которого несчастный и не ждет...

Прайори не договорил, приблизился к труп и склонился над ним.

— Он отчаянно пытался спастись, убежать, найти выход, бился в истерике, прежде чем умер.

Я бросил взгляд на искалеченную мебель, на поцарапанные стены.

— Или же, напротив, в комнате намеренно учинили разгром, чтобы мы подумали, что здесь происходила борьба?

Прайори недоверчиво покачал головой:

— Все это в основном сделал Колдуэлл. Взгляните сюда. У него под ногтями видны остатки обоев, штукатурки, занозы из двери, нити из материала, которым обтянута кушетка. И вот еще: протерты штаны на коленях — он на них полз. Носки ботинок повреждены, поскольку ими били в запертую дверь.

— Какая жестокость, — заметил я.

— Да, это было жестоко, — согласился Прайори. — Взгляните еще на его лоб. На нем видны следы ушибов, полученных, когда он, падая, ударялся головой о

стену. Порез на щеке явно от осколков стекла, разлетевшихся от разбитой картины. Смертельный удар был нанесен ему сзади, в то время как бедняга пытался пробиться сквозь стену с помощью своих искалеченных кровоточащих пальцев...

Я с трудом сглотнул.

— Если предположить, что все так и есть, каков же мотив убийства? Возможно, убийца искал деньги, письма или какие-то другие ценности?

Прайори нагнулся и указал мне на обивку кресла. На материале были видны полосы, оставленные впившимися в него ногтями. Но он оказался достаточно прочным и не был поврежден. Затем мы осмотрели письменный столик. На его поверхности виднелись царапины, однако ящики были все закрыты, а внутри все оставалось в порядке — ручки, карандаши и бумага для письма. Что же касается картин, то возле них или на тех местах, где они висели прежде, царапины были скорее поверхностными. Если бы человек что-то искал, он бы отбил штукатурку и сорвал материю с мебели.

Мне пришлось согласиться, что Прайори прав. Осмотр показал, что в комнате остались следы ногтей от быстрых и беспорядочных прикосновений к различным поверхностям. Картины не были вскрыты с обратной стороны. Не были выдернуты и гвоздики, крепившие ковер к полу.

Я выпрямился:

— Мне кажется, все ясно. Но, возможно, у Колдуэлла какие-то ценности были при себе?

— В таком случае убийце было бы проще сбить Колдуэлла с ног и отнять их, верно? Но нет, убийца делал все методически, расчетливо, располагая достаточным временем. Либо ему пришлось так рассчитать. Может быть...

— Что может быть?

Прайори пожал плечами.

— Пойдем поговорим с хозяйкой.

Хозяйка квартиры лежала в постели. Лицо у нее было небольшое, бледное — одного цвета с измятой

подушкой. Она чуть-чуть приподняла руку и начала рассказывать:

— Мистер Колдуэлл въехал ко мне ровно два месяца назад. Я ему очень сочувствовала. Он терял зрение и спустя две недели после приезда сделался совершенно слепым. Я часто слышала, как он рыдал у себя наверху. Я обычно стучала в его дверь — было это до того, как я прихворнула и слегла в постель, — тогда он утихал и открывал мне. Лицо его бывало мокрым от слез. Когда же я пыталась его утешить, он обычно отвечал: «Я совершил нечто ужасное. Я совершил нечто ужасное. Теперь я знаю, почему со мной происходит такое. О Боже, как темно вокруг».

— Колдуэлл — это была его настоящая фамилия?

— Не знаю. Вел он себя чрезвычайно нервно. Словно бы скрывался от кого-то. Когда ко мне приходили, он обычно беспокойно спрашивал: «Кто там?» А я отвечала: «Все в порядке, сэр, это всего лишь мисс Тарви». Или: «Это мальчик от мясника. Он принес курицу».

Хозяйка продолжала рассказ:

— Обычный слепой спрашивает обо всем спокойно и вежливо. Мистер же Колдуэлл... Лицо его при этом бледнело, руки дрожали; он прямо съеживался при звуке чьих-либо шагов.

Женщина замолчала, переводя дыхание.

— Я живу здесь совсем одна, и мистер Колдуэлл был одним из двух моих постояльцев. У меня квартирует еще мисс Тарви. Она работает по ночам, и ее как раз не было. Тот человек, который пришел навестить мистера Колдуэлла, вчера позвонил по телефону довольно рано. Ему ответила мисс Тарви. Человек этот спросил, где живет слепой постоялец. Он не назвал его фамилии, просто поинтересовался, где ему найти незрячего постояльца. Мне это показалось странным. А мисс Тарви сказала, что он живет на третьем этаже. Тогда голос в трубке спросил, в какой комнате, с какой стороны от входа. Мисс Тарви ответила: мол, первая дверь направо. Тут говоривший неожиданно дал отбой, не потрудившись даже поблагодарить ее. А час спустя —

это было в девять вечера, когда мисс Тарви уже ушла, — появился в холле.

— Он не постучал в дверь? — спросил Прайори.

— Нет. Просто вошел, и все. Помнится, я крикнула, спрашивая, кто это. Ответа не последовало. Однако меня это как-то не обеспокоило. Он поднялся наверх и постучал в комнату мистера Колдуэлла. Слышно было, как дверь открылась и мистер Колдуэлл вскрикнул. Затем дверь с грохотом закрылась и была заперта на ключ.

— И затем вы слышали шум?

Хозяйка вздохнула, прикрыв глаза. Голос ее звучал слабо, как-то блекло и издали. Пальцы женщины перебирали стеганое одеяло, которым она была укрыта.

— Сначала раздались какие-то негромкие звуки. Я лежала здесь, в постели, и ничего не могла сделать. Прежде всего было слышно, как этот человек шагает по комнате — не мистер Колдуэлл, у него совершенно другие ботинки. Затем послышался глухой удар. Мистер Колдуэлл вскрикнул.

Я присела на кровати и позвала: «Мистер Колдуэлл, с вами все в порядке?» Но он меня не слышал, как мне кажется. Потом я различила шаги мистера Колдуэлла; тот направлялся к двери.

— Он шел? Спокойным, ровным шагом?

— Да. словно прогуливался в парке. И тут этот второй господин тоже начал ходить. Так в течение трех-четырех минут они только тем и занимались, что ходили над моей головой взад-вперед. Я вся напряглась и слушала.

— Значит, они просто ходили по комнате?

Хозяйка лежала тихо, словно прислушиваясь к своим воспоминаниям. Для нее они до сих пор были живыми и реальными.

— Да. И это выглядело как-то необычно. Ходят по кругу и разговаривают. Но я не смогла разобрать ни единого их слова. Мистер Колдуэлл что-то высказывал, и вслед за этим что-то говорил незнакомый господин, — вспоминала хозяйка. — Потом они начали ходить чуточку быстрее. Темп их ходьбы постепенно возрастал.

Они двигались все быстрее и быстрее. Мистер Колдуэлл делал небольшую пробежку по полу, затем незаметно делал пробежку за ним следом. Потом мистер Колдуэлл побежал быстрее, на что-то наткнулся, упал, поднялся, снова побежал... И то же самое делал бежавший за ним господин.

Я поднял голову и взглянул на потолок. Хозяйка провела языком по своим пересохшим губам. Она тоже смотрела наверх, широко раскрыв глаза, отчего взгляд ее казался несколько ненормальным, и тоже вспоминала происходившую там возню. Были видны белки ее глаз, нацеленные в одну точку черные зрачки. Лицо приподнято кверху, к этой комнате.

— Они ходили туда-сюда, туда-сюда, все быстрее и быстрее, быстрее и быстрее. Потом начали что-то кричать друг другу. Смысл их слов до меня не доходил, я не могу их вспомнить. Ходили, ходили, ходили... Затем начали быстро бегать, словно перепуганные мыши. Я все старалась приподняться на постели, кричала: «Мистер Колдуэлл, да прекратите же вы это! Я не могу заснуть!»

Но они начали кричать еще громче, потом послышались какие-то удары, и кто-то из них начал скрести все подряд ногтями. Это смахивало на возню мышей или крыс, когда они грызут стену. Слышно было, как падали и разбивались картины. Мебель обрушивалась на пол с грохотом, будто бревна, весившие многие тонны. Даже свет мигал в такие минуты! Раздавался звон стекла. Стол упал, словно молодое, подрубленное под корень деревцо. Кто-то схватился за ручку двери, она быстро-быстро заскрежетала. Затем мистер Колдуэлл начал кричать. И тут снова началась беготня.

Последние слова хозяйка произнесла задыхаясь. Глаза ее остановились, глядя в одну точку.

— Опять крики, опять топтание из угла в угол, взад-вперед. Будто в комнате наверху качается огромный маятник. Или к крысам подошло подкрепление, чтобы совместными усилиями штурмовать стену. Мистер

Колдуэлл упал на пол. Я слышала, как он сопротивлялся, как царапал все подряд, пытаюсь найти себе спасение. И это было вот здесь, надо мной... Понимаете? Он пытался пробиться сквозь стену, орудовал ногтями, словно собака, разрывающая нору суслика. И при этом громко рыдал! А затем...

Хозяйка вдруг замолчала. Ее худое тело все напряглось.

— До меня долетели последние звуки. Было слышно, как на мистера Колдуэлла раз за разом обрушиваются тяжелые удары. Один за другим! Снова и снова!

Женщина расслабилась, откинувшись на подушку. На лбу у нее выступили капельки пота. Затем она вздохнула и продолжала:

— Сразу же после этого гость молча спустился вниз по лестнице и вышел на улицу. Я пыталась кричать, звать на помощь. Но только в шесть утра, когда вернулась домой мисс Тарви, удалось вызвать полицию.

Я слушал хозяйку сидя. Прайори нахмурился и вел себя довольно нервно.

— Проклятье! — пробормотал он. — Вы до самого конца слышали голос мистера Колдуэлла?

Хозяйка кивнула головой.

— Выходит, убийство произошло, когда Колдуэлл мог передвигаться. Так что у убийцы не было времени что-либо искать, — сделал вывод лейтенант.

— Точно, сэр. Он сразу же спустился вниз и ушел.

Я закурил сигарету и некоторое время смотрел на догорающую спичку.

— Должно быть, убийца получил от этого колоссальное удовлетворение. Колоссальное, — подчеркнул я.

— Все продолжалось с полчаса, — вставила хозяйка. — Тридцать минут они ходили и бегали наверху как сумасшедшие.

— Тридцать минут он забавлялся со своей жертвой, — сказал я.

— Все это как-то не вяжется, — проворчал Прайори и повернулся к двери. — Если позволите, я кое-куда позвоню. После этого мне нужно будет на несколько часов отлучиться в город. Возможно, удастся найти

этого господина... А вы оставайтесь здесь и проследите, чтобы парни из отдела по расследованию убийств как следует собрали все улики в комнате наверху. Добро?

— Вы серьезно? — спросил я.

Однако Прайори уже не было в комнате.

Прайори вернулся только к вечеру. Лицо его сияло. Он ходил взад-вперед и возбужденно рассказывал:

— Предположим, Дуглас, что вы — убийца. Выследить слепого человека, в общем, не составляет труда. Слепому трудно скрыться с соблюдением всех предосторожностей. Либо быстро сбежать. Люди его запоминают. Итак, если бы убийцей были вы, как бы вы стали разыскивать свою жертву, которая живет в соседнем городе?

— Я бы поехал туда, убил бы его и покинул этот город.

— Почему?

— Если я приехал на поезде, на автобусе или в такси, меня могут запомнить. А водитель такси запросто опишет все мои приметы.

— А если бы у вас был шрам на лице?

— Еще больше оснований для того, чтобы воспользоваться собственной машиной и вернуться домой как можно скорее, лучше всего ночью. Тогда даже мои ближайшие соседи не будут знать, что я куда-то отлучался.

— И вы не стали бы затрачивать целых полчаса на то, чтобы совершить это убийство?

— Нет! — крикнул я. — Я бы сделал все как можно быстрее.

— Ага, так вот именно этим наш убийца и выдал себя с головой. Вы помните, у него это заняло полчаса. И теперь я знаю, как он выглядит! Я бродил по улицам и спрашивал людей, видели ли они предполагаемого убийцу. Переговорил со всеми водителями такси. Обследовал все автобусные станции. Никаких результатов. Таким образом, убийца должен был приехать сюда на собственной машине.

— Но как вы можете описать внешность убийцы на основании столь косвенных данных?

Прайори посмотрел на меня с тоской во взоре, как на преданную, но очень неопытную молодую собаку.

— Я сделал это, основываясь на тех тридцати минутах, которые понадобились ему для совершения убийства. Хотите со мной поспорить, дружище Дуглас?

— Да, черт возьми, хочу! Не можете же вы утверждать, что это — ключ к поимке преступника!

Мы ударили по рукам. Теперь Прайори извлек из кармана какую-то бумагу.

— Здесь сведения о трех людях в этом городе, которые могли быть причастны к убийству. Могли быть причастны, но Колдуэлла не убивали.

— Что это за люди?

— Те, которым понадобилось бы полчаса, чтобы совершить убийство, — раздраженно сказал Прайори. — Но у каждого из них есть блестящее алиби. Тогда я переключил все свое внимание на одного подозреваемого в Орандж-Сити. Его имя Джон Мельтон. Это молодой, достаточно преуспевающий джентльмен, на которого было совершено нападение утром шестнадцатого октября...

— А Колдуэлл прибыл сюда семнадцатого октября, то есть на следующий день.

— Точно. Колдуэлл бежал после того, что совершил. Подозреваемый из Орандж-Сити во всем соответствует моим представлениям об убийце. Полицейское досье мои догадки подтвердило. И я обнаружил очень весомый и одновременно ужасающий мотив этого убийства. Мельтон, после того как на него напали, отказался назвать имя хулигана. По этой причине в досье отсутствует имя Колдуэлла. Однако сам характер нападения не оставляет сомнений, что именно Колдуэлл напал на Мельтона. Ну что, едем арестовывать Мельтона по обвинению в убийстве?

— Значит, вы настолько уверены?

— Основательно уверен. Больше у меня нет никаких нитей. Ни одной, черт возьми. Никто не видел преступника. Никто не может опознать труп. Если бы — я подчеркиваю это — если бы произошло обычное убий-

ство, мне бы его никогда не раскрыть. Удача улыбнулась мне только потому, что убийце понадобилось полчаса. Подумайте над этим, Дуглас, пока мы будем ехать в Орандж-Сити, чтобы арестовать подозреваемого.

Мы отправились в Орандж-Сити. Я чувствовал внутреннее раздражение. Прайори был очень спокоен и в исходе не сомневался.

Прибыв в Орандж-Сити, мы направились к дому Мельтона. Позвонили в дверь. Нам открыла полная женщина с добрым, несколько уставшим лицом. Это была миссис Мельтон, мать нашего подозреваемого. Она выслушала объяснения лейтенанта: мол, обычная проверка. Затем предупредила нас, чтобы мы вели себя тихо, поскольку Джон очень устал, и с этими словами впустила нас в дом. Она добавила еще, что последние два месяца были для Джона серьезным испытанием. Прайори сказал, что он все хорошо понял.

Когда мы вступили на порог этого дома, принадлежавшего семье со средним достатком, лейтенант указал мне на стул, а сам направился в соседнюю комнату. Там он начал беседовать с Мельтоном. Миссис Мельтон тем временем удалилась в другую часть дома.

— Честно говоря, мистер Мельтон, я расследую дело об убийстве вашего друга по фамилии Колдуэлл, — донеслось до меня из-за двери.

У Мельтона оказался очень молодой, чистый и самоуверенный голос.

— У меня нет знакомых с такой фамилией, лейтенант.

Прайори откашлялся.

— Он был примерно одного с вами возраста. В октябре месяце он начал слепнуть. И в этот момент неожиданно переехал из этого города в Грин-Бей. Эти детали не помогут вам вспомнить его?

Последовала долгая пауза.

— Вероятно, вы имеете в виду Билла Колдера.

— Колдер — Колдуэлл... Очень похожие фамилии. Он ведь был на грани слепоты, так ведь?

— Да, так.

— И утром шестнадцатого октября между вами произошел разговор, касавшийся его болезни... Скажите, Колдер или Колдуэлл... напал на вас?

Последовало еще более продолжительное молчание. Затем Мельтон ответил:

— Да, он на меня напал. — Его голос как-то сразу погрузнел. — Как я мог об этом забыть?

— Он был вашим другом? — спросил Прайори.

— Мы никогда не были друзьями. Мы любили одну женщину... Если это имеет значение.

— Имеет. После того как Колдер-Колдуэлл напал на вас, он отправился в Грин-Бей в сильно подавленном состоянии. Видимо, он предполагал, что кто-то последует за ним и попытается с ним расправиться. Вы могли бы рассказать мне еще что-нибудь о вашей с ним драке утром шестнадцатого октября? Как все началось?

— Все произошло из-за Дорис. Она — очень красивая женщина. В то время Колдер собирался на ней жениться. Но тут вдруг случился рецидив его застарелой глазной болезни. Он понял, что заболевание прогрессирует. И чуть не сошел с ума из-за этого, что понятно.

— И потом...

— Дорис порвала с ним. Она не хотела выходить замуж за незрячего. Она понимала, что через несколько недель Колдер станет совершенно беспомощным. А надежды на излечение не было никакой.

Последовала пауза.

— Мы с Дорис почти сразу же обручились, — добавил Мельтон.

— Она не слишком мягкосердечная особа, — заметил Прайори.

— Не слишком, — с горьким смешком согласился его собеседник.

— Вы на ней не женились?

— Нет. Случилось другое, — с оттенком горечи сказал Мельтон.

— Чуть подробнее, пожалуйста.

Молодой человек набрал в легкие побольше воздуха. Я потянулся ухом к двери.

Мельтон начал рассказывать:

— Я был счастлив, ликовал, совсем потерял голову. Однажды утром, шестнадцатого октября, я навестил Колдера — или Колдуэлла, как вы его называете. Мы люто ненавидели друг друга, и, может быть, я слишком много говорил. Возможно, сказал то, чего говорить не следовало. Это его окончательно добило. Он едва справлялся со своими чувствами. Боже, лучше бы я промолчал. Если бы я попридержал свой язык тогда, то, вероятно, по сей день был бы счастлив с Дорис...

Было видно, что Мельтону трудно говорить. Прайори спросил его:

— Что же вы сказали Колдеру такого, отчего он на вас бросился?

— Я посмотрел на него, рассмеялся и выдал: «Мы с Дорис собираемся пожениться. Она не хочет выходить за слепца!»

— О Боже! — воскликнул Прайори.

— Да, — монотонно проговорил Мельтон, — я произнес именно эти слова. Таким я был дураком. Тогда Колдер крикнул: «Я вижу еще достаточно хорошо, чтобы прикончить тебя!» И тут он на меня набросился.

Последовала пауза.

— На следующий день Колдер покинул наш город. Полиция со мной беседовала, но я не хотел, чтобы кому-то предъявляли обвинение, и не желал называть имени того, кто на меня напал.

— И после этого Дорис за вас не вышла?

— Нет. Она уехала из города с кем-то другим.

— Но в конце концов Колдер снова всплыл, — заметил Прайори. — Прошлой ночью его убили в Грин-Бей. Мистер Мельтон, вы не случайно не заезжали вчера вечером в Грин-Бей — после шести долгих недель, ушедших на поиски Колдуэлла?

— Нет. Моя мать подтвердит вам, что я был здесь. Отдыхал.

— Ваша мать вас любит. Она скажет что угодно. Она заплатила неплохие деньги шоферу, который вас туда отвез, — возразил Прайори. — Извините, но вы арестованы.

— А какие у вас есть доказательства?

— Доказательства? Во-первых, мотив преступления, основная побудительная причина. Но важнее всего прочего — то, в каком состоянии мы нашли комнату Колдуэлла, а также время, которое потребовалось на его убийство. Были и другие ниточки, которые позднее привели к вам. Но именно временной фактор указывал непосредственно на вас. Мне сразу стало ясно главное.

— Не понимаю!

— Вы оба в течение тридцати минут царапались, падали, срывали обои со стен, переворачивали мебель, бились о двери, кидали коврики, били картины, метались от стены к стене, все быстрее и быстрее, пока в конце концов вы не настигли жертву и не проломили ей голову с помощью своей трости!

Я поднялся со стула, на котором сидел. Ноги у меня дрожали.

Заговорил Мельтон. Голос у него был хриплый, прерывался и дрожал.

— Хорошо-хорошо. Мне все равно! Счастьем было то, что я вернулся домой! Я все равно хотел пойти и сдать в полицию. В этом мире нет ничего такого, ради чего стоило бы жить. Мне хотелось только отыскать его и убить! Представьте себе двух слепых, которые ходят по комнате, вытянув вперед руки. Один из них хочет убежать от второго, прячется за столы, стулья, диваны... Второй же идет вперед и вперед, пытаясь найти и убить первого! Эти поиски отняли у меня полчаса времени, пока я не настиг его, мистер Прайори.

— Дуглас! — позвал меня лейтенант сквозь закрытую дверь. — Зайдите, пожалуйста.

Я открыл дверь и вошел. Дело было закончено. В комнате сидел мистер Мельтон, который смотрел на меня незрячими глазами. На коленях у него лежала трость в красную с белым полосу с тяжелым свинцовым набалдашником. На месте его глаз виднелись безобразные рубцы. Он стал слепым в то утро шестнадцатого октября, когда так зло подшутил над Колдуэллом по поводу его слепоты. В ответ на это Колдуэлл, словно безумный, с криками набросился на Мельтона, опрокинул его на пол и безжалостно выцарапал ему глаза ногтями!

ДОЛГИЙ ПУТЬ ДОМОЙ

Пока Чарли Гидни одолевал подъем вверх по лестнице, сердце у него в груди так и колотилось. С загнанным видом он оперся о перила.

«Вот и еще один день позади, — подумал он. — Позади — контора, позади — стук арифмометров. А впереди у меня — приятный вечер».

Чарли скривился. Сердце у него в груди выстукивало, как сломанный арифмометр, сбившийся с ритма, выводя отрицательный баланс. Как там говорил доктор? «Ваше сердце нуждается в отдыхе. Устройте ему каникулы».

Маленький и бледный Чарли Гидни медленными шагами пересекал холл пятого этажа. Чарли страшился заговорить с женой о своем здоровье, о своем сердце...

Он сморгнул набегающий на усталые глаза пот. В длинных гулких конторских помещениях весь долгий жаркий день напролет трещали арифмометры, словно миллион металлических сверчков. Мистер Стернвелл орал на него. Как бы ему хотелось прикончить Стернвелла. Неужели он не понимает, что Чарли болен?

Чарли остановился у дверей собственной квартиры. За дверью его ждала полуживая рыжеволосая женщина, которую он когда-то любил. Одобрит ли она его жела-

ние отдохнуть? Нет. Ее рот захлопывался, как мышеловка, всякий раз, когда Чарли заговаривал с ней о своей болезни. Ее глаза усмехались, покуда рот произносил, что Чарли в полном порядке, просто ему не мешало бы лучше высыпаться по ночам.

Чарли взялся дрожащими пальцами за дверную ручку. Или он надолго уедет отдыхать, или однажды в порыве справедливого гнева спихнет мистера Стернвелла из окна десятого этажа.

Ох уж эти монотонные поездки туда-сюда на городских автобусах, работа, бесконечно нудные разговоры с Лидией за недожаренным ужином! Чарли опасался лишиться рассудка. Иногда он даже подумывал, как занятно было бы убить Лидию. А как неотрывно, лихорадочно она глазела на всех молодых людей из их дома — словно они были куклами, с которыми можно поиграть.

Дверь открылась изнутри. На пороге показался молодой человек и склонил светловолосую голову, удивленно приветствуя Чарли Гидни.

— О, привет, мистер Гидни. А я как раз чинил у вас радио.

Чарли поглядел вслед пересекающему холл Тревису, потом вошел. Его жена распростерлась на сером диване, прикрыв лицо журналом в яркой обложке.

— Ты опоздал, — раздался голос Лидии из-за медленно колышущихся страниц.

Она сбила его с толку, как всегда.

— Но ведь только пять минут седьмого, — возразил Чарли.

— А завтра вечером ты придешь в десять минут седьмого, а послезавтра — в двадцать, — огрызнулась она, не отрываясь от чтения. — Все позже, позже и *позже!*

Чарли сделал несколько шагов по квартире, и ему стал виден большой белый нос Лидии, ее широкая челюсть, глаза, блестящие как два кусочка синего стекла.

— Мое сердце, — начал он, — доктор...

— Твое сердце? — фыркнула она. — Опять твоё треклятое сердце? Что-то я не вижу, чтоб ты помирал —

тем хуже для меня, помоги мне Господь, — пробормотала она.

— Ох, — беспомощно воскликнул Чарли, — ты просто стараешься свалить все с больной головы на здоровую! Этот молодой радиолюбитель, Тревис, опять заходил в гости.

Лидия листала журнал, скользя взглядом по страницам, но не читая. Это вывело Чарли из себя. Он окинул комнату диким взглядом, словно в поисках способа поквитаться.

— Смотри! — вскричал он. — Мышь!

— Ай, где? — заверещала Лидия.

Она подобрала с пола свои громадные ноги, лицо ее под полыхающей копной рыжих волос побледнело, глаза испуганно высматривали мышь.

Никакой мыши не было. Чарли опять пустил в ход старый трюк. Блестящие глаза Лидии уставились на него.

— А вот за это, — медленно произнесла она, — я вычту из твоей недельной зарплаты еще десять долларов. Десять долларов — или изволь всю неделю сам готовить себе еду, как в прошлом месяце.

Чарли безмолвно протянул к ней руку. Как ему хотелось попросту поговорить с Лидией!

«Мы позволили браку сделать нас жалкими и мелочными, — сказал бы он. — Уедем из Лос-Анджелеса, Лидия. Может, если мы уедем, то сумеем начать жизнь сначала. Может, ты снова станешь прежней...»

Он знал, что разговоры бесполезны. Лидия была из тех женщин, что наливают в чашку с кофе больше половины сливок, если вам нравится черный, и включают грохочущее радио на полную мощность, когда у вас болит голова. Как он мог признаться ей в своей болезни и духовной неудовлетворенности? Опять она скажет, что им не по средствам путешествовать ради его здоровья. Она будет сидеть и смотреть, как он умирает. У Чарли кружилась голова. Стернвелл. Контора. Доктор. Лидия. Убиться можно. Он заколебался. Убиться... Вперед! Внутренне смеясь, Чарли поднял голову.

— Закрой дверь и повесь свою поганую шляпу, — выпалила Лидия.

— Это все ни к чему, — угрюмо произнес он. — Я... — Он панически выискивал, что бы еще такого сказать. — Я только что убил человека!

Лидия, казалось, ничего не поняла.

— *В самом деле?* И как же его зовут?

Чарли так и вспыхнул.

— Я сказал — *убил!* — заорал он. — У-б-и-л! Убил. Прикончил!

— Убил! — завизжала она и вскочила на ноги.

Чарли прислонился к двери и закрыл глаза. Вот он и попался. Теперь ему придется через это пройти. Обратного пути нет.

«Так используй это во благо, — яростно твердил он сам себе, — используй это во благо. Скажи ей. *Продолжай!*»

— Я ему прямо в сердце выстрелил, — с благоговейным ужасом произнес Чарли. — Очень мило получилось.

— О, Чарли...

— Я ничего не мог с собой поделать, — объяснил Чарли. — Физиономия мне его не понравилась. Знаешь, один из этих типов совсем без подбородка...

— Право же, Чарли...

— Да. — Он издал тихий медленный смешок. — Право же, Чарли. Только это все уже ни к чему. Сердце у этого типа прямо через спину выскочило. Он так удивился.

Чарли чувствовал себя почти так, как если бы и в самом деле убил кого-то. Он представлял себе выстрел, кровь, возбуждение. Сердце у него колотилось. Его голос сделался резким и пронзительным, как врывающийся в сны звон будильника.

Ему понравилось впечатление, которое произвела его речь на Лидию. Она позабыла и мистера Тревиса, и свое радио, и свою презрительную жестокость. Она смотрела на Чарли как на заводного человека, ключ от которого потеряла. Чарли сел. Его ноги оставили грязный след на зеленом ковре.

Лидии хотелось посетовать на грязь. Грязный пол был чем-то куда более понятным, чем Чарли Гидни, только что убивший человека.

Чарли посмотрел на грязь, а затем на жену с непонятным торжеством.

— Пристрелил его к черту, — сообщил он. — Он согнулся от моего выстрела, как марионетка. Господи, как же это было восхитительно!

Лидия уставилась на него невидящим взглядом, руки ее подергивались, от лица отхлынула кровь. Помогите ему Господь, если он *теперь* ошибется!

— Мне это пришлось в голову сегодня в конторе. Мистер Стернвелл орал на меня, а я подумал: «Он не должен орать так громко, мне это не нравится». А потом я подумал: «Он ведь никому добра не приносит, и вообще он уже старый, и ведь должен же кто-то прекратить его вопли». — Чарли подался вперед. — Кто-то. Но кто? И тут внезапно я... — Он улыбнулся и ткнул в себя пальцем. — Я! Мистер Чарли Гидни, «белый воротничок», аккуратный кроткий блеклый Чарльз С. Гидни. Бам — и повсюду кровь! — Лидия вздрогнула, и он старательно повторил: — Бам — и повсюду кровь!

У Лидии уже лет десять не было такого выражения лица. С него исчезло все лишнее. Она беспокоилась. В эту минуту ложь показалась Чарли самой замечательной штукой на свете.

— Я ушел с работы пораньше, — сказал он. — На Мэйн-стрит без лицензии пистолет купить нельзя, так что я его украл. Стянул, когда продавец отлучился в подсобку. А потом я вернулся в контору, спустился следом за мистером Стернвеллом и убил его на улице!

Лидия неуверенно села.

— Так что теперь я в бегах, — простодушно сообщил Чарли. — Нам надо уехать из города, отправиться в путешествие...

— Нам не по средствам... — Лидия осеклась. Возможно, видение пяти тысяч долларов, положенных в банк на ее имя, остановило ее. А может быть, она тоже не раз хотела уехать, просто не признавалась. Она не из тех, кто склонен пускаться в откровенности и соглашаться с чужими планами.

Возможно, это и есть поворотный пункт. Если Лидия останется с ним, они смогут уехать и начать все

сначала. Но если она и в самом деле ненавидит его, то выдаст полиции, не сходя с места. «Вот я и проверю, любит ли она меня», — подумал Чарли, потрясенный непредвиденными последствиями своей лжи. До чего неловко получится, если она и правда выдаст его полиции. Ему придется рассказать всю правду при жене, а она будет фыркать и хмыкать и возненавидит его еще больше.

Лидия выглядела очень спокойной.

— Что я должна сделать? — спросила она.

— Ты хочешь сказать, что поможешь мне? Ты настолько меня любишь, чтобы уехать со мной?

Лидия безмолвно изучала его. Может, она и знает, что он солгал. Может, она узрела в нем некие новые возможности, раз уж у него достало воображения выдумать такую историю. Может, это гордость мешала ей согласиться на отдых ради отдыха. Может, ей тоже понравилось играть в эту игру. Теперь Лидия стала его сообщницей. Чарли едва не рассмеялся.

— Что я должна сделать? — повторила Лидия.

— Я уложу чемоданы. А ты закажешь билеты на сегодняшний автобус до Сан-Диего. — Чарли заметался по комнате. — За полгода в Мексике все это забудется. Как нам будет хорошо вместе, Лидия!

С задумчивым выражением лица она надевала пальто и шляпу.

— И поторапливайся, — сказал Чарли, вручая ей деньги на билет.

Лидия вышла и закрыла за собой дверь. Смеясь и напевая, Чарли заталкивал одежду в чемоданы.

— Она любит меня! — изумленно шептал он. — Значит, есть еще для чего жить. Она и в самом деле помогает *мне*, она уезжает со *мной*. Ей не нужен никто, кроме *меня*!

После бритья Чарли нарочно не закрыл тюбик с кремом. Он не стал ни вытирать кисточку, ни споласкивать раковину, ни вешать полотенце на место.

В дверях ванной навтыжку стояла невозмутимая Лидия.

— Вот билеты, Чарли, — объявила она.

— Ты опоздала, — заметил он.
— Извини, — промолвила Лидия.
— Впредь не поступай так, — отчитал ее Чарли. — Это непростительно.

— Очередь была большая, — объяснила Лидия, уставясь на его отражение в зеркале, и сняла шляпку. — Мне еще повезло, что удалось купить билеты. Автобус отходит ровно в девять.

— Лидия, — начал было он и заколебался. Он взглянул на раковину, на свои мокрые руки, а потом в уверенные глаза жены. — Лидия, ты не представляешь, что это для меня значит. Твоя поддержка...

— Да, Чарли, да, — произнесла она без всякого выражения.

Где-то в конце улицы взвыла в сумерках сирена. Поначалу Чарли растерялся. Потом заломил руки и, издав деланный вопль отчаяния, ринулся прочь из ванной.

— Они окружили дом! — Он поспешно натянул пиджак, нахлобучил шляпу, подхватил оба чемодана, поставил их, вырвал билеты из рук Лидии, засунул их в нагрудный карман и тихо прошептал: — Быстрее! На улицу, черным ходом!

Лидия стояла совершенно прямо, скосив глаза в сторону и свесив голову.

— Полицейская машина проехала мимо, Чарльз, — сообщила она.

— Что ж, тогда нам лучше выйти через парадный вход, верно? Полагаю, мы будем выглядеть странно, если помчимся бегом по улице. Вперед, Лидия!

Лидия вышла. Чарльз прошелся по комнате, смеясь при взгляде на потолок и стены. Потом вытер ботинки о диван, купленный по случаю новоселья. После чего сокрушил две претенциозные картины об стену и кивком отдал последний долг их разбитым рамам. Он был готов к единоборству со всем миром. Чарли вышел и с силой захлопнул дверь.

Когда Чарли осторожно затворил переднюю дверь и огляделся, толстяк поджидал на ступеньках.

— Мистер Келли! — прохрипела Лидия, хватая Чарли за локоть.

Полицейский Келли, ошибочно приняв ее возглас за приветствие, отдал честь.

— А, и вам обоим добрый вечер, мистер и миссис Гидни, — приветливо произнес он.

Лидия споткнулась, пошатнулась и часто-часто заморгала, кивком указав сначала на Чарли, а потом на полицейского.

— Ох, мистер Келли, прошу вас, Чарли вовсе не собирался его убивать!

Чарли остолбенел и едва не свалился с лестницы. Поймав жену за руку, он толкнул ее назад.

— Нет, нет, нет! — в панике прошипел он. — Держи себя в руках!

Глядя поверх плеча мужа, Лидия с умоляющим видом обратилась к полисмену:

— Он не ведал, что творит. Не стреляйте в него, ох, ну пожалуйста!

— Он не ведал, что он творит — с кем? — отозвался издалека Келли.

— Ничего, ничего. — Чарли улыбнулся полицейскому. — Вы не понимаете.

Лидия повисла на Чарли.

— Он нас застрелит! — заверещала она.

Сердце у Чарли снова заколотилось; он ощутил привычную боль.

— Постоите-ка, постоите. — Полицейский Келли поднялся по лестнице, медленно ступая тяжелыми ножами.

— Иди в дом, Лидия, — простонал Чарли жене, — иди в дом. Все в порядке, Лидия. О Господи!

— О чем вы тут оба говорите? — пожелал узнать мистер Келли.

— Да о мистере Стернвелле, он старый и злой, и кто-нибудь все равно пристрелил бы его, вот Чарли его и убил! — истерически всхлипывала миссис Гидни.

Чарли кое-как вытолкал ее за дверь, захлопнул створку и прислонился к ней, оказавшись лицом к лицу с полицейским Келли.

— Ну? — мрачно нахмурясь, осведомился Келли.

— У моей жены нервы не в порядке. Она... она думает, что я... что я человека убил. А я не убивал. Нет, сэр. Не убивал. Это шутка такая. Просто шутка.

— Это шутка такая, — повторил Келли. — Ха-ха. — Он пнул один из чемоданов. — А вещи вы, разумеется, несете в химчистку?

Чарли принял изумленный вид.

— Вещи? — Чарли обнаружил, что чемоданы стоят у самых его ног, и плечи его повисли.

— А это, — произнес Келли, осторожно изымая билеты из нагрудного кармана Чарли. — Этот клочок зеленой бумажки, — вежливо сказал он, — никак автобусный билет до Сан-Диего?

— Да говорю же, моя жена все напутала.

— Так, может, *вы* мне все расскажете? — очень серьезно осведомился Келли.

— Позвоните в полицейский участок! — возмущенно выпалил Чарли. — И поинтересуйтесь, был ли убит какой-нибудь старик за минувшие три часа!

— Я не такой дурак, — возразил Келли. — Может, вы спрятали его останки.

— Да послушайте, Келли, разве я похож на монстра? Пойдемте. — Он отвел Келли на пару ступенек вниз и шепотом изложил всю историю прямо в волосатое ухо полисмена. — Понимаете? — закончил Чарли. — А если она узнает, что я все выдумал, мне уже никогда головы не поднять. Жена с меня шкуру спустит.

В голубых глазах Келли блеснуло мгновенное понимание. Он положил руку на плечо Чарли и слегка похлопал:

— Ну, это другое дело. Я вас не выдам. Я-то понимаю, каково вам. Иногда и моя жена... но это долгая история, так что не будем об этом. Надеюсь, вы не станете возражать, если я сейчас позвоню на всякий случай, мистер Гидни?

Чарли засмеялся:

— Конечно, конечно. — Он хлопнул Келли по широкой спине.

Вдвоем с полицейским он пересек улицу.

Келли в наилучшем настроении поднес ко рту мембранную мембрану телефонной трубки:

— Это Келли. Да. — Келли слушал.

Чарли насвистывал и покачивался на каблуках. Мексика. Покой. Легкая жизнь. Мечта, ставшая явью.

— Да? — сказал Келли. — Так я ведь об этом и хотел спросить. Вот послушайте. — И он все рассказал. И улыбнулся.

Чарли смотрел на него. Улыбка Келли исчезла, словно дымок под холодным порывом ветра.

— Да?

Чарли переминался с ноги на ногу.

— Что там, Келли?

— Ах, так он это сделал, верно? — после очередного молчания произнес Келли.

Чарли с трудом сглотнул и тронул Келли за локоть:

— Там ничего не... не случилось?

Келли молчал.

— А, так это уже сделано? Будет исполнено.

— Что будет исполнено, Келли? — осведомился Чарли.

Келли посмотрел на него и заговорил вновь:

— Он стоит как раз рядом со мной. — Мистер Келли повесил трубку.

— Нет. Нет. Не смотрите на меня так. Нет, — взмолился Чарли.

— Да, мистер Гидни, — ответил Келли, — это очень даже может быть. Я арестую вас за убийство некоего Джона Пастора, найденного истекшим кровью в результате огнестрельного ранения полчаса назад. Его обнаружили на аллейке за мусорными баками позади Темпл-стрит, и он таки был застрелен из пистолета двадцать второго калибра. Это совсем близко, всего в восьми кварталах отсюда, так что я полагаю...

Чарли пнул мистера Келли в пах, когда тот уже вытаскивал наручники. Келли застонал. Чарли врезал ему кулаком. Келли безмолвно свалился на тротуар. Во время падения он ударился головой о столб.

Когда Чарли рывком распахнул дверь, Лидия лежала у стены, как кусок льда.

— Нам не спастись, Чарли. Нам не спастись. Глупо было даже пытаться.

У него отвисла челюсть.

— Но теперь все будет иначе. Кое-что случилось. Жди меня, Лидия! Я вернусь!

— А как же билеты на автобус?

— Мы не можем сейчас ими воспользоваться! — крикнул он. — Прощай, Лидия!

— Чарли, вернись! Куда ты?

— Не знаю!

Хлопнула дверь. Шаги Чарли затихли в отдалении.

Было темно. Шагая в сумерках, Чарли предавался горю. И как это его угораздило? Столько лет беспорочной жизни, и вдруг — бах-трах-бум! — и вот он уже Джек Потрошитель! Он поежился, словно от ледяного прикосновения Судьбы.

Чарли огляделся по сторонам. Кругом обшарпанные лавчонки, в которых они с Лидией зачастую покупали то вырезку по-китайски, то русский ржаной хлеб, то кошерную говядину. Винные магазинчики, оружейные магазинчики, маленькие кафе. Пустые улицы и переулки. И пьяницы, множество пьяниц, бродящих по улицам и переулкам.

Тысячи людей населяют Лос-Анджелес. И любой из них может оказаться убийцей, прошмыгнувшим мимо Чарли, покуда тот идет себе и поглядывает — не видно ли где патрульных машин? Поди угадай, который из них — вон тот хромой мужчина? Или эта женщина с хозяйственной сумкой?

«Ты дурак, — твердил себе Чарли. — Уж теперь-то фараоны ни за что тебе не поверят. Чем ты можешь объяснить автобусные билеты, упакованный багаж, собственное бегство? Только попыткой скрыться с места преступления.

Ты ищешь старика, которого никогда прежде не видел, и того, кто его убил. Ты должен найти настоящего убийцу. Куда как просто отыскать его среди полутора миллионов человек!»

Уже стемнело. Двери почти во всех лавчонках были закрыты, ставни задраены. Лишь кое-где светились окна немногих магазинов, торгующих в кредит и за наличные. Их владельцы пристроились у дверей, чтобы этой жаркой летней ночью их обдуло ветерком.

Возле одной из дверей Чарли остановился.

— Я слышал, здесь была заварушка.

— Да. В том конце аллеи. — Его собеседник скрестил руки на груди.

— Старика пристрелили, верно? А кто он такой? Кто его убил?

— Не знаю. Старый алкаш, и все тут. *Мне-то* что за дело?

— А вы ничего не видели?

— Ничего. Видел этих, в синей форме которые, с бляхами, и сирены слышал.

Чарли поблагодарил его и удалился. Ночь настигала его. Ему хотелось останавливать людей, заглядывать им в лица и задавать вопросы. «Вы, случайно, никого не убили час назад? Нет? Ну все равно, спасибо вам». Еще несколько шагов. И снова остановка. «Мистер, а вы не убийца?» Чарли не пропустил ни одного магазинчика. Никто ничего не видел. «Ух, и жаркая же ночь, верно? Может, завтра будет дождь? Не хотите ли купить стоящую вещь, мистер? Да вы зайдите, посмотрите!»

Продавец попкорна пристроился на перекрестке Темпл-стрит и Бойлстон. В стеклянном кубе плясало желто-голубое пламя, и попкорн подрагивал в своей металлической клетке. Низкорослый смуглый продавец взял у Чарли десятицентовик, а затем и разговорился.

— Покойник-то? Джонни? Пил он много. Слонялся по улицам все время. На улице и ночевал. А все-таки убивать его никому проку не было. Деньжонок-то у него никаких. — Продавец взглянул на Чарли, и в глазах его дрогнули отсветы пламени. — А вы его знали?

— Я... я с ним весьма тесно связан.

По асфальтированному холму за спиной Чарли с ревом промчался троллейбус — эдакий механический катаклизм. Под шум его колес Чарли и удалился со своими мыслями. Ему воочию представлялось, как он

годами сидит в обшарпанной конторе и считает, подводит баланс, выверяет отчеты, воскресенье — выходной, в субботу — сокращенный рабочий день, а потом шумные автобусы везут его по однообразным улицам домой, к Лидии, в этот гроб, за который они платят сорок долларов в месяц, спорят над чашкой кофе-какао-чая, включают и выключают радио, ссорятся по поводу и без повода, ругают жару и проклинают холод.

И вот однажды вечером, размышляя по дороге домой, как хорошо бы прикончить собственного босса мистера Стернвелла, Чарли Гидни изменил свою жизнь. Пистолетный выстрел вышвырнул его с женой из мира размеренной рутины и вверх в подвижный изменчивый хаос.

Но он ведь никого не убивал. Собственная выдумка вызывала в нем отвращение.

«Ладно, умник, — откликнулся его мозг, — если ты не псих и не убийца — тогда *кто же?*»

Чарли начал обход. Он заходил в оружейные магазины, и в магазины спортивных товаров, и в лавки, торгующие подержанными вещами. Он задавал единственно возможный вопрос.

— Мистер, у вас сегодня пистолета никто не покупал? — спрашивал Чарли. — Двадцать второго калибра...

И ему отвечали.

— Шутите? — сказал один.

— Нет, — заявил другой.

— Нет, черт возьми! — воскликнул третий.

— Отвяжитесь, — посоветовал последний. — На покупку пистолета нужна лицензия. Люди покупают оружие не каждый день.

— А вас никто не просил *показать* ваши пистолеты? Вообще никто? — взмолился Чарли.

— Двое или трое. Не помню.

— А у вас пистолеты не пропадали?

— Нет. — Торговец выглядел обеспокоенным.

Чарли вновь обошел всех продавцов одного за другим. Он начинал уставать.

— А у вас пистолеты не пропадали? — спрашивал он.

— Минуточку, — сказал владелец того самого магазинчика, откуда Чарли начал свой обход. — Я вообще-то не думаю, но... — Он сосчитал пистолеты, разложенные на прилавке под стеклом. — Только восемь. А должно быть девять. Сейчас пересчитаю. Один, два, три... — Он поперхнулся, глаза у него выкатились из орбит. — Будь я проклят, одного не хватает!

— А вы не помните, сегодня кто-нибудь просил показать их?

— Как же, как же! Одна особа. Лицензии нет, так что купить пистолет нельзя. Я отлучился в подсобку, а когда вернулся — никого! Нужен был пистолет, вот и стащили!

— А вы не могли бы описать эту особу? — поинтересовался Чарли.

Владелец лавки пустился в детальное описание особы, ответственной за пропажу пистолета двадцать второго калибра.

Чарли шлепнул себя ладонью по лицу. Колени у него подогнулись. Лавочка начала расплываться перед глазами. Наконец Чарли сосредоточил взгляд на торговце.

— Убийца мог украсть у вас пистолет, пристрелить кого-нибудь неподалеку отсюда и вернуть оружие на место прежде, чем вы заметили бы пропажу, верно?

— Как же, как же, мог бы. Но пистолет не вернули. Его как не было, так и нет.

Чарли старался размышлять. Глаза его заволоклись туманом.

— Таким образом, можно взять пистолет, воспользоваться им и вернуть его на место. Полиция не сможет найти оружие, торговец тоже ничего не заподозрит. Полицейские ведь не станут проверять пистолеты, которые пылятся у вас годами. Они могут спросить, все ли пистолеты на месте, не случилось ли вам продавать хоть один двадцать второго калибра... но и только... — Пошатываясь, он поднялся со стула.

— Эй, вы там, вернитесь... — воззвал торговец.

Оцепеневший, словно парализованный, Чарли направился домой.

По пути ему попался на глаза маленький магазинчик. А в его ярко освещенных витринах... в витринах красовалось оружие, для покупки которого не требуется лицензия. Чарли вошел и выложил деньги на прилавок. Его пальцы сомкнулись на рукоятке, и рука опустилась в правый карман пиджака.

Около десяти часов вечера полицейский Келли созерцал ночные звезды над городом и бормотал ругательства себе под нос. Внезапно позади послышались шаги. Келли развернулся и едва не налетел на Чарли Гидни.

— Ах, вот вы где! — Келли сгреб его в охапку. — Это вам зачтется, дружок, что вы сдались добровольно!

— Можно мне попрощаться с женой?

Келли пошевелил плечами и похмыкал.

— Думаю, попрощаться я вам разрешу. Идемте.

Они вошли в сумрачный дом. Чарли опустил ладонь на столь знакомую ему дверную ручку.

— А вы не могли бы подождать снаружи, Келли?

Келли мог. Чарли закрыл дверь. Лидия выключила радио и обернулась к нему.

— Ох, Чарли, с тобой все в порядке. А я так боялась, что в тебя начнут стрелять...

— Чуть было не начали. Но еще могут.

Лидия опустила на диван.

— Нам не спастись. Чарли, зачем ты это сделал?

— Я этого не делал.

— Что? — Ее глаза округлились.

— Как же умно ты все придумала, дорогая моя жenuшка.

— Чарли, я не понимаю...

— Я отправил тебя покупать билеты. Тебе всего-то и нужно было что заглянуть в оружейный магазин, попросить у продавца что-нибудь, за чем ему придется выйти из помещения, стянуть пистолет, пройтись по Темпл-стрит, выбрать любого из бродяг и алкашей,

которые там ночуют, пристрелить его в темноте, а уж потом пойти на автовокзал, купить билеты и вернуться домой. А при виде полисмена ты разыграла истерику, чтобы обвинить меня. Отличная ловушка! Только ты не ожидала, что мне удастся сбежать и опросить торговцев. Вероятно, ты собиралась вернуть пистолет завтра. Твои показания погубили бы меня. Ты бы рассказала, как я вернулся домой и заявил, что убил кого-то. А я ведь *так и сказал*, хоть это и было ложью. Ты надеялась, что я начну сопротивляться и полицейский меня пристрелит. Билеты куплены, багаж уложен, работодатели не предупреждены, даже друзья не знают о наших планах — все, черт возьми, свидетельствует против меня!

— Право же, Чарли!..

— Меня на долгие годы сажают в каталажку, может быть, даже казнят, и ты *свободна*! Свободна, и можешь купить билеты на автобус, как только тебе захочется путешествовать. И можешь прихватить с собой своего дружка мистера Тревиса — а чтобы разутешить его, взять заодно и пять тысяч долларов из банка. И тебе уже не пришлось бы скучать, а, Лидия? — Он крепко зажмурился. — Мне жаль, что все так обернулось. Мы могли бы снова стать счастливыми, попытаться все начать сначала. Даже когда ты догадалась, что я соврал насчет убийства, ты могла мне подыграть. Это было бы так увлекательно, так волнующе. Неужели все эти годы ты меня так ненавидела? Неужели не понимала, что мы нуждаемся в перемене, чтобы покончить с этим?

— Ты рехнулся! — завопила она.

— Лидия, — сказал Чарли, — ты сперва посмотри *на это*!

Он выхватил оружие из кармана и направил на нее, стремительно наступая. Лидия уставилась на него, не веря своим глазам, потом забилась в угол дивана, визжа и выставив перед собой руки.

— Чарли, Чарли, Чарли! — Голос Лидии напоминал истошный визг сирены. Что-то в ней оборвалось,

надломилось. — Я это сделала, сделала, я его убила! Только убери это от меня, убери! — всхлипывала она.

Дверь распахнулась, и в комнату ворвался полицейский Келли с пистолетом наголо.

— Порядок, мистер Гидни! Я все слышал! Оставьте ее, я сам ею займусь! И сдайте оружие!

Чарли повернулся, не открывая глаз, протянул руку и выронил оружие в подставленные ладони изумленного Келли.

В ладони полицейского зашебурилась белая крыса с ярко-розовыми глазками.

ПОМЯНИТЕ ЖИВЫХ

Много дней подряд в небольшой мастерской Чарльза Брейлинга царили скрежет, лязг и стук, прерываемые лишь на время доставки из других мастерских и магазинов заказанных там металлоизделий и разной прочей машинерии, которую хозяин в крайнем нетерпении тут же утаскивал внутрь. Сам старый мастер Брейлинг был плох, буквально у последней черты и, захлебываясь туберкулезным кашлем, лихорадочно спешил завершить последнюю в своей жизни затею.

— Что ты варганишь такое? — полюбопытствовал Ричард, младший брат Чарльза. Давно уже с невольным интересом и растущим раздражением прислушивался он к непрерывному грохоту, а сейчас вот не утерпел и сунул нос в дверь мастерской.

— Изыди! Поди прочь и оставь меня в покое! — огрызнулся истощенный хворью семидесятилетний старец, весь в поту от испепеляющего внутреннего жара. Трясущимися пальцами он ухватил гвоздь и, с заметным усилием подняв над головой молоток, загнал его по шляпке в длинный строганный брус. Просунув затем узкую металлическую ленту внутрь некоего чертовски сложного сооружения, на которое, по-видимому, и ухлопал все последние дни, пристукнул еще разок.

Обиженно шурясь, Ричард смерил брата долгим оценивающим взглядом. Особой любви между ними никогда не наблюдалось. Но и неприязнь как-то сама собой рассосалась за последние годы, и теперь Ричард почти безучастно следил за затянувшейся агонией старого Чарльза. Почти — мысль о неизбежности человеческой смерти вообще действовала на него странным образом, как бы слегка пьянила. А теперь вот будоражил еще и неуместный для безнадежно больного трудовой пыл.

— Ну скажи, не будь таким злокой! — канючил он, не отклеиваясь от дверного косяка.

— Если тебе так уж приспичило знать, — прохрипел Чарльз, с трудом водружая на верстак перед собой нечто замысловатое, — жить мне осталось с гулькинос — неделю-другую, не дольше, и я... домовину я себе сооружаю, вот что!

— Гроб то есть? Да ты, верно, шутишь, братец мой любезный, это вовсе на гроб и *не похоже*. Такими сложными да вычурными они не бывают. Ну, будь же человеком, скажи мне *правду*!

— Сказано тебе — гроб! Пусть и не совсем обычный, но тем не менее... — старик любовно огладил сооружение заскорузлыми пальцами, — тем не менее самый что ни на есть всамделишный гроб!

— А не проще ли купить готовый?

— Купить! — фыркнул Чарльз. — Такой разве где купишь? О, это будет всем гробам гроб, не гроб — конфетка!

— Зачем ты вешаешь мне лапшу на уши? — Ричард шагнул вперед. — Зачем постоянно очки втираешь? Для гроба этот ящик слишком велик, футов на шесть длинней обычного.

— Неужели? — Старик лукаво ухмыльнулся.

— Да и крышка прозрачная. Где это слыхано — делать крышку гроба стеклянной! Что за странное удовольствие разглядывать покойника?

— А тебе что за дело! Что хочу, то и ворочу, — промурлыкал Чарльз совсем уж беззлобно и снова забухал молотком.

— И широкий для гроба чересчур, — возвысил голос Ричард. — Не меньше пяти футов, где это видано, чтобы гробы были такими толстыми?

— Единственное мое желание — успеть бы еще запатентовать этот чудесный Последний Приют! — прохрипел старик, опустив молоток и переводя дух. — Он стал бы лучшим подарком неимущим по всему свету. Вообрази только, как подешевеют тогда похоронные церемонии! Ах, черт, да ты же и понятия не имеешь, о чем идет речь, в чем, собственно, изюминка моего изобретения! — Он досадливо хлопнул себя по макушке. — Явные признаки старческого слабоумия! Но тебе я ничего пока не открою, братец мой разлюбезный. Скажу только, что, если наладить массовый выпуск да постараться снизить себестоимость — о, это может принести колоссальные, просто чертовские барыши!

— А, к чертям собачьим тебя вместе со всеми твоими барышами! — Сердито хлопнув дверь, Ричард убрался восвояси.

До сих пор младший брат как бы и не жил вовсе, а лишь влачил жалкое существование в рамках, строго очерченных Чарльзом. Такое представлялось просто невыносимым — всякий раз клянчить у брата деньги и чуть ли не в ножки при этом кланяться. И Ричард ударился в хобби, которому с превеликим удовольствием посвящал долгие дообеденные часы, — сооружал в саду стеклянный замок из бутылок от шампанского. «Обожаю смотреть, как мерцают они под солнцем!» — часто повторял сам себе Ричард, апатично покачиваясь под вечер в старом кресле-качалке и прихлебывая прохладное французское вино из новой бутылки — очередного строительного кирпичика. Еще Ричард прославился на всю округу умением накуривать длиннющие столбики пепла на своих пятидесятицентовых сигарах да неизменной кичливостью, с которой выставлял напоказ униженные крикливыми бриллиантами пальцы. Однако позволить себе покупать драгоценности, заморские вина и даже сигары он не мог — все это были

подачки старшего брата. Ричарду вообще не позволялось самостоятельно делать никаких покупок, на все, вплоть до последнего клочка писчей бумажки, всегда требовалось унижительное разрешение старшего брата. И младший, принужденный столь долго терпеть диктат тщедушного телом, но крепкого духом родича, мнил себя настоящим великомучеником. На все, что требовало хоть малейших трат или даже могло принести какой-то доход, налагалось вето неумолимого Чарльза, и Ричард давно уже махнул рукой на бесплодные потуги устроить свою судьбу как-то иначе, на свой собственный лад и манер.

А теперь вдобавок ко всему в этом живом трупe пробудился еще и ненасытный крот, намеренный добыть звонкую монету буквально из могилы!

В такой вот нервотрепке и тянулись две следующие нескончаемые недели.

Однажды утром дряхлый Чарльз проковылял в дом и распотрошил новехонький патефон. На следующий день совершил набег на оранжерею — вотчину старичка садовника. Потом выполз на свет божий, дабы расписаться в получении еще одной здоровенной посылки от фармацевтической фирмы. Младшему брату не оставалось ничего иного, как только сиднем сидеть на веранде, холить пепел на очередной сигаре да следить утрюмым взором за всеми этими подозрительными маневрами.

— Готово, закончил! — вскричал старик на утро четырнадцатого дня и тут же пал бездыханным.

подавив внутреннюю дрожь и докурив сигару, Ричард аккуратно стряхнул в пепельницу длинный серый столбик — два дюйма, никак не меньше, наверняка новый рекорд! — и неспешно поднялся с любимой качалки.

Бросив из окна взгляд на сад, он в сотый раз подивился затейливым переливам света в рукотворных бутылочных сотах.

Затем медленно перевел взор на тело брата, недвижно распростертое у крылечка мастерской, — и направился к телефонному аппарату.

— Алло, это похоронная контора «Зеленый дол»? Вас беспокоят из имения Брейлингов. Не затруднит ли вас прислать карету? Да, прямо сейчас, незамедлительно. Мой брат Чарльз. Да. Благодарю. Искренне, сердечно вам благодарен.

Погружая тело усопшего в катафалк, служащие бюро ритуальных услуг деликатно поинтересовались, не будет ли каких-либо дополнительных распоряжений.

— Обычный гроб, — малость поразмыслив, ответил разом помолодевший Ричард. — Никакой панихиды. Самая простая и строгая сосновая домовина, без всяких там финтифлюшек да инкрустаций. Покойный Чарльз всегда и во всем придерживался сугубо спартанского стиля. До скорого свидания, господа.

— Ну а сейчас, — спровадив посетителей и восторженно потирая ладони, объявил сам себе Ричард, — можно и полюбопытствовать, что же там наворотил мой дражайший родич! Не думаю, чтобы покойничек заметил подмену своего «уникального» приюта. Ха-ха!

И по-хозяйски неспешно прошествовал в мастерскую.

Удивительный гроб-исполин, опираясь роликовыми опорами на просторный верстак, покоился перед единственным во всю стену окном мастерской. Своей прозрачной крышкой, аккуратно запертой на все защелки, гроб смутно напоминал старинные швейцарские часы с маятником, в несколько раз увеличенные и неведомо для чего взгроможденные на стол.

Впрочем, длина внутренней полости, как разглядел сквозь стекло Ричард, оказалась аккурат в шесть футов, как гробу и полагается. Стало быть, и в изголовье, и в изножье оставалось по добрых три фута потайного пространства. Трехфутовые тайники с каждой стороны, замаскированные липовыми торцевыми панелями, секрет которых ему и предстоит теперь раскусить. Что же именно удумал схоронить за ними покойник?

Ну разумеется, денежки! Это было бы как раз в духе старого скупердя — прихватить капиталец с собой в могилу, лишь бы родного брата без гроша ломаного оставить. Вот же сквалыга хренов!

Откинув крышку, Ричард тщательно ощупал атласную обивку, но никаких скрытых под ней кнопок и потайных пружин не обнаружил. Увидел только небольшое рукописное объявление, аккуратно прищипленное к шелковистой внутренней боковине. Текст гласил:

ЭКОНОМИЧНОЕ ПОГРЕБАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО БРЕЙЛИНГА

Простое и надежное в эксплуатации. Пригодно для многократного использования. Предназначено для фирм, оказывающих ритуальные услуги, а также для каждого, кто хоть немного озабочен собственным будущим...

Ричард фыркнул — кого Чарли надеялся этим одурачить? И стал читать дальше:

УКАЗАНИЯ ПО ПРИМЕНЕНИЮ: ПРОСТО ПОМЕСТИТЕ ТЕЛО В ПОЛОСТЬ УСТРОЙСТВА...

Полный идиотизм! Для чего, спрашивается, писать подобную чушь! Как же иначе можно использовать гроб, кроме как разместив в нем покойника? В очередной раз хихикнув, Ричард дочитал инструкцию:

ПРОСТО ПОМЕСТИТЕ ТЕЛО В ПОЛОСТЬ УСТРОЙСТВА — И ЖДИТЕ, ПОКА НЕ ЗАИГРАЕТ МУЗЫКА.

— *Не может этого быть!* — взвился Ричард. — Только вот мозги мне пудрить не надо! Неужто все эти хитроумные прибабасы лишь для того, чтобы лежа в гробу наслаждаться музычкой?..

Он выскочил из мастерской и окликнул садовника, который, как всегда, корпел над цветочными грядками в оранжерее:

— Эй, Роджерс!

Тот немедленно высунулся из стеклянных дверей.

— Который теперь час? — спросил Ричард.

— Ровно двенадцать, сэр, — отозвался садовник.

— Отлично. В двенадцать с четвертью поднимешься в мастерскую и проверишь, все ли в порядке!

— Слушаюсь, сэр!

Помедлив, Ричард вернулся в мастерскую. «Разберемся, вот уж разберемся...» — задумчиво бормотал он себе под нос.

Никакой особой опасности в его намерении улечься в этот мудреный ящик вроде бы не просматривалось. Ричард внимательно изучил ряд аккуратных вентиляционных отверстий по сторонам. Даже если крышка и захлопнется наглухо, удушье не грозит. А там и Роджерс, глядишь, подоспеет. Просто поместите тело в полость устройства — и ждите, пока не заиграет музыка! Нет, ну до чего же был он наивен все-таки, этот старый брюзга Чарли! Аккуратно подтянув наутюженную брочину, Ричард задрал на верстак левую ногу.

Он чувствовал себя словно голый человек, забирающийся в ванну под чьим-то неусыпным и недобрым надзором. Поставив ногу в сияющем ботинке на атласное дно и что-то буркнув, как всякий, не вполне довольный температурой, Ричард преклонил колени, сперва неуклюже скорчился на боку, а затем перевернулся на спину. Не слишком-то просторно, но удобно и мягко, отметил он про себя и, скрестив руки на груди, глуповато хихикнул. Чертовски забавно воображать себя усопшим, окруженным толпой скорбящих родных и близких, в зыбком свете поминальных свечей, а мир с твоим уходом как бы застывает навечно. С трудом подавив очередной приступ смеха, Ричард придал лицу приличествующее случаю отрешенно-скорбное выражение и — «смежил очи». Пальцы рук, сплетенные на груди, он постарался представить себе прохладно-восковыми.

Зви-ирр! Щелк! Что-то вдруг прошелестело за стенками ящика. Баммм!

Крышка гроба звучно захлопнулась над головой.

Если бы в этот момент кто-то вошел в мастерскую, то с перепугу решил бы, что в ящике неистово бьется запертый орангутан — настолько диким был грохот ударов и бешеными крики внутри гроба. Все смешалось в них: всхлипы, стоны, скрипы, треск рвущейся ткани,

контрапункт множества невидимых флейт и предсмертный хрип. Затем раздался вопль подлинного отчаяния. И наступила мертвая тишина.

Лежащий в гробу Ричард Брейлинг опомнился. Расслабил мышцы. И истерически засмеялся. Внутри ящика пахло довольно приятно. А воздух для дыхания он получит в избытке сквозь вентиляционные отверстия, так что беспокоиться и вовсе не о чем. Ни к чему суесться, биться и вопить, следует лишь спокойно надавить на крышку обеими руками, и она тут же распахнется. Главное — сохранять выдержку. Он уперся ладонями в толстое стекло и поднапрягся.

Крышка не шелохнулась.

Ладно, все равно для паники нет никакой причины. Через минуту-другую появится Роджерс, и все тут же уладится.

Тихо, как бы издалека, заиграла музыка.

Ее звуки донеслись со стороны изголовья. Органная пьеса, величественная и печальная, наводила на мысль о тонких черных свечах, истекающих восковыми слезами под уходящими ввысь готическими сводами. Пахнуло свежевырытой могилой. Торжественные аккорды плыли, постепенно нарастая и как бы отдаваясь эхом от высоких мрачных стен. На глаза Ричарду навернулась непрошенная слеза. Это была музыка пыльных фикусов в кадках и придушенного света, сочащегося сквозь давно не мытые витражи. Последний луч солнца в сумерках, дуновение зябких северных ветров. Рассвет в густом тумане, призрачный всхлип далекой корабельной сирены.

— Чарли, Чарли, старый ты, безмозглый олух! Так вот каков твой нелепый Последний Приют! — С Ричардом едва не сделалась истерика от смеха сквозь слезы. — Ящик, отправляющий свой собственный похоронный ритуал! Ой, держите меня четверо, держите меня двое!.. Ой, сейчас упаду!

Насмеявшись до колик, Ричард продолжал слушать, лежа в запертой своей колыбели — все же музыка была действительно хороша, да и сделать что-либо для своего освобождения до прихода садовника он все равно

не мог. Ричард рассеянно поглядывал по сторонам, пальцы машинально выстукивали на атласных подушках замысловатый органнй ритм. Праздно закинув ногу на ногу, он бездумно следил за танцем пылинок в солнечных лучах, льющихся в окно мастерской. Недурственный денек выбрал себе братец для отбытия в мир иной — ишь, как развиднелось, на небе ни облачка.

И тут началась заупокойная служба.

Звуки органа, излившего последний несказанно торжественный аккорд, сменил задушевный бархатистый баритон: «Мы собрались здесь сегодня — все, кто знал и любил безвременно почившего, — чтобы почтить его память и отдать наш последний священный долг...»

— Чарли, чтоб тебя, да это же *твой* собственный голос! — От изумления Ричард стукнулся лбом о крышку гроба. Механические похороны — Бога ради! Органная месса и проповедь в записи — на здоровье! Но самому читать ее для себя?!

Вкрадчивый голос между тем продолжал: «Все мы, кто хорошо знал и любил покойного, оплакиваем безвременный уход в мир иной нашего дорогого...»

— Что *такое?* — не поверил ушам Ричард. И машинально повторил про себя: «...Оплакиваем безвременный уход в мир иной нашего дорогого... Ричарда Брейлинга».

Именно так изрек патефонный голос.

— Ричарда Брейлинга, — растерянно повторил человек в гробу. — Но ведь Ричард Брейлинг — *это я!*

Ошибка, простая оговорка при записи. Разумеется, братец имел в виду самого себя, *Чарльза* Брейлинга. Естественно! Само собой! Точно! Никаких сомнений просто быть не может!

«Покойный Ричард был замечательным человеком, — продолжал источать елей невидимый патефон. — Таких, как он, не найти в мире более...»

— Мое имя, снова!

Внезапно в гробу сделалось ужасно тесно.

Где же черти носят этого недоумка Роджерса?

Повторение имени отнюдь не простая случайность. Ричард Брейлинг. Ричарда Брейлинга. Мы с вами со-

брались здесь... Мы провожаем в последний путь... Мы безутешно скорбим... Таких расчудесных, как он, днем с огнем не сыскать... Мы собрались... Безвременно почил в бозе. Ричард Брейлинг. *Ричард.*

Зви-ирр! Щелк!

Цветы! Охапки голубых, красных, желтых гардений, георгинов, петуний и нарциссов, исторгнутые тайными пружинами, хлынули на крышку гроба.

Пьянящий аромат свежесрезанных цветов проник и внутрь. Цветы нежно похлопывали своими головками по стеклу перед изумленным взором Ричарда. Тайник в ногах казался просто неисчерпаемым — скоро гроб был буквально похоронен под пестрым и пахучим курганом.

— Роджерс!

Церемония шла своим чередом.

«...Покойный Ричард Брейлинг отличался при жизни незаурядной эрудицией в различных областях человеческого...»

Где-то вдали снова вздохнул орган.

«...Наш незабвенный Ричард умел ценить жизнь, он смаковал ее, как некий божественный нектар...»

В борту ящика бесшумно распахнулась маленькая дверца, оттуда выползла блестящая металлическая лапка, и тонкая игла внезапно ужалила Ричарда в бок. Он болезненно вскрикнул. Прежде чем ошарашенный Брейлинг сумел нащупать и обезвредить источник боли, игла, впрыснув в тело полную дозу неведомой жидкости, юрко схоронилась в своем укрытии.

— Роджерс!!!

По телу быстро разливалась неодолимая слабость. Внезапно Ричард обнаружил, что не может повернуть голову и даже пошевелить пальцами. Ног своих он тоже больше не чувствовал.

«Ричард Брейлинг был страстным поклонником красоты. Он обожал музыку, цветы...» — сообщил голос.

Роджерс!

На сей раз звука собственного голоса Брейлинг уже не услышал — кричать теперь он мог только мысленно.

Онемевший язык за парализованными губами был недвижим.

В борту отъехала еще одна панелька. Некое подобие хирургического зажима плотно охватило левое запястье, и в вену снова вонзилась игла — на этот раз уже безболезненно.

Прозрачный шланг, ведущий от иглы в недра тайника, налился багрянцем. Из Ричарда выцеживали кровь.

Где-то совсем рядом зачмокала маломощная помпа.

«...Незабвенный Ричард навсегда останется с нами — в наших глубоко и искренне скорбящих сердцах...»

Снова всхлипнул и забормотал орган.

Цветы печально кивали в такт пестрыми своими маковками. Из бортовых тайников медленно выросли шесть зажженных черных свечей, длинных и тонких, как тростинки, и пролили на цветы горючие восковые слезы.

Включился еще один насос, уже в другом борту. С трудом, скосив зрачки, Ричард обнаружил, что через иглу в правом запястье тело его накачивают некоей жидкостью — по логике вещей, формалином.

Чмок, пауза, чмок, пауза, чмок, пауза...

Гроб двинулся с места.

Где-то внизу очнулся и зачихал моторчик. Потолок мастерской плавно развернулся перед глазами. Зашуршали по аппаратам роликовые опоры. Работы для носильщиков здесь не нашлось бы. Цветы дружно кивнули пестрыми головками, когда гроб выплыл на террасу под бездонную синь небес.

Чмок, пауза, чмок, пауза...

«Ричард оставит по себе лишь светлую и добрую память...»

Сладостные аккорды.

Чмок, пауза.

«Со святыми упокой...» — тихий хор.

«Брейлинг, истинный гурман и знаток...»

«О, сокровенное таинство сущего...»

И самым уголком угасающих глаз:

ЭКОНОМИЧНОЕ ПОГРЕБАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО
БРЕЙЛИНГА

**УКАЗАНИЯ ПО ПРИМЕНЕНИЮ: ПРОСТО
ПОМЕСТИТЕ ТЕЛО В ПОЛОСТЬ УСТРОЙСТВА —
И ЖДИТЕ, ПОКА НЕ ЗАИГРАЕТ МУЗЫКА.**

Над головой ласково тербил зеленые кроны теплый ветерок. Гроб плавно и торжественно скользил по саду, мимо буйно разросшихся кустов. Церемония близилась к завершению.

«А сейчас наступает время предать прах покойного земле, да будет она ему пухом...»

Гроб по всему периметру с негромким лязгом ошестинился сверкающими лезвиями.

Лезвия стали дружно вгрызаться в дерн.

Брейлинг еще видел летящие комья земли. Гроб быстро оседал. Толчок, шелест ножей, провал, толчок, хруст, опять провал.

Чмок, пауза, чмок, пауза, чмок, пауза.

«Да соединится прах с прахом...»

Цветы кивали до ряби в глазах. Небо съеживалось в черной земляной рамке. Оркестр грянул Шопена.

Последнее, что осознал Ричард Брейлинг цепенеющим сознанием, — как лезвия, исполнив свою миссию до конца, с толчком втянулись назад в Экономичное Погребальное Устройство.

«Ричард Брейлинг, Ричард Брейлинг, Ричард Брейлинг, Ричард Брейлинг...»

Пластинку заело.

Но волноваться об этом было уже некому.

Я ВАМ НЕ ОЛУХ ЦАРЯ НЕБЕСНОГО!

Точно вам говорю, вовсе не такой уж я чурбан, каким меня все считают. Не-е-ет, сэр, ничего подобного! Вы что же, думаете, когда парни из предместья Сполдинг сказали, что у них там обнаружился мертвец, я сразу же помчался передавать новость шерифу?

Как бы не так! И вы, сэр, конечно же, так не думаете. Вежливо выслушав парней до конца, я развернулся и пошел себе эдак спокойненько, часто оглядываясь через плечо, чтобы сразу заприметить, если кому приспичит вдруг залыбиться или подмигнуть, или глаза у кого блеснут озорством, и отправился я сперва проведать именно что покойника. Тело мистера Симмонса я нашел на полу пустой и гулкой гостиной в собственном его доме на ферме, донельзя запущенной и сплошь заросшей сорняком — лютиком, чертополохом да вьюнком, которые давно схоронили под собой дорожку к дому. Добравшись до обветшалого крыльца, я вежливо постучал, а когда никто не ответил, толкнул дверь и заглянул.

И лишь после того поспешил за шерифом.

«I'm Not So Dumb!»

Copyright © 1945 by Ray Bradbury

Я вам не олух царя небесного!

© Издательство «Полярис», перевод, 1997

По пути еще меня закидали камнями гадкие и невежливые уличные мальчишки — как всегда, улюлюкая и с порядочного расстояния.

На шерифа я наткнулся прямо при входе в его офис. Да, сказал он, когда я начал рассказывать, мол, знаю уже, дай-ка пройти! И я вежливо посторонился, пропуская его и следом за ним мистера Кроквелла, смердящего компостом, а потом мистера Виллиса, от которого резко припахивало скобяным товаром, и Джеймса Мак-Хага, благоухающего мылом и духами, и еще мистера Даффи, бармена, разящего въевшимися в одежду сивушными ароматами.

Когда я следом за ними снова добрался до одинокого серого домика на окраине, все уже скрючились над покойником, словно бригада землекопов, наткнувшись на неподъемный камень. «Можно войти?» — вежливо поинтересовался я, а они нелюбезно так рывкнули в ответ: пшел, мол, отсюдава прочь, ты, Питер, только под ногами путаться будешь!

Всегда со мной вот так вот. Всегда и все то рычат, то цыкают, то потешаются и всегда меня в сторону оттирают. Те парни, что сказали про труп, думаете, чего ждали? Они надеялись, что, поверив им на слово, я очертя голову кинусь за шерифом. Да не на таковского напали. Я все усек еще прошлой весной, когда двадцать семь раз кряду сбегал за горизонтальным отвесом и курво... курвиметром для береговой линии, когда в который раз чесал на пристань Уэмбли за разводным ключом для пятиугольных гаек. Парни просто дурачились.

Вот и я надул их сам в тот раз — сперва *убедился* и только потом помчался за помощью.

Часа через полтора шериф, задумчиво кивая, вывалился наружу.

— Бедняга Симмонс! Вся черепушка в трещинах, раздолбана, как гнилой орех.

— Неужели? — сказал я удивленно.

Нелюбезно так зыркнув на меня, шериф подкрутил ус.

— Ужели, неужели — тебе-то что за дело! — буркнул он.

— Очень загадочное убийство, не правда ли, сэр? — вежливо поинтересовался я.

— Какое там, к черту, загадочное! — сплюнул шериф.

— Вы уже определили, кто убийца? — справился я.

— Нет пока, а ты бы лучше заткнул свое хлебало! — невежливо заметил шериф, нервно разминая сигарету. С первой же затяжки он выкурил ее чуть ли не до половины. — Не видишь что ли — человек думает!

— Не нужна ли какая подмога? — очень вежливо предложил я.

— Подмога? — изумленно хрюкнул шериф, смерив меня таким взглядом, как будто с ним заговорила вдруг по-английски здоровенная каменная глыба. — От тебя, что ли?! Ха-ха!

Вот так каждый, кому ни предложи помощь, хватается за бока, раздувает щеки, точно суслик, и закатывает глаза к небу. Будто ему до смерти щекотно.

Вслед за шерифом загоготал мистер Кроквелл, плантатор, заквакал и мистер Виллис, владелец скобяной лавки, человек хмурый и твердый, как рельсовый костыль, — он и смеялся, точно костыль в шпалу загонял, — и мистер Даффи, хозяин ирландской пивнушки, заржал так, что чуть собственным языком не подавился, и даже Джеймс Мак-Хаг, обычно едва не падающий в обморок от любого громкого звука у себя за спиной, и тот прыснул — всем ой-ой как было весело!

— Мне доводилось читать книги про Шерлока Холмса, — сообщил я им веским и внушительным тоном.

Шериф ласково потрепал меня по загривку:

— С каких это пор ты, Питер, пристрастился к чтению?

— Да грамотный я, взаправду, можете не сомневаться!

— Так ты полагаешь, стало быть, что теперь тебе по зубам любой крепкий орешек, а? — аж задохнулся в новом приступе веселья шериф. Насмеявшись вдоволь, он невежливо добавил: — Убирайся к дьяволу, Питер, пока пендель в зад не заработал, пшел прочь отседова, а то утомишь нас вусмерть!

— Пусть себе... пусть остается, шериф! — утирая слезы, махнул рукой Джейми Мак-Хаг и прищелкнул

языком. — Ты ведь у нас первоклассный легавый, не правда ли, Питер?

Я удивленно мигнул шесть раз подряд.

— Ну, сыщик, детектив, Шерлок Холмс — это все едино! — уточнил Джейми Мак-Хаг.

— А-а-а! — протянул я, сообразив наконец. — Почему бы и нет?..

— Почему, почему — всем подряд по кочану! — снова закатился Джейми. — Сколько раз уже ставил на Питера, заключаю пари чуть не каждый день и ни разу еще не продел! Питер у нас парень крутой и решительный, шериф! Он решит нам загадку одной левой, не так ли, господа хорошие?

Мистер Кроквелл подмигнул мистеру Виллису, и тот всхлипнул со смеху, точно несмазанная дверная петля. Все они переглянулись, точно заговорщики какие, и, тыча друг друга в ребра, злорадно уставились на шерифа.

— Клянусь, я уже сделал на Питере неплохие бабки! — добавил Джейми Мак-Хаг. — И снова смело поставлю полдоллара, что он изловит убийцу раньше, чем наш славный блюститель.

— А ну, кончай трепаться! — внезапно ощерившись, гаркнул шериф.

— Поднимаю до семидесяти центов, — процедил мистер Виллис.

У всех на руках тотчас же засеребрились новехонькие четвертаки и захрустела бумажная зелень.

Шериф зло пнул носком тяжелого башмака стену дома:

— Чтоб всем вам пусто было! Да ни в жисть этому долговязому недоумку не обойти в сыском деле меня, профессионала!

Джейми Мак-Хаг качнулся на каблуках:

— Ага, уже в штаны наложил!

— Черта с два, чтоб мне с места не сойти! Но и козла вам изображать пока не собираюсь!

— А кто тут о козлах говорит, шериф? Все честь по чести, вот денежки — принимаешь ставки?

Шериф пробурчал что-то не слишком богобоязненное и — куда тут денешься! — сдался, принял пари. Все

снова дружно грохнули со смеху, как целый духовой оркестр с литаврами. Кто-то не слишком вежливо огрел меня по спине, но я не стал обижаться. Еще кто-то подзуживал меня сразу же пройти внутрь и показать шерифу, где нынче раки зимуют. «Давай, Питер, валяй, сынок», — доносилось до меня словно из-под воды. Кровь забухала у меня в ушах, точно большие красные бутсы играли в футбол моими бедными мозгами.

Шериф таращился на меня, а я, не зная куда девать мои неуклюжие ручки, — на него.

— Тыфу ты, Господи! — процедил он. — Да я разберусь с этим убийством прежде, чем Питер успеет в зубах поковырять и разок-другой сплюнуть!

На сей раз шериф позволил мне войти в гостиную, где лежал покойник, но велел стоять там на одной ноге и ни к чему не прикасаться руками. Остальные нашли такое условие вполне справедливым, и я вынужден был подчиниться. Так и простоял там на одной ножке, помахивая для равновесия руками, во время всего нашего разговора, а они еще то и дело прыскали, стоило лишь сильнее покачнуться.

— Значит, так, — начал я, глядя на тело, — мистер Симмонс мертв.

— Потрясающе! — восхитился Джейми Мак-Хаг, которому смешинка попала в рот и, видать, застряла там наподобие рыбьей кости.

— Его стукнули по кумполу, — добавил я. — Каким-то предметом. Тяжелым.

— Колоссально! Изумительно! — аж слюной брызнул Джейми.

— И не женщина, — сказал я. — Потому как женщины для такого удара силенок не хватит.

Джейми Мак-Хаг мигом унял невежливый смех.

— Похоже на правду. — Он обвел недоуменным взором остальных, старательно морщивших брови. — Вроде бы так оно и есть. Мы об этом как-то не подумали.

— Стало быть, всех женщин смело можно не считать, — сказал я.

— Ты не говорил нам *такого*, шериф, — съехидничал мистер Кроквелл.

Из сигареты шерифа вырвался настоящий фейерверк, как на параде в честь Четвертого июля.

— Просто не успел еще! Дьявол, да ведь ежу понятно, что женщине такое не по плечу! Питер, ну-ка брысь отседова, дальше фантазировать будешь во-он из того угла.

Я послушно доскакал на одной ножке до указанного места.

— А еще... — начал было я оттуда.

— Захлопни пасть! — перебил шериф с хмурым видом. — Ты свое уже сказал, дай теперь и другим! — Он поправил шляпу, подтянул штаны и, чуть помешкав, начал: — Ну, как уже было сказано, налицо труп с разможенной черепушкой, почерк явно не женский, и еще...

— Ха, ха, ха! — очень раздельно выпалил мистер Кроквелл.

Шериф смерил его испепеляющим взглядом. Мистер Кроквелл осекся и испуганно прикрыл рот ладошкой.

— И тело лежит здесь уже не меньше суток, — вставил я, поведя носом.

— Ну, это ежу понятно! — гаркнул шериф.

— Но ты нам *такого* не говорил, — заметил Джеймс Мак-Хаг.

— Как я мог сказать, когда мне не дают даже рта раскрыть!

Я обвел взглядом пустынное помещение. Мистер Симмонс был личностью весьма странной, жил совсем один и даже мебелью не обзаводился, лишь там-сям лежали потертые ковровые дорожки, да наверху стояла одинокая раскладушка. Наверное, денежки тратить на ерунду не хотел. Копил, должно.

— Никаких следов борьбы, ничего не перевернуто и не сломано, — сказал я. — Похоже, покойный полностью доверял своему убийце.

Шериф в запале снова начал было метать икру, но Джейми Мак-Хаг вмешался и потребовал предоставить мне слово — чертовски, мол, интересно. И остальные

дружно поддерживали. Я улыбнулся. Даже зажмурился от нового для себя странного и сладкого чувства, а когда вновь открыл глаза, все смотрели на меня, как никогда раньше — как на равного среди равных. Выйдя из угла уже на обеих ногах, я неторопливо присоединился ко всей честной компании.

Я склонился над телом мистера Симмонса. Он лежал, как перезревший помидор на грядке. Шериф, обезьянничая, тоже опустился перед трупом на колени. Я всмотрелся внимательнее. Шериф тоже чуть шнобелем не воткнулся в покойника. Я отвернул край ковра. И шериф сделал то же самое. Я расправил мистеру Симмонсу левый рукав. Догадываетесь, сэр, кто следующим прикоснулся к той же части одежды? Я издал горлом такой звук, какой можно выдуть из расчески через папиросную бумажку. Шериф только плотнее сжал зубы. Остальные, стоя над нами, тихо кисли в духоте летнего полудня.

— Так ты считаешь, что Симмонс пал от руки знаконца? — первым не выдержал мистер Кроквелл.

— Само собой, — подтвердил я. — Такое мог сделать лишь тот, кому он доверял на все сто и мог спокойно подставить спину:

— Парень абсолютно прав, — заявил мистер Виллис, обычно неразговорчивый.

И все остальные согласились с ним.

— А теперь, — сказал я, — хорошо бы выяснить, кто не любил покойного.

От злости шериф едва не пустил петуха:

— Да легче ответить, кто его любил — никто! Он враждовал со всеми подряд, крутого норова был мужик!

Я обвел взглядом всю компанию, гадая, кто же из них годится на роль убийцы. Мое внимание приковали к себе странные телодвижения Джейми Мак-Хага — будто ему по-маленькому не терпелось. Джейми всегда отличался пугливостью, что твой воробышек. Если, потеряв коробок спичек, вы пристально глядели ему в глаза, он тут же шкодливо отводил взгляд в сторону, бормоча: «Я не брал!» Стоило кому никель уронить,

как он снова с ходу начинал оправдываться — я, мол, твою монету и в глаза не видел.

Смешно. Взрослый мужик, а ровно дите малое — вечно всего пугается, во всем — виноват ли, нет — оправдывается. Что ж, мое дело маленькое — стоит пару раз смерить его подозрительным взглядом, и он голову от страха потеряет. Не то что Железный Виллис — тот будет стоять как скала, хоть кол на голове теши.

— Слыхал я давеча, как Джейми обещал свести сче-ты с мистером Симмонсом, — сообщил я.

У Мак-Хага глаза полезли на лоб.

— Ни черта подобного! А если и сболтнул что в сердцах по пьяной лавочке, то просто так, не имея в виду ничего конкретного!

— Так или иначе, ты это сказал.

— Э, по-погоди, по-по-погоди, — стал заикаться Джейми. — Т-т-ты по-покамест еще не шериф нашего г-г-городка. И нечего нам тут лапшу на уши ве-вешать!

Шериф плотоядно ухмыльнулся:

— Что с тобой, Джейми? Минуту назад ты кудахтал над Питером, как заботливая наседка! С тех пор что-то успело перемениться?

— Не хватало только, чтобы всякие недоумки обвиняли меня в убийстве! — окрысился Джеймс Мак-Хаг. — Эй, ты, дубина стоеросовая, знай свое место — марш на одной ноге в угол, живо!

— Я своими ушами слышал, как ты обещал расправиться с мистером Симмонсом, — не моргнув глазом, упрямо повторил я.

— Похоже, ты нервничаешь, Джейми? — заметил шериф.

— И я теперь припоминаю, — подтвердил мистер Виллис. — Ты говорил это, Джейми. А у тебя отличная память, сынок, — поощрительно кивнул он мне.

— Спорим, здесь повсюду полно отпечатков пальцев мистера Мак-Хага, — добавил я, вдохновленный поддержкой.

— Ну разумеется! — позеленев, завизжал Джейми. — Конечно, полно! А как же иначе, ведь я заходил к проклятому сквалыге вчера до полудня, пытался стребо-

вать старый должок в тридцать баксов, ты, тупой гип-попотам!

— Вот видите, — сказал я. — Он приходил сюда. Его отпечатков здесь все равно что муравьев в лесу. — И, поразмыслив, добавил: — Спорим, если заглянуть Джеймсу в карман, мы найдем там бумажник мистера Симмонса, битком набитый наличкой.

— Никто не посмеет шарить по моим карманам!

— Еще как посмею, — сказал я.

— Нет! — выдохнул Джейми.

— Шериф? — вопросительно обернулся я.

Глянув как-то странно, шериф тут же перевел взгляд на Мак-Хага.

— Джейми, — сказал он.

— Шери-иф! — проблеял Мак-Хаг.

— Кто надумал поручить мне расследование, шериф? — сказал я. — Припомните! Джейми и надумал.

На нижней губе шерифа задергался давно потухший окурок.

— Что верно, то верно!

— А почему он надумал это, шериф, как вы считаете? — спросил я и сам же ответил: — Потому что был уверен, что я только взбаламучу в ручье воду и собью вас с горячего следа.

— Нет, вы подумайте только! — ахнули остальные чуть не хором, и их так и отшатнуло от Мак-Хага.

Шериф хищно прищурился:

— Вынужден признать, Питер, кое-что ты, похоже, и вправду нащупал. Действительно, именно Джейми затеял привлечь тебя к расследованию. Он первым и предложил это чертово пари. Так разозлил меня этим, что я и бобов-то на своей тарелке не сумел бы отыскать, не то что убийцу!

— Ну! — не совсем вежливо подтвердил я.

— Вы что, рехнулись все разом? — жалобно простонал Джеймс Мак-Хаг. — Никого я не убивал! И Питера втянул в это дело без всякой задней мысли! Шериф, о Господи Боже, да не делал я ничего такого, хоть на Библии готов присягнуть!

Пот по лбу Мак-Хага струился теперь, как вода в фонтане с той обнаженной каменной красавицы, что в скверике перед мэрией.

— Тогда позволь Питеру себя обыскать, — сказал шериф.

Мак-Хаг еще отбивался и выкрикивал протесты, когда я сгреб его в охапку одной рукой, а другую запустил в задний карман брюк и выудил оттуда пухлый бумажник убитого.

— Нет! — пискнул Джейми, словно при виде призрака.

Я отпустил его. Мак-Хаг, как пьяный, крутанулся на месте и, прежде чем его успели задержать, с диким воплем выскочил за дверь.

— Держи его, Питер! — заорали все разом.

— Вы взаправду хотите, чтобы я поймал Джейми? — уточнил я. — Не шутите, как тогда с пятиугольными гайками или курве... курвиметром?

— Нет, не шутим, не шутим! — вопили все наперебой. — Поймай его! Скорее!

Тогда, хлопнув дверью, я дунул за Джейми вдогонку по раскаленному косогору сквозь мелкий подлесок. А что, если убежит? — мелькнула мысль. Да нет, где там ему, не сможет. Всем известно, как быстро я бегаю.

Я настиг его еще до опушки.

Джейми даже не попытался сопротивляться.

Хрусть!

Позже, ближе к вечеру, когда вся честная компания собралась возле шерифского офиса и, выдувая густые и синие в сумерках облачка дыма и покачиваясь в таких небольших плетеных сетках, принялась обсуждать случившееся, шериф сказал, что доволен моей подмогой, все равно как если бы изловил преступника сам. Говоря это, он, правда, чуток поморщился.

Мальчишки на улицах больше не стегали меня сзади по пяткам и не швырялись камнями. Наоборот, пока мы шли к офису шерифа, они подходили пожать мне руку и вежливо просили разрешения пощупать бицепсы. И всякий раз просили рассказать, как это удалось

мне изловить убийцу. Даже симпатичные леди в нарядных голубых и зеленых платицах, выглядывая из-за штакетников, просили о том же. На моей груди ослепительно сияла немного погнутая и потертая серебряная звезда, которую шериф раскопал в своем сундуке и прикрепил самолично, и я, никого не обижая, вновь и вновь повторял историю о том, как я раскусил загадку таинственного убийства мистера Симмонса и поймал с поличным злодея Джеймса Мак-Хага, сломавшего себе шею при попытке вырваться из моих крепких рук.

Никто больше не гонял меня за горизонтальным отвесом или за береговым кур... курвиметром, или же за гайками с левой резьбой. Мое молчание все принимали теперь за задумчивость. Мне любезно кивали из окон машин и вежливо говорили: «Хелло, Питер!» Никто больше не потешался надо мной, наоборот, мною вроде бы то-настоящему восхищались, а сегодня утром кто-то даже поинтересовался, что я собираюсь расследовать дальше.

Я счастлив, по-настоящему счастлив — как никогда прежде. И очень доволен, что мистер Симмонс умер, дав мне тем самым возможность схватить Мак-Хага. Так-то вот. Просто слов нет, как эти двое мне уже надоели.

Если вы поклянетесь, побожиться всем святым, сплюнув при том через левое плечо, что никогда и никому не расскажете, я открою вам один ма-аленький секрет.

Мистера Симмонса убил я сам.

Теперь-то вы понимаете, сэр, почему я это сделал.

Как сказал я в самом начале — я вам не олух царя небесного.

ДЕВУШКА В СУНДУКЕ

Джонни Менло со злостью пнул чердачную лесенку и с размаху шлепнулся на ступеньку. Его учительница, его собственная домашняя учительница все-таки не пришла. И во всем доме с ним никто, *никто* не станет заниматься.

Вечеринка внизу была в полном разгаре. Доносившиеся звуки казались насмешкой — смех, звяканье шейкеров, музыка. Джонни думал, что спрятался от них сюда, в одиночество. Его учительница должна была прийти сегодня — и не пришла.

А мама с папой так заняты распитием коктейлей, что обращали на Джонни не больше внимания, чем на собственную тень.

Джонни отступил еще, в сумрачное убежище заброшенного чердака. Но даже здесь послеполуденную духоту и залежалую пыль ворошили залетные звуки.

Джонни огляделся. По темным углам таились в паутинных саванах старые сундуки. Сквозь маленькое замызганное окошечко пробивался солнечный луч — как бы для удобства любопытных мальчишечьих глаз.

Вот, например, сундук в северном углу. Всегда был закрыт, заперт, и ключ куда-то спрятали. А сейчас

защелки-то опущены, а вот медный язычок замка откинут, открыт.

Джонни подошел к сундуку, выковырял защелки из пазов и приподнял тяжелую крышку. На чердаке разом похолодало.

Внутри лежала *она*.

Свернувшись клубочком. Такая молодая, красивая. Тонкое лицо — как меловая черта на аспидной доске волос. Джонни тихонько вздохнул, не отпуская крышки. Духи все еще не улетучились. Она выглядела такой же одинокой и заброшенной, каким чувствовал себя Джонни. Он ее прекрасно понимал. На чердаках всегда копятся забытые, никому не нужные вещи.

Очевидно, она задохнулась. Кто-то скрыл ее красоту под тяжелой, непроницаемой крышкой. Белые пальцы, как экзотический цветок, покойно лежали на прозрачно-розовом платье.

Секундой позже Джонни заметил на полу смятый клочок бумаги — кусочек записки, сделанной *ее* почерком:

«...вам придется возместить мне то, чего я была лишена все эти годы. Это не будет сложно. Я могу стать учительницей Джонни. Это легко объяснит мое присутствие в доме. Элли».

Джонни посмотрел на ее мертвое лицо. Точно она заснула на вечеринке, а кто-то отнес ее сюда, на чердак, и прихлопнул сверху сундучной крышкой.

Сумерки смыкались вокруг Джонни, то стягивались вокруг горла, то отступали.

— Ты моя учительница? — тупо повторял он. — Моя собственная единственная учительница? А тебя... тебя убили? Зачем кому-то тебя убивать?

Эту мысль прогнала другая. Он, Джонни Менло, сын Менло из высшего света, нашел самый настоящий труп!

Точно! Глаза мальчика широко распахнулись. Уж теперь-то мама с папой его обязательно заметят! Куда там — даже бабушка перестанет играть целыми днями

в шахматы с дядей Флинни, подавится бренди, глянет на Джонни сквозь толстые очки и воскликнет: «Господи, мальчик, так ты не зря весь дом ставил на голову!»

Точно. Точно! Джонни сморгнул. Сердечко его колотилось.

Кузен Уильям может даже *упасть в обморок!*

Он, Джонни Менло, нашел покойницу! Это *его*, не мамыны, фотографии будут печатать в вечерних газетах.

Спрятав записку в кармане, Джонни в последний раз поглядел на длинные ресницы, и розовые губы, и черные косы Девушки в Сундуке и прикрыл за ней крышку.

Он завизжит. С верхней ступеньки лестницы. И будет визжать, пока небо не упадет на землю, а гости — на пол! Вот так!

Повизжал он неплохо.

По лестнице, через зал, визгом пробивая себе дорогу в толпе, Джонни пробрался к маминому сверкающему вечернему платью и вцепился в него изо всех сил.

— Джонни, Джонни, зачем ты пришел? В чем дело? Я тебе сказала... — Детское мамино личико опустилось сквозь искристый туман.

Джонни набрал полный кулак блесток и провизжал:

— Мама, там на чердаке труп!

Все лица обратились к нему — точно зрители на стадионе. Мамино лицо напряглось, потом расслабилось.

— Отпусти мое платье, милый, испачкаешь. Посмотри на свои руки — ты весь в паутине. А теперь беги к себе, будь хорошим мальчиком.

— Ну мам! — проныл он. — Там труп...

— Господи Боже, — вздохнул кто-то в толпе. — Точно как его отец.

— А вы замолчите! — Джонни сердито оглянулся. — Там правда труп!

А мама его не видела. Она смотрела на гостей, и Джонни оставалось только взирать снизу на ее лебединую шею с бьющейся жилкой, на изящный подбороро-

док, на пальчики, поправляющие сбившийся каштановый локон.

— Пожалуйста, простите Джонни, — проговорила она. — Дети, знаете, так впечатлительны... — Подбородок опустился. В голубых глазах застыли сумерки. — Иди наверх, Джонни.

— Ох, ну мам...

Мир рушился. Блестки выскользнули из пальцев. Взгляды гостей внезапно обожгли ненавистью.

— Ты слышал, что сказала мама?

Это уже папин звучный голос. Бой проигран. Джонни дернулся, окинул зал прощальным мрачным взглядом и бросился вверх по лестнице, утирая наворачивающиеся на глаза слезы.

Он повернул медную ручку двери. Бабушка, как всегда, играла в шахматы с дядей Флинни. Солнечный свет бил в огромное окно и отскакивал от бабушкиных очков. Игроки даже не подняли голов.

— Бабушка, простите, но...

Старушка постучала тросточкой по сухому колену:

— Ну?

— Там на чердаке труп, а мне никто не верит...

— Иди, Джонни.

— Но там и вправду труп! — вскрикнул Джонни.

— Знаю, знаю. А теперь беги, принеси кузену Уильяму бутылку коньяка. Марш!

Джонни сбегал в винный погреб, достал бутылку коньяка, поднялся наверх и постучал в дверь. Ему показалось, что за дверью всхлипнули, потом послышался торопливый шепот кузена Уильяма:

— Кто там?

— Коньяк.

— О, чудно, чудно! — В дверь просунулось безвольное кроличье личико кузена Уильяма. Мягкие ручки вцепились в протянутую бутылку. — Слава те, Господи. А теперь сгинь и дай мне надраться.

Дверь захлопнулась, но Джонни успел бросить взгляд на «модельную комнатуху» кузена Уильяма — замершие на полушаге манекены в многоцветных шелках, приколотые к стенам акварельные наброски костюмов,

шляпок, накидок, яркие груды катушек и клубков. Потом щель закрылась, щелкнул замок, и кузен Уильям нервно забулькал коньяком по другую сторону блестящей медной ручки.

Джонни глянул на висящий в коридоре телефон. Он подумал о том, что папа с мамой танцуют, дядя Флинни и бабушка играют в шахматы, кузен Уильям тихо пьет — а сам он бродит, как чужой, по этому огромному гулкому дому. Он схватился за телефон.

— Э... мне надо... то есть... дайте полицию.

Голос оператора заглушило глубокое:

— Повесь трубку, Джонни. И немедленно ложись спать.

Звучный, культурный папин голос...

Джонни медленно положил трубку. И это его награда? Он сел прямо на пол и тяжело, бессильно заплакал. Теперь он понял, каково было Девушке в Сундуке, когда ее прихлопнули крышкой. А его вот так прихлопнули пятеро!

Он все еще ерзал в постели, когда дверь тихонько приоткрылась и в комнату заглянула голова — курчавая, большая голова дяди Флинни, чтобы одарить мальчика ласковым взглядом больших, черных, круглых глаз. Неторопливо и неслышно дядя вошел в комнату, пристроился на краешке кресла, как тихая птичка на несте, и сложил вместе пальцы-перышки.

— Раз ты сегодня лег пораньше, — сказал он, — то я тебе и сказку на ночь тоже пораньше расскажу, ладно?

Джонни считал, что он уже слишком взрослый для сказок. А уж слушать сказки на ночь он, выросший среди взрослых людей и взрослых, умных разговоров, и вовсе считал ниже своего достоинства.

— Ладно, дядя Флинни, — пробормотал он с мученическим вздохом. — Давай.

Дядя Флинни так вцепился в обтянутые отглаженными черными брюками колени, словно те готовы были взорваться.

— Жила-была однажды женщина, молодая и прекрасная...

О-хо-хо! Эту историю Джонни слышал уже тысячу раз. «У нас на чердаке труп, — обиженно подумал он, — а мне приходится слушать старые сказки».

— И прекрасная дева полюбила юного рыцаря, — продолжал дядя Флинни. — И жили они счастливо многие годы. Пока не пришла Тьма, не похитила юную деву и не скрылась с ней. — Дядя Флинни выглядел очень старым и очень грустным.

— А потом рыцарь вернулся домой, — напомнил ему Джонни.

Дядя Флинни его не слышал. Он продолжал рассказывать, странным, тихим, монотонным голосом.

— Рыцарь преследовал Тьму по всей Темной земле. Но как ни молил он, как ни пытался догнать Тьму, это ему не удалось. Жена его сгинула навеки. Навеки.

Дыхание дяди Флинни стало неровным и резким. Глаза горели мрачным огнем, губы дрожали, белые пальцы стискивали колени. Он был уже не собой, а рыцарем, скачущим где-то далеко, за миллион миль отсюда, по Темной земле.

— Но рыцарь все искал и искал, потому что он дал клятву, что когда-нибудь найдет и убьет Тьму. И — чудо из чудес! — он настиг ее. Он убил Тьму. Но, Господи Боже, убив ее, он увидел, что лицо Тьмы было лицом его погибшей супруги, а сам он становится все темнее и темнее...

Конец. Джонни очень надеялся, что продолжения не будет. Дядя Флинни сидел, задыхаясь и дрожа, посреди созданных его словами сумерек, забыв о Джонни. Просто сидел. И Джонни пробрал озноб.

— Спасибо. Спасибо, дядя Флинни, — пробормотал он. — Спасибо за сказку.

Дядя обратил к нему невидящий взгляд:

— Что? А-а. — Он расслабился, признав племянника. — Конечно. Сколько угодно.

— Ты так раскочегарился, дядя Флинни!

Дядя тихо отворил дверь.

— Спокойной ночи, Джонни.

— Дядя!

— Да?

Джонни зажал рот ладонью.

— Ничего...

Дядя ушел, шаркая ногами, и дверь мягко затворилась. Джонни яростно запрыгал на пружинах.

— Сколько я всего делаю, чтобы только все были счастливы! Дядю Флинни выслушивать — бабушке все подносить — у мамы под ногами не путаться — папу слушаться! А кузена Уильяма спаивать! Тьфу!

Как он от них всех устал! Ну почему бы им для разнообразия не обратить внимания на *него*?

Вечер продолжался. Джонни соскользнул с постели, приложил ухо к замочной скважине и прислушался.

Целый час по лестнице ходили. Топотала бабушка, и перестукивала ее тросточка, шаркал ногами дядя Флинни, размашисто и ровно ступал папа, плыла мама, и спотыкался кузен Уильям. Слышались голоса — спорили, понукали, ссорились. Папа кого-то убеждал, мама критиковала, бабушка отчитывала, кузен Уильям всхлипывал, а дядя Флинни молчал. Пару раз скрипнула чердачная дверь.

Но к комнате Джонни никто даже не подошел. Вечеринка внизу безмятежно продолжалась. Спускалась зябкая осенняя ночь.

Но наконец наступила тишина. Джонни ринулся по пыльной темной лестнице на чердак. Сердце его лихорадочно билось. Он им *покажет*!

Странно, но сундук оказался совсем не тяжелым. Всего и дел — подтолкнуть его к лестнице, а там он сам покатится. А потом — еще один толчок, и сундук, куврякаясь, полетит в гостиную. Да. Вот теперь ему уж точно все поверят!

Джонни повернул сундук.

Толпа бормотала. Радиола играла. Мама и папа плыли в разноцветном людском потоке — огоньки, вокруг которых трепыхали воображаемыми крылышками мошки высшего общества.

И эту идиллию снова прервал голосок Джонни с верхних ступенек лестницы.

— Мам! Пап! — крикнул он изо всех сил.
Все обернулись. И посмотрели — как на приеме.
По лестнице спустилась женщина.

Кто-то, конечно, завизжал. Почти как кузен Уильям. Но все остальные молча глядели, как женщина в прозрачном вечернем платье спускается по лестнице. Ну, не совсем спускается. *Скатывается.*

Ступенька за ступенькой, вниз и вниз, бессуставно, бескостно, мертво, — руки, ноги, голова болтаются, волосы темным бичом шлепают ступеньки. Джонни кубарем скатился за ней.

— Я же говорил, мама! Пап, я ее снова нашел! Нашел!

Он навсегда запомнит мамино лицо в этот миг. В миг, когда она наотмашь ударила его по лицу и прохрипела:

— Джонни!..

— Позовите полицию! — вскрикнул кто-то.

А кто-то другой уже накручивал диск телефона. Папино лицо стало глухо-спокойным и серым, очень старым и усталым. Джонни отшатнулся от удара и вцепился в перила. «Она меня никогда раньше не била, — думал он. — Никогда. Она всегда была такая добрая, ласковая, только рассеянная немного, но раньше она меня не била».

А потом все вдруг рассмеялись. Кто-то показал на тело, и все покраснели и рассмеялись! Даже папа — но одними губами.

— Черт меня побери! — прорезал шум чей-то голос. — Так вот что за труп мальчишка нашел наверху!

— Манекен!

— Конечно. Разодетая кукла! Неудивительно, что ребенок принял ее за тело. — И снова громкий смех.

Джонни потянулся и дрожащими пальцами нащупал откинувшуюся руку, отдернулся, нащупал снова — холодный, твердый пластик.

— Это не тело. — Он поднял недоуменный взгляд, покачал головой и отодвинулся. — Это совсем не тело. То было другое. Теплое, мягкое. Там лежала настоящая девушка!

— Джонни!

Папины губы перестали улыбаться. Мама так стиснула кулак, что побелели костяшки.

— И все равно это не она! — выкрикнул Джонни и заплакал. Слезы смывали мир по частям, как дождь, заливающий ветровое стекло. — И все равно она была мертвая и не гипсовая, вот!

Дом гудел до полуночи. За закрытыми дверями люди говорили, спорили. Однажды Джонни даже показалось, будто кузен Уильям всхлипывает. Топотали по лестницам ноги, загорался и гас свет. Но наконец все улеглось, а Джонни смог сесть в постели и откинуть одеяло. Тот двойной щелчок — кузен Уильям запер дверь своей спальни... Зачем? Потому что кто-то или что-то бродит по дому?

Джонни вздрогнул. Дверная ручка повернулась. Дверь чуть приоткрылась. Из темноты коридора кто-то вглядывался в темноту спальни. Странная штука — сердце. Сердце Джонни, как ртутный шарик, заметалось в груди.

А что-то все стояло за полуоткрытой дверью, вглядываясь, всматриваясь. Потом спокойно закрыло дверь за собой и исчезло.

Джонни вколотил защелку на место и обессиленно прислонился к двери. Теперь никакая тень не ворвется. Но шаги удалялись и наконец стихли.

На подгибающихся ногах Джонни проковылял к кровати.

«Мама, мам! — кричал он про себя. — Ты так разозлилась на меня, потому что я устроил сцену перед гостями? Ты бы меня убила, мама? Может, между Девушкой в Сундуке и папой было что-то нехорошее и ты ее из-за этого убила? А раз я попался на дороге — что ты со мной сделаешь? Ой нет, мама, только бы не ты!

Пап! Ты заставил меня повесить трубку. Ты тоже боялся, что все выплывет наружу? Боялся за свой бизнес, за свои деньги, за репутацию и членство в клубе? Это ты стоял за дверью, как бессловесная тень?

Я тебя всегда любил больше всех. А сегодня ты все время молчишь и даже на меня не *смотришь*».

А еще кузен Уильям. Он мог подменить тела, чтобы обмануть Джонни. Он мог подложить в сундук один из своих манекенов. Может, она была подружкой Уильяма? Угрожала ему? Или он боялся за свою репутацию? Может, это он стоял за дверью — он, со своими манекенами и знаменитыми дорогими платьями для дорогих женщин?

А может, тихонький дядя Флинни со своими сказками на ночь? Он так любил маму, свою сестру. Он бы что угодно сделал для нее, или папы, или бабушки, или кузена Уильяма. Смог бы он убить — ради них, чтобы в их дом никто и никогда не входил?

Бабушка. Которая целыми днями только и делает, что играет в шахматы да пьет неразведенное бренди. Всю жизнь она обустроивала этот дом. Вся ее жизнь — это высший свет, положение, строгий вкус. Что бы она сделала, когда чужой человек попытался бы править этим старым домом? Что бы она *с ней* сделала?

Все они! Все!

Джонни трясся, и пружины под ним тихо поскрипывали. Всего одна женщина вошла в этот старый, пронафталиненный дом, а испугались все, до единого. Всего одна женщина.

Джонни протянул руку и нащупал на столе ту записку, что нашел в чердачной пыли. Мысли его возвращались к ней снова и снова:

«...вам придется возместить мне то, чего я была лишена все эти годы. Это не будет сложно. Я могу стать учительницей Джонни. Это легко объяснит мое присутствие в доме. Элли».

Джонни повернулся к стене.

— Элли, учительница моя, где ты? — спросил он темноту. — Отдыхаешь в одиночестве в студии кузена Уильяма, среди манекенов? Неподвижно играешь с бабушкой в шахматы? Или лежишь в темном, сыром

подвале, среди винных бутылок? Сегодня ты останешься в этом доме. А завтра тебя тут может и не оказаться. Если я тебя не найду...

Сад был огромен — цветник, сауна, бассейн, домик для прислуги легко терялись среди плодовых деревьев. Между аллеей сикоморов и высокой живой изгородью, отделяющей сад от улицы, на прогретой солнцем лужайке, рос дубок. А по другую сторону изгороди прохаживался полицейский — туда-сюда. Джонни влез на дерево, переполз на свесившуюся наружу ветку и принался ждать.

Полицейский миновал дуб, и Джонни пошуршал листьями.

— Эй, сынок, — полицейский обернулся, — а ну слезай. Упадешь еще.

— Ну и что? — отозвался Джонни. — У нас в доме женщина мертвая, и все это скрывают.

Полицейский выдавил улыбку:

— Да ну?

Джонни поерзал на ветке.

— Я ее в сундуке нашел. Кто-то ее убил. Я хотел вчера вызвать полицию, но папа мне не позволил. Я сундук вывернул, и она упала и покатилась по лестнице. Только это вовсе не женщина оказалась, а манекен.

— Ну-ну. — Полицейский весело хмыкнул.

— Только вторая женщина была настоящая, — настаивал Джонни.

— Какая вторая?

— То есть первая. Кузен Уильям, он модельер. Он ее и подменил. Видели бы вы их сегодня утром. Пытаются веселиться, как в кино. Только меня им не обмануть. Невеселые они. Мама усталая и нервная. Интересно, долго они еще выдержат, прежде чем кричать начнут?

Полисмен скривился:

— Господи Боже, ты точно как мой мелкий! Все у него комиксы с дезинтеграторами. Боже мой, это же преступление — давать детям в руки такое чтиво. Убийства! Трупы! Тьфу!

— Но это правда!

— Пока, малыш.

Полицейский двинулся дальше. Джонни вцепился в ветку так, что дерево задрожало, потом прыгнул на тротуар и бросился полицейскому вслед.

— Вы должны пойти посмотреть! Они ее увезут, если вы не найдете, и тогда уже никто никогда ничего не узнает!

— Слушай, малыш, — терпеливо сказал полицейский, — я никуда без ордера войти не могу. И откуда я знаю, что ты не врешь?

Ну вот, теперь он шутит.

— Ну вы мне *должны* поверить!

— Держи. — Полисмен взял Джонни за руку и повел куда-то.

— Куда мы идем?

— К твоей маме.

— Нет! — Джонни попытался вывернуться из цепкой хватки. — Это не поможет! Она меня будет ненавидеть! А вам наврет!

Но полисмен провел его к парадному и позвонил в колокольчик. Дверь открыла горничная, но мама подошла тут же — белая как молоко, со сбившейся набок прической. Накрашенные губы лежали на лице нелепым мазком, под глазами висели синие мешки.

— Джонни!

— Следили б вы за ним получше, мэм, — посоветовал полисмен. — А то бегают по улице, еще под машину попадет.

— Спасибо, офицер.

Полисмен глянул на нее, на мальчика. Джонни хотел заговорить, но из горла выдавился только всхлип. Дверь захлопнулась, оставляя полицейского на крыльце, и из глаз Джонни покатались слезы.

Мама ничего ему не сказала. Ни словечка. Только стояла, бледная, одинокая, заламывая пальцы. И все.

После обеда Джонни сел и сосредоточенно записал в десятицентовом блокноте все, что знал о Девушке в Сундуке, кузене Уильяме, маме, папе, бабушке и дяде Флинни.

«Девушка в Сундуке любила папу, — вывел он, хорошо наслюнявив карандаш. — И когда она пришла в дом, папа ее убил. — Джонни задумчиво вытянул губы. — Или мама ее убила. — В голове у него мешались виденные в кино страшные убийства. — Бабушка или дядя Флинни могли ее убить, потому что она им угрожала... их бе-зо-па-сно-сти». — Вот так. Джонни писал старательно и быстро. Посмотрим... — А кузен Уильям? Может, она все же его подружка? — Джонни на это немного надеялся, потому что недолюбливал кузена. — А может, это что-то в прошлом бабушки? Или дяди Флинни? — А как насчет...

— Джонни! — Бабушка зовет.

Джонни поспешно убрал блокнотик.

Подталкивая Джонни тросточкой, бабушка провела мальчика в свою комнату, усадила за шахматную доску и указала подбородком на белые фигуры:

— Это твои. Мои — черные. — Она призадумалась. — Как обычно.

— Мы играть не сможем, — заявил Джонни. — У тебя двух фигур нет.

Бабушка глянула на доску:

— Снова дядя Флинни. Он вечно уводит фигуры у меня из-под носа. Все равно сыграем. Мне и того хватит. Ходи. — Она ткнула узловатым пальцем в доску.

— А где дядя Флинни?

— Поливает сад. Ходи.

Джонни замороженно смотрел, как шевелятся ее пальцы. Бабушка нагнулась над полированными клеточками доски.

— Мы все хорошие люди, Джонни. Двадцать лет мы так славно жили в этом доме. Ты провел в нем лишь малую часть этих лет. Мы никогда не искали трудностей на свою голову. И ты их нам не ищи.

В окно билась большая черная муха. Где-то на первом этаже капала из крана вода.

— Я не ищу... трудностей, — выдавил Джонни. Шахматную доску опять смыли струйки цветной воды. — Папа сегодня за завтраком был такой бледный, странный. Почему он так переживает из-за куклы, бабушка?

А мама вся взведенная, как пружина в часах, вот-вот прыгнет. Из-за куклы так ведь не переживают, правда?

Бабушка помедлила над черным слоном, спрятавшись, как дряхлый рак-отшельник, в кружевную раковину.

— Не было никакого трупа. Фантазия у тебя разыгралась не в меру. Забудь об этом. — Она так глянула на Джонни, точно это он убил Девушку в Сундуке. — Лучше ходи по солнечной стороне. Молчи, не путайся под ногами и забудь. Кто-то должен сказать тебе это. Не знаю, почему все сваливают на меня. Просто забудь!

Они играли в шахматы до заката. И снова ужин был съеден торопливо, в доме как-то сразу стемнело, и все поспешно разошлись по своим спальням.

Джонни слушал, как часы отбивают четверти. В дверь постукали.

— Кто там?

— Дядя Флинни.

— Чего тебе, дядя?

— Пора рассказать на ночь сказку.

— Ой, дядь Флинни, только не сегодня...

— Нет, сегодня. Это особая сказка. Самая особенная сказка.

— Я очень устал, дядя Флинни, — проговорил Джонни. — В другой раз, а? Только не сегодня.

Дядя Флинни ушел. Часы все били — десять. Рано. Одиннадцать. Еще рано. Без четверти полночь.

Джонни открыл дверь.

Дом спал. Лунный свет лился в высокие окна, большая парадная лестница сияла нетронутым блеском, и нигде не шевелилась и тень.

Джонни закрыл дверь. Где-то в тишине бабушка тяжело похрапывала под балдахином и очень тихо позвякивало стекло, будто в комнате кузена Уильяма нервно перекатывались бутылки.

У лестницы Джонни остановился. Вот если он сейчас вернется в кровать, вернется и все забудет, не станет и трудностей. Все будет как пару дней назад.

И мама станет смеяться на вечеринках, и папа будет ездить в контору с огромным чемоданом, и бабушка будет попивать свое бренди, и кузен Уильям будет колоть булавками манекены, и дядя Флинни будет вечно рассказывать свои бредовые, бессмысленные сказки на ночь.

Но все не так просто. Возврата нет. Идти можно только вперед. Папа, его единственный друг, после этого — случая? — стал чужим. А мама совсем сломалась. Глаза красные, словно она плачет ночами. Ведь под всем этим блеском ей тоже надо жить. Бабушка выпьет в неделю две бутылки бренди, не одну. А кузен Уильям будет вспоминать о Девушке в Сундуке каждый раз, втыкая иголку в манекен, будет бледнеть, шараться и топить страх в коньяке.

Она была такой одинокой, когда Джонни нашел ее, — прекрасная темноволосая девушка в пыльном сундуке. Такая чужая. Они были теперь связаны. Ее убили за то, что она была чужой в этом доме, — но Джонни тоже стал чужим. И поэтому он хотел отыскать ее снова. Как потерянную сестру. Ее надо найти, надо помнить — и нельзя забыть.

Джонни осторожно щупал ногой каждую ступеньку, цепляясь за перила. На чердаке ее уже нет, и в комнатах тоже — как *они* могли бы спать рядом с ней? Может, внизу? Где-то в отложениях темноты. Но не в комнатах прислуги, конечно.

Едва он добрался до последней ступеньки, как наверху медленно-медленно отворилась и вновь закрылась дверь. Звuka не было, но кто-то спокойно и неслышно прошел и встал на верхней ступеньке парадной лестницы.

Джонни замер, вцепившись в стену, точно тень. Пот стекал по лицу, капал с ладошек. Он не видел, кто молча стоит там, в темноте, но ощущал его пристальный взгляд.

Но повернуть назад нельзя. Нельзя просто лечь в постель и все забыть. Забыть Девушку в Сундуке, ее одинокую смерть. Джонни глубоко вдохнул, подождал секунду и, увидев, что стоящий на лестнице не соби-

рается спускаться, ринулся через зал, по коридору, в кухню, через черный ход на освещенные луной просторы сада.

Впереди лежали сияющий квадрат бассейна, роща, сауна, по обе стороны от нее — цветники и сверху — звезды. Чуть дальше виднелись теплица и садовый сарайчик. Туда и побежал Джонни. Тень сарайчика послужила ему убежищем. Оглянувшись, он не заметил в доме ни движения, ни огонька.

Тело, должно быть, спрятано в одной из садовых построек.

Так хорошо сейчас было бы в постели. За запертой дверью. Джонни дрожал, как вода в бассейне. Ему показалось, что кто-то смотрит на него из окон второго этажа. Намек на стоящую фигуру, вроде той, что смотрела с лестницы... Потом она исчезла.

Послышались шаги. Кто-то шел по покрытой гравием дорожке, идущей от парадного, через рощу сикоморов, кто-то прятался в тени деревьев, невидимый и едва слышный.

А потом внезапно на свет вышла *она*. Не мама и не бабушка. На грани лунного полусвета и рваных теней стояла Девушка из Сундука.

Она молча смотрела на Джонни.

Мальчик сглотнул. Пальцы его сами собой вцепились в тело. Моргая, он недоверчиво вглядывался в представшую ему картину. Листья сикоморов дрожали на ночном ветру. Где-то за оградой ухнул клаксон, точно заблудившаяся сова.

Так она жива! Весь дом просто потешался над Джонни. Это все какая-то невероятная, непонятная шутка. Все они против него. А учительница — живая! Не было никакого убийства! И труп не было! Она пришла, его собственная и ненаглядная, в минуту самого непереносимого одиночества.

Джонни выпрыгнул в лунный свет. Он бежал изо всех сил, тихо, не крича и не окликая, по траве, по плиткам вокруг бассейна, к сикоморам.

А она ждала его, раскинув руки для нежных объятий, и тени сикоморов колыхали ее тонкое вечернее платье.

— Элли, это ты? — прошептал Джонни. Он потянулся к подолу плывущих теней...

И вселенная лопнула. Платье взметнулось безумным, пьяным вихрем. Девушка из Сундука согнулась с хриплым вздохом, падая в обморок... нет. Падая!

Тень хлестнула Джонни по лицу, раз, другой, третий, оглушая, выбивая всякое соображение. Он упал на колени, и, прежде чем успел поднять руки, прикрывая лицо, чьи-то сильные пальцы зажали ему рот.

«Мама!» — мелькнула страшная мысль.

Мама, одетая в платье Девушки из Сундука, чтобы подманить к себе.

«Мама, не убивай меня! Не убивай! — пытался вскрикнуть он. — Прости, что я пытался вызвать полицию! Мама, ты так любишь папу — ты поэтому убила Элли, да? Мама,пусти! Ты была так на нее похожа в этой тени!»

Но руки не отпускали. Удар за ударом, и руки, сжимающие его. Такие сильные пальцы, такие толстые — вовсе не похоже... Джонни заходился беззвучным криком — такие толстые это были пальцы, — а слышны были только всхлипывающие, жуткие вздохи.

Дом качался и кренился где-то сбоку, точно грозя обрушиться и задавить Джонни. Старый, огромный дом, где все спят и не видят, как двое молча борются у зеркальной глади бассейна.

Джонни как-то вдруг сообразил, что это не мама и не Девушка из Сундука. Слишком сильные руки. Но кто в доме сильнее мамы, тверже, суровее?

Бабушка. Но тело слишком крепкое. Джонни наполовину вырвался, увидел лужайку под луной, брошенное вечернее платье — и руку манекена, рухнувшего на землю, холодного, пластмассового, мертвого. А за спиной Джонни стоял и давил ему на горло кто-то другой.

Кузен Уильям!

Но нет запаха коньяка. И руки не дрожат, они тверды. Дыхание чистое и ровное, чуть всхлипывающее.

Папа!

«*Пап!* — пытался крикнуть Джонни. — *Нет, нет, не надо!*»

А потом он услышал голос. Что-то маленькое и черное процокало по кафельным плиткам у края бассейна, и Джонни *понял*.

— Ты причинил боль матери! — прошептал сдавленный голос.

«*Я не хотел!*» — неслышно кричал Джонни.

— Если бы не ты, она бы и не узнала, что Тьма умерла! — шуршал голос.

«*Я не хотел находить Девушку из Сундука!*» — Джонни молча отбивался.

— Это ее убьет. А если она умрет, мне незачем жить. Кроме нее, у меня не было никого родного двадцать лет, с тех пор, как это все случилось!

Элли пришла на вечеринку. Они пытались одурачить меня, представить ее как чужую. Но я догадался. Она поднялась наверх в своем вечернем платье, а я напоил ее бренди со снотворным и уложил спать в старом славном сундуке. Никто бы не узнал, если бы *ты* не заглянул в сундук. Элли бы просто исчезла. Знали бы только я и бабушка! Но ты Темный, ты тоже Тьма, как Элли! — шептал голос. — Когда я вижу тебя, я вижу и ее лицо! Так что...

Тьма. Рассудок Джонни бился, как пленник. *Дядя Флинни!*

Дядя Флинни, почему ты называешь Элли Тьмой? Почему? Твоя сказка на ночь, столько лет все одна и та, дядя Флинни, о прекрасной даме и Тьме... а теперь Тьма стала моей учительницей — за что ты убил ее? Что она тебе сделала?! Почему ты зовешь ее Тьмой? Что значит твоя дурацкая сказка? Я не знаю.

Не убивай меня, дядя Флинни. Вода такая холодная и блестящая. Я не хочу прятаться под ее холодным блеском.

Джонни уцепился за дядю Флинни и повалился вперед, так, что оба рухнули в бассейн. Пальцы отпустили его горло. Вода заливала ноздри, пузыри срывались с губ, а они все боролись в темной воде...

Когда Джонни вынырнул, из глубины за ним поднялся большой пузырь, потом еще несколько. В глубине проглядывали очертания старческого тела. Но то было и все...

Плача навзрыд, Джонни выкарабкался из бассейна. Когда он увидел валяющийся рядом манекен в вечернем платье — такой одинокий, — его рыдания перешли в крик. Нога наткнулась на что-то маленькое и твердое. Джонни машинально подобрал черную шахматную фигурку, одну из тех, что дядя Флинни всегда воровал с бабушкиной доски. Сжав ее в кулаке, Джонни невидящими глазами смотрел, как затихают волны в бассейне, где заснул навсегда дядя Флинни. Все было так нелепо, так нелепо, что и выдержать нельзя.

Он повернулся к дому, смагивая слезы. Зажигались огни, вспыхивали желтые и оранжевые квадраты окон, отец, крича, бежал по лестнице, распахивалась дверь черного хода, а Джонни, плача, опускался на холодный кафель...

Мама сидела на одном краю кровати, папа — на другом. Джонни уже выплакал все слезы и теперь поглядывал то направо, то налево, то на отца, то на мать.

— Мам!

Мама не ответила, только слабо улыбнулась и крепко сжала руку Джонни.

— Мам, ох, мам, — пробормотал Джонни. — Я так устал, я не могу заснуть. Почему? Почему, пап? — Он повернулся к отцу. — Что случилось, пап? Я не понимаю.

Видно было, что папе тяжело говорить. Но он все же ответил.

— Двадцать лет назад, — проговорил он, — дядя Флинни был женат. Его жена умерла родами. Дядя Флинни очень любил свою жену. Она была очень красивой и

доброй. А ребенка он возненавидел. Не хотел его видеть. Думал, что это ребенок убил его жену. Ты понимаешь его, правда? Представь, как бы я себя чувствовал, если бы умерла мама?

Джонни неуверенно кивнул. На самом деле он не очень понимал.

— Дядя Флинни отдал ребенка в приют. И нам не сказал в какой. А девочка выросла, озлобленная на дядю Флинни за то, что он так с ней обошелся. Она ведь не по своей воле родилась. Понимаешь, сынок?

— Да, папа.

— А месяц назад Элли, выросшая уже девочка, нашла нас. И написала письмо. Мы предложили ей место учительницы — это было только справедливо. Думали, что сохраним все в секрете от твоего дяди. Но когда Элли пришла и во время вечера поднялась наверх, дядя Флинни догадался, кто она.

Отец помолчал немного, закрыв глаза.

— А потом... потом ты нашел ее на чердаке. Мы пытались все скрыть. Заставить тебя забыть. Бесполезно. Мы не могли забыть сами. Все должно было всплыть. Так много оказалось поставлено на карту — наши жизни, — и мы пытались все замять. Сохранить деньги, репутацию, деловые связи и общественное мнение... хотя все это... на самом деле... не стоит ни черта!

Джонни опустил голову:

— Я всюду совал нос...

— Ты был нашей совестью. Очень действенным символом. Ты весь дом переполошил. Дядя Флинни решил, что это ты причиняешь боль матери. Твоя мама — его сестра — после смерти его жены осталась единственным близким ему человеком.

— И он хотел изобразить, будто я сам утонул в бассейне...

Мама внезапно нагнулась и крепко обняла сына:

— Прости, Джонни. Мы бываем так слепы. Я не думала, что он на такое пойдет...

— А полиция?

— Скажем правду. Дядя Флинни убил Элли и покончил с собой.

Голос матери казался далеким, утомленным и пустым.

— Дядя Флинни рассказывал мне сказки на ночь, — слышал Джонни собственный голос. — Мам, я все-таки не понимаю. О Тьме и прекрасной супруге рыцаря...

— Когда-нибудь, когда станешь старше, ты поймешь. Бедняжка Элли. Она всегда была Тьмой.

Мир откатывался далеко-далеко.

— Только больше никаких сказок на ночь, мам. Хорошо?

— Хорошо, — отозвался мамин голос из усталой темноты.

Джонни откинулся на подушку. Пальцы его разжались, и на пол со стуком упал и покатился маленький предмет. Джонни заснул прежде, чем черный конь замер на гладком паркете.

СЕГОДНЯ ОЧЕНЬ ХОЛОДНО, ИАНА...

Годы все шли. И вот после стольких лет дождей, снегов и туманов, ласкавших каменную плиту с именем Дианы Койл на голливудском кладбище, Клив Моррис пришел в просмотровый зал. На улице лил дождь, а он сидел в кресле и взирал на нее.

Она была здесь, на экране. Ее стройное, лениво-грациозное тело, ослепительно рыжие волосы и сияющие зеленые глаза.

И Клив подумал: «Ты не замерзла там, Диана? Ведь сегодня такая холодная ночь. И дождь, не просочился ли он к тебе? Подточили ли годы бронзовые стенки места твоего последнего упокоения, или ты все еще прекрасна?»

Он смотрел, как она скользит по экрану, слушал ее смех, и навернувшиеся на глаза слезы превращали ее в размытое пятно.

«А тут сегодня так тепло, Диана. Ты здесь и согреваешь меня своим присутствием, хотя все это только иллюзия. Тебя зарыли в землю три года назад, и теперь охотники за автографами осаждают других актрис».

Yesterday I Lived!

Copyright © 1944 by Ray Bradbury

Сегодня очень холодно, Диана...

©Издательство «Полярис», перевод, 1997

Как он может так обращаться к ней? Ведь она не давала ему ни малейшего повода. Но, с другой стороны, к ней все испытывали одно и то же чувство: все ее любили и все ненавидели за то, что она так всеми любима. Но, может, *ты* любил ее больше, чем другие.

Ты? Да кто ты такой вообще? Она едва замечала тебя. Клив Моррис — дежурный сержант на проходной, на два часа в день приставленный к открывающей двери кнопке, а остальные шесть часов слоняющийся по гулким этажам киностудии. Она с тобой почти не была знакома. Да и что было-то? Всегда одно и то же: «Привет, Диана», «Привет, сержантик!» и «Доброй ночи, Диана» вслед прошуршавшему по ступенькам длинному вечернему платью и брошенному вполоборота, через матовое плечо: «Пока, сержантик. Веди себя хорошо».

Три года назад. Клив плавно погружался в воспоминания. Часы на руке прозвонили восемь. Киностудия затихла и стала гасить огни один за другим. Завтра здесь снова забурлит жизнь. Но сегодня он хочет остаться с Дианой Койл наедине. В проекционной будке сзади возится с кассетами Джеми Винтерс — кинооператор из студии А-1.

Итак, вы здесь, вас только двое в этом ночном зале. Экран мигнул, на секунду исказив прекрасное лицо. Потом мигнул еще раз (это уже начало раздражать). Потом мигнул еще дважды, но дальше фильм пошел нормально. Просто бракованная копия. Клив поглубже уселся в кресло и полностью ушел мыслями туда, на три года назад, в тот же самый час, в тот же самый день того же месяца... только три года назад... тот же час... дождь, льющий с черного неба... три года назад...

В тот вечер дежурил Клив. Лица входящих были залиты дождем, и на него никто не смотрел. Он чувствовал себя как смотрительница зала в музее, которую давно уже никто не замечает. Так, приставка к дверной кнопке.

— Добрый вечер, мистер Галдинг.

Р. Дж. Галдинг на секунду задумался и решительно отверг приветствие коротким жестом затянутой в серую лайку кисти.

— Добрый ли? — с сомнением покачал он большой седовласой головой. Продюсеры, они все такие.

Дз-зинь! Дверь открывается. *Ба-бац!* Захлопнулась.

— Добрый вечер, Диана!

— Что? — Темная ночь, из которой она вошла в студию, украсила на прощание прекрасное лицо десятками сверкающих драгоценными камнями капелек. Как ему хотелось бы поцеловать их — каждую по отдельности. У нее сегодня такой растерянный, такой одинокий вид. — А, это ты, Клив, привет. Сегодня пашем допоздна. Надо добить эту проклятую картину. Ох, черт, как я устала!

Дз-зинь! Дверь открывается. *Ба-бац!* Захлопнулась.

Он смотрел ей вслед, задержав дыхание, чтобы сохранить подольше для себя запах ее духов.

— А-а, сыщик! — раздался над ухом чей-то голос. С иронической улыбкой на него смотрел красавчик Роберт Деним. — Ну, открывай двери, деревенщина. И кто додумался доверить тебе такую сложную работу? Ты слишком легко поддаешься обаянию, бедняжка.

Клив холодно взглянул на него:

— Но ведь она ушла от вас? Навсегда?

Лицо Денима исказилось и сразу утратило всю свою привлекательность. Он не ответил, но одного взгляда ему в глаза Кливу хватило, чтобы убедиться, что он не ошибся. Роберт рванулся к двери и, схватившись за ручку, дернул.

Клив, сложив руки на груди, молча смотрел на кнопку. Деним выругался и развернулся, рука в перчатке произвольно сжалась в кулак. Клив усмехнулся и нажал на кнопку. Усмешка была такого рода, что вся ярость актера мгновенно испарилась, он еще раз дернул за ручку, дверь открылась, и он шагнул в темный коридор.

Через несколько минут вошел, отряхиваясь от дождя, Джеми Винтерс и с места в карьер начал жаловаться:

— Эта Диана Койл — та еще штучка, это я тебе говорю, Клив. Она хочет, чтобы я поздним вечером ухитрился ее снять так, чтобы она выглядела свеженькой двадцатичетырехлетней девочкой! Уф, ну и работка мне предстоит!

Вслед за Винтерсом появились Джордж Кролл и Талли Дархэм, всегда буквально висевшая на нем, чтобы Диана на него не покушалась. Но было уже поздно: по лицу Джорджа было видно, что он готов, а по лицу Талли — что она знает об этом, но все еще не хочет поверить.

Ба-бац!

Клив проверил список, чтобы убедиться, все ли занятые сегодня в ночной смене пришли. Все. Он позволил себе расслабиться. Все это один большой мрачный улей, а Диана — королева пчел, вокруг которой суетятся остальные. Студия станет работать допоздна, и все будет лишь для нее: прожектора, статисты, музыка, шумы и всеобщее внимание. Клив закурил сигарету, откинулся на спинку стула и, слегка посмеиваясь над собой, погрузился в мечты.

«Диана, а давай вдвоем купим маленький домик в Сан-Фернандо, который будет каждый год смывать разливом, зато потом, после паводка, луга запестрят прекрасными цветами. С тобой, Диана, даже во время наводнения, я буду счастлив в нашем маленьком каное. Мы станем собирать цветы, сено, греться на солнце, и да снизойдет на нас покой в долине счастья, Диана».

Клив слышал только стук капель в окно, отдаленные раскаты грома да тиканье часов, с упорством термита прогрызавших дыру в тишине.

Тиктиктиктик...

Отчаянный вопль, эхом отдавшийся в гулких коридорах, выдернул его из-за стола. В дверь ввалилась сценаристка и, шатаясь, прислонилась к стене, что-то несвязно бормоча. Клив схватил ее за плечи, и женщина завопила:

— Она мертва! Она мертва!

Часы снова заладили свое *тик-тик-тик*.

За окном полыхнула молния; по спине Клива пробежал холодок. У него засосало под ложечкой от страха произнести тот единственный вопрос, который он был обязан задать. Вместо этого он, оттягивая неизбежное, тщательно запер входную дверь и методично проверил все окна — закрыты ли. Закончив, он обернулся и увидел, что женщина лежит на столе и ее сотрясает крупная дрожь, словно старую машину, в которой сломалось несколько деталей и она вот-вот разлетится на куски.

— Только что... В двенадцатом павильоне... — выдохнула она. — Диана Койл.

Клив бежал по пустынным темным коридорам студии и слышал лишь эхо своих шагов, далеко разносившееся по гулким павильонам. Наконец впереди вспыхнули яркие прожектора: двенадцатый павильон. Люди, окружившие съемочную площадку, потрясенно застыли без движения.

Он вбежал в круг и с бьющимся сердцем взглянул на пол.

Она была самой красивой женщиной, которая когда-либо умирала.

Серебряное вечернее платье расплескалось вокруг нее маленьким озерком. Пять ярко-красных жучков ногтей сверкали на откинутой руке.

Все прожектора были устремлены на нее и пытались своим жарким светом хоть немного согреть ее такое холодное тело. «И мою кровь тоже! — мысленно взмолился Клив. — Согрейте и меня, прожектора!»

Все вокруг застыли, словно на фотографии.

Первым заговорил нервно мнувший сигарету Деним: — Мы снимали очередной дубль. И вдруг она упала. И... и все.

Талли Дархэм, заливаясь слезами, слепо бродила по площадке и всем и каждому рассказывала:

— Мы думали, это просто обморок! Я сразу достала нюхательную соль!..

— Соль не помогла, — добавил, нервно затягиваясь, Деним.

Первый раз в своей жизни Клив прикоснулся к Диане Койл.

Но было слишком поздно. Что за радость коснуться мертвой плоти... Тебе не улыбнутся в ответ и не сверкнут зелеными глазами.

Клив потрогал ее и сказал:

— Ее отравили.

Слово «отравили» взметнулось сквозь приглушенный говор на площадке и свет прожекторов под крышу павильона и вернулось оттуда гулким эхом.

Джорджа Кролла трясло.

— Она... Она выпила... Там есть ящик с лимонадом... всего пару минут назад... Может быть...

Клив машинально подошел к стойке с бутылками соков и лимонада. Он понюхал одну из бутылок и, старательно обернув ее носовым платком, отставил в сторону.

— Прошу никого ее не трогать.

Пол пружинил, как резиновый.

— Кто-нибудь видел, чтобы до этой бутылки дотрагивался кто-то еще до того, как Диана пила из нее?

Откуда-то сверху, с сияющих электрическим светом небес раздался голос осветителя, осененного нимбом прожекторов, словно местный божок:

— Эй, Клив! Как раз перед последним дублем у нас случились неприятности со светом. Кто-то вырубил электричество. С минуту-полторы тут было абсолютно темно. И для того чтобы добраться до бутылки, времени хватало!

— Спасибо. — Клив обернулся к Джеми Винтерсу: — Ты снимал до конца? То есть ты снял... как она... умерала?

— Думаю, да. Да снял, конечно.

— Как быстро ты сможешь проявить пленку?

— Ну, часа за два-три. Только нужно вызвать Джака Дэвиса.

— Тогда давай звони. И возьми с собой двух свидетелей, чтобы глаз с пленки не спускали. Шевелись!

Где-то вдаль завывали сирены, разгоняя ночной покой Голливуда. На съемочной площадке до кого-то только

сейчас дошло, что Диана мертва, и раздались надрывные рыдания.

«Как бы и мне хотелось, — думал Клив, — взвыть в голос, захлебываясь от слез. Чего они все от меня хотят? Чтобы я немедленно занялся расследованием, разыгрывая из себя Шерлока? Чтобы я всех допрашивал, расспрашивал — и это в то время, когда сердце остановилось в груди?»

Но тут он услышал словно издалека свой собственный голос:

— Продолжаем работу. Никому не расходиться. Нам нужно полностью восстановить события. До тех пор пока мы до мелочей не повторим все перемещения по павильону за вечер убийства, домой никто не уйдет. Прошу каждого встать туда, где он находился в момент смерти. Нам нужно все восстановить прежде, чем сюда явится полиция. По местам!

И началась репетиция.

Прибыла уголовная полиция. Одного детектива звали Фолли, второго — Сэдлоу. Один был коротышкой, второй — громадиной. Один говорил не переставая, второй молча слушал. От беспрестанной трескотни Фолли у Клива началась мигрень.

Р. Дж. Галдинг, режиссер и продюсер фильма, полулежа в шезлонге, беспрестанно вытирал лицо платком и пытался объяснить Фолли, что вся эта история не должна становиться достоянием прессы.

Фолли вежливо посоветовал ему заткнуться. Потом пронзил взглядом Клива, словно тот был одним из подозреваемых, и спросил:

— А ты что нарыл здесь, сынок?

— Все это снималось. Есть пленка, где зафиксировано, как Диана... Как мисс Койл умирает.

Фолли изобразил бровями нечто, что должно было означать: «Так пошли, черт возьми, посмотрим!»

За пленкой пришлось идти в проявочную. Клив, честно говоря, побаивался этого места. Он всегда его боялся. Это огромное здание своими темными лабиринтами и черными стенами, поставленными так, чтобы

предотвратить малейший доступ света, глухими тупиками и странным запахом химикатов напоминало ему морг. Сначала бесконечно долгий путь в крошечной тьме: ты бредешь на ощупь, спотыкаешься, врезаешься во что-то, ругаешься, тычешься как слепой на юг, на восток, на запад, опять на юг и вдруг оказываешься в мерцающем зеленом пространстве, беспредельном, как вся Вселенная. Ты не видишь ничего, кроме зеленых вспышек, лишь вокруг извиваются темные мокрые змеи пленки. И только один ослепительный луч бьет из проявочной машины, печатающей с негативной пленки на ползущий с ней параллельно позитив. После этого позитив ныряет в ванночку с химикалиями, выныривает, затем в другую и еще в одну, пока не пройдет весь длительный процесс проявки. Да, настоящий морг. Неслышно, словно призрак, из темноты возник Джек Дэвис.

— Пока без звуковой дорожки. Я наложу ее позже. Вот, мистер Фолли. Это и есть ваша пленка.

Они забрали кассету и двинулись назад по мрачному лабиринту.

Клив и детективы сидели в просмотрном зале и ждали, пока им покажут, как умирала Диана Койл. Вместо киномеханика в будке хозяйничал Джеми Винтерс. Двенадцатый павильон был опечатан, и на последних рядах другие полицейские тихо вели допрос свидетелей в алфавитном порядке.

Диана на экране засмеялась. Роберт Деним расхохотался в ответ. И все это в полной тишине. Они беззвучно открывали рты, а позади кружились в молчании пары. Потом Роберт пригласил Диану, и они тоже заскользили в танце — грациозно, без малейшего шороха, без музыки. Потом остановились и заговорили с другой парой: Талли Дархэм и Джорджем Кроллом.

— Так ты говоришь, — резанул по ушам скрипучий голос Фолли, — этот Кролл тоже был влюблен в Диану?

Клив кивнул:

— А кто в нее не был влюблен?

— Ага, — задумчиво протянул Фолли. — Кто не был влюблен. Ладно... — Он сощурился на экран. — А что насчет этой бабенки Дархэм? Она ревнива? Завистлива?

Да была ли в Голливуде хоть одна женщина, которая не питала бы к Диане лютой ненависти за то, что она всех превосходила? Клив рассказал о том, что Талли с ума сходит по Кроллу.

— Зря страдает, — хмыкнув, бросил Фолли.

Талли вполне могла убить Диану, — заметил Клив. — Кто знает? У Джорджа тоже имелся мотив: Диана вертела им как хотела. Он добивался ее, а она морочила ему голову, ничего не давая взамен. Диана со многими мужчинами так поступала. А если когда-нибудь кого и любила, так только Роберта Денима. Да и то недолго. У Денима характер не сахар... Знаю, как вы это расцените.

Фолли фыркнул:

— Куда как хорошо! Все трое подозреваемых участвуют в одной сцене. И любой из них имел возможность подлить в бутылку никотиновой кислоты. Света не было полторы минуты. За это время любой, кто удосужился бы купить в угловом магазинчике «Все для садовника» никотин-сульфат, мог накапать двадцать капель в питье и потом с невинным видом ждать, пока включится свет. Бред свинячий.

— Мы должны найти способ, — впервые за вечер подал голос Сэдлоу, — выявить тех, кто этого сделать не мог. Фильм нам поможет.

Очень ценное наблюдение.

Клив затаил дыхание. Она умирала.

Она умерла так же красиво, как делала все при жизни. Нельзя было не восхититься, глядя, как она движется: грациозно, одухотворенно, владея своим прекрасным телом, как пантера. И вдруг она забыла слова. Руки взметнулись к горлу, она резко развернулась, лицо изменилось, и она устремила взгляд прямо в зал, словно вдруг осознала, что это ее самая главная и, как это ни жестоко, самая лучшая сцена в жизни.

А затем она упала, будто шелковое платье, соскользнувшее с плечиков.

Деним склонился над ней, и его губы проартикулировали: «Диана!»

Талли Дархэм раскрыла рот в беззвучном вопле, дальше пошли царапины, цифры, пятна, и экран опустел.

О Господи! Нажми там у себя на небесах какую-нибудь кнопку! Пусти пленку задом наперед и верни ее к жизни! Нажми эту чертову кнопку, и пусть все будет как в комедиях, где столкнувшиеся поезда собираются из кусочков и разъезжаются целехонькими, сверженные императоры возвращаются на троны, солнце восходит на западе и... Диана Койл восстает из мертвых!

— Это все! — крикнул из будки Джеми Винтерс. — Больше ничего нету. Хотите посмотреть еще раз?

— Да! — откликнулся Фолли. — И не меньше полудюжины раз.

— Извините... — прошептал Клив.

— Эй, парень, куда пошел?

Он вышел под дождь. Ледяные струи били наотмашь. Там, внутри, Диана умирает снова и снова. Снова и снова. Как заводная кукла. Клив стиснул зубы и поднял лицо к ночному небу, позволив ему плакать на себя, промочить насквозь, просочиться до самого сердца; вот теперь гармония — он, ночь и рыдающая темнота...

Буря бушевала до самого утра как на улице, так и в студии. Фолли орал на всех и каждого, а все и каждый отвечали ему с видом оскорбленной невинности, что да, конечно, они ненавидели Диану, но все ее страшно любили, и да, ей жутко завидовали, но вообще-то она была девчонка что надо!

Фолли осенила потрясающая идея собрать всех подозреваемых в просмотровом зале и показать им последние кадры Дианы, надеясь, что преступник как-то себя выдаст. Но этим он ничего не добился. Р. Дж. Галдинг начал всхлипывать, Джордж заскрежетал зубами, а Талли завизжала. У Клива крутило желудок, а ночи не было видно конца.

Джордж твердил: да, да, да, он любил Диану; Талли рыдала: да, да, да, она ее ненавидела; Галдинг ни с того ни с сего вдруг объявил, что Диана всегда тормозила процесс съемки и вообще работать с ней было очень трудно; а Роберт Деним признался, что пытался помириться со своей бывшей женой. Джемми Винтерс поведал о том, что Диана слишком поздно ложилась спать, чтобы лицо могло естественным образом сохранять свежесть, но в то же время требовала снимать ее так, чтобы это было незаметно...

— Да Диана мне много раз жаловалась, что ты специально ее плохо снимаешь! — набросился на оператора режиссер.

Но Джемми Винтерс стоял как скала:

— Неправда. Она просто пыталась свалить на меня вину за то, что не следит за своей внешностью.

— А вы тоже были в нее влюблены? — спросил Фолли.

— А как вы думаете, стал бы я иначе ее постоянным оператором?

Рассвело, но Диана так и не встала из мертвых. Огромные двери студии распахнулись, и подозреваемые, еле живые от усталости, выползли наружу, расселись по машинам и укатили по домам.

Клив смотрел за разъездом покрасневшими глазами, смагивая резь. Потом молча вернулся в студию и побрел по пустым этажам, машинально проверяя, все ли в порядке. Поздно проверять. Отовсюду разило сладковато-зеленым запахом проявочных химикатов.

Забавное место — Голливуд! Надо же было построить студию рядом с кладбищем, хоть и отгородившись от него стеной. Но иногда казалось, что все поголовно киношники стремятся поскорее перебраться через нее. Кто топя себя в виски, кто растворяясь в сигаретном дыму — все стремились именно туда, в последний офис, где нет надоедливых телефонов. Что ж, Диане не придется лезть через эту стенку.

Ее внесут через главные ворота.

Клив вцепился в руль машины так, словно хотел раздавить его, яростно шепча, чтобы весь этот Богом

проклятый мир убрался с его дороги! Похоже, он сходит с ума!

Ее похоронили в ясный ветреный день калифорнийского лета, засыпали кучей красных, желтых и голубых цветов и полили их морем актерских слез.

После церемонии Клив впервые в жизни напился допьяна. Он всегда будет помнить этот день.

Со студии позвонили через три дня.

— Моррис, что с вами стряслось? Где вы все это время были?

— Дома, — мрачно ответил он.

Он не включал радио и отказался от привычных прогулок, когда он часами бродил, погруженный в розовые грезы, по ночному городу. Он не прикасался к газетам: в них должно было быть слишком много ее снимков. Как-то он все же включил радио, и оно тут же заговорило о ней. Клив его разбил. Когда наступила среда и прошла неделя после того, как ее опустили в землю, газеты сняли черные рамочки вокруг ее имени, а ее биография перекочевала на вторую страницу, в четверг ее отправили на четвертую, в пятницу на пятую, на десятую в субботу, а в следующий понедельник опубликовали малюсенькое сообщение о ходе следствия, зажав его между рекламами на странице двадцать девять.

«Все это сон, Диана! Страшный сон! Ты привыкла всегда быть на первой странице!»

Клив снова вышел на работу.

К пятнице не осталось уже ничего, кроме нового камня на голливудском кладбище. Газеты потонули в сточных канавах, где имя ее было смыто вместе с типографской краской; радио говорило исключительно о войне, и Клив продолжал работать, глядя, как странно изменился мир вокруг.

Он открывал и закрывал двери, а люди приходили и уходили. Каждое утро он смотрел на Талли, счастливую, что Дианы больше нет, по-прежнему висящую на Джордже, который теперь принадлежал ей безраздельно. Принадлежал весь, кроме мыслей и души. Клив

смотрел, как проходит мимо, никогда не заговаривая, Роберт Деним. Приветливо махал рукой Джеми Винтерсу и церемонно здоровался с Р. Дж. Галдингом.

Он выжидал, когда кто-то из них наконец забудет роль и сфальшивит.

В конце концов газеты как бы между делом опубликовали заключение о том, что ее смерть наступила в результате самоубийства. Дело закрыли.

Привычки Клива изменились: теперь он выходил из дома только на работу, остальное время читал или думал. Так прошло две недели, и однажды вечером его покой нарушил телефонный звонок.

— Клив? Это Джеми Винтерс. Слушай, коп, вылезай из своей берлоги. Я приглашаю тебя сегодня к себе. Я раздобыл фрагменты из последнего фильма Гейбла.

Это был серьезный аргумент. Клив подумал и сдался.

Он сидел в ателье Джеми и смотрел на маленький экран. Винтерс демонстрировал кадры, которые никогда не увидит массовый зритель. Гарбо, споткнувшаяся о шнур прожектора и летящая кувырком. Вышедший из себя посреди сцены и чертыхающийся Спенсер Трейси. Вильям Поуэлл, забывший реплику и показывающий в камеру язык. Клив смеялся впервые за миллионы лет.

У Джеми Винтерса была огромная коллекция испорченных дублей, где звезды забывают слова, ругаются и происходят другие курьезы.

И вдруг на экране появилась Диана Койл. Это было как удар ниже пояса. Как выстрел в упор из двустволки! Клив скорчился, задыхаясь, и, закрыв глаза, вцепился в подлокотники.

И внезапно успокоился. Его осенила идея. Он снова открыл глаза, и она сформировалась: кристально ясная, как холодные капли дождя на щеках.

— Джеми! — Он полностью владел своим голосом.

— Да? — отозвался из мерцающей тьмы за проектором оператор.

— Мне нужно поговорить с тобой. Выйдем на кухню.

— С чего это?

— Неважно. Пусть фильм идет дальше, а ты выйди на пару минут. — На кухне Клив горячо заговорил: — Дело в твоей коллекции. Все эти ошибки. Испорченные кадры. А есть у тебя такие дубли из последнего фильма Дианы Койл? Ну, ты понимаешь, о чем я.

— Есть, конечно. Но только на студии. Это же мое хобби. Другие выбрасывают это в мусорное ведро, а я сохраняю для смеха.

У Клива перехватило дыхание.

— А ты можешь завтра вечером принести все, что у тебя сохранилось от этого фильма, и показать мне?

— Ну конечно, если ты так просишь. Только я не понимаю...

— И не нужно, Джеми. Ну, сделаешь, а? Принеси мне все испорченные дубли и просто запоротые кадры. Я хочу внимательно посмотреть и разобраться, кто и почему портил сцены. Так как, Джеми?

— Ну ладно, ладно. Уговорил. Да успокойся ты, Клив, присядь и выпей чего-нибудь.

Весь следующий день кусок не лез Кливу в горло. Время тянулось бесконечно. Вечером он заставил себя проглотить бутерброд и запил его таблеткой аспирина. Затем в каком-то полубреду поехал к Джеми.

Тот уже ждал, держа проектор, пленки и хороший запас выпивки наготове.

— Спасибо, Джеми. — Клив сел и нервно отхлебнул из бокала. — Все нормально. Ну что, начнем?

— Начали! — подражая режиссеру, воскликнул Джеми и выключил свет.

Экран засветился. Появилась надпись на хлопке: «Кадр 1, дубль 7. “Золотая девственница”: Диана Койл, Роберт Деним».

Щелк!

На террасе, глядя на озаренный лунным светом океан, стояла Диана.

«Какая чудесная ночь! Она так прекрасна, что я не могу поверить», — мечтательно проговорила она.

В кадре появился Деним, нежно держащий ее руки в своих. «Я заставлю тебя в это поверить. Я... черт побери!»

«Стоп!» — взревел за кадром Галдинг.

Но съемка продолжалась. Лицо Денима вытянулось, стало злобным и уродливым.

«Это все из-за тебя! Ты опять лезешь в камеру!»

«Я? — Ярость Диану не украшала. По крайней мере *настоящая* ярость. Позолота ее крылышек потускнела, запудренная прахом злобы. — Я? Да ты на себя посмотри: третьеразрядный актеришка! Только и умеешь, что орать, ты, грязный...»

Щелк! Темнота. Конец дубля.

Несколько минут Клив потрясенно пялился на пустой экран. Затем спросил:

— Они не очень-то ладили? — и про себя добавил: «Ну и хорошо».

— А вот тебе еще один, — сказал Джеми, и проектор снова застрекотал.

Теперь на экране был пышный бал. И вдруг, перекрывая смех и музыку, ворвалось злобное, мрачное, ненавидящее: «...Да пошел ты!» — «Ты нарочно подала мне не ту реплику! Из всех самых дешевых, поганых...»

И снова Диана и Роберт Деним!

И еще один дубль, и еще, и еще. Шесть, семь, восемь!

В одном из них Роберт, совсем осатанев, кричал: «Видит Бог, кто-нибудь однажды заткнет вашу грязную пасть навсегда, л-леди!»

«Кто? — заорала в ответ Диана, сверкая изумрудными глазами. — Уж не ты ли? Дилетант! Размазня! Сопли вытри!»

И вдруг Деним успокоился и, мрачно глядя на нее, тихо сказал: «Да. Может, и я. А почему бы нет? Это идея».

С Талли Дархэм тоже было несколько довольно выразительных сцен. Еще в одном дубле Диана с такой яростью набросилась на Джорджа Кролла, что тот перепугался и стал униженно просить прощения. И все это на пленке. Все это отличное свидетельство. Выходило, что на один скандал с Талли или Кроллом приходилось как минимум семь — с Денимом. Снова, и снова, и снова!

— Останови! Хватит! — Клив вскочил со стула и, попав в луч проектора, отбросил на экран дрожащую тень. — Спасибо, Джеми. Извини. Я слишком устал. Ты можешь дать мне... дать все дубли с Денимом?

— Конечно.

— Я сегодня же по дороге домой заеду в полицию и на основании их обвиню его в убийстве Дианы Койл. Еще раз спасибо, Джеми. Спасибо за все. Ты мне очень помог. Доброй ночи.

Пять, десять, пятнадцать, двадцать часов. И каждый из них можно считать за два, за четыре, за шесть. Но Клив их не заметил. Он спорил, спорил с копами, убеждал, доказывал, пока не устал. Тогда он вернулся домой и бросился на кровать.

«Газовая камера ждет тебя, Роберт Деним; будь послушным маленьким убийцей, иди своими ножками!»

А потом, вырвав тебя из тяжелой дремоты, зазвонил твой телефон.

— Алло?

— Клив? — раздался голос в ночи.

— Да.

— Это Джак Дэвис из проявки. Клив, скорее... Меня ранили, меня ранили, мне больно...

На том конце провода с глухим шумом упало тело. И больше ни звука.

Он нашел Джака уткнувшимся головой в одну из ванн с химикалиями. Красное органическое химическое соединение широкой струей вытекало из ножевой раны, унося с собой навсегда все мечты, разговоры, саму жизнь, и разливалось алым озером вокруг.

Телефонная трубка лежала на рычаге. В лаборатории царил полумрак. Тот, кто это сделал, уже выбрался из этой тьмы наружу, и теперь, стоя посреди комнаты, Клив не слышал иных звуков, кроме шороха пленки, ползущей по ванночкам, как лоза, надеющаяся в полуночном мраке выбраться к свету. Клив склонился над Джаком. Тот наполовину висел, зацепившись за проявочный аппарат, все еще продолжавший печатать позитив. Он полз сюда от телефона через всю комнату.

В кулаке он сжимал обрывок пленки. Клив посмотрел его на свет и увидел Диану, Талли, Джорджа и Роберта Денима. Джек обнаружил что-то важное, что-то, что было на этой пленке, что-то об убийце; и награда за это немедленно обрушилась на него из студийной темноты.

Клив поднял трубку:

— Это Клив Моррис. Роберт Деним до сих пор находится в центральной тюрьме?

— Он сидит в камере и не желает ни с кем разговаривать. Ну скажу я вам, Моррис, вы и удружили нам со своими пленками...

— Спасибо. — Клив повесил трубку и посмотрел на тело проявщика, висящее на аппарате. — Кто, кто же это был, Джек? Ведь не Деним же. Остались только Джордж и Талли. И что теперь?

Джек не ответил, а проявочная машина затянула заунывную песню на пронзительной ноте.

Прошел год. Потом еще один. А затем и третий.

Роберт Деним заключил контракт с другой студией. Талли женила на себе Джорджа. Галдинг умер на новогодней вечеринке, то ли с перепоя, то ли сердце подвело. Время шло, и все всё забыли. Да, все забыли...

«Диана, девочка, холодно ли тебе там сегодня ночью?..»

Клив сел прямо. Три года назад. Он прикрыл глаза. И ночь тогда была такая же, как сегодня, — холодная и дождливая.

Экран замерцал.

Почему-то Кливу это мигание показалось странным. А экран все мигал и мигал как-то очень необычно. Слишком необычно. Клив окаменел. Его сердце забилося так громко, что заглушило стрекот кинопроектора. Он подался к экрану.

— Джеми, ты не мог бы открутить назад последние сотню футов и пустить их снова?

— Да запросто, Клив.

Мерцание на экране. Бракованная копия. Мелькание пятен, царапин, длинные тени, короткие тени... Клив стал читать: В... И... Н...

Клив открыл дверь проекционной будки так тихо, что Джеми не услышал, как он вошел. Винтерс продолжал смотреть на экран, и на его лице светилось странное счастливое выражение. Он был похож на святого, взирающего на новое чудо.

— Что, Джеми, доволен собой?

Оператор вздрогнул, обернулся и выдавил принужденную улыбку.

Клив запер дверь изнутри и тихо заговорил:

— Долго же это продолжалось. Сколько ночей я не спал. Три года, Джеми. Сегодня вечером тебе нечем было заняться, и ты решил еще раз прокрутить эту пленку, чтобы еще раз насладиться победой. Чтобы позлорадствовать насчет Дианы и похвалить себя за то, какой ты умный. А может, и меня ты пригласил, чтобы удовольствие было совсем уж полным, ведь ты хорошо знаешь, как я ее любил, и мои страдания только развлекали тебя. И часто ты приходил сюда, чтобы поиздеваться над Дианой, а, Джеми?

Винтерс довольно натурально расхохотался.

— Она тебя не любила, — продолжал Клив так же тихо, — ведь так? Ты был ее оператором. В отместку ты специально стал снимать ее плохо. И у тебя это получилось. Последние два фильма никуда не годились: она выглядела усталой. Но ее вины в том не было — своей камерой ты мог добиться любого эффекта. Диана стала

жаловаться на тебя, а это уже грозило тем, что тебя вышвырнут со студии и тогда в другие ход будет заказан. Ты не добился ее любви, а тут еще она стала угрожать твоей карьере. И что же ты сделал, Джеми Винтерс? Ты убил ее.

— Дурацкая шутка, — еле сдерживаясь, процедил оператор.

— Перед самой смертью Диана бросила взгляд на зрителя, — продолжал Клив. — Но смотрела она не в камеру, а на того, кто находился за ней. На тебя. Нам это не могло прийти в голову: когда смотришь фильм, о тех, кто за кадром, забываешь. Остаются лишь актер и зритель. Она умерла. А ты спокойно заснял ее смерть. А потом пригласил меня к себе и скормил мне эту бодягу с запоротыми дублями, выставявшими Роберта Денима в черном свете. И я купился. А все остальные материалы, где Деним вел себя достойно, ты уничтожил. Джек Дэвис раскусил тебя. Ведь именно он подбирал куски для твоей коллекции. Ты хотел подставить Денима, сделать его козлом отпущения, зато сам остался бы в стороне. Джек задал тебе пару неудобных вопросов, и ты заставил его замолчать. Ты выкрал и уничтожил те несколько важных копий, которые откопал Джек. У него уже не хватило сил сказать по телефону, кто его убил, но он успел сунуть руку в луч проявочной машины и отпечатать твое имя: В-И-Н-Т-Е-Р-С темными пятнами брака на позитиве. И по иронии судьбы заряжены были именно последние кадры Дианы. А ты показал их мне, полагая, что это всего лишь плохая копия.

Джеми Винтерс одним кошачьим движением скользнул к кинопроектору и выдернул из него пленку.

И тут Клив ударил его. Тот отскочил и попытался прорваться к дверям.

Вот теперь все выяснилось, но он не испытывал ни радости, ни облегчения, лишь слепая ярость взбурлила в нем алым ключом.

И все то время, пока он наносил удары в ненавистное лицо Винтерса, один, другой, третий и еще, и

еще... все это время, пока он, придерживая его одной рукой, бил снова и снова, и еще раз, и еще... так вот, все это время он думал только об одном.

О камне на голливудском кладбище, лежащем почти у самой стены киностудии. Камне, на котором бронзовые буквы ее имени усеяны дождевыми каплями. И он шептал, хрипло и почти беззвучно:

— Сегодня очень холодно, Диана. Девочка моя, ты не замерзла?..

И бил, и бил, и бил, и еще, и еще, и еще!

МЕРТВЕЦ НИКОГДА НЕ ВОСКРЕСНЕТ

Когда Шерри начала кричать, я покрылся испариной и покрепче ухватился за руль. С заднего сиденья машины до меня донеслись аромат и тепло тела девушки, смешанные с несвежим запахом Вилли и едким амбре Марка. Глубоко вдохнув, я почуял и Хэмпхилла, сидящего рядом со мной впереди, от которого пахло мылом и чистотой. Он пытался поговорить с Шерри, успокоить ее:

— Шерри, мы сделали это ради тебя. — Хэмпхилл держал девушку за руку. — Пожалуйста, Шерри, послушай, что я скажу. Мы просто вовремя увезли тебя из дома. Ребята Финли, те самые, которые угрожали, собирались выкрасть тебя сегодня. Клянусь, это правда. Ради Бога, успокойся, мы только защищаем тебя.

Но Шерри не верила Хэмпхиллу.

В зеркале заднего вида я увидел ее темные сияющие глаза, распахнутые широко, как у загнанного зверя. Машина неслась по дороге со скоростью шестьдесят пять миль в час.

«Послушай его, Шерри, — подумал я, — старик любит тебя. Черт возьми, дай же ему шанс».

— Нет! Я не верю вам, — ответила девушка. — Я знаю, вы тоже гангстеры!

Она решила выскочить из машины. Наверное, не знала, что едем мы очень быстро.

В распахнутой двери машины засвистел ветер, дорога расплывчатым пятном замелькала под колесами. Шерри попыталась вырваться. Марк схватил ее. Раздался выстрел, внезапный крик, и наступила тишина.

Шерри внезапно утомилась и вытянулась на заднем сиденье.

Вилли тупо смотрел на нее, не понимая, что произошло.

— Останови машину. — Хэмпхилл тронул меня за локоть.

— Но, шеф... — попытался я возразить.

— Хэнк, ты не слышал, что я сказал? Тормози!

Мотор заглох, наступила тишина, лишь стонал океан, омывая кромку утеса. Мы стояли на его вершине. Хэмпхилл развернулся к заднему сиденью и пристально посмотрел на сидящих там людей.

— Шерри уснула, шеф, — тупо сказал Вилли. — Наверное, просто очень устала.

Я не стал оборачиваться. А посмотрел на серые облака, затянувшие небо, на кричащих чаек, кружащих в вышине, и на худое длинное лицо Хэмпхилла, измученное, растерянное и побледневшее, ставшее вдруг похожим на резную деревянную маску, растрескавшуюся от жары и иссушенную добела солнцем.

Волны снова и снова накатывались на берег. И при каждом всплеске воды Хэмпхилл втягивал воздух сквозь маленькие, узкие ноздри. Затем он схватил запястья Шерри, пытаясь нащупать пульс, не нашел его и зажмурился.

— Шеф, там на утесе стоит дом. — Я вгляделся вдаль. — На случай, если Финли и его ребята бросились в погоню, было бы лучше укрыться там. Готов поспорить, что они чертовски обозлились на нас за такую проделку. — Я замолк.

Хэмпхилл не слышал ни единого моего слова. Внезапно он стал таким же старым, как древний, битый

океанскими ураганами, облупившийся большой особняк, стоящий на краю каменистого утеса.

Любовь к Шерри ненадолго вернула Хэмпхиллу молодость. Но сейчас соленый морской ветер дул ему прямо в лицо, отбрасывая волосы со лба, унося прочь его новую молодость. И каждая волна словно наносила старику сокрушающие удары, лишая способности что-либо понимать.

Я завел машину и очень медленно проехал последние полмили до дома на вершине утеса.

Выбравшись из машины, я хлопнул дверью, чтобы пробудить шефа от кошмара.

Вчетвером неся Шерри, мы зашли в дом. Ступени крыльца закрипели у нас под ногами.

Наверху, в западной комнате с видом на море, мы положили девушку на старый потрепанный диван. Из обивки вылетело облако пыли и словно окутало Шерри тончайшей вуалью, переливающейся в солнечных лучах. Смерть разгладила черты девушки, ее лицо стало прекрасным, словно полированный слоновый бивень, обрамленный волосами темно-каштанового цвета.

Шеф медленно и осторожно опустился рядом с Шерри и очень тихо, словно ребенок, разговаривающий со сказочной феей, принялся говорить девушке все, что думает о ней. Голос его звучал не так, как голос Хэмпхилла, гуляки и большого любителя пива, или Хэмпхилла, весьма влиятельного человека в городе, или Хэмпхилла, управляющего ипподромом.

Ветер завывал, заглушая слова, потому что Шерри умерла и день подошел к концу.

По дороге проехала машина, и я вздрогнул. Если мы действовали не слишком осторожно, ребята Финли могли объявиться здесь в любую минуту.

Казалось, что комната переполнена. А находиться в ней следовало бы только двоим из всех нас. Я подтолкнул Вилли и кивнул Марку. Ребята вышли, я закрыл дверь, и какое-то время мы стояли в холле, засунув руки глубоко в карманы и размышляя о происшедшем.

— Не надо было тебе пугать ее, — сказал я.

— Да брось ты, — ответил Марк, чиркая спичкой по стене и поднося неверной рукой огонек к сигарете. — Она вопила громко, как паровозный гудок.

— Ты напугал ее своими разговорами, — возразил я. — И вообще, это похищение не было обычным. Мы защищали девчонку от Финли. Ты ведь знаешь, что шеф влюбился в нее по уши.

— Все, что я знаю, так это то, что мы собирались получить за нее денежки, затем обвинили бы в этом деле Финли, засадили его в тюрьму, а сами бы вышли сухими из воды.

— В общем, правильно, — тихо проговорил я, — но ты не знаешь деталей.

Все зависело от того, станет ли Шерри сотрудничать с нами, когда узнает, что мы действуем ей на благо. Сегодня, когда стало известно, что девчонку преследует Финли, времени на объяснения уже не оставалось. Поэтому мы схватили ее и дали деру. Но по плану мы должны были спрятать ее, затем заманить Финли, дать Шерри взглянуть на этого негодяя и сказать в полиции, что Финли и похитил девушку. Он бы быстренько оказался в тюрьме, на этом дело бы и закончилось.

— Да, проблема лишь в том, — сказал Марк, легким щелчком стряхивая пепел, — что теперь Шерри мертва. Никто не поверит, что ее похитили не мы. Черт подери! — Марк пнул стену остроносым сияющим черным ботинком. — Все, я больше не хочу иметь с ней никакого дела. Она мертва. Ненавижу мертвецов. Давайте завернем ее в брезент, привяжем пару камней и бросим в море где-нибудь на глубине, а потом уберемся отсюда, получим денежки и...

Дверь открылась. Из нее вышел Хэмпхилл, совершенно бледный.

— Вилли, иди присмотри за ней, пока я поговорю с ребятами, — сказал он медленно, не задумываясь над словами.

Вилли просиял от гордости и неловко вошел в комнату. А мы трое двинулись в другую.

— Шеф, когда мы наконец получим бабки и уберем-ся отсюда? — Скривив губы, Марк закрыл дверь и при-слонился к ней.

— Деньги? — Шеф произнес это слово с таким выражением, словно нашел на пляже какую-то странную штуковину и пытается понять, что же это такое. — Деньги? — Он непонимающе уставился на Марка. — Мне не нужны никакие *деньги*. Я участвовал в этом деле не из-за *денег*.

Марк переместил вес своего худого тела на одну ногу.

— Но вы говорили...

— Я говорил. Я говорил. — Хэмпхилл напряженно вспоминал, приложив пальцы к вискам, словно хотел стимулировать мыслительный процесс. — Я хотел за-ставить тебя подыграть мне, Марк, и сказал про день-ги, не так ли? Но я соврал, Марк, наврал всем вам. Да. Наврал.

Все, что мне было нужно, — Шерри. Не деньги. А только она. Я собирался заплатить тебе из своего собственного кармана. Не так ли, Хэнк? — Он как-то странно взглянул в мою сторону. — Правда, Хэнк?

— Правда, — подтвердил я.

— Так все это, — щеки Марка залились злым румян-цем, — вся эта чертова операция была задумана ради воркования двух голубков!

— Никаких денег! — закричал Хэмпхилл, выпрямля-ясь. — Никаких денег! Я просто хотел нагнуть рождест-венскую елку, чтобы насадить на верхушку звезду. А ты... ты всегда говорил, что мне не стоит любить Шерри, говорил, что ничего не получится. Но я все сплани-ровал. Неделя здесь. А затем, когда она получше узна-ет меня, когда мы запречем Финли так, что он больше не потревожит мою девочку, — поездка в Мехико. А ты, Марк, чихал своим грязным носом на всю мою лю-бовь, черт тебя подери!

— Шеф, — усмехнулся Марк, — вам следовало бы за-ранее объяснить мне, что вы не собираетесь брать деньги за похищенную девочку. Да, уверяю, врать мне

совершенно бесполезно. Вот так вот, шеф, ни к чему было это вранье.

— Полегче, — пробормотал я.

— О, конечно, прошу прощения, — сказал Марк, прищурив маленькие зеленые глазки. — Извините. И, кстати, долго мы собираемся здесь сидеть? Пардон, я, конечно, излишне любопытен.

— Я обещал Шерри недельный отдых. Ровно столько мы здесь и побудем.

Неделя. От удивления мои брови поползли вверх, но я промолчал.

— Целая неделя! И мы даже не попытаемся достать деньги и будем сидеть и ждать, пока нас не отыщут полицейские? Прекрасно, шеф, я, конечно, останусь здесь с вами, разумеется, шеф, я с вами. — Марк развернулся, с силой нажал на дверную ручку и, выйдя, хлопнул дверью.

Правой рукой я уперся в грудь Хэмпхилла, чтобы остановить его.

— Нет, шеф, — прошептал я. — Он же не живет. Он и не жил никогда. Зачем тратить силы и убивать его? Он мертв, говорю вам. Он родился мертвым.

Шеф хотел возразить, но в этот момент мы услышали голос из-за двери на другом конце холла. Мы вышли из комнаты, пересекли холл, медленно открыли дверь и осторожно заглянули внутрь.

Вилли сидел на краю тахты, словно большая серая каменная статуя. Его круглое лицо, наполовину застывшее, а наполовину — оживленное, напоминало камень, по которому скользили тени.

— Вы просто отдохнете, мисс Бурн, — терпеливо объяснял Вилли, обращаясь к Шерри. — Вы, по-моему, устали. Отдохните немного. Мистер Хэмпхилл часто думает о вас. Так он мне сказал. Он планировал всю эту операцию несколько недель, с того самого вечера, как встретил вас во Фриско. Он даже не спал, все думал о вас...

Прошло два дня. Я не помню, сколько чаек прокричало и пролетело над нами. Марк считал их, глядя в

небо зелеными глазами. И каждой чайке бросал сигаретный окурок, жадно выкуренный до самого основания. А когда клубы дыма вокруг Марка рассеивались, он начинал считать волны или ракушки.

Я играл в блэк-джек. Медленно раскладывал карты на столе, собирал, снова раскладывал, затем тасовал, снимал колоду и снова метал на стол. Время от времени я посвистывал. Когда проводишь много времени на одном месте, ожидание перестает иметь какое-либо значение. А когда играешь в карты так долго, как это делал я, все вокруг перестает иметь значение. Умереть — так же хорошо, как и жить; ждать — ничуть не хуже, чем торопиться.

Хэмпхилл проводил время в ее комнате, разговаривая с Шерри, словно в исповедальне — тихо и мягко, нежно и задумчиво. Или же гулял по пляжу, карабкаясь по каменистым утесам.

Вилли он приказывал сидеть на корточках на камне. И тому приходилось взгромождаться на камень, словно на насест, и пять часов торчать в такой позе под туманным солнцем. Уши его покрывались соленой изморозью, пока он ждал возвращения шефа, чтобы тот позволил спрыгнуть вниз.

Я играл в блэк-джек.

Марк пнул стол ногой:

— Разговаривает, разговаривает, разговаривает — вот все, что он делает наверху ночи напролет, снова и снова, черт подери! Долго мы еще будем здесь торчать? Долго еще будем ждать?

— Пусть шеф отдыхает так, как ему нравится, — сказал я, кладя на стол несколько карт.

Марк посмотрел, как я вышел на веранду, закрыл за мной дверь, и хотя я и не уверен, но мне показалось, будто послышался щелчок снимаемой телефонной трубки и диска, который крутят пальцем.

Вечером туман сгустился еще сильнее, и мы с Хэмпхиллом стояли наверху, в северной комнате, и ждали.

Хэмпхилл выглянул в окно:

— Помнишь, как мы увидели ее в первый раз? Как она держалась, как поправляла рукой волосы, как смеялась? Я сразу понял, что мне понадобятся все мое образование, ум и очарование, чтобы завоевать ее сердце. Хэнк, скажи, я дурак?

— Дураки не задают такие вопросы, — сказал я.

Шеф кивнул на волны, набегающие на камни, в сторону мыса, над которым плыли клочья тумана.

— Посмотри за этот мысок, Хэнк. Там находится здание старой Калифорнийской миссии.

— Под водой?

— На глубине около двадцати футов.

В ясный день, когда солнечные лучи пронизывают воду, она выглядит словно голубой бриллиант, в середине которого попала миссия.

— И она все еще там, в целости и сохранности?

— В основном, да. Говорят, ее построили несколько самых первых падре, но земля постепенно оседала, и маленький собор погрузился в океанские глубины.

В погожие дни можно увидеть его, спокойно лежащим на дне. Может быть, там остались лишь руины, но можно представить, что видишь целое здание: окна с витражами, бронзовую колокольню, качающиеся на ветру эвкалипты...

— Как водоросли, которые колышет прилив, да?

— Что-то вроде этого. Я хотел, чтобы Шерри увидела это. Хотел побродить у подножия утесов, меж этих огромных камней, поваляться на солнышке. Чтобы оно выжарило из меня старый яд, а из Шерри — все сомнения. Или это мог сделать ветер. Я надеялся, что мне удастся показать Шерри маленький собор, а через день или чуть больше она сможет вздохнуть спокойно и посидит рядом со мной на камне. И возможно, мы услышим звон церковного колокола.

— Этот звук доносится со стороны буйка, — сказал я.

— Нет, — возразил Хэмпхилл, — буйки находятся очень далеко в море. А колокол звонит где-то под водой,

просто надо хорошенько прислушаться, когда затихает ветер.

— Я слышал сирену! — внезапно закричал я, быстро поворачиваясь. — Полиция!

— Нет. — Хэмпхилл тронул меня за плечо. — Это просто свистит ветер в щелях утеса. Я бывал здесь и раньше. Я знаю. К этому можно привыкнуть.

Сердце мое колотилось.

— И что же мы будем делать дальше, шеф?

Я замолчал и посмотрел вниз на бетонную дорогу, мерцающую в ночи и тумане. И увидел машину, которая неслась по дороге, пронзая туман косыми лучами света.

— Шеф, — сказал я. — Посмотрите в окно.

— Посмотри сам и скажи, что видишь.

— Машина. Это седан Финли, я всюду его узнаю!

— Финли. — Хэмпхилл даже не пошевелился. — Все это случилось из-за него. Его одного я хочу видеть. Финли. — Он кивнул. — Я хочу поговорить с ним. Иди выпусти его, только тихо.

Машина затормозила и остановилась, двери с шумом распахнулись. Из салона высыпали люди, быстро пересекли двор, вбежали на веранду, кто-то бросился к задней двери. Я увидел ружья, покрытые серебристой росой. И белые лица в каплях тумана.

Внизу позвонили в дверь.

Я спустился по лестнице, один, безоружный и, сжав зубы, открыл дверь.

— Заходите, — пригласил я.

Финли толкнул вперед своего телохранителя. Тот держал ружье наготове и был чрезвычайно удивлен, увидев, что я просто стою на пороге и даже не собираюсь обороняться.

— Где Хэмпхилл? — требовательно спросил Финли. Еще один головорез стоял прямо за дверью.

— Он спустится через минуту.

— Хорошо, что ты не попытался отколоть какой-нибудь номер.

— Черт подери, — хмыкнул я.

— Где Шерри?

— Наверху.

— Я хочу, чтобы она спустилась.

— Ах вот как?

— Мне ударить его? — спросил телохранитель Финли.

Тот посмотрел вверх на темные ступени и на свет, сочившийся из открывающейся двери.

— Все в порядке.

Хэмпхилл очень медленно спускался вниз, шаг за шагом, тяжело останавливаясь на каждой ступеньке, будто тело его вдруг стало старым, усталым и дальнейшая жизнь и существование не имели более никакого смысла. Преодолев полпути, шеф увидел Финли.

— Что тебе надо? — спросил он.

— Я насчет Шерри, — ответил Финли.

Я весь сжался.

— Что насчет Шерри? — как-то приглушенно сказал шеф.

— Верните ее.

— Нет, — ответил Хэмпхилл.

— Может, вы не расслышали? Я сказал, верните ее, сейчас же!

— Нет, — снова повторил шеф.

— Я не хочу неприятностей, — сказал Финли, недоумевая по поводу нашего странного поведения. Его взгляд перебегал с моих пустых рук на пустые руки Хэмпхилла.

— Ты не сможешь забрать ее, — медленно произнес Хэмпхилл. — И никто не сможет. Ее больше нет.

— Как ты нашел нас? — спросил я.

— Не твое собачье дело, — сказал Финли, свирепо глядя на нас. — Вы врете! — крикнул он, повернувшись к Хэмпхиллу. — Он врет? — Финли обратился ко мне.

— Говори тише, — сказал я. — В доме, где есть мертвец, нельзя кричать.

— Мертвец?

— Шерри мертва. Она наверху. Вы опоздали. Лучше вам вернуться в город.

— Я никуда не поеду, пока не увижу ее собственными глазами. — Финли опустил ружье.

— Нет, — возразил Хэмпхилл.

— Черта с два. — Финли посмотрел шефу в лицо, которое было похоже на обтянутый кожей череп, белый и твердый. — Ну ладно, девчонка умерла, — сказал он, наконец поверив. Сглотнул слюну. Посмотрел через плечо. — Но мы все равно можем потребовать за нее выкуп, не так ли?

— Нет, — сказал шеф.

— Никто, кроме нас, не знает, что она мертва. Мы все еще можем получить деньги. Мы просто возьмем что-нибудь из ее одежды, пряжку, пуговицу, прядь волос. Вы можете оставить Шерри себе, старина Хэмп, с удовольствием окажем вам такую любезность, — заверил шефа Финли. — Нам понадобится лишь несколько ее вещей — кольца или пудреница, чтобы послать папочке и получить выкуп.

На виске Хэмпхилла начала пульсировать вена. Он подался вперед и застыл, сверкая глазами.

— Вы можете забрать тело себе, — продолжал Финли. — Мы оставим вас с Шерри здесь, ну а вы, ребята, сможете получить свой срок.

— Где-то я уже это слышал, — сказал я, вспоминая наш план сделать то же самое с Финли.

Вот она, жизнь.

— Отойдите, Хэмпи, — велел Финли, делая шаг вперед.

Шеф ввел всех в заблуждение: молча отойдя в сторону, он повернулся, будто собираясь проводить Финли наверх, поднялся на две ступени, а затем внезапно бросился вниз, всаживая в грудь Финли одну за другой две пули.

Я изловчился и выпалил из ружья, которое держал в руках один из ребят Финли. Другой из них, ждавший-

снаружи, ругнулся, со стуком распахнул дверь и влетел в холл, размахивая револьвером. Увидев, как Хэмпхилл и Финли падают, сцепившись, на пол, он выстрелил и ранил Хэмпхилла в руку.

Я одним выстрелом уложил второго бандита. Первый стоял, держа на весу свою ужасную окровавленную руку. За задней дверью слышались шаги.

— Шеф, вы в порядке? — неспешно поинтересовался Вилли, неуклюже спускаясь по лестнице.

— Наверх! — закричал я, помогая шефу подняться и отойти от неподвижного тела Финли. — Вилли, займись им!

В комнату ворвался третий телохранитель, ожидая, вероятно, что все мы уже валяемся убитые на полу. Я прострелил руку и ему.

Вилли помог шефу забраться вверх по лестнице и спустился обратно, неся какие-то веревки. На улице было тихо. Я распахнул дверь, и в комнату потянулись ключья тумана, охлаждая мое разгоряченное лицо. Туман пахнул так хорошо, я просто лег у стены и вдыхал этот чудный запах. Невдалеке виднелась припаркованная машина с погашенными фарами, откуда не доносилось ни звука. Мы позаботились обо всех.

— Ну, Вилли, — сказал я, — давай-ка их свяжем.

Хэмпхилл, словно большое серое полено, ничком лежал на тахте в западной комнате и прижимал руки к ране. Я прикрыл дверь.

— Если мы все еще хотим, чтобы у нас что-то выгорело, надо пошевеливаться, — сказал я.

Шеф приложил к ране белый носовой платок.

— Вот как это будет выглядеть для полицейских. — Я спокойно посмотрел на него. — Финли и его ребята подрались из-за денег и перестреляли друг друга. Как только мы позвоним в полицию и расскажем эту историю, они найдут всех их здесь.

Хэмпхилл обессиленно прикрыл глаза.

— Позже, — задыхаясь, еле слышно произнес он, — позже, Хэнк, не сейчас.

— Об этом надо поговорить сейчас, — настаивал я, — это важно.

— Я не хочу оставлять Шерри.

— Шеф, послушайте, вас тяжело ранили, вам плохо.

— Позже, Хэнк, — вздохнул он.

— Хорошо, — холодно, все понимая, ответил я. — Ладно, поговорим позже.

Внизу ждал Марк, белый как снег. Руки его дрожали, когда он затягивался сигаретой, которую взял из кармана мертвого Финли.

— Где ты был, когда началась стрельба? — спросил я.

— Внизу, у лодочного домика, гулял. Я побежал наверх со всех ног.

— Ты, наверное, стареешь, — хмыкнул я. — О чем ты там договаривался с Финли по телефону?

Марк вздрогнул, выдохнул дым, потер трясущейся рукой небритую щеку, посмотрел на сигарету, а потом прямо мне в глаза.

— Этот туман меня достал. И ожидание достало. Все это вымотало меня вот так. — Он провел ребром ладони по горлу. — Шеф наверху, разговаривающий с Шерри — словно капли воды, падающие и падающие мне на макушку. Но я все точно продумал. Ты слушаешь?

— Говори.

— Я позвонил Финли, сказал ему, что надул вас и хочу получить свою долю, а они могут забрать девчонку. Я знал, что Финли приедет, мы перебьем всю его банду вместе с ним и они не получат ни гроша.

— Ты знал это, ну конечно!

— Ты хочешь сказать, что я вру?

— Ну конечно, ты во всем был уверен. Завяжется перестрелка. Которая может сработать в твою пользу в обоих случаях. Если мы выиграем, ты останешься с нами. Если победит Финли, ты перекинешься на его сторону, да?

— Нет, черт возьми! Я просто решил использовать шанс, вот и все. Или нас найдут здесь с Шерри полицейские и мы попадем в газовую камеру, или же это

случится с Финли. Я не мог рассказать о своем замысле шефу. Если бы он узнал — пристрелил бы меня. Я перенервничал, пока ждал. Я хотел найти козла отпущения. Им стал Финли. Я просто не подумал, что он доберется сюда так быстро. Поэтому и гулял по пляжу, когда все это началось. Я даже надеялся, что Финли украдет Шерри и тогда мы сможем выбраться отсюда!

— Может, и так, — кивнул я. — Но кое-что остается непонятным. Шеф уже никуда не пойдет. После того как ты устроил эту заварушку, он уже не сдвинется с места. Что же ты теперь будешь делать, малыш?

— Долго мы еще будем торчать здесь? — Марк выругался. — Господи! Еще неделю? Месяц?

— Тут воняет. — Я потянул его из комнаты. — Иди, открой окно.

Я чертовски устал. Проверив, хорошо ли связаны трое пленников, я вытянулся на тахте. Марк пошел наверх, откуда послышался голос шефа, который с кем-то разговаривал, постанывая от боли.

Я крепко заснул, и мне приснилось, будто я гуляю под зеленой водой и захожу в ту самую маленькую церковь за тем самым мыском, и рыбы-прихожане плывут рядом со мной. Звонит подводный бронзовый колокол, а большой камень порос водорослями и напоминает заляпанное алтарное полотно, покрывающее кафедру проповедника...

Проснулся я около четырех утра от тиканья собственных часов. Каким-то шестым чувством я ощутил, что что-то не так. И все оказалось настолько плохо, что у меня даже не осталось времени подумать об этом. Что-то ударило меня по голове. Я упал лицом вперед на пол. И больше ничего не помнил.

Очнулся я от ужасной головной боли. Попытавшись взглянуть в темноту, я обнаружил, что руки мои связаны. Мне понадобилось лишь пять минут, чтобы освободиться. Я включил свет.

Двое парней Финли смылись!

Проклиная себя, я развязал веревки, стягивавшие мои ноги, и бросился наверх.

Измученный Хэмпхилл крепко спал. Он не пошевелился, даже когда я позвал его по имени. Я тихо прикрыл дверь и пошел в комнату Шерри.

Тахта, на которой лежала девушка, была пуста. Шерри исчезла...

Океанские волны набегали, обрушивались на берег и со вздохом скользили обратно, в темные глубины, оставляя пену на песке, скрипящем под моими ногами.

Прищурившись, я увидел веселую лодку — серую, еле заметную в свете луны, лучи которой с трудом пробивались сквозь туман.

В лодке находился крупный человек с длинными мощными руками и большой головой. Вилли.

Марк стоял на берегу, где волны даже не доставали до его маленьких темных туфель. Услышав мои шаги, он обернулся. Я посмотрел на Вилли в лодке. Марк выглядел так, словно не ожидал моего появления.

— Куда это Вилли собрался? — спросил я.

Марк тоже посмотрел на Вилли:

— У него груз.

— Какой?

— Брезентовый тюк, замотанный цепями, внутри кирпичи.

— И что он делает с этим грузом в четыре часа утра?

— Собирается бросить в воду. Это Финли.

— Финли?

— Я не мог спать с ним рядом. И пусть тебе не нравится мой план, но я хочу убрать Финли с дороги. Одним трупом меньше на случай, если явятся полицейские. — Марк посмотрел на мою голову. — Тебя ударили?

— Около часа назад и связали. Пока вы тут внизу суетились, двое парней Финли освободились и напали на меня. — Я улыбнулся, чтобы выглядеть дружелюбно настроенным. — А потом забрали Шерри и укатили, несколько минут назад. Что ты думаешь об этой истории?

— Они украли Шерри! — Глаза Марка расширились, рот раскрылся от удивления и ужаса.

— Ты чертовски хороший актер, — сказал я.

— Ты о чем?

— А вот о чем. Почему они не прикончили меня и шефа? Мы пристрелили Финли, так? А почему меня треснули по башке, когда выстрел в брюхо был бы гораздо лучше? Что-то тут не так.

Все слишком гладко. Ты дважды оказывался здесь, внизу, и всякий раз в тот момент, когда происходили всякие события.

Все слишком просто — ты возился здесь с телом Финли, предоставив его парням шанс сбежать.

— Не понимаю, что тебе не нравится, — огрызнулся Марк. — Лично я думаю, что радоваться надо, что Шерри исчезла. Теперь нам не придется торчать здесь и нянчиться с Хэмпхиллом!

— По-моему, ты *слишком* рад этому, — сказал я.

Вилли, отплывший в темноте уже довольно далеко, обернулся и помахал нам рукой.

Марк и я наблюдали, как он поднял брезентовый тук и перебросил его через борт лодки. Раздался громкий всплеск, по воде побежала рябь.

— О Господи, — простонал я и, медленно взяв Марка за лацканы пиджака и притянув к себе, выдохнул ему в лицо: — Знаешь, что я думаю? Что ты очень хотел выбраться отсюда, скотина. Поэтому треснул меня по голове, связал, затем взял ребят Финли, приволок их к седану, затолкал внутрь, вывел машину на дорогу, припарковал за какими-нибудь кустами, выключил фары, запер двери и вернулся. Неплохо придумано. Шефу ты сказал, что эти головорезы выпутались из веревок, захватили Шерри и умотали. — Я взглянул на Вилли в лодке. — И что все это произошло, пока ты выбрасывал тело в океан — только не тело Финли.

— Да, это правда! — Марк попытался вырваться, но я крепко в него вцепился. — Ты ничего не сможешь доказать. Я ничего не знаю про Шерри!

— Надо было тебе застрелить меня, Марк, выглядело бы более убедительно. — Я отпустил его. — Картишки-то ты подтасовал. Я не смогу доказать, что Шерри — там, внутри брезента. Избавиться от Шерри — вот что было важнее всего для тебя, не так ли? Никаких улик. Исчезла навсегда. А это значило, что мы сможем тронуться с места. Нам бы пришлось это сделать. Шеф погнался бы за сбежавшей бандой Финли, чтобы вернуть Шерри. Только эта гонка оказалась бы напрасной, потому что Шерри нет нигде. Потому что она на дне, в сорока футах под водой, рядом с маленькой церковью!

Вилли развернул лодку и начал неуклюже и медленно грести назад. Я прикурил сигарету, ветер уносил табачный дым прочь.

— Смешно, что ты решил бросить ее в воду именно здесь. Лучшего места не придумаешь. Если бы шеф узнал, я думаю, ему бы понравилось, что Шерри покоится рядом с бронзовым колоколом в башне. Только причины, по которым ты бросил ее в океан, — все портят, Марк. Ты заляпал грязью то, что могло бы казаться столь прекрасным.

— Ты не скажешь Хэмпхиллу!

— Не знаю. Но догадываюсь, что лучше бы нам всем смотреться. Не знаю.

Вилли, усмехаясь, причалил к берегу.

— Привет, Вилли, — сказал я.

— Здорово, Хэнк. Хорошо мы пристроили мистера Финли, да?

— Конечно, Вилли, конечно.

— Он оказался не таким уж тяжелым, — озадаченно протянул Вилли.

Раздался шорох шагов: кто-то спускался по занесенной песком бетонной лестнице, ведущей вниз по утесу. Я знал, что это спускается Хэмпхилл, потому что слышал, как он всхлипывает от боли.

— Шерри ушла! Шерри исчезла! — стонал он. — Шерри исчезла! — прокричал он, рванувшись к нам с последней ступеньки.

— Исчезла? — наигранно удивился Марк.

— Исчезла! — вскрикнул Вилли.

Я промолчал.

— Машины Финли тоже нигде нет. Хэнк, заводи нашу машину, надó догнать их. Они взяли Шерри. — Хэмпхилл увидел лодку. — А это для чего?

— Я попросил Вилли помочь мне с Финли, — засмеялся Марк.

— Да, — подтвердил Вилли. — Плюх, и за борт. Он совсем не тяжелый. Легкий, как перышко.

— Ну и хвастун ты, Вилли. — У Марка дернулась щека. — Эй, Хэнк, иди-ка лучше приготовь машину.

Может, что-то мелькнуло в моих глазах. Хэмпхилл посмотрел сначала на меня, потом на Марка, затем на Вилли и на лодку.

— Где... где ты был, Хэнк? Ты помог погрузить Финли и бросить за борт?

— Нет, я спал. Кто-то ударил меня по голове.

Волоча ноги, Хэмпхилл двинулся вперед по песку.

— Что случилось? — закричал Марк.

— Стой спокойно! — скомандовал Хэмпхилл, засунул руку в один из карманов пальто Марка, затем в другой и вытащил какие-то предметы, блеснувшие в лунном свете.

Браслет и кольцо Шерри.

Лицо шефа исказилось так, что на него было страшно смотреть.

— Так Финли оказался легким, как перышко? Да, Вилли? — глухо сказал Хэмпхилл, невидяще глядя на лодку.

— Да, сэр, — ответил Вилли.

— Что ты собирался делать, Марк? — медленно произнес Хэмпхилл. — Продать браслет и кольцо? — Резким движением он указал на Вилли. — Вилли, хватай его!

Вилли схватил. Марк закричал. Вилли обвил его руками, как удав боа, сжимающий кабана в смертельных объятиях.

— Ступай с ним в воду, Вилли, — сказал Хэмпхилл.

— Да, шеф.

— И возвращайся один.

— Да, шеф.

— Шеф, успокойтесь. Не надо, шеф! — заорал Марк, сопротивляясь изо всех сил.

Вилли двинулся вперед. Первая волна коснулась его ботинок. Затем набежала вторая, мягко окутав ноги Вилли пеной. Марк закричал, и следующая волна обрушилась, загремела, заглушая человеческий крик, поглотив все звуки в ужасном грохоте. Вилли остановился.

— Иди, — приказал Хэмпхилл.

Вилли зашел по колено, глубже, дюйм за дюймом, вода стала доходить ему до живота, до груди. Крики Марка теперь еле доносились, уносимые вдаль ночным ветром.

Хэмпхилл, словно окаменевшее божество, стоял и смотрел на происходящее. Волна обрушилась на Вилли, покрыв его густой белой пеной, которая растаяла, когда Вилли нырнул, не выпуская Марка, и исчез. Шесть волн набежали и обрушились на берег.

Затем из глубин поднялась огромная стена воды и выбросила Вилли, одного, к нашим ногам. Он встал, стряхивая воду с рук.

— Да, шеф.

— Иди наверх к машине и жди там, — приказал Хэмпхилл.

Вилли неуклюже двинулся с места.

Хэмпхилл, прислушиваясь, посмотрел в сторону океана.

— И что вы теперь собираетесь делать? — спросил я.

— Не твоё собачье дело.

Шеф двинулся к воде. Я хотел преградить ему дорогу. Но он отпрянул, в руке его оказался пистолет.

— Иди отсюда. Иди в машину, к Вилли. Я должен явиться на божественную обедню, — произнес Хэмпхилл. — И не хочу опаздывать. Иди же, Хэнк.

Он вошел в холодную воду и двинулся вперед. Я стоял и смотрел долго-долго, до тех пор, пока мог видеть высокую шагающую фигуру. Затем набежала большая волна и скрыла все в соленых брызгах, брызгах вечности и одиночества...

Я вскарабкался по утесу к машине, открыл дверь и скользнул на сиденье рядом с Вилли.

— Где шеф? — спросил он.

— Я расскажу тебе все утром, — ответил я.

С Вилли капала вода.

— Слушай, — сказал я и затаил дыхание.

Мы слышали, как волны набегают на берег одна за другой, одна за другой, словно аккорды мощного органа.

— Слышишь их, Вилли? Это Шерри поет сопрано, а шеф — баритоном. Они стоят на церковных хорах, вознося к небесам молитвы во славу Господа. Это настоящее пение, Вилли, послушай, пока есть возможность. Ты никогда не услышишь ничего подобного...

— Я ничего не слышу, — сказал Вилли.

— Бедняга, — отозвался я, завел машину и тронулся с места.

САХАРНЫЙ ЧЕРЕП

На голубых и розовых плитах площади, освещенных утренним солнцем, мелькали тени детей. Сутулый старик, сидевший на бронзовой скамье, возмущенно шипел и поминутно взмахивал руками, покрытыми белыми шрамами. Один из маленьких мексиканских ребятишек держал накидку и деревянную шпагу, другой изображал разъяренного быка.

— Нет, не так! — кричал старый Томас. — Нанеси удар и тут же отклонись назад!

Он вскочил со скамьи и начал показывать мальчишкам, как надо выполнять «веронику». Выпад, удар и отскок.

— Смотрите сюда! Тело движется по этой линии. Понятно?

Детишки кивнули и снова продолжили свою игру, с криками набрасываясь друг на друга и уворачиваясь от воображаемых ударов. Через несколько минут они подбежали к нему и попросили:

— Дедушка, покажи нам свои шрамы.

Старый Томас поднял подол вязаной рубашки и оголил правый бок, в сотый раз демонстрируя им то

The Candy Skull

Copyright © 1948 by Ray Bradbury

Сахарный череп

© Издательство «Полярис», перевод, 1997

место, где бык пропорол тело тридцать лет назад. Мальчишки благоговейно прикоснулись к шраму.

— Дедушка, а когда ты сражался с быками?

— Еще до того, как родились ваши мамы, — ответил старик.

По плитам площади застучали каблучки. Мимо прошла молодая испанка. На ней был приталенный габардиновый костюм. Черные волосы блестели, а приподнятый подбородок подчеркивал гордую осанку. Не взглянув на Томаса, она свернула к отелю и избежала по ступеням широкого крыльца.

Старик смотрел ей вслед. Затаив дыхание, он восхищался ее лодыжками, непорочными и чистыми, как утренний свет. Он восторгался ее черными блестящими локонами. Глаза ласкали упругое девичье тело. Язык пробежал по сморщенным губам — совсем чуть-чуть, едва заметно.

Минутой позже на балконе второго этажа появился молодой розовощекий блондин. Старый Томас взглянул на него, нахмурил брови и раздраженно стиснул зубы. Турист лениво осмотрел пустую площадь. Чистенький болтливый американец, приехавший в город на прошлой неделе. Прищурившись, старик наблюдал за ним со своей скамьи. И когда мужчина отвернулся, уходя обратно в номер, Томас плюнул на мозаичные плиты площади и перестал обращать внимание на игру детей.

Роби Киббер проснулся этим утром со странным чувством, словно что-то случилось. Он еще не знал, что именно произошло во время его сна, но чувствовал какой-то дискомфорт. Роби сел, свесил ноги с кровати и пару минут смотрел на голые колени. Потом он вспомнил, зачем приехал сюда.

Он находился в Мексике, в Гуанахуато. Роби был писателем и собирал материал о Дне мертвецов, празднование которого намечалось на сегодняшний вечер. Его номер располагался на втором этаже отеля, в комнате с широкими окнами и балконом. Каждое утро под

ними бегали и кричали дети, игравшие на площади. Он и теперь слышал их крики.

Только в Мексике могли праздновать День мертвецов. Эта страна настолько пропиталась запахом смерти, что он чувствовался везде, куда бы вы ни приехали. Что бы вы ни говорили и ни делали, даже во время веселья и пьянства, вас всегда окружала смерть. И ни одна машина не могла умчать от нее, и ни один напиток не был достаточно крепким, чтобы человек мог забыть о ее присутствии.

Роби даже не вздрогнул, когда взглянул на столик у изголовья кровати. Лишь сердце вяло забилося и заныло при виде белого предмета, лежавшего рядом с настольной лампой.

Маленький сахарный череп.

Это лакомство готовили специально для el Dia de Muerte — Дня мертвецов. Череп был сделан из белого сахара и легко мялся, если его сжимали пальцами слишком крепко. На нем имелись глазные впадины, провалившийся нос и зубы. И он мерцал в тусклом свете как крепко слеplенный снежный ком.

На макушке виднелось надписанное имя.

Роби.

Затейливая надпись, выполненная тонкой вязью розового сахара.

Роби.

Когда он ложился спать, никакого черепа здесь не было.

А теперь эта штука лежала на столике рядом с лампой.

Комната казалась холодным склепом. Он оделся и открыл массивные деревянные ставни, защищавшие спальню от ночного ветра.

Выходя на балкон, чтобы погреться на солнце и подышать свежим воздухом, он мельком увидел в настенном зеркале свои белокурые волосы и розовое лицо. Но оглядываться на череп не стал. Ему не хотелось встречать жуткий взгляд пустых насмешливых глазниц. Вместо этого он осмотрел небольшую площадь с

бронзовой эстрадой для оркестра, подрезанные деревья, стриженные кусты, похожие на круглые зеленые барабаны, и незатейливый узор голубых и розовых плит, по которым каждый четверг и каждое воскресенье прогуливались люди, шагавшие рука об руку под громкую и визгливую музыку, взрывавшую молчаливое мексиканское небо.

Сейчас музыки здесь не было. По разноцветным плитам бегали дети. Старый Томас, сидя на бронзовой скамье, учил их каким-то премудростям.

Роби Киббер вернулся в свой номер. Проведя рукой по щеке, он решил, что пора побриться. Как приятно было чувствовать тепло раннего солнечного утра. Как приятно жить и ощущать свои движения. Живот немного побаливал. Слишком много текилы они выпили вчера с Целией Диас. И еще у него болело горло: слишком много было песен и смеха.

Кто-то постучал. Он пригладил волосы и, все еще улыбаясь, открыл дверь.

— Буэнос диас, сеньор.

В коридоре стояла маленькая опрятная женщина. Не хочет ли сеньор позавтракать? Ветчина и яйца уже ожидают его. Тем временем она могла бы прибрать комнату. Или, может быть, сеньор желает, чтобы завтрак принесли ему в номер?

Нет, он спустится вниз. Роби попросил ее подойти к столу и указал на маленький сахарный череп. Перейдя на испанский язык, он задал ей несколько вопросов. Не знает ли она, как этот предмет оказался здесь? Не видела ли горничная человека, который ночью входил в его номер?

Она взглянула на череп и засмеялась. Смерть считается в Мексике забавной и приятной темой для разговора. О ней любят говорить за ужином и за завтраком, с напитками и без них, с улыбками или очень серьезно. О нет, сеньор, ответила горничная. Она не видела того, кто входил в его номер или выходил из него. А чем ему не нравится этот славный череп? Ах-ах-ах, как красиво написано имя сеньора!

Да, при других обстоятельствах он бы тоже восторгался надписью, которая была выполнена отменно.

Роби отправился завтракать небритым.

Как всегда, подавали ветчину и яйца. Мексиканцы могут превратить в пытку любое хорошее блюдо, подумал Роби. Ветчина и яйца каждое утро в течение двух недель. С момента его прибытия в Гуанахуато это утреннее меню ни разу не менялось. Огорченно поморщившись, он придвинул к себе тарелку.

В обеденный зал вошла Целия Диас. На ней был безупречный серый костюм. Черные волосы блестели, как шелк.

Роби встал и любезно пригласил ее за свой столик. Они пожали друг другу руки.

— Какое прекрасное утро, — сказала она. — Просто великолепное утро.

— Да, — ответил он.

Ее пышная прическа, полные губы, темные большие глаза, такие пытливые и нежные, создавали образ законченного совершенства. Женщины обычно так не выглядят по утрам. Казалось, что Целия жила по собственным законам и другому времени. Она всегда находилась в апогее, свежая и восхитительная, словно в середине вечера перед карнавальным балом. Взглянув на собеседницу, он уже не мог отвести глаз от ее прекрасного лица.

— Ты выглядишь усталым, — тихо сказала она.

— Да, я устал, — ответил он. — Я приехал в Мексику усталым человеком, живу здесь, как усталый человек, и уеду еще более усталым и раздраженным. Это состояние длится уже несколько лет и не имеет отношения к вину, гитарам и женщинам. Оно, словно высота, бросает меня то в жар, то в холод. И я не в силах избавиться от него.

— Кажется, я знаю, в чем дело, — произнесла она, не сводя с него пристального взгляда.

— Этого не знает никто, — ответил он.

— А я знаю.

— Нет-нет, — сказал Роби, качая головой. — Ты даже не догадываешься о причине.

— Я видела многих американцев. Попадая в Мексику, они всегда боятся одного и того же. Они в страхе оглядываются через плечо, не спят и плохо переваривают пищу. Они смеются, объясняя это сменой климата, но их отговорки нелепы. Я знаю, чего ты боишься.

Роби отложил вилку и с вызовом спросил:

— И чего же?

— Смерти, — ответила Целия.

Солнечный свет, проникавший сквозь широкое большое окно, освещал половину ее лица, искрился на столовом серебре и играл на разрисованных деревянных тарелках, которые висели на стенах.

Она положила на стол маленький предмет. Сахарный череп.

— Я заходила в твой номер. Горничная сказала, что ты ушел завтракать. Это лежало на столике возле лампы. Роби взглянул на череп и поморщился.

— Ты боишься, — сказала Целия.

Надпись была изысканной и красивой.

— Да, — ответил он, откидываясь на спинку стула. — Я боюсь.

Они позавтракали, выпили кофе и вышли на площадь. Их путь пролегал мимо бронзовой скамьи, на которой сидел старый Томас.

— Сеньорита, сеньор, — поприветствовал их старик.

Они кивнули ему и, едва удостоив взглядом, зашагали дальше по тенистой аллее. Когда пара прошла, к старику подбежали дети. Они снова начали игру с накидками и деревянными шпагами.

Сев на бронзовую скамью, Целия и Роби закурили.

— Тебе кто-то угрожает? — спросила она.

— Я не уверен. — Он бросил на землю горящую спичку. — Черт возьми! Я никого не знаю в этой стране!

— А почему ты приехал в Мексику?

— Чтобы собрать материал для книги. И еще здесь жил мой приятель — Дуглас Мак-Клар.

— О-о! Я знала его. Он появился в Гуанахуато в прошлом году. Мы подружились с ним, и я была очень удивлена, когда однажды ночью он уехал, не сказав

мне ни слова. С тех пор Дуглас не написал мне ни одного письма.

— Мне тоже. Его последнее послание пришло в сентябре, а потом он словно растворился в воздухе, и больше я о нем ничего не слышал. Возможно, ты считаешь меня одним из тех опрометчивых чудаков, которые выискивают себе на голову неприятности. Но, честно говоря, я чертовски эгоистичен. Меня привела сюда книга и только книга. Хотя я был бы не прочь отыскать пропавшего Мак-Клара. Он писал о тебе в трех письмах. И я почему-то думал, что ты поможешь мне в его поисках.

— А чем я могу помочь? — воскликнула она, раздраженно взмахнув руками. — Он то приезжал, то уезжал. Неделями мотался по стране или кружил по местным барам. Да, Дуглас был милым и добрым. Мы часто беседовали и ужинали вместе. Но когда он исчез, я сказала себе: а что еще ожидать от этих американцев? Мне все равно, где он сейчас. Почему бы тебе не поискать его в Акапулько?

Она печально улыбнулась.

— Акапулько! — ответил Роби. — Это все, о чем я слышу. На все мои расспросы мне говорят: «Езжай в Акапулько!», словно там можно найти любого пропавшего человека. Я уже ездил туда, наводил о Дугласе справки, но никто из местных жителей не видел парня, похожего на Мак-Клара. Я знаю только одно: он был в этом городе! Был, а потом внезапно исчез... В своих письмах Дуглас писал о вашей дружбе. Я даже думал, что ты можешь оказаться его испанкой-возлюбленной, которая в порыве ревности убила Мак-Клара.

— Все это звучит очень лестно и романтично, но слишком далеко от истины, — ответила она. — Я современная мексиканская женщина. Мне не нравятся обычаи моих соотечественников, и я живу по собственным правилам. В нашем городе много таких женщин, но ты не найдешь среди них ревнивых и страстных дам, которые в порыве чувств могли бы убить человека. Скажи, а почему этот сахарный череп оказался в твоей комнате?

— Это предупреждение, — сказал он. — Наверное, я приблизился к разгадке тайны. Иногда мне кажется, что Дуглас где-то рядом. В четверг я даже думал, что встречу с ним на ночном концерте или в баре. Однако тот, кто подбросил мне этот сахарный череп, сделал большую глупость. Если он намеревался запугать меня, то ничего не добился. Да, я напуган, но уезжать не собираюсь. Сахарный череп стал ошибочным ходом: он лишь подкрепил мои подозрения. Кем бы ни был преступник, ему следовало затаиться и не тревожить меня. Тогда я мог бы упустить какой-то важный факт, отказаться от поисков Дугласа и уехать в Штаты на следующей неделе.

— А что, если ты не мог упустить этот важный факт? — рассудительно заметила она. — Возможно, преступник знал, что, сделав следующий шаг, ты обязательно нашел бы своего пропавшего друга. И оставил этот череп, чтобы удержать тебя на безопасной дистанции. И это очень неприятное предупреждение. Что ты собирался делать в ближайшие дни?

— Да ничего особенного!

— И все же преступник просчитал твои шаги. Он знал, что ты выйдешь на верный след — если не сегодня, то завтра или перед тем, как уедешь в Штаты на следующей неделе. Куда ты собирался отправиться, сеньор Роби? Что ты еще не видел в этом городе? Что бы тебе хотелось посмотреть перед отъездом?

И он нашел ответ на все ее вопросы.

Почувствовав это, она быстро сжала ладонь собеседника, словно пыталась успокоить его. Он глубоко затянулся сигаретным дымом и сузил глаза. Его грудь тяжело вздымалась и опускалась.

— Скажи, — прошептала она через пару минут. — Какое место ты хотел посетить перед тем, как покинуть город?

Роби вздохнул и медленно ответил:

— Катакомбы.

На вершине холма находилось кладбище, откуда был виден весь город. Он стоял на пологом склоне, и

бульжные мостовые сначала струйками, потом ручьями, а затем и реками улиц стекали вниз, чтобы затопить его крепким и красивым камнем, отполированным веками до гладкого блеска. Какая горькая ирония, что лучший вид на город открывался именно с кладбища. Высокая стена окружала ряды надгробных плит. Они походили на свадебные печенья, с покрытыми пудрой ангелами и херувимами, с глазурью завитков, которые вот-вот грозили упасть на землю холодными гранитными лентами. И несмотря на то что надгробия были большими, как постели, кладбищенский двор напоминал творение обезумевшего кондитера. В студеные вечера отсюда было видно всю долину, покрытую маленькими колючими огоньками. И лай собак, резкий, как звук камертона, упавшего на камень, наполнял ее тревожным эхом. А по извилистой дороге тянулись похоронные процессии, и люди в сумерках несли на плечах дубовые гробы.

Роби Киббер остановился на середине склона и, задрав подбородок, осмотрел кладбищенскую стену.

— Не ходи туда сегодня, — попросила Целия. — Разве ты не можешь подождать до завтра?

— Нет, — ответил он унылым голосом. — Теперь я знаю, что это единственное место, где можно найти Мак-Клара. Оно не выходило у меня из головы, но до сегодняшнего дня мне не хотелось верить в такую возможность. Я осматривал другие места, оставляя как-токомбы напоследок. Мне говорили, что это ужасное подземелье, где вдоль стен стоят мумии, прикованные железными цепями.

Роби начал подниматься на холм и вскоре остановился у ларька с безалкогольными напитками.

— Жарко, — с усталой улыбкой сказал он Целии. — Не хочешь выпить апельсинового сока? Я думаю, это то, что нам сейчас нужно.

— Ты выглядишь больным.

— Да, наверное, я заболел. И после сегодняшнего дня собираюсь проболеть весь остаток своей жизни.

Они стояли на залитой солнцем улице, пили сок из бутылок и без тени смущения издавали губами

идиотские чмокающие звуки. Роби опустошил бутылку и взглянул на девочку, которая стояла за прилавком ларька. Она лизала маленький сахарный трупик, который держала в руке.

Роби замер на месте. Он с ужасом следил за тем, как белые зубы ребенка впивались в розовое тело сахарной куклы.

В конце концов американец вздохнул, отвернулся и молча побрел к вершине холма. Рядом с ним легко и беспечно скользила тень его спутницы. Они поднимались все выше и выше — туда, где на ржавых петлях раскачивались и скрипели старые ворота, за которыми начиналось кладбище.

На широкой площади рядом с церковью, в тени зеленых деревьев, сидели люди. Они ждали каких-нибудь событий или развлечений. Если что-то случилось, они вскакивали на ноги, подбегали и принимали участие в происходящем. А солнце уже спускалось к холмам, высвечивая сияющую нить узкоколейки, которая тянулась к серебряным рудникам. Люди на площади ждали, когда стемнеет.

Роби Киббер медленно шел по улице. Время от времени он останавливался и отрешенно осматривал окна домов. Целия шагала рядом, но Роби не замечал ее. Мир изменился, и все потеряло свою ценность. Он зашел в какой-то бар и заказал кружку пива.

А Дуглас Мак-Клар действительно был под землей на вершине холма. Прямо сейчас. В холодных катакомбах.

Они поднялись на холм и дали песо кладбищенскому сторожу. Когда тот открыл стальную дверь, они спустились по каменной спиральной лестнице и прошли через тускло освещенный зал, где у стен стояло сто двадцать пять прикованных мумий. Открытые рты и уцелевшие бороды. Казалось, что мертвецы при их появлении отпрянули и подняли безмолвный недовольный крик.

Они прошли мимо мумий, стараясь не смотреть на скуластые лица, обтянутые кожей. Они долго бродили

по катакомбам, пока не отыскали тело Мак-Клара. Оно неплохо сохранилось в сухом воздухе подземелья.

Роби Киббер вышел из бара, и маленькая улочка вывела его на площадь перед церковью. Целия Диас куда-то ушла.

Духовой оркестр с пятью трубачами браво маршировал по одной из аллей, закручивая мелодию в непредсказуемое колесо музыкальной центрифуги. Люди в вязаных штанах колотили в барабаны, дули в трубы и любовно целовали мундштуки своих черных кларнетов. Роби услышал их только тогда, когда они прошагали в метре от него.

«Что ты тут делаешь?»

«Не знаю. Я заболел. Я боюсь. Сегодня вечером мне нужны люди. Много людей, чтобы защитить меня со всех сторон! Мне нужны люди и музыка. Я останусь здесь, в самом сердце фиесты, пока за мной не придет моя девушка. Я не пойду в отель по темной аллее. Мне нельзя быть одному! Если я останусь на площади, он не сможет добраться до меня!»

«Кто он?»

Человек, убивший Дугласа Мак-Клара.

Оркестр маршировал по эстраде, играя «Болвана-янки». Мелодия лилась со странным ущербом, кастрированная прихотью солиста и дыханием тех, кто выдувал ее из труб. Она лишь походила на «Болвана-янки», и в ней было что-то пугающее и злобное.

«Меня хотят убить», — подумал Роби Киббер.

«Не скули, как идиот. Иди в полицию».

«А что это даст? Возможно, они уже знают о теле Мак-Клара, лежащем в катакомбах. Знают и замалчивают этот факт, чтобы не вызывать осложнений с американским правительством. Такие вещи случались не раз».

На площади появился бык — бык из папье-маше, который громоздился на плечах старого Томаса. Тростниковый остов прикрывал собой почти все тело старика, оставляя на виду только ноги. Они топали и грозно

шаркали по мостовой, словно разъяренный бык рвался в атаку.

Как умер Дуглас Мак-Клар?

У него на лбу между глазами было странное отверстие.

От пули?

«Нет. Это не пулевая рана. Но я не знаю, что могло оставить такую дыру».

Люди вскочили со скамеек. Что-то начало взрываться. Старый Томас, поджигая под остовом запалы бамбуковых шутих, ринулся на толпу, которая дрогнула и побежала от него.

Внезапно голову быка окутало облако дыма, озаряемого вспышками огня. Роби непроизвольно закричал. Из тростникового остова вылетел рой шаров ярко-красного пламени. Послышался треск выстрелов. Пылающие шары изливались, фонтанировали и неслись в толпу! Люди отпрянули назад. Вокруг «быка» образовалось широкое кольцо. Старый Томас метался по кругу, распугивая выбегавших смельчаков. Глаза раскрашенной маски тлели огнем и с шипением разбрасывали оранжевые искры. Шутихи, сделанные из «римских свечей», взвивались в воздух, били струями жидкого пламени и поливали визжащих детей колючим огненным дождем. Отчаянные мальчишки выбегали из толпы и махали перед старым Томасом красными шарфами. «Бык» бросался на них. Кто-то падал и кричал. Кто-то уворачивался от неуклюжего старика и громко смеялся.

Люди кружили под зелеными кронами деревьев, натыкались друг на друга и прыгали через скамейки, убегая от огненного «быка». Одна из шутих попала в накрахмаленную манишку малыша. Тот упал в канаву, подняв фонтанчик брызг, и истошно закричал. А «бык» пылал, источал ракеты, искры, дым, и люди, задыхаясь, держась за бока и напирая на публику у деревьев, вопили от восторга и радовались этой дикой забаве.

Толпа подхватила Роби и понесла с собой. Он побежал, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. Его лицо покраснелось. Он вдруг захотел оказаться в

самом центре событий, кружиться и падать, смеяться и хватать людей за одежду, чтобы прикрываться ими, как щитами, прятаться от того, кто наблюдал за ним и ждал в зловещей темноте. Он хотел забыться и бежать — бежать и смеяться. Поначалу смех был истеричным и ненатуральным, но потом вместе с усталостью пришло настоящее веселье. Он перепрыгивал через ограду, уворачиваясь от атак «быка», а затем дразнил его, когда тот бросался на кого-нибудь другого. Старый Томас кружил по площади, бомбардируя толпу пылающими шарами шутих. Над ним повисло черное облако дыма. Кто-то выпустил дюжину ракет, и те, вонзившись в небо и звезды, создали на миг прекрасную кружевную арку из красного пламени.

А «бык» снова помчался на толпу. Люди разбежались в стороны, и Роби Киббер остался один на один со свирепым чудовищем. Вопя от смущенного восторга, он попятился задом к церковной ограде. Все мысли и чувства исчезли. Его охватил страх перед «быком», изрыгавшим искры и пламя. Огненный шар опалил ему ухо. Роби закричал и бросился наутек. Раздался треск выстрелов, и что-то ударило его по руке. Он пригнулся и захохотал, с разбегу налетев на толпу людей.

Среди них была Целия.

Она стояла на краю площади и с тревогой наблюдала за его дикими прыжками и увертками. Роби начал проталкиваться к ней, извиняясь и раздвигая локтями плотные ряды кружащегося столпотворения. Добравшись до Целии, он вдруг почувствовал тошноту и едва не упал на каменные плиты.

В ее взгляде застыл неподдельный ужас. Она смотрела на кровь, которая ровной и теплой струйкой стекала по его руке.

— В тебя стреляли, Роби, — прошептала она.

Звуки оркестра тонули в нараставшем шуме. Он упал на колени и уткнулся лицом в ноги Целии. Она подхватила его под руки и попыталась поднять...

В Мексике от врачей нет никакого толку. Они любого могут довести до истерики своими ленивыми

вопросами, невозмутимым видом и абсолютной некомпетентностью. Вы можете кричать на них и топтать ногами. Вы даже можете поплакать немного. А доктор тихо и спокойно перевязывает вашу рану и скажет: это фиеста, сеньор. Ничего страшного, успокойтесь. Какой-то человек в порыве радости выстрелил из пистолета. Обычный несчастный случай. Но вы же не будете обращаться в полицию, сеньор? Да и на кого жаловаться? Не на кого! И эта рана, возможно, совсем не от пули. Возможно, сеньор поцарапался о гвоздь? Что вы говорите? Нет? Да, она действительно глубже. Да, надо признать, это пулевое ранение. Но поверьте, выстрел был сделан от чистого сердца! Забудьте об этом, сеньор. Забудьте и наслаждайтесь жизнью!

Когда Роби вышел из кабинета врача, к нему подбежала Целия.

— Ты видела, кто в меня стрелял?

— Нет, я ничего не видела. И никто не видел. Там все бегали, толкались и кричали. Но тебе повезло. Пуля вырвала клочок мяса и не задела кость.

— Этот врач... Он сидит там и философствует о смерти! Можно подумать, что в Мексике вообще нет безопасных мест! Будь ты один или в толпе...

— Тебе действительно лучше вернуться в Штаты.

— Нет! Я останусь! Я должен вытащить прах Дугласа из катакомб и отправить его домой, к родным, которые похоронят беднягу по христианским законам. И еще я потребую расследования! Но это утром... Я совсем зарос щетиной.

Роби сердито взглянул на Целию и отвернулся. Она была чужой. Здесь все было чужим и пугающим. И он больше не мог доверять этой женщине. Возможно, она...

— Ты устал, — сказала Целия. — Тебе лучше пойти к себе и лечь в постель.

Он вернулся в отель.

И там его ожидала похоронная процессия.

Это была маленькая доска, лежавшая на кровати, с пластилиновыми фигурками, которые изображали похоронную процессию.

Он включил свет, закрыл дверь на ключ и устало сел на пол у стены, рассматривая страшный подарок.

Крохотный священник с орехом вместо головы держал черную книгу и, воздев вверх руку, взывал к святым небесам. Маленькие церковные мальчишки поднимали траурные флаги. Рядом с ними стоял гроб, на крышке которого лежал сахарный череп. К алтарю была приклеена фотография покойника — фотография Роби.

Он затравленно осмотрел небольшую комнату. Кто-то порылся в чемоданах, нашел старый снимок и, вырезав лицо, наклеил его на маленький алтарь. Никаких записок и предупреждений. Фигурок было вполне достаточно. В el Día de Muerte такие доски продавались на каждом рынке. Но их не оставляли на постелях друзей — даже ради шутки. Безмолвная комната смотрела на Роби пустыми глазницами черепа. Ему стало холодно. Холодно до тошноты. Он начал дрожать.

Раздался тихий стук. Роби встал и прислушался. Потом сделал глубокий вдох, открыл дверь и выглянул в коридор.

— Сеньор! — донесся свистящий шепот.

От старого Томаса разило потом и вином.

— У меня к вам неотложное дело.

— Я устал и хочу спать.

Томас посмотрел на кровать и указал дрожащим пальцем на пластилиновые фигурки:

— Мне надо поговорить с вами по этому поводу, сеньор. Я недавно проходил по коридору и видел того человека, который принес в вашу комнату этот маленький сюрприз. Я подумал, что вам будет интересно услышать его имя.

Роби недоуменно заморгал и спросил:

— Вы видели его лицо?

— Это был не мужчина. К вам приходила женщина.

— Женщина?

— Да, сеньорита Целия. Я видел ее собственными глазами.

— Ступайте лучше домой. Я замерз, а вы просто пьяны...

— Она не заметила меня. В ее руках была эта доска. Она вошла в ваш номер и задержалась там на несколько минут. Эй-эй, сеньор! Вам плохо?

Роби покачнулся и закрыл глаза:

— Да, мне нехорошо.

— Сеньор, я вижу эту девушку с вами каждый день. У нас в Мексике не принято, чтобы женщина ходила по улицам с посторонним мужчиной или встречалась с ним наедине. Вчера сеньора Ликоне, которая делает сладости и сахарные черепа, сказала мне: «Ох уж эта Целия! Она просто сошла с ума! Пришла ко мне и попросила написать на одном из черепов американское имя — Роби». Я и думать об этом забыл, но тут услышал, что вас ранили на фиесте. А когда я увидел ее с доской и фигурками, мне стало не по себе. Вот почему, сеньор, я решил рассказать вам про Целию.

Роби со стоном опустил на пол, прижимая к груди перевязанную руку.

— Вы не могли бы отвести меня к сеньоре Ликоне?

— Конечно, могу.

— Я хочу расспросить ее о сахарном черепе.

— Ладно.

Старый Томас облизал сухие губы. Его темное лицо выглядело черным пятном, на котором сияли безумные глаза.

— А знаете, почему мне это показалось странным? Потому что до вас тут был другой американец...

— Другой?

— Посидите еще немного. Вы очень бледны и слабы. Да, сеньор, другой американец. Он жил в этом отеле год назад и тоже гулял с сеньоритой по улицам. Я видел, как они выходили из отеля рука об руку...

— Целия... — тихо прошептал Роби Киббер. — Неужели Целия?

— А однажды ночью этот американец пропал!

— Да-да, я знаю.

— И Целия притворялась, что удивлена и опечалена его исчезновением. О, эти женщины! Как они хитры! Но мы-то видели, как она перетаскивала к себе чемоданы американца!

— Почему же вы не сообщили об этом в полицию? — с изумлением спросил Роби.

— А зачем, сеньор? Американец исчез. Возможно, он уехал в свои Штаты. О-о! Так вы считаете, что его убили? Неужели все так плохо? Я ведь заподозрил Целию, когда над вами стали сгущаться тучи. И смотрите, как все сходится! Она вцепилась в вас, как в того американца. Подкинула вам сахарный череп. Принесла фигурки и доску. И еще вас ранили сегодня на фиесте. А ведь это уже серьезно! Вот почему я к вам пришел. Так вы хотите свидеться с сеньорой Ликоне?

— Да. Отведите меня к ней.

— Она живет неподалеку.

Они шли по улице мимо мастерской гробовщика. Даже в этот поздний час оттуда раздавались стук молотка и деловитое пение пилы. Через открытую дверь было видно, как двое мужчин выполняли свою нелегкую работу.

Целия, думал Роби. Ласковая Целия с такими нежными и добрыми глазами. Почему она решилась на это? Может, девушка влюбилась в Дугласа, а тот, нарушив мексиканские обычаи, поступил с ней вульгарно и грубо? И тогда она убила его в порыве ненависти и отчаяния. Говорят, что в Мексике такое происходит часто. Здесь убивают быстро и без слов, недолюбливая тщательные планы и медленный яд. Удар, и секундой позже горькое раскаяние. Кинжал или пистолет — надежно, быстро и навсегда.

Неужели Дуглас мог нанести тебе такую жгучую обиду? Быть может, он просто хотел удержать тебя и поцеловать? Или Мак-Клар не понравился твоей родне? Ну да! Твоя репутация пострадала, потому что люди видели вас вместе. Обычное дело для американцев, но не для тебя. И поэтому ты убила Дугласа — из мести и от безысходной любви. Убила и унесла из номера его чемоданы. Все выглядело так, будто он уехал. А на самом деле ты заманила парня в катакомбы и оставила там его бездыханное голое тело. Возможно, ты спускалась туда не раз и смеялась над останками

Мак-Клара. Какой кошмар! Какая бессердечность! Но потом приехал я, и ты угрозами пыталась заставить меня убраться обратно в Штаты. Откуда тебе было знать, что я такой упрямый...

— Вот сюда, сеньор.

Они свернули на темную аллею. В бездонной пропасти неба мерцали холодные звезды. Где-то в долине завyla собака. А рядом плакала гитара, роняя слезы кристально чистых аккордов. И чей-то голос пел грустную песню.

— Скажите, Томас, еще далеко?

— Уже близко, сеньор. Действительно близко.

Ах, Целия, подумал Роби, поднимаясь на холм. Тебе не удалось скрыть от меня его тело. Ты так и не нашла надежных людей, которые могли бы вытащить Мак-Клара из катакомб и похоронить на окраине города. Или, возможно, тебе не хотелось, чтобы Дугласа уносили оттуда. Неужели ты играешь со мной в какую-то хитрую игру? Неужели ты хотела, чтобы я нашел убитого Мак-Клара?

Луна казалась бельмом мертвеца, который смотрел с небес на пустую землю. Двое мужчин поднимались по широкой улице, и их тени двигались перед ними. Старик свернул к строению, контуры которого были очень знакомыми. На ограде у ворот трепетали знамена и ленты.

— Это арена, Томас? Арена для корриды?

— Да, тут проходят бои быков.

— Неужели сеньора Ликоне живет где-то здесь?

— У нее нет своего дома. Она ютится под трибуной и там же делает сладости типа сахарных черепов и маленьких розовых трупов. Нам сюда.

Они вышли на безмолвную арену, освещенную лунным светом. Белый песок казался водой, покрытой рябью. Ряды пустых скамеек выглядели как круги на стенках огромной воронки.

— Как вы себя чувствуете, сеньор?

— Не очень хорошо. Меня утомил этот долгий подъем.

— Взгляните сюда! — воскликнул Томас, указывая на черный узел, который лежал на песке. — Смотрите, кто-то оставил здесь снаряжение тореадора.

На алой накидке лежали черные туфли, маленький берет и тускло блестящая шпага.

— Да, кто-то забыл свои вещи, — сказал Роби и встревоженно осмотрелся.

Томас сел на корточки, поднял берет и с любовью расправил его рукой.

— Просто стыдно забывать такое добро. А вы когда-нибудь видели настоящую корриду?

— Несколько раз, но она мне не понравилась.

— Вы американец, сеньор.

Томас надел берет на голову и встал перед Роби. Его тело выпрямилось. Он опустил руки и гордо спросил:

— Как я выгляжу, мистер?

— Очень хорошо. Но, может быть, вы отведете меня к сеньоре Ликоне...

— Значит, я не произвел на вас впечатления?

— Нет, вы действительно выглядите прекрасно, однако...

— А вы знаете, что когда-то, много лет назад, я был лучшим тореадором Мексики?

— Не сомневаюсь в этом, но мне...

— Прошу вас, сеньор, послушайте старика.

Его фигура отбрасывала длинную тень, и Томас казался очень высоким и сильным. Он перестал сутулиться. Его мышцы расслабились, подбородок поднялся вверх, и в старческих глазах засиял молодой задорный огонь.

— Однажды я сражался здесь с тремя быками, — сказал он. — В один и тот же день! Людей на трибунах было битком, до самого неба. Когда я закончил последний бой, у быков отрезали уши и отдали их мне. А люди бросали на арену шляпы, перчатки и кошельки. Это походило на дождь. И это был дождь моей славы!

Роби взглянул на старика и не сказал ни слова. В нем начинало вскипать холодное недовольство. Томас нагнулся, поднимая плащ и шпагу.

— Меня считали лучшим, и когда я проводил «веронику»... вот так и так... — Он закружился, показывая серию выпадов. — Публика взрывалась аплодисментами, и это было прекрасно.

Внезапно Томас нагнулся и быстро надел туфли вместо гуарачей, которые сбросил с ног.

— А сейчас... — вскричал старик, приближаясь к Роби.

— Мне бы увидеть сеньору Ликоне...

— Да-да, ту женщину, которая делает сахарные черепа. А вот и она сама.

Томас ткнул шпагой в сторону трибуны. Роби обернулся. И в тот же миг что-то вонзилось в его затылок.

— Начнем, сеньор!

Роби закричал, отпрыгнул в сторону и едва не упал. Он провел рукой по затылку и шее, и пальцы нащупали три маленькие иглы, к которым крепились тонкие ленты, трепетавшие на ветру, — красная, белая и зеленая. Выдернув иголки, Роби бросил их на песок.

— Что вы делаете?!

— О, вам стало интересно! — с усмешкой произнес старик. — Это бандерильи. Пики для шеи быка. Если вы были на корриде, то видели, как бандерильерос вонзают их в холку быка. То же самое сделал сейчас и я.

— Томас! Вы сошли с ума! — закричал американец, отступая назад.

Старик ударил его шпагой. Острие вонзилось в ногу. Клинок вошел в бедро и вышел. Упав на землю, Роби с ужасом посмотрел на кровь.

— Томас!

Старик склонился над ним, закрывая собой луну:

— А вы хотите узнать, что случилось сегодня вечером?

— Томас... — задыхаясь, прошептал упавший.

— Я пытался пристрелить вас на фиесте. Под острым карнавальным быком у меня был припрятан револьвер. Но вы избежали смерти, сеньор.

— Отведите меня к той женщине...

Задыхаясь, Роби жадно хватал ртом воздух. Он чувствовал тошнотворную боль.

— Нет никакой женщины, — со смехом ответил старик. — Но, может быть, вы хотите узнать, что случится завтра утром, сеньор? Завтра Целия начнет расспрашивать о вас. И окажется, что вы уехали из отеля. Уехали далеко-далеко! И ваши чемоданы исчезли из номера вместе с вами.

Роби попытался подняться.

— Давай вставай! — вскричал Томас. — Я встречу тебя хорошим ударом!

Роби попробовал ступить на раненую ногу. Боль обожгла его яростным огнем. Он покачнулся, но все же устоял.

— Вы сошли с ума! Положите шпагу, идиот!

— О нет, сеньор.

— Почему вы хотите убить меня?

— Потому.

Томас поправил берет на голове. Роби Киббер еще раз пошатнулся. Он уже с трудом выдерживал натиск боли. Перед глазами мелькали кровь, застывший лунный свет и чистое небо.

— Я буду кричать, — предупредил он старика. — Люди услышат меня и прибегут сюда.

— Вы не сделаете этого, сеньор, и не испортите нашу игру. Иначе я убью вас очень быстро. Всажу вам шпагу между глаз.

Роби задрожал. Он видел труп Дугласа в катакомбах. Происхождение странного отверстия в черепе стало понятным. То был след от шпаги тореадора. Так вот как умер Мак-Клар!

— Теперь мы продолжим нашу маленькую игру. Я буду величайшим тореадором в мире, а вы, сеньор, — быком. Я буду завлекать вас и уворачиваться от атак. А вам придется нападать на меня снова и снова. По ходу дела я начну подрезать вам руки и ноги. Затем последуют удары в грудь! Потом финальный выпад! И пусть луна насладится этим боем! Пусть звезды заполнят места на трибунах!

— Но что я вам сделал, Томас?

— Каждый день я видел, как вы входили в отель и выходили. И вместе с вами всегда была Целия. Но она

наша женщина! Она не из ваших блудниц! — Старик стоял перед Киббером, высокий и гордый. — При свете солнца и луны вы гуляли с ней, смеялись и не обращали на меня никакого внимания. Каждый день, каждый божий день, я видел, как вы касались ее рук, шептали ей какие-то слова, и моя ненависть к вам становилась такой же большой, как к тому другому американцу. Он приехал в прошлом году. Он тоже гулял и смеялся с Целией. Жалкий янки. Турист-пропойца. Целия смотрела на него как на Бога. Как смотрит теперь на вас. Она не замечала старого Томаса. А ведь когда-то я был известен всей Мексике — от Оахаки до Гвадалахары и Монтеррея. Но теперь Томас старик. Он больше не может бегать по арене. Ни один бык уже не посмотрит на него. А женщина — тем более. Даже свиньи больше не уважают старого Томаса, а люди плюют на него. На старика, которого забодал какой-то бык...

Он сделал резкое движение рукой и приподнял рубашку. На коричневой коже, пересекая бок и часть живота, тянулся широкий белый шрам, который остался от бычьего рога.

— Вы видите, сеньор? Это знак моей доблести! Знак профессии тореадора! Но что значат шрамы для юных женщин? Целия гуляет и смеется с вами. А годом раньше она ходила с другим. И вот однажды моя ненависть достигла предела. Я заманил его сюда в одну из ночей, и мы разыграли с ним корриду — мексиканский герой против глупого американского животного. Я убил его. Теперь ваш черед!

— Томас, я ничего против вас не имею. Вы старый человек....

— Я не старый! — с яростью закричал мексиканец и, подбежав к Роби Кибберу, замахнулся шпагой. — Это она считает меня старым! Глупая, глупая Целия! Каждый день она проходит мимо моей скамьи и даже не смотрит на меня. Каждый день в течение многих лет я смотрю на ее красивое лицо, на ее чудесную походку. И говорю себе: «Нет! Эти янки ее не получают!» Я буду убивать любого, кто, приехав сюда, попытается вскру-

жить ей голову. Одного, второго, третьего. Возможно, вас наберется дюжина, прежде чем меня поймают. Но вы ее не получите! Она моя! — Томас рассек воздух шпагой. — Двигайся! Двигайся, янки! Не стой на месте! Беги! Нападай на меня! Сражайся со мной! Покажи свою удаль!

— Моя нога... Я не могу ходить.

— Тогда я заставлю тебя бегать!

Томас ударил его эфесом шпаги по лицу. Гнев заставил Роби забыть о боли в ноге. Он заковылял к старику, но тот проворно увернулся.

— Хорошо! — закричал мексиканец, взмахнув накидкой. — Давай еще разок!

Роби рванулся к нему.

— Еще! Вот так! И еще!

Киббер остановился, задыхаясь от боли и ярости. Старик кивнул и взглянул на луну:

— Уже поздно. Пора заканчивать бой. Теперь ты победишь на меня, и я проткну твой мозг клинком.

Он поднял накидку, и она затрепетала на холодном ветру. Луна наполнила мир призрачным светом.

В глазах у Роби помутилось. Раненая нога пульсировала как большое сердце. Земля раскачивалась под ним, и в такт с ней дрожали и кружились звезды.

— Томас, — прошептал он тихо. — Я ненавижу тебя!

— Вперед! — закричал старик, взмахнув накидкой.

Шпага взлетела вверх, рассекая завывающий ветер.

— Ненавижу! — повторил американец.

— Время пришло, — сказал старый Томас.

— Пришло.

Роби сделал ложное движение вперед и, когда шпага блеснула в воздухе, упал, откатился в сторону и прыгнул на тореадора сбоку. Подсекая ноги старика, он дернул на себя его вязаные штаны, и Томас с визгом упал на спину. Они покатались по арене, выхватывая друг у друга шпагу и путаясь в алой накидке. Потом один из них вскочил на колени и, сжимая эфес обеими руками, пронзил грудь противника, лежавшего на белом песке.

— Это тебе за меня, — прохрипел он, с трудом вытаскивая шпагу из тела.

Он поднял клинок и вновь вонзил его в соперника, который корчился в предсмертных судорогах.

— Это за Целию.

Шпага снова поднялась и опустилась.

— А это за Дугласа Мак-Клара!

Когда ранним утром Целия встретила Роби на улице, тот, хромая, возвращался от врача в отель. Она заметила в его руке какой-то маленький белый предмет. Звенели церковные колокола, и солнце лениво поднималось над голубыми холмами. Утренний воздух казался удивительно сладким от дыма печей, на которых хозяйки готовили завтрак. Роби вдыхал его со счастливым видом, отламывал от сахарного черепа куски и клал их в рот. Когда Целия подошла к нему и поздоровалась, он доедал последний кусочек. Прожевав и проглотив остатки, Роби улыбнулся, обнял любимую девушку, и их губы слились в долгом поцелуе.

**ХОЛОДНЫЙ ВЕТЕР,
ТЕПЛЫЙ ВЕТЕР**

ПЕРВАЯ НОЧЬ ПОСТА

Так вы хотите знать все «почему» и «с чего бы это» ирландцев? Спрашиваете, что делает их такими? Ну тогда слушайте. Я знал, собственно, лишь одного, зато мы встречались сто сорок четыре ночи подряд. Давайте поближе: всмотритесь в этого человека и, может быть, увидите целый народ, выходящий из серой мороси, чтобы снова скрыться в тумане; берегись, идут! Глянь-ка, уже прошли!

Ирландца звали Ник.

Осенью 1953 года я сочинял в Дублине сценарий. Каждый божий день я садился в такси и проезжал тридцать миль, отделявшие реку Лиффи от серой усадьбы в георгианском стиле, где мой режиссер, он же продюсер, держал охотничью свору. Осень, зиму и начало весны я писал по восемь страниц в день, вечерами мы их обсуждали, а ближе к полуночи, готовый вернуться в отель «Ройял Иберниен», я будил килкокскую телефонистку и просил соединить с самым теплым (хоть и неотапливаемым) местом в поселке.

— Кабачок Хиберы Финна? — кричал я в трубку. — Ник здесь? Попросите, пусть приедет за мной.

Мысленно я видел их, местных парней, у щербатой зеркальной стойки, похожей на зимний пруд, где из-подо

льда таращатся они сами, как нового рода утопленники. В их толчее, в их свистящем «гляди-чего-скажу» молчаливо высится Ник, мой сельский водитель. Мне слышно, как Хибер Финн кричит от телефона и как Ник отзывается:

— Все, сейчас меня здесь не будет!

По прошлым ночам я знаю, что «все-сейчас-меня-здесь» процесс несуетный. Скорее это медленный отрыв, степенный наклон торса, когда центр тяжести мало-помалу смещается в дальний, пустующий край комнаты, где одиноко маятся забытая всеми дверь. Цель его — не повредить изысканное плетение разговора. Тем временем нужно поймать, связать и пометить десятки нитей утка и основы, чтобы на завтра под хриплые возгласы узнавания на лету подхватить челнок и с порога включиться в беседу.

По моим прикидкам, бóльшая часть пути — через кабачок Хибера Финна — занимала у Ника полчаса. Меньшая — от поселка до дома, где я жил, — минут пять.

Так было и в последнюю ночь перед Великим постом. Я позвонил и стал ждать.

Наконец из ночного леса вылетел «шевроле» 31-го года выпуска, торфяно-рыжий, как и сам Ник. Машина и водитель, сопя и отфыркиваясь, плавно вкатили во двор; я сбежал по ступеням в безлунную, яркоч звездную ночь.

За лобовым стеклом царил безраздельный мрак: приборная доска много лет как почил в мире.

— Ник?

— Он самый, — послышался доверительный шепот. — Славный вечерок, теплый, а?

Термометр показывал пятьдесят*, но Ник ни разу не забредал южнее Типперари, а тепло — понятие относительное.

— Да, хороший. — Я сел на переднее сиденье и с хрустом захлопнул ржавую дверцу. — Ну как жизнь?

* Пятьдесят градусов по Фаренгейту соответствует десяти по Цельсию.
(Примеч. пер.)

— Жизнь? — Он вырулил на лесную дорогу. — Да помаленьку. Здоровье вроде при мне. А чего еще надо, если завтра пост?

— Пост, — задумчиво повторил я. — От чего вы откажетесь на время поста, Ник?

— Я тут подумал, — Ник резко затянулся сигаретой, и его непроницаемое лицо скривилось от дыма, — чего бы не бросить эту дурную привычку. Денег уходит уйма, а пользы — один вред. Это ж какой убыток, если прикинуть за год. Постом бросаю смолить, а там, кто знает, глядишь, и совсем завяжу.

— Bravo! — воскликнул я, некурящий.

— Вот и я себе так сказал, — согласился Ник, шуря от дыма глаз.

— Желаю удачи, — продолжил я.

— Спасибо, — прошептал Ник. — Удачи бы хорошо, а то ведь силен лукавый, поди его побори.

И мы двинулись вперед, уверенно преодолевая колдобины, вниз, в объезд торфяной лощины, потом в туман и до Дублина, с постоянной скоростью тридцать одна миля в час.

Простите, если повторяюсь, но таких осторожных шоферов, как Ник, поискать в любой стране, будь она самая что ни на есть игрушечная, тихая и мясомолочная.

Прежде всего, Ник — ангел в сравнении с лос-анджелесскими, парижскими и мексиканскими таксистами, которые, плюхнувшись на сиденье, выключают остатки разума; или слепцами в голливудских черных очках, что, забросив кружки и белые трости, оглашают безумным смехом Виа-Венето, только сыплются тормозные накладки, словно праздничный серпантин за ветровым стеклом. Вспомните развалины Рима; наверняка следствие разгула дикого племени мотоциклистов — вы слышите их ночами, когда они с воем несутся по улицам древнего города: христиане, летящие, как на пожар, в львиные рвы Колизея.

Так вот, Ник. Гляньте, как руки его лелеют баранку — плавным вращением зимних созвездий в бесшумном и снежном небе. Вслушайтесь, как он вполголоса угова-

ривает дорогу, ласково глядя ногой шепчущий акселератор, скорость — тридцать одна, ни милей больше, ни милей меньше. Ник, Ник в надежной ладье скользит по озеру, где отдыхает Время. Смотрите, сопоставляйте. Пусть вас с ним свяжет душестное летнее разнотравье; расплатитесь звонкой монетой, крепко пожмите руку.

— Доброй ночи, Ник, — сказал я у гостиницы. — Увидимся завтра.

— Если Бог даст, — прошелестел Ник.

И тихо поехал прочь.

Пропустите двадцать три часа: завтрак, ленч, обед, последняя на посошок. Пусть в дожде и торфяной дымке растают часы превращения дурной писанины в хорошую, и вот я вновь выхожу из серой георгианской усадьбы. Дверь открывается, на ступени ложится желтый, согретый огнем квадрат. Я вслепую нашариваю автомобиль, который должен быть здесь, слышу в незрячем воздухе натужное перханье мотора и кашель Ника — хрип прокуренных легких.

— А вот и мы! — кричит Ник.

Я по-свойски опускаюсь на переднее сиденье, хлопаю дверцей и говорю с улыбкой:

— Здравствуйте, Ник.

И тут случается невозможное. Машина срывается с места в карьер и с ревом несется, ломая ветки, пугая ночные тени. Я вцепляюсь в колени и трижды бьюсь головой о крышу.

— Ник! — кричу я. — Ник!

В мозгу проносятся видения Лос-Анджелеса, Парижа, Мехико. Я в тупом отчаянии таращусь на спидометр. Восемьдесят, девяносто, сто километров, только гравий брызжет из-под колес. Мы вылетаем на шоссе, проносимся по мосту и мчим по ночным улицам Килкока. За поселком стрелка прыгает к ста десяти километрам. Я чувствую, как все ирландские травы прилипают к земле, когда мы с воем выскакиваем на подъем.

«Ник!» — подумал я и повернулся к нему. Лишь одно оставалось прежним — зажатая в зубах сигарета дымила, заставляя лицо кривиться.

Но сам Ник изменился так, словно враг рода человеческого стиснул, смял, переплавил его в темной горсти. Он выкручивал баранку на сто восемьдесят и обратно, мы пролетали под эстакадами, выныривали из туннелей, только на перекрестках за нами вращались безумными флюгерами задетые дорожные знаки.

Лицо Ника: мудрая благость черт, философская мягкость взгляда — куда только все делось! Рот беспокойно кривится — грубое лицо, оголенная, обструганная картофелина, не лицо даже, а слепящий прожектор, бессмысленно нацеленный в пустоту; руки выкручивают баранку, мы пролетаем очередной поворот, считаем уступы ночи.

Это не Ник, думал я, это его брат. Или что-то стряслось ужасное, кто-то заболел или умер. Да, наверное, иначе не может быть.

И тут Ник заговорил. Голос тоже был не его. Пропала упругая мягкость торфа, покойная сырость сфагнума, приветный костерок угас на холодном дожде, пожухла ласковая трава. Меня оглушил оловянно-железный голос, грохот горна или трубы.

— Как поживаете?! — заорал Ник. — Как жизнь?! — прокричал он.

Машине тоже пришлось несладко. Да, она горько сетовала, битая, в ржавой коросте, давно отслужившая свой срок — ей бы брести, словно нищенке, к морю и небу, с оглядкой, сберегая старые кости. Но нет, Ник не жалел, гнал несчастную развалюху в тартарары, словно мечтал согреть озябшие руки на персональной жаровне. Ник подавался вперед, машина подавалась вперед, из выхлопной трубы били злые одышливые клубы. И я, и Ник, и машина, все превратилось в один дребезжащий комок.

От безумия меня спасла простая догадка. Я поднял голову, пытаясь понять причину чудовищной гонки, уставился на Ника, окутанного облаком адского дыма, и тут меня осенило.

— Ник, — выдохнул я. — Сегодня же первая ночь поста!

— И что с того? — удивился Ник.

— Вы обещали! Уже пост, а вы с сигаретой.

Ник в первое мгновение не понял. Потом опустил глаза, увидел вьющийся дымок и пожал плечами.

— А! — протянул он. — Я решил бросить другое.

И внезапно все стало ясно.

В прошлые сто сорок четыре вечера я выходил из серой георгианской усадьбы после изрядной дозы бурбона, виски или чего другого, поднесенного продюсером «для согрева». Потом, выдыхая ошпаренной глоткой овсяный, ячменный или пшеничный дух, я садился в такси с человеком, который долгими вечерами дожидался звонка в пивной, да что там — жил у Хиберы Финна.

Дурак! Как же я прежде не замечал!

Там-то, у Хиберы Финна, за узорчато-долгой беседой, где каждый бросает зерно в общую борозду, где сообща, всем миром, пестуют урожай, сдвигая головы и пенные кружки, нежно лелеемые в горсти, — там-то и снисходила на Ника мудрая благодетельность.

Это она гасила пылающий нор, торфяной пожар в неумной его душе. Дождем стекала с лица, оставляя рытвины мудрости, морщины Платона, складки Эсхила. Спелая благодетельность красила щеки румянцем, смягчался и теплел взгляд, голос садился до мглистого шелеста, а сердце в груди замедляло безумный галоп, переходя на шаг. Ливнем сбегала она по плечам, непокорные руки на тряской баранке слабели — отсюда спокойствие выправки, степенность посадки в седле из конского волоса, неспешность езды в тумане.

И я, со вкусом солода на языке, с обожженной сивухой гортанью, так ни разу и не учуял, что от Ника разит спиртным.

— А, — снова сказал он. — Я бросил другое.

И разом все объяснилось.

Сегодня — первая ночь поста.

Сегодня, на пятом месяце нашего знакомства, Ник впервые трезв за рулем.

В прошлые сто сорок четыре ночи он вел машину осторожно не потому, что пекся о моей безопасности — просто мягкая благодетельность растекалась по его телу, скругляя крутые зигзаги ночной дороги.

Так кто поистине знает ирландцев, спрошу я, и с какой стороны? И какая из этих сторон — настоящая? Кто Ник? Который из двух существует на самом деле?

Не желаю об этом думать!

Для меня есть лишь один Ник. Тот, кого Ирландия лепила дождем и непогодой, севом и жатвой, отрубями и суслом, брожением, разливом, шипением пены, пивными цвета спелой пшеницы, танцующими на ветру, что шепчет ночами в овсах, в ячменях, колышет болотные травы за ветровым стеклом. Это Ник — его зубы, глаза, сердце, спокойные руки. Спросите, что делает ирландцев такими, как они есть — я покажу на дорогу и объясню, где свернуть к Хиберу Финну.

Первая ночь поста, и не успели мы охнуть, как оказались в Дублине. Я вылез, машина замерла у тротуара. Я наклонился к дверце. Умоляюще, жарко, со всей возможной сердечностью я вгляделся в чужое, горящее, грубое лицо Ника.

— Ник! — сказал я.

— Сэр! — рявкнул он.

— Сделайте мне одолжение.

— Да хоть что! — проорал он.

— Возьмите деньги, здесь больше обычного, — сказал я, — и при первой возможности купите самую большую бутылку ирландского виски, какую сумеете отыскать. Завтра, прежде чем забирать меня вечером, выпейте — всю, до последней капли. Обещаете, Ник? Святой истинный крест, а, Ник?

Он задумался, и самая мысль притушила прожекторный жар лица.

— Да как-то, право, неловко, — сказал он.

Я насильно вложил деньги ему в руку. Наконец он сунул их в карман и молча уставился вперед.

— Доброй ночи, Ник, — сказал я. — Завтра увидимся.

— Если Бог даст, — отвечал Ник.

И покатил прочь.

СТРАШНАЯ АВАРИЯ В ПОНЕДЕЛЬНИК НА ТОЙ НЕДЕЛЕ

Человек ввалился в заведение Хибера Финна и застыл в открытых дверях, осоловело глядя перед собой. Весь в крови, он с трудом держался на ногах и стонал так, что у собравшихся по спине побежали мурашки.

Некоторое время слышалось только, как лопаются пузырьки пены в кружках; все лица были обращены к незнакомцу — чьи-то бледные, чьи-то румяные, чьи-то в паутине вздувшихся красных прожилок. На каждом лице дрогнуло веко.

Мужчина стоял, шатаясь — глаза широко раскрыты, губы дрожат.

Присутствующие сжали кулаки. «Ну! — молча кричали они. — Давай же! Говори!»

Незнакомец сильно подался вперед.

— Авария! — прошептал он. — Авария на дороге!

Тут колени его подогнулись, и он рухнул на пол.

— Авария!

Человек десять кинулись к бесчувственному телу.

The Great Collision of Monday Last

Copyright © 1959 by Ray Bradbury

Страшная авария в понедельник на той неделе

© Е. Доброхотова, перевод, 1997

— Келли! — Голос Хиберы Финны перекрыл все остальные. — Давай к дороге. И поосторожнее там с ранеными. Полегонечку. Джо, беги за доктором.

— Погоди! — раздался негромкий голос. Из-за отдельной стойки в темном закутке бара, где удобнее всего предаваться философским раздумьям, темноволосый мужчина шурился на толпу.

— Доктор! — воскликнул Хибер Финн. — Это вы!

Доктор и с ним еще несколько человек поспешно скрылись в темноте.

— Авария... — Угол рта у лежавшего на полу задержался.

— Осторожней, ребята.

Хибер Финн и двое других уложили пострадавшего на стойку бара. Он лежал на наборном филенчатом дереве красивый, как покойник, и в толстом зеркальном стекле двоилось отражение беды.

На ступенях толпа замерла в смятении: казалось, океан в сумерках затопил Ирландию, и теперь они окружены со всех сторон. Огромные волны тумана скрыли луну и звезды. Моргая и чертыхаясь, люди один за другим ныряли с крыльца и пропадали в глубине.

За их спиной, в ярко освещенном дверном проеме остался стоять молодой мужчина. На ирландца он был не похож: волосы не рыжие, лицо не бледное, не мрачный, но и не веселый — вы могли бы принять его за американца. И не ошиблись бы. А зная это, вы бы сразу догадались, почему он ни во что не вмешивается: боится нарушить незнакомый ему сельский ритуал. С первого дня в Ирландии он не мог отделаться от чувства, что живет на сцене, где ему, не знающему роли, остается только тарашиться на действующих лиц.

— Странно, — неуверенно возразил он, — я не слышал шума машин.

— Разумеется, — чуть ли не с гордостью отвечал старик, который из-за артрита не мог продвинуться дальше первой ступеньки и топтался на ней, что-то крича

в белые глубины, поглотившие его приятелей. — Поищите на перекрестке, ребята! Там чаще всего сталкиваются!

— Перекресток! — Со всех сторон застучали шаги.

— И шума аварии я тоже не слышал, — настаивал американец.

Старик презрительно фыркнул:

— У нас не услышишь грохота, скрежета и лязга. Но если охота посмотреть — сходите туда. Только не бегите. Такая темень, черт ногу сломит! Еще, чего доброго, налетите сослепу на Келли — вечно он несется как очумелый. Или прямехонько на Фини наткнетесь — этот так надерется, что дороги не разбирает, куда уж там пешеходов. Фонарь есть? Он вам не поможет, а все равно возьмите. Ступайте же, слышите?

Американец с трудом отыскал в тумане автомобиль, достал фонарик и погрузился в ночь за пивной. Он шел на стук башмаков и голоса. За сотню ярдов, в вечности, переговаривались сиплым шепотом:

— Полегче!

— Тьфу, пропасть...

— Осторожно, не тряси его!

Американца отбросило в сторону напором людей, которые внезапно вынырнули из тумана, неся над головами бесчувственное тело. Он успел различить бледное, залитое кровью лицо, потом кто-то наклонил его фонарик вниз.

Ведомый инстинктом, катафалк устремился на желтый свет кабачка, в привычную неколебимую гавань.

Дальше маячили тени и слышался необъяснимый стрекот.

— Кто там? — крикнул американец.

— Машины несем, — просипел кто-то. — Авария, как-никак.

Фонарик высветил идущих. Американец вздрогнул. В следующую секунду кончилась батарейка.

Однако он успел различить пару рослых деревенских парней, без усилия несущих под мышкой два древних черных велосипеда.

— Как?.. — промолвил американец.

Но парни уже прошли, унося с собой машины без передних и задних фар. Туман поглотил их. Американец стоял один на пустой дороге, держа бесполезный фонарь.

К тому времени как он открыл дверь заведения, оба «тела» уже лежали на стойке бара.

— Тела на стойке, — сообщил старик, оборачиваясь к американцу.

Толпа сгрудилась вокруг не ради выпивки, однако она не давала пройти врачу — ему пришлось бочком протискиваться от одной жертвы ночной езды без фар к другой.

— Первый — Пэт Нолан, — шептал старик. — Временно не работающий. Другой — мистер Пиви из Мэйнута, торговля сигаретами и леденцами. — Он повысил голос. — Мертвы, доктор?

— Нельзя чуть-чуть помолчать? — Доктор напомнил скульптора, которому никак не удается враз завершить композицию из двух полномасштабных мраморных фигур. — Положите одного пострадавшего на пол.

— На пол — верная смерть, — сказал Хибер Финн. — Простудится как пить дать. Лучше пусть лежит здесь, где мы надышали.

— Но, — тихо и смущенно спросил американец, — я в жизни не слышал о таких авариях. Вы уверены, что там не было машин? Только эти двое на велосипедах?

— Только?! — проорал старик. — Да на велосипеде, если приналечь, развиваешь скорость до шестидесяти километров в час, а под горку, да на длинном спуске, все девяносто, если не девяносто пять! Вот они и неслись, без передних и задних фар...

— Разве это не запрещено законом?

— К чертям законы! Пусть правительство не лезет в нашу жизнь!.. Так эти двое несутся, без фар, из одного города в другой, словно за ними черти гонятся! Навстречу, но по одной стороне дороги. Нам говорят, всегда ездите по другой стороне, против движения, так безопасней. Вот и глядите, что выходит из этих постановлений. Люди гибнут! Как? Не понятно, что ли? Один помнил про правило, другой — нет. Лучше б уж

гам, наверху, молчали! А теперь эти двое лежат рядком и вот-вот отправятся на тот свет.

— На тот свет? — Американец вздрогнул.

— А вы подумайте! Два здоровенных лба мчат сломя голову, один из Килкока в Мэйнут, другой из Мэйнута в Килкок. И что между ними? Туман! Только туман отделяет их от столкновения. И когда они врезаются друг в друга на перекрестке, происходит, что в кегельбане. Бах! Кегли летят! Вот и они, болезные, взлетают футов на девять, крутятся в воздухе, голова к голове, как закадычные дружки, велосипеды сцепились, словно мартовские коты. Ну и падают, ясное дело, лежат, ждут, пока за ними придет Косая.

— Но ведь они не...

— Думаете? В прошлом году не было в Свободной Стране ночи, чтобы хоть кто-нибудь не отдал Богу душу после проклятой аварии!

— Вы хотите сказать, более трехсот ирландских велосипедистов в год погибает от столкновений?

— Святая правда.

— Я никогда не езжу ночью на велосипеде. — Хибер Финн смотрел на тело. — Только хожу.

— Ну так чертовы велосипедисты на тебя наезжают! — вскричал старик. — На колесах или пешком, все равно какой-то Богом ушибленный гонит тебе навстречу. Да они переедут насмерть, «здрасьте» не скажут. О, я видел, как смелые люди гибли, оставались без рук, без ног или хуже, да еще потом год жаловались на головную боль. — Старик дрожал, глаза его были прикрыты. — Можно подумать, человеку не дано управлять таким сложным механизмом.

— Триста смертей в год, — ошалело повторил американец.

— Это еще без «легкораненых»! Их, почитай, тыща в неделю будет. Чертыхнется, забросит велосипед в туман, оформит пенсию и доживает свой век калекой.

— Что же мы разговариваем? — Американец беспомощно указал на простертые тела. — Здесь есть больница?

— В безлунную ночь, — продолжал Хибер Финн, — лучше идти полями, а дороги — ну их вообще к лука-

вому! Только благодаря этому правилу я дожил до пятого десятка.

— А-а... — Один из раненых шевельнулся.

Доктор, почувствовав, что слишком долго держит собравшихся в напряжении и они уже начали отвлекаться, вернул ситуации накал — резко выпрямился и произнес:

— Ну!

Все разговоры смолкли.

— Вот у этого малого... — Врач показал. — Синяки, порезы, страшная боль в спине на ближайшие две недели. А вот у этого... — Он состроил гримасу и уставился на второго велосипедиста — тот был бледен, черты заострились; складывалось впечатление, что пора бежать за попом. — Сотрясение мозга.

— Сотрясение! — пронеслось над стойкой, и вновь наступило молчание.

— Его можно спасти, если немедленно доставить в мэйнутскую клинику. Кто готов отвезти?

Все, как один, повернулись к американцу. Тот почувствовал, как превращается из стороннего наблюдателя в главного участника ритуала, и покраснел, вспомнив, что у дверей припаркованы семнадцать велосипедов и только один автомобиль. Он торопливо кивнул.

— Вот, ребята! Человек вызвался! Давай подымай этого малого — осторожно! — и неси в машину нашего доброго друга!

«Ребята» уже собрались было поднять раненого, но замерли, когда американец кашлянул. Он обвел рукой собравшихся и прижал к губам согнутую ладонь — жест в заведении весьма опасный.

— На дорожку!

Теперь даже более удачливый из двух, внезапно оживший, обнаружил в руке кружку. Ее вложили туда заботливые пальцы, со словами:

— Ну давай же... рассказывай...

— ...что случилось, а?

Тело стащили со стойки, поминки временно отменили, в комнате остались только американец, врач, ожившая жертва катастрофы и двое забулдыг. Было слышно,

как на улице укладывают единственного тяжелораненого в автомобиль «нашего доброго друга».

Доктор сказал:

— Допейте пиво, мистер...

— Макгвайр, — сказал американец.

— Святые угодники, да он ирландец!

Нет, думал американец, растерянно глядя вокруг, на живого велосипедиста, который сидел, ожидая, когда возвратятся слушатели, на залитый кровью пол, на две «машины», брошенные у двери, словно театральные реквизиты, на немыслимый туман и тьму за открытой дверью, вслушиваясь в раскаты и каденции голосов, каждый из которых в точности соответствует хозяину и природе. Нет, думал американец по фамилии Макгвайр, я почти, но не совсем, ирландец...

— Доктор, — услышал он свой голос, кладя монетки на стойку, — часто у вас сталкиваются автомобили?

— Только не в нашем городе! — Доктор скорбно кивнул на восток. — За этим езжайте в Дублин!

Они вместе пошли к дверям. Доктор взял американца под руку, словно надеясь последним советом уберечь его от беды. Ведомый врачом, тот чувствовал, как внутри переливается крепкий портер, и старался принаравливать шаг к этому обстоятельству.

Доктор шептал на ухо:

— Послушайте, мистер Макгвайр, вы ведь мало водили в Ирландии? Тогда запоминайте! В таком тумане, да еще в Мэйнут, лучше ехать на полной скорости! Чтоб грохот стоял на всю округу! Почему? Пусть коровы и велосипедисты брызнут с дороги!.. Поедете медленно — задавите не один десяток, прежде чем они догадаются, что к чему. И еще: увидите машину, сразу гасите фары. Лучше и безопаснее разбегаться в темноте. Проклятые огни только слепят глаза, сколько народу из-за них гибнет, не сосчитать. Ясно? Две вещи: скорость и гасить фары, как только увидите встречного!

В дверях американец кивнул. За его спиной более везучий участник аварии, устроившись поудобнее, смаковал портер и потихоньку, вдумчиво начинал рассказ:

— Так вот, еду я домой, ни о чем таком не думаю, под горочку...

Снаружи постанывал на заднем сиденье второй участник.

Доктор давал последнее напутствие:

— Обязательно надевайте кепку, если выходите ночью. Чтоб голова не болела, если столкнетесь с Келли, или Мораном, или еще с кем из наших лихачей. Они-то непрошибаемые с рождения, да еще накачаются в стельку. Так что для пешеходов в Ирландии тоже есть правила, и первое — быть в кепке!

Американец непроизвольно полез под сиденье, вытащил коричневое твидовое кепи, купленное сегодня в Дублине, и надел. Взглянул на клубящийся туман. Вслушался в дорогу, тихую-тихую, но все же не такую и тихую. Он видел сотни неведомых миль, тысячи перекрестков в густом тумане, а на них — тысячи призраков в твидовых кепках и серых шарфах, летящих по воздуху, горланящих песни, распространяющих запах крепкого ирландского портера.

Он сморгнул. Призраки исчезли. Дорога лежала пустая, тихая и зловещая.

Глубоко вздохнув и закрыв глаза, американец по фамилии Макгвайр включил зажигание и нажал на стартер.

НИШИЙ С МОСТА О'КОННЕЛА

— **Т**ак, — сказал я. — Твой муж — дурак.
— Почему? — спросила жена. — Что ты такого сделал?

Я смотрел с третьего этажа гостиницы. В свете фонаря под окнами прошел человек.

— Это он. Два дня назад...

Два дня назад кто-то зашипел на меня из соседней подворотни:

— Сэр! Это важно! Сэр!

Я обернулся в темноту. Какой-то заморыш. Голос — жуткий-прежуткий.

— Если б у меня был фунт на билет, мне бы дали работу в Белфасте!

Я колебался.

— Отличную работу! — продолжал он торопливо. — Хороший заработок! Я... я вышлю деньги по почте. Только скажите, кто вы и где остановились.

Он видел, что я — турист. Промедление меня сгубило, обещание вернуть деньги — растрогало. Я хрустнул бумажкой, отделяя ее от пачки.

Человек встрепенулся, как ястреб.

— Будь у меня два фунта, сэр, я бы поел в дороге.

The Beggar on O'Connell Bridge
Copyright © 1961 by Ray Bradbury
Ниший с моста О'Коннела
© Е. Доброхотова, перевод, 1997

Я вытащил вторую.

— А на три мог бы забрать жену — не оставлять же ее здесь одну-одинешеньку.

Я отсчитал третью.

— А, была — не была! — вскричал человек. — Какие-то жалкие пять фунтов, и мы будем жить в отеле, а не на улице, тогда уж я точно найду работу!

Что за воинственный танец он исполнял, притопывая, хлопываясь, кося глазами, скалясь в улыбке, причмокивая языком.

— Господь отблагодарит вас, сэр!

Он побежал, унося мои пять фунтов.

На полпути к гостинице я сообразил, что он не записал мое имя.

— Черт! — крикнул я тогда.

— Черт! — вскричал я сейчас, глядя в окно.

Потому что в прохожем под фонарем я узнал человека, которому третьего дня надлежало уехать в Бел-фаст.

— А, я его знаю, — сказала жена. — Он ко мне сегодня подошел. Просил денег на поезд до Голуэя.

— Ты дала?

— Нет, — просто отвечала жена.

Тут случилось самое худшее. Демонический нищий поднял голову, увидел меня и — провалиться на этом месте! — сделал нам ручкой.

Я чуть было не помахал в ответ. Губы скривила болезненная усмешка.

— До того дошло, что не хочется выходить из отеля, — пробормотал я.

— Действительно холодно. — Жена надевала пальто.

— Нет, — сказал я. — Дело не в холоде. Дело в них. Мы снова взглянули в окно.

Ветер гулял над мощеной дублинской улицей, разнося копоть от Тринити-колледжа до Сент-Стивенс-Грин. За кондитерской застыли двое. Еще один торчал на углу — бороденка заиндевели, руки в карманах ощупывают скрытые кости. Дальше в подворотне притаилась груда газет: если пройти мимо, она зашевелится, словно стоя мышей, и пожелает вам доброго вечера.

У самого входа в отель горячечной розой высилась женщина, прижимая к груди загадочный сверток.

— А, попрощайки, — протянула жена.

— Не просто попрощайки, — ответил я, — а люди на улицах, которые становятся попрощайками.

— Как в кино. Темно, все ждут, когда появится герой.

— Герой. Черт возьми, это про меня.

Жена всмотрелась в мое лицо.

— Ты же их не боишься?

— Да нет. Дьявол. Хуже всех — та женщина со свертком. Это стихийная сила. Сбивает с ног своей бедностью. Что до остальных — ну, для меня это большая шахматная партия. Сколько мы уже в Дублине? Восемь недель? Восемь недель я сижу за машинкой, изучаю их распорядок дня. Когда они уходят на обед, я тоже устраиваю себе перерыв — выбегаю в кондитерскую, в книжный, в театр «Олимпия». Когда подгадаю точно, обходится без подаяния, не возникает порыва затолкать их к парикмахеру или в столовую. Я знаю все потайные выходы из гостиницы.

— Господи, — сказала жена. — Тебя довели.

— Да, и больше других — нищий с моста О'Коннела.

— Который?

— Который?! Это чудо природы, ужас. Я люблю его и боюсь. Увидеть его — не поверить своим глазам. Идем.

Дух лифта, сотню лет живущий в нечистой шахте, двинулся вверх, волоча постылые цепи. Дверь открылась со вздохом. Кабина застонала, словно мы наступили ей на желудок. Разобиженный призрак пополз к земле, унося нас в своей утробе.

Между этажами жена сказала:

— Если сделать нужное лицо, нищие к тебе не пристанут.

— Лицо, — терпеливо объяснил я, — у меня мое. Оно из Яблока-в-Тесте, штат Висконсин, Сарсапарели, Мэн. «Добр к собакам» — написано у меня на лбу. Я выхожу на пустую улицу, и тут же из всех щелей лезут любители дармовщинки.

— Научись смотреть мимо них, — посоветовала жена, — или насквозь. — Она задумалась. — Хочешь, покажу? — Показывай.

Я открыл дверь лифта. Мы прошли через вестибюль отеля «Ройял Иберниен» и сощурились в прокопченную ночь.

— Святые угодники, помогайте, — пробормотал я. — Вот они, подняли головы, сверкают глазами. Чуют запах печеного яблока.

— Догонишь меня у книжного через две минуты, — сказала жена. — Гляди!

— Постой! — крикнул я, но было уже поздно.

Жена сбежала по ступенькам.

Я смотрел, расплющив нос о стеклянную дверь.

Нищие на углу, напротив, возле отеля подались телами к моей жене. Глаза их горели.

Жена спокойно взглянула на них.

Нищие медлили, переминаясь с ноги на ногу. Потом их кости застыли. Губы обмякли. Глаза погасли. Сердца упали.

Было ветрено.

Перестук жениных каблучков — цок-цок, словно маленький барабанчик — затих в проулке.

Из подвала слышались музыка и смех. Я подумал: сбежать вниз, принять глоточек для храбрости?

К дьяволу! Я распахнул дверь.

Эффект был такой, словно кто-то ударил в монгольский бронзовый гонг.

Улица на миг затаила дыхание.

Потом зашуршали подметки, высекая искры из мостовой. Нищие бежали ко мне, из-под подбитых ботинок сыпались светлячки. Протянутые руки дрожали. Рты раскрывались в улыбке, словно старые пианино.

Дальше по улице, у книжного, ждала жена. Она стояла спиной ко мне, но третьим затылочным глазом, наверное, видела: аборигены приветствуют Колумба, братцы-белки встречают святого Франциска, который принес им орехов. На какое-то жуткое мгновение я ощутил себя папой на балконе святого Петра, над морем страждущих душ.

Я не прошел и половины ступеней, как женщина бросилась ко мне, тыча в лицо кулек.

— Взгляните на бедного крошку! — возопила она.

Я взглянул на младенца.

Младенец глядел на меня.

Боже милостивый, мерещится — или маленький пройдоха действительно мне подмигнул?

Нет, я схожу с ума; глаза у младенца закрыты. Она накачивает его пивом, прежде чем выйти на промысел.

Мои руки, мои деньги поплыли среди нищих.

— Благодарствуем!

— Бедный крошка не забудет вашу доброту, сэр!

— Ах, нас осталось совсем мало!

Я протолкался сквозь них и побежал, не останавливаясь. Разбитый наголову, я мог бы плестись теперь всю дорогу, но нет, я удирал. Любопытно, ребенок все-таки настоящий? Не бутафория? Нет, я частенько слышал, как он плачет. Черт бы ее подрал, она щиплет его всякий раз, как Большая Жратва, штат Айова, появится из дверей. Циник — ругал я себя, и отвечал себе: Нет, трус.

Жена, не оборачиваясь, увидела мое отражение в витрине и кивнула.

Я стоял, силясь отдышаться, и разглядывал свою физиономию: летние глаза, восторженный, беспомощный рот.

— Ладно, — вздохнул я. — Так мне удастся сохранить лицо.

— Мне нравится, как ты его сохраняешь. — Она взяла меня под руку. — Хотела б я быть такой же.

Я оглянулся. Кто-то из нищих уходил в темноту с моим шиллингом.

— Нас осталось совсем мало, — повторил я вслух. — Что он имел в виду?

— «Нас осталось совсем мало»? — Жена уставилась в темноту. — Он так и сказал?

— Поневоле задумаешься. Кого «нас»? И где осталось?

Улица опустела. Пошел дождь.

— Ладно. Идем, покажу тебе еще бóльшую загадку, человека, который рождает во мне странный неукротив-

мый гнев, потом — блаженный покой. Разгадай его, и ты разгадаешь всех нищих на свете.

— На мост О'Коннела? — спросила жена.

— Туда, — отвечал я.

И мы пошли в мягкую мгlistую морось.

На полпути к мосту, когда мы разглядывали тонкий ирландский хрусталь в витрине, женщина в серой шали схватила меня за локоть.

— Умирает! — рыдала нищенка. — Моя бедная сестра умирает! Доктора говорят — рак, месяц осталось жить! А у меня детки плачут от голода! Господи, если бы вы дали хоть пенни!

Рука жены на моем локте напряглась.

Я глядел на женщину и, как всегда, рвался на части. Одна половина говорила: «Она просит такую малость!», другая возражала: «Умная, знает, что надо просить меньше, получишь гораздо больше!» Я ненавидел себя за эту раздвоенность.

Я задохнулся:

— Ведь вы...

— Что я, сэр?

Я думал: ведь ты только что совала мне в нос младенца, в квартале отсюда, возле гостиницы!

— Я болею! — Она держалась в тени. — Я болею от слез!

Ты бросила ребенка в подворотне, думал я, сменила зеленую шаль на серую и кинулась нам наперерез.

— Рак... — На ее звоннице был лишь один колокол, но она умела в него ударить. — Рак...

Жена перебила:

— Простите, не вы подходили к нам возле гостиницы?

Мы с нищенкой разом задохнулись. Так нельзя! Это не принято!

Лицо ее собралось складками. Я вгляделся внимательнее. Господи, это другое лицо! Я поневоле восхитился. Она знает, чувствует, что знают и чувствуют актеры: когда ты вопишь и нагло лезешь вперед, ты — один персонаж, когда съежишься и жалко отклячишь губы — другой. Женщина, конечно, одна, но вот роль? Явно нет.

Она нанесла мне последний удар ниже пояса.

— Рак...

Произошла короткая схватка, разрыв с одной женщиной и движение к другой. Жена отпустила мою руку, попрошайка схватила монету. Словно на роликовых коньках, она унеслась за угол, всхлипывая от счастья.

— Господи! — Я в священном восторге смотрел ей вслед. — Наверняка изучала Станиславского. Он где-то пишет, что довольно сощурить глаз и сдвинуть рот набок, чтобы стать другим человеком. Интересно, у нее хватит духу снова караулить нас у гостиницы?

— Интересно, — сказала жена, — перестанет мой муж восхищаться этой комедией? Пора отнестись критически.

— А что, если она говорила правду? Если она уже выплакала все слезы, и ей остается только играть, чтоб заработать на жизнь? Что, если так?

— Не может это быть правдой, — возразила жена. — Не верю.

Но одинокий колокол по-прежнему гудел в закопченном небе.

— Ладно, — сказала жена. — К мосту О'Коннела сюда, верно?

— Верно.

Дождь моросил. Полагаю, угол за нами еще долго оставался пустым.

Вот и серый каменный мост, носящий славное имя О'Коннела*, вот катит холодные серые волны река Лиффи, и даже за квартал различается слабое пение. Внезапно мне вспомнился декабрь.

— Рождество, — прошептал я, — лучшее время в Дублине.

Для нищих, имел я в виду, но не сказал вслух.

За неделю до Рождества дублинские улицы заполняют черные стайки детей, ведомых учителем или монахиней. Они жмутся в подворотнях, выглядывают из

* Даниел О'Коннел (1775—1847) — ирландский государственный деятель, возглавивший борьбу ирландских католиков за политические права, лорд-мэр Дублина в 1841—1846 гг. (Примеч. пер.)

театральных подъездов, набиваются в проулки, их губы выводят «Порадуйтесь, люди добрые», глаза исполняют «Стояла ночь, когда звезда...», в руках у них бубны, снежинки укутывают жалкие шеи ласковыми воротниками. В такие ночи дети поют по всему Дублину, и не было вечера, чтобы мы с женой не слышали на Графтон-стрит «В яслях смиренных Он лежал», распеваемую перед очередью у входа в кинотеатр, или «Нарядно уберем дома» перед клубом Четырех провинций. За одну только ночь мы насчитали полсотни приютских или школьных оркестров, тянущих пестрые ниточки песен из конца в конец Дублина. Как в снегопад, невозможно пройти через такое и остаться нетронутым. Я звал их «сладкие нищие», потому что за твои деньги они воздают сполна.

Вдохновленные их примером, самые корявые дублинские нищие моют руки, латают прохудившиеся улыбки, одалживают банджо или покупают скрипку. Кто-то даже наскребает на четырехрядную гармошку. Разве могут они молчать, когда полгорода поет, а полгорода охотно лезет в карман за мелочью?

Так что Рождество — лучшее время года. Нищие работают; пусть они фальшивят, но в кои-то веки они при деле.

Однако Рождество прошло, детишек цвета лакрицы загнали в их воронятники, а городские нищие, радуясь тишине, вернулись к обычной праздности. Все, кроме нищих с моста О'Коннела, которые круглый год стараются зарабатывать честно.

— У них есть самоуважение, — говорил я на ходу. — Видишь, вот тот первый бренчит на гитаре, у следующего — скрипка... А вот и он, Господи, на середине моста!

— Человек, которого ты хотел мне показать?

— Ну. Тот, что с концертино*. Можно подойти посмотреть. Думаю, можно.

— В каком смысле «думаешь»? Он ведь вроде слепой? Или нет?

* Вид аккордеона. (Примеч. ред.)

Прямолинейность этих слов смутила меня, словно жена сказала что-то бестактное.

Дождь ласково сыпал на серый каменный Дублин, серые плиты набережной, серый лавовый поток под мостом.

— В том-то и беда, — сказал я. — Не знаю.

И мы стали на ходу разглядывать человека, стоящего точно посередине моста.

Он был невысок ростом — такая колченогая садовая статуя; его платье, как платье большинства ирландцев, слишком часто полоскало дождем. Волосы стали сивыми от гари, вечно плывущей в воздухе, на щеках осела копоть щетины, из ушей торчала седая поросль; лицо покраснело от долгого стояния на морозе и заходов в пивную, где приходится слишком много пить, иначе так долго не выдержишь. Невозможно было сказать, что таится за черными очками. Несколько недель назад мне стало казаться, что слепой провожает меня взглядом, цепляет мою виноватую пробежку, хотя, может быть, он просто слышал, как совесть заставляет меня ускорять шаг. Мне было страшно, что я могу, проходя, сорвать с его носа очки. Но еще сильнее пугала бездна, которая вдруг откроется и в которую я рухну с чудовищным ревом. Лучше не знать, что там, за дымным стеклом: зрачок виверры или глубины космоса.

Но была одна, главная причина, по которой я не мог с ним смириться.

Под дождем и под снегом, два месяца кряду, он стоял на мосту с непокрытой головой.

Он единственный в Дублине, насколько я знаю, выстаивал часами под ливнем: струи текли по ушам, по рыжей с проседью, прилипшей к голове шевелюре, дробились на бровях, скатывались по смоляно-черным очкам, по мокрому, в жемчужных каплях, носу. Дождь сбегал по обветренным щекам, по морщинам около рта, словно по морде каменной горгульи, брызгал с острого подбородка на твидовый шарф, на пиджак цвета товарняка.

— Почему он без шапки? — внезапно спросил я.

— Может, у него нет? — предположила жена.

— Должна быть, — возразил я.

— Говори тише.

— Должен быть у него головной убор, — сказал я, понизив голос.

— Вдруг ему не на что купить?

— Такой бедности даже в Дублине не встретишь. У каждого есть хотя бы шапка!

— Может, он весь в долгах, кто-то из близких болен.

— Но стоять неделями, месяцами под дождем и даже не поморщиться, не повернуть головы, будто так и надо — нет, невероятно. — Я передернулся. — Помоему, это нарочно. Напоказ. Чтобы ты растрогалась. Чтобы тебе стало холодно смотреть и ты подала щед-
рее.

— Уверена, ты сам стыдишься своих слов, — сказала жена.

— Конечно, стыжусь. — Я был в кепи, но дождь все равно стекал с козырька на нос. — Боже милостивый, должен же быть ответ!

— Почему ты не спросишь его самого?

— Нет. — Предложение показалось еще страшнее.

И тут случилось последнее, что прилагалось к стоянию под дождем.

Пока мы говорили в некотором отдалении, нищий молчал. Теперь, словно ожив, он что есть силы стиснул концертино. Из гибкой растягиваемой и сминаемой гармошки выдавился астматический хрип, прелюдия к тому, что нам предстояло услышать.

Нищий открыл рот и запел.

Красивый и чистый баритон поплыл над мостом О'Коннела, ровный, уверенный, без малейшего сбоя или изъяна. Певец просто открывал рот, звучали все потайные дверцы в его теле. Он не пел — выпускал душу.

— Ой, — сказала жена, — как замечательно.

— Замечательно, — кивнул я.

Мы слушали, как он пел про чудесный город Дублин, где дожди всю зиму подряд и в месяц выпадает двенадцать дюймов осадков, потом — прозрачную, как белое вино, «Красотку Катлин», затем принялся за

прочих многострадальных парней, девчонок, озера, холмы, бытую славу, загадки нынешних лет, но как-то выходило, что все это расцветивалось молодостью и красками, словно омытое свежим, совсем не зимним дождем. Не знаю, чем он дышал — ушами, наверное, так плавно, без задержки, плыли округлые слова.

— Ему надо петь на сцене, — сказала жена.

— Может быть, он раньше и пел.

— Он слишком хорош для такого места.

— Я тоже так часто думаю.

Жена возилась с замком сумочки. Я смотрел на нее, на певца — дождь стекал с его сивой макушки, с обвисших волос, дрожал на мочках ушей. Жена открыла сумочку.

И тут мы поменялись ролями. Не успела она шагнуть к нищему, как я крепко взял ее за локоть и повел прочь. Она сперва вырывалась, затем перестала.

Когда мы шли по берегу Лиффи, нищий начал новую песню, которую так часто слышишь в Ирландии. Я обернулся. Он стоял, гордо вскинув голову, подставив ливню очки, и чистым голосом выводил:

Околей, старый хрыч, ляг в могилу ты,
Поскорей, старый хрыч, ляг в могилу ты,
Поскорей околей,
Старый хрыч, дуралей,
И тогда я выйду за милого!

Только позже, оглядываясь назад, понимаешь: пока ты был занят своими делами, пока под стук дождя писал в номере статью об Ирландии, водил жену обедать, шлялся по музеям, ты все время видел тех, других, кому подают не кушанья, а милостыню.

Нищие Дублина — кто удосужился разглядеть их, узнать, понять?.. Однако сетчатка воспринимает, а мозг фиксирует, и только ты сам пропускаешь то, о чем кричат органы чувств.

Я не думал о нищих. Я то бежал от них, то шел им навстречу, слышал и не слышал, пытался и не пытался осмыслить...

Нас осталось совсем немного.

В какой-то день мне чудилось: каменный водосточный урод, что под пение ирландских опер принимает душ на мосту О'Коннела, видит все; на завтра за очками мерещились черные дыры.

Как-то я поймал себя на том, что стою у магазина возле моста О'Коннела и рассматриваю стопку теплых твидовых кепи. Я в новой шапке не нуждался, запаса в чемодане хватило бы на целую жизнь. Тем не менее я вошел, взял одну, красивую, коричневую, и принялся откровенно вертеть в руках.

— Сэр, — сказал продавец. — Это седьмой размер. У вас скорее семь с половиной.

— Мне подойдет. Мне подойдет. — Я сунул кепи в карман.

— Позвольте, я дам вам пакетик, сэр.

— Нет! — Я густо покраснел и в смущении от того, что собираюсь сделать, вылетел на улицу.

Вот и мост за тихо накрапывающим дождем. Осталось только подойти...

На середине моста моего певца не оказалось.

На его месте стояла пожилая пара. Они играли на огромной шарманке, хрипевшей и кашлявшей, словно кофейная мельница, в которую насыпали битого стекла и камней. То была не музыка, а тоскливое урчание расстроенного механического желудка.

Я ждал, пока мелодия, если так это можно назвать, закончится, тиская в потном кулаке новую твидовую шапку. Шарманка сипела, дребезжала и бряцала.

«Чтоб тебе сдохнуть, — казалось, говорили хозяева шарманки, белые от натуги, с красными от дождя глазами. — Плати нам! Слушай!.. Только не будет тебе мелодии! Свою выдумай», — кричали их сжатые губы.

Я стоял на том месте, где пел нищий без шапки, и думал: почему они не заплатят пятидесятую часть месячной выручки настройщику? Если б я вращал ручку, я хотел бы слышать мелодию, хотя бы ради себя!

Да, если бы ты вращал ручку. Но ты не вращаешь. Очевидно, они ненавидят свой промысел — кто их за это осудит? — и не желают платить за подавание знаковой мелодией.

Как они не похожи на моего простоволосого друга!

Друга?

Я сморгнул от удивления, потом шагнул вперед:

— Извините. Тут был человек с концертино...

Старуха перестала вращать ручку и уставилась на меня:

— А?

— Человек, который стоял без шапки.

— А, этот! — буркнула женщина.

— Его здесь сегодня нет?

— Вы его видите? — взвизгнула она.

Ручка адской машины снова завертелась.

Я бросил в кружку пенни.

Старуха взглянула так, будто я туда плюнул.

Я положил еще пенни. Она отпустила ручку.

— Вы знаете, где он? — спросил я.

— Заболел. Слег. Мы слышали, как он кашлял, когда уходил.

— Вы знаете, где он живет?

— Нет!

— А как его имя?

— Да кто ж знает!

Я тупо глядел на новую шапку и думал о певце: каково ему где-то в городе, одному?

Пожилая пара настороженно смотрела на меня.

Я положил в кружку последний шиллинг.

— Он поправится, — сказал я не им, а кому-то еще, кажется, себе.

Женщина налегла на ручку. В недрах шарманки случился обвал битого стекла и железа.

— Мелодия, — спросил я. — Что это за мелодия?

— Глухой, что ли! — взорвалась старуха. — Это национальный гимн! Может, хоть шапку снимете?

Я показал ей новую шапку.

Она посмотрела на мою голову:

— Да не эту! Вашу!

— Ой! — Я, покраснев, сорвал с головы кепи.

Теперь у меня было по шапке в каждой руке.

Женщина крутила ручку. «Музыка» играла. Дождь заливал мне лоб, глаза, рот.

На дальнем конце моста я остановился, чтобы принять трудное решение: какую из шапок взгромоздить на мокрую голову?

В следующие несколько недель я часто проходил по мосту, но там либо стояла старая пара с шарманкой, либо вообще никого не было.

В предотъездный день жена стала упаковывать новую шапку вместе с моими.

— Спасибо, не надо, — сказал я. — Пусть полежит на каминной полке.

Вечером управляющий гостиницей зашел к нам в номер с бутылкой. Говорили долго и хорошо, засиделись допоздна. Пламя веселым оранжевым львом играло в камине, бренди — в бокалах. На мгновение все замолчали, вероятно, почувствовав, как тишина мягкими белыми хлопьями падает за окном.

Управляющий, держа бокал, смотрел на бесконечное кружево, потом перевел взгляд вниз, на серые ночные плиты, и вполголоса произнес:

— «Нас осталось совсем немного».

Я взглянул на жену, она — на меня.

Управляющий заметил:

— Так вы знаете его? Он вам тоже говорил?

— Да. Но что это значит?

Управляющий глядел на темные фигуры и прихлебывал бренди.

— Раньше я думал, что он участвовал в заварушке и что членов ИРА* осталось совсем немного. Но нет. А может, он хочет сказать, что мир богатеет, и нищих становится все меньше. Или пропадают люди, которые умели смотреть и откликаться на просьбу. Все заняты, мельтешат, всем некогда вникать. Но я думаю, все это чепуха и накипь, слюни и сантименты.

Он отвернулся от окна:

— Так вы знаете «Нас осталось совсем немного»?

Мы с женой кивнули.

* Ирландская республиканская армия, военная организация ирландского национально-освободительного движения. (Примеч. пер.)

- И женщину с ребенком?
- Да, — сказал я.
- И ту, у которой рак?
- Да, — сказала жена.
- И человека, которому нужен билет до Корка?
- Белфаста, — сказал я.
- Голуэя, — сказала жена.

Управляющий грустно улыбнулся и вновь поглядел в окно.

- А пару с шарманкой, которая не играет мелодию?
- Раньше-то хоть играла? — спросил я.
- В моем детстве — уже нет.

Лицо управляющего омрачилось.

- Знаете нищего с моста О'Коннела?
- Которого? — спросил я.

Однако я знал которого, потому что смотрел на каминную полку, где лежала шапка.

— Видели сегодняшнюю газету? — спросил управляющий.

— Нет.

— «Айриш Таймс», маленькая заметка в нижней половине пятой страницы. Похоже, он устал. Выбросил концертину в реку. И прыгнул следом.

Так он был вчера на мосту! А я оставался дома!

— Бедолага! — Управляющий невесело хохотнул. — Какая смешная, страшная смерть. Дурацкое концертинно — терпеть их не могу, а вы? — падает вниз, как больная кошка, нищий летит следом. Я смеялся и сам стыдился этого смеха. Да. Тела так и не нашли. Пока ищут.

— Господи! — вскричал я, вскакивая. — О, черт!

Управляющий смотрел на меня, дивясь моему волнению.

- Вы ничем не могли бы ему помочь.
- Мог! Я ни разу не дал ему даже пенни! А вы?
- Если вспомнить, да, тоже ни разу.
- Но вы еще хуже меня! Я сам видел, как вы носитесь по городу, раздавая монетки направо и налево. Почему, почему не ему?
- Наверное, мне казалось, что это перебор.

— Да, черт возьми! — Я тоже стоял теперь у окна, смотрел на кружащий снег. — Я думал, непокрытая голова — прием, чтоб меня разжалобить! Дьявол, через какое-то время начинаешь думать, что все — только уловки! Я шел зимними вечерами под проливным дождем, а он пел, и мне становилось так зябко, что я ненавидел его до дрожи. Интересно, со сколькими людьми получалось так же? Вот почему ему никто не подавал. Я думал, он такой же профессионал, как и все. А может, он был настоящий бедняк, и только в эту зиму начал просить подаяния, продал одежду, чтобы купить еды, и очутился на улице без шапки.

Снег падал быстрее, скрадывая фонари и серые статуи под ними.

— Как их различить? — спросил я. — Как узнать, кто честный, а кто — нет?

— Беда в том, — сказал управляющий тихо, — что никак. Многие попрошайничают так давно, что очерствели, забыли, с чего все начиналось. В субботу была еда. В воскресенье кончилась. В понедельник они попросили в долг. Во вторник стрельнули первую спичку. В четверг — сигарету. А через несколько пятниц оказались перед дверями отеля «Ройял Иберниен». Они не смогут объяснить, что с ними произошло и почему. Одно точно: они висят над обрывом, цепляясь кончиками пальцев. Может, тому бедолаге с моста О'Коннелла наступили на руки и он отпустил хватку? Что это доказывает? Нельзя замораживать их взглядом или смотреть мимо. Нельзя убегать и прятаться. Можно только давать всем без разбору. Если начнешь проводить градации, кто-нибудь обидится. Я жалею, что не подавал слепому певцу всякий раз, как проходил мимо. Ладно. Ладно. Будем утешаться, что дело не в наших шиллингах, а в его семье или прошлом. Теперь не узнаешь. В газете нет даже имени.

Снег бесшумно сыпал за окном. Внизу поджидали тени. Трудно сказать, снег делал овец из волков или овец из овец, мягко укутывая их плечи, спины, их платки и шапки.

Минуту спустя, спускаясь в нездешнем ночном лифте, я обнаружил, что держу в кулаке новую твидовую шапку.

В рубашке, без пиджака, я шагнул в ночь.

Я отдал шапку первому подошедшему. Не знаю, пришлась ли она впору. Все деньги, что были в моих карманах, мгновенно разошлись по рукам.

Тогда, одинокий, дрожащий, я внезапно поднял глаза. Я стоял, и мерз, и пытался сморгнуть снежинки, бесшумный слепящий снег. Я видел высокие окна отеля, свет, тени.

Как там у них? Горят ли камины? Тепло ли? Кто эти люди? Пьют ли они вино? Счастливы ли они?

Знают ли они хотя бы, что я ЗДЕСЬ?

ГИМНИЧЕСКИЕ СПРИНТЕРЫ

— **Т**ут и сомневаться нечего: Дун — лучше всех.
— К чертям Дуна!

— У него сверхъестественная реакция, под уклон несется потрясающе, не успеешь дотянуться до шляпы, а он уже сорвался.

— Хулихан лучше, это бесспорно!

— Бесспорно, черт возьми!.. Ну давай поспорим, прямо сейчас!

Я стоял у стойки бара в начале Графтон-стрит, слушая, как поют теноры, надрываются концертино, а в клубах дыма шумят, возражая друг другу, спорщики. Пивная называлась «Четыре провинции»* и, по меркам Дублина, была открыта до поздней ночи. Поэтому существовала вполне реальная угроза того, что все закроется одновременно, включая пивные краны, кондитерские, кинотеатры, пабы и крышки пианино, умолкнут аккордеоны, солисты, трио, квартеты. И огромная волна, словно в Судный день, выбросит половину населения Дублина на улицы, в промозглый свет фонарей, где не найдешь даже автомата с жевательной

The Anthem Sprinters
Copyright © 1963 by Ray Bradbury
Гимнические спринтеры
© С. Анисимов, перевод, 1997

* Ирландия делится на четыре исторические провинции. (Здесь и далее примеч. пер.)

резинкой. Ошарашенные, лишенные духовной и физической пищи, эти неприкаянные души немного покружат, точно прихлопнутая моль, а затем поплетутся домой.

Но сейчас я прислушивался к спору, жар которого докатывался до меня за пятьдесят шагов.

— Дун!

— Хулихан!

Тут маленький человечек у дальнего конца стойки обернулся и, разглядев любопытство, написанное на моем слишком уж открытом лице, закричал:

— Вы, конечно же, американец! Удивляетесь, о чем мы тут толкуем? Я внушаю вам доверие? Не хотите ли побиться со мной об заклад относительно одного спортивного соревнования величайшего местного значения? Если ваш ответ «да», тогда идите сюда!

Я с моим «Гиннесом»* пересек все четыре провинции и подошел к орущим мужчинам. Скрипач, не закончив, бросил играть и присоединился к нам, за ним последовал пианист со своим хором.

— Я — Тимулти! — Маленький человек схватил мою руку.

— Дуглас, — ответил я. — Пишу для кино.

— Киношник! — воскликнули присутствующие.

— Фильмы, — скромно подтвердил я.

— Какая удача! Просто невероятно! — Тимулти еще крепче вцепился в меня. — Вы будете самым замечательным судьей, голову даю на отсечение! Спорт любите? Бег по пересеченной местности, четыре по сорок, спортивная ходьба?

— Я присутствовал на двух Олимпийских играх.

— Так вы не только киношник, вы еще знаете толк в международных соревнованиях! — задохнулся от восторга Тимулти. — Такого человека не часто встретишь. Ну а что вы, к примеру, знаете о всеирландском чемпионате по десятиборью, который имеет некоторое отношение к кинотеатрам?

— Что это за соревнования?

— Вот те раз! Что за соревнования! Хулихан!

* Марка темного пива.

Вперед протиснулся, улыбаясь и пряча в карман губную гармонику, субъект, который был ростом еще ниже моего собеседника.

— Хулихан — это я. Лучший гимнический спринтер во всей Ирландии.

— Какой спринтер? — спросил я.

— Г-и-м-н-и-ч-е-с-к-и-й, — очень отчетливо, по буквам, произнес Хулихан. — Гимнический. Спринтер. Самый быстрый.

— Вы, как приехали в Дублин, — встрял Тимулти, — в кино ходили?

— Не далее как вчера вечером, — сказал я, — смотрел фильм с Кларком Гейблом. А позавчера — с Чарльзом Лафтоном.

— Довольно! Вы — суший фанатик, как все настоящие ирландцы. Если бы не было кинотеатров и пивных, чтобы бедные и безработные не шатались по улицам и были заняты своей выпивкой, мы бы откупорили пробку и этот остров давно уже пошел бы ко дну. Итак, — он прихлопнул в ладоши. — Когда каждый вечер картина заканчивается, вам не бросалась в глаза какая-нибудь характерная особенность?

— Конец картины? — Я задумался. — Погодите-ка! Ведь вы не национальный гимн имеете в виду?

— Скажите, ребята! — закричал Тимулти.

— Конечно, его! — загалдели все кругом.

— Каждый божий вечер на протяжении десятилетий в конце каждой паршивой киношки, словно никто никогда раньше не слыхивал этой жуткой мелодии, — горевал Тимулти, — оркестр надрывается во славу Ирландии. И что тогда происходит?

— Как это что? — проговорил я, начиная догадываться. — Если в тебе есть хоть что-то мужское, то ты норовишь выбраться из кинотеатра за те несколько драгоценных секунд между концом фильма и началом гимна.

— Попал в самую точку!

— Поставить янки выпивку!

— В конце концов, — бросил я небрежно, — я в Дублине уже четыре месяца. Так что гимн начал несколько

надоедать. При всем моем уважении, — добавил я поспешно.

— Да ладно, какое там уважение-неуважение, хотя все мы здесь патриоты и ветераны ИРА, пережившие тяжелые времена, и любим свою страну. Знаете, если вдыхаешь один и тот же воздух десять тысяч раз, нюх притупляется. Так вот, как вы правильно подметили, во время этого благословенного промежутка в три-четыре секунды все зрители, коли они в здравом уме, как ошпаренные бросаются к выходу. И самый лучший из них...

— Дун, — подсказал я. — Или Хулихан. Ваши гимнастические спринтеры!

На меня смотрели улыбающиеся лица, я улыбался им.

Мы были так горды моей догадливостью, что я заказал для всех по «Гиннессу».

Благожелательно поглядывая друг на друга, мы облизывали с губ пену.

— И сейчас, — хриплым от волнения голосом, прищурившись, проговорил Тимулти, — в этот самый момент, не далее как в сотне ярдов вниз по улице, в уютном полумраке кинотеатра «Графтон-стрит», в середине четвертого ряда сидит...

— Дун, — сказал я.

— Этот парень бесподобен, — проговорил Хулихан, в знак уважения приподняв кепку.

— Ну и ну, — не веря собственным ушам, удивился Тимулти. — Да, именно Дун. Он не видел этого кино раньше — специальный повторный показ фильма с Диной Дурбин*. А времени сейчас...

Все взгляды устремились на стенные часы.

— Ровно десять, — хором проговорила толпа.

— И через какие-нибудь пятнадцать минут кинотеатр начнет выпускать зрителей на волю.

— Ну и?.. — поинтересовался я.

— Ну и, — повторил Тимулти. — Ну и!.. Если мы отправим туда присутствующего здесь Хулихана, чтобы

* Дина Дурбин (род. в 1922 г.). Настоящее имя Эдна Мей. Киноактриса, играла в музыкальных фильмах, прославивших ее «золотой» голос.

проверить его быстроту и ловкость, Дун с готовностью примет вызов.

— Он что же, специально пошел на этот сеанс, чтобы принять участие в гимническом спринте?

— Боже правый, конечно, нет. Он пошел посмотреть фильм и послушать песни Дины Дурбин. Дун играет здесь на пианино, подрабатывает. Но если он невзначай заметит появление там Хулихана — чей поздний приход и место прямо напротив Дуна обязательно обратят на себя внимание, — ну, тогда Дун сразу смекнет, что к чему. Они поприветствуют друг друга, и оба будут слушать прекрасную музыку, пока на экране не появится слово «КОНЕЦ».

— Точно. — Хулихан слегка приплясывал на носках и поигрывал бровями. — Я ему покажу, ну я ему покажу!

Тимулти в упор посмотрел на меня:

— Мистер Дуглас, я вижу ваше недоверие. Вас ставит в тупик незнакомый вид спорта. Как, спрашиваете вы, взрослые люди могут тратить время на подобные вещи? Во-первых, время — это единственное, чего у ирландцев в избытке. Когда нет работы, то, что кажется пустяками в вашей стране, становится для нас главным. Мы никогда не видели слона, однако поняли, что букашка под микроскопом — величайший зверь на Земле. Поэтому, хотя гимнический спринт и не перешагнул границ, он является в высшей степени азартным видом спорта, стоит лишь заинтересоваться им. Позвольте ознакомить вас с правилами!

— Перво-наперво, — рассудительно заметил Хулихан, — при том, что ему уже известно, поинтересуйся, захочет ли человек делать ставки?

Все вперили в меня взгляды, дабы убедиться, что их доводы не пропали втуне.

— Да, — заявил я.

Присутствующие согласились, что я заслуживаю звания высшего существа.

— Представляю участников по старшинству, — сказал Тимулти. — Это Фогарти, верховный наблюдатель за выходом. Нолан и Кланнери, главные судьи в

проходах. Кланси, хронометрист. И зрители: О'Нил, Баннион, братья Келли — вон сколько. Пошли!

Мне почудилось, будто меня захватила огромная снегоуборочная машина — немыслимых размеров малиновое чудовище, сплошь состоящее из усов и вращающихся щеток. Дружелюбная толпа понесла меня вниз по улице к скоплению маленьких мигающих огоньков, заманивающих нас в кинотеатр. Тимулти, толкаясь направо и налево, на ходу выкрикивал основные сведения:

— Очень многое, конечно, зависит от кинотеатра!

— Разумеется! — проорал я в ответ.

— Есть либеральные, свободно мыслящие кинотеатры с широкими проходами, колоссальными выходами и величественными, просторными уборными. В некоторых — огромное количество фарфора, там даже эхо собственного голоса может повергнуть вас в ужас. А есть киношки — ну прямо скупердядьские мышеловки с такими узкими проходами, что и дышать-то невозможно, коленями упираешься в передний ряд, а в дверь протискиваешься бочком, когда выходишь в мужской туалет в кондитерскую через дорогу. Каждый кинотеатр тщательно обследуют до, во время и после спринта, при этом учитываются все факторы. Только тогда судьи выносят решение, и время, показанное бегуном, признается хорошим или позорным, в зависимости от того, пришлось ли ему прокладывать путь сквозь смешанную толпу мужчин и женщин, или состоящую преимущественно из мужчин, или преимущественно из женщин; либо — что хуже всего — через сборище детей на утренних и дневных сеансах. Сложность тут в том, что всегда есть искушение косить детей, как траву, разбрасывая в стороны; поэтому мы прекратили подобную практику. Теперь соревнования проходят главным образом по вечерам здесь, в «Графтоне»!

Толпа остановилась. Мерцающие огни кинотеатра искрились в наших глазах и золотили лица.

— Идеальное помещение, — проговорил Фогарти.

— Почему? — спросил я.

— Проходы тут не очень широкие и не слишком узкие, выходы расположены удобно, дверные петли всегда смазаны, а зрители представляют собой достаточно однородную смесь из болельщиков и таких парней, которые не будут сторониться, если вдруг спринтер от переизбытка энергии чересчур быстро ринется по проходу.

Вдруг мне в голову пришла мысль:

— А вы... уравниваете силы своих бегунов?

— Еще бы! Иногда мы меняем выходы, если старые уже слишком хорошо изучены. Или надеваем на одного летнее пальто, а на другого — зимнее. Бывает, сажаем первого парня в шестом ряду, а второго — в третьем. А то кто-нибудь окажется ужасно, прямо-таки необузданно проворен, и тогда мы нагружаем его самым тяжелым бременем из всех...

— Выпивкой? — сказал я.

— Чем же еще? Вот сейчас Дуна, так как он совершенно трезвый, надо дважды уравновесить. Нолан! — Тимулти вытащил из кармана фляжку. — Сгоняй быстро внутрь, пусть Дун сделает два глотка, больших.

Нолан исчез.

Тимулти продолжал:

— Поскольку Хулихан сегодня вечером уже побывал во всех четырех провинциях, то достаточно нагрузился. Теперь их шансы равны!

— Хулихан, можешь заходить, — объявил Фогарти. — Пусть наши поставленные деньги будут тебе пухом. А мы через пять минут ждем тебя вон у того выхода — с победой!

— Давайте сверим часы, — предложил Кланси.

— Сверх мою задницу! — огрызнулся Тимулти. — Кроме как на грязные кулаки, нам смотреть не на что. Только у тебя одного, Кланси, есть часы. Хулихан, входи!

Хулихан пожал всем нам руки, как будто отправлялся в кругосветное путешествие. Потом, помахав на прощание, скрылся во тьме кинотеатра.

В тот же момент на улицу выскочил Нолан, держа в поднятой руке полупустую фляжку.

— Дун уравновешен!

— Отлично! Кланнери, пойди проверь соперников, убедись, что они сидят строго напротив друг друга в четвертом ряду, как договаривались, что кепки на головах, пальто наполовину застегнуты, шарфы надеты правильно. Потом возвращайся и доложи.

Кланнери убежал в темноту.

— А как же контролеры? — поинтересовался я.

— Внутри, смотрят картину, — ответил Тимулти. — Тяжело ведь все время стоять. Они мешать не будут.

— Уже десять тринадцать, — возвестил Кланси. — Через две минуты...

— Старт, — сказал я.

— Ты — отличный мужик, — похвалил Тимулти.

Наружу выскочил Кланнери:

— Все в порядке! Сидят правильно, остальное тоже как надо!

— Во, уже кончается! Это всегда слышно: в конце любой киношки музыка как с цепи срывается.

— Ага, громче, — согласился Кланнери. — Артистка уже поет вместе с хором и оркестром. Надо бы завтра сходить посмотреть фильм целиком. Очень хороший.

— А какая мелодия?

— К черту мелодию! — перебил Тимулти. — Осталась одна минута, а они тут про мелодию!.. Делайте ставки. Кто на Дуна? Кто на Хулихана?

Все затараторили, начали передавать туда и сюда деньги, главным образом шиллинги.

Я достал четыре шиллинга:

— На Дуна.

— Даже не взглянув на него?

— Темная лошадка, — прошептал я.

— Отлично сказано! — Тимулти крутился во все стороны, отдавая распоряжения. — Кланнери, Нолан — в зал, следите за проходами! Хорошенько смотрите, чтобы никто не вскочил, пока не вспыхнет «КОНЕЦ».

Кланнери с Ноланом убежали, радуясь, как мальчишки.

— А сейчас все отойдите от выходов. Мистер Дуглас, стойте здесь рядом со мной.

Люди расступились, образовав живые коридоры у двух закрытых дверей.

— Фогарти, приложи ухо к двери!

Фогарти выполнил распоряжение. Глаза его расширились.

— Музыка ужасно громкая!

Один из парней Келли толкнул в бок брата:

— Сейчас кончится. Тот, кто должен умереть, в этот миг гибнет. Остающийся в живых склоняется над ним.

— А теперь еще громче! — сообщил Фогарти, прикинув головой к двери и шевеля пальцами, словно настраивая радиоприемник. — Во! Это уж точно заключительное та-та перед тем, как на экране появляется «КОНЕЦ ФИЛЬМА».

— Приготовились! — скомандовал Тимулти.

Мы все как один уставились на дверь.

— Гимн!

— Внимание!

Мы застыли по стойке «смирно». Некоторые подняли руки, отдавая честь.

— Кто-то бежит, — проговорил Фогарти.

— Кто бы это ни был, он взял хороший старт...

Дверь распахнулась.

Появился Хулихан, улыбающийся так, как улыбаются только задыхающиеся победители.

— Хулихан! — вскричали выигравшие.

— Дун! — возопили проигравшие. — Где Дун?

Действительно, Хулихан был первым, но его соперник вообще отсутствовал.

Из кинотеатра на улицу уже вытекала толпа.

— Может, этот идиот перепутал двери?

Мы ждали. Толпа на улице вскоре рассосалась.

Тимулти первым вошел в пустое фойе.

— Дун?

Но там никого не было.

А может быть, заглянул кое-куда? Кто-то широко открыл дверь мужского туалета:

— Дун?

Ни ответа, ни звука.

— Господи, а что, если он сломал ногу и валяется где-нибудь в зале в смертельной муке?

— Точно!

Кучка мужчин, направлявшаяся в одну сторону, ша-рахнулась к внутренней двери, вошла в зал и заполнила проход. Я последовал за ними.

— Дун!

Здесь нас встретили Кланнери и Нолан. Они молча показали вниз. Я дважды подпрыгнул, пробуя что-нибудь увидеть за головами. В просторном зале было темно. Я ничего не разглядел.

— Дун!

Наконец мы все столпились в проходе у четвертого ряда. До меня доносились возгласы присутствующих, увидевших то же, что и я:

Дун по-прежнему сидел в четвертом ряду у прохода; руки его были сложены на груди, глаза закрыты.

Мертв?

Ничего подобного. Большая, блестящая, красивая слеза ползла по его щеке. Еще одна слеза, более крупная и блестящая, наворачивалась в уголке другого глаза. Подбородок Дуна был мокрым. Он, без сомнения, плакал вот уже несколько минут.

Его окружили, наклоняясь, заглядывали в лицо.

— Дун, ты чего, заболел?

— Стряслось что-нибудь?

— Боже мой! — воскликнул Дун. Он потряс головой, дабы найти в себе силы говорить. — Боже мой, — наконец произнес он, — поистине у нее голос, как у ангела.

— Какой еще ангел?

— Который вон там, — Дум кивнул.

Головы повернулись, уставившись на пустой серебристый экран.

— Ты имеешь в виду Дину Дурбин?

Дун всхлипнул:

— Вернулся родной, исчезнувший голос моей бабушки...

— Задница твоей бабушки! — зло проговорил Тимулти. — У нее никогда не было такого голоса!

— А кто это может знать, кроме меня? — Дун высморкался и вытер глаза.

— Уж не хочешь ли ты заявить, будто из-за девчушки Дурбин ты отказался от спринта?

— Именно, — ответил Дун. — Именно. Знаешь, было бы святотатством выскакивать из кинотеатра после такого пения. Это то же самое, что прыгнуть через алтарь во время венчания или танцевать вальс на похоронах.

— Ты, по крайней мере, мог бы предупредить нас, что соревнования не будет. — Тимулти свирепо поглядел на него.

— Как? Это обрушилось на меня, словно божественный недуг. Особенно та последняя песня, которую она пела, «Прекрасный остров Инишфри», правда ведь, Кланнери?

— А еще что она пела? — поинтересовался Фогарти.

— Что еще пела?! — заорал Тимулти. — Он пять минут назад лишил нас половины дневного заработка, а ты спрашиваешь, что она там еще пела! Убирайся отсюда!

— Деньги, конечно, возвращают мир, — согласился Дун, — но именно музыка уменьшает трение.

— Что здесь происходит? — раздался голос откуда-то сверху. С балкона свесился человек, попыхивая сигаретой. — Что за шум?

— Это киномеханик, — прошептал Тимулти и громко сказал: — Привет, Фил, дорогой мой! Это мы, Команда! У нас тут возникла небольшая проблема, Фил, этического характера, если не сказать эстетического. Вот мы и подумали, а не смог бы ты еще разок прокрутить гимн?

— Прокрутить еще разок?

Выигравшие зашумели, начали галдеть и толкаться локтями.

— Отличная идея, — поддержал Дун.

— Еще бы, — хитро проговорил Тимулти. — А то нашего Дуна божественная сила вывела из строя.

— Древняя киношка 1937 года совершенно подкосила его, — уточнил Фогарти.

— Так что справедливо было бы... — Тут Тимулти невозмутимо посмотрел ввысь. — Фил, дружок, а последний ролик фильма с Диной Дурбин все еще здесь?

— Где ж ему быть, в женском туалете, что ли? — ответил Фил, покуривая.

— Ну ты и остряк! Так вот, Фил, как думаешь, нельзя ли опять вставить его в проектор и снова показать нам «КОНЕЦ ФИЛЬМА»?

— Вам всем этого хочется? — спросил Фил.

Наступил трудный момент принятия решения. Однако мысль о еще одном забеге была слишком соблазнительна, чтобы от нее отказаться, хотя приходилось рисковать уже выигранными деньгами. Присутствующие медленно закивали.

— В таком случае я и сам сделаю ставку, — заявил киномеханик. — Шиллинг на Хулихана!

Выигравшие стали смеяться и улюлюкать; они надеялись выиграть во второй раз. Хулихан величественно помахал рукой. Проигравшие повернулись к своему бегуну.

— Слышал, Дун? Это же оскорбление! Парень, протись!

— Черт возьми, да заткни ты уши, когда девчонка будет петь!

— Все по местам! — Тимулти расталкивал толпу.

— Так ведь нету зрителей, — сказал Хулихан. — А без них нет препятствий, нет настоящего соревнования.

— Почему же? — Фогарти огляделся. — Вот все мы и будем зрителями.

— Превосходно! — Присутствующие с сияющим видом уселись в кресла.

— А лучше, — предложил Тимулти, — давайте разделимся на команды! Ставим, конечно, на Дуна и Хулихана, но каждый болельщик Дуна или болельщик Хулихана, который выберется из зала до того, как звуки гимна приклеят его к полу, добавляет лишнее очко. Договорились?

— Идет! — закричали все.

— Прошу прощения, — подал я голос. — Нет судьи на улице.

Все головы повернулись в мою сторону.

— Да, — сказал Тимулти. — Так, Нолан — наружу!

Нолан, ругаясь, поплелся по проходу.

Фил высунул голову из проекционной:

— Ну, вы там, внизу, готовы?

— Если готовы девчонка и гимн!

Свет погас.

Мое место оказалось рядом с Дуном, который лихо-рабочно шептал:

— Друг, толкай меня, не дай прекрасному отвлечь меня от реальности, ладно?

— Заткнись, — сказал кто-то. — Начинается мистерия.

И он был прав. Это действительно была мистерия песни, искусства и жизни, если угодно. Девушка пела на потрепанном от времени экране.

— Мы надеемся на тебя, Дун, — прошептал я.

— А? — рассеянно проговорил он в ответ, глядя на экран и улыбаясь. — Ах, посмотри, разве она не прелесть? Ты слышишь?

— Дун, не забывай о пари. Приготовься.

— Ладно, — проворчал он. — Дай-ка разомну кости. Господи, помоги!

— Что?

— Она совсем затекла. Правая нога. Пощупай. Нет, ничего не чувствую. Как отрезанная!

— Отсидел, что ли? — встревоженно спросил я.

— Ну да, как мертвая. Черт, я пропал! Слушай, друг, ты должен бежать вместо меня! Вот тебе моя кепка и шарф!

— Твоя кепка?..

— Когда выиграешь, покажешь им, и мы объясним, что ты бежал вместо моей дурацкой ноги!

Он натянул на меня кепку и повязал шарф.

— Но послушай... — запротестовал я.

— У тебя все получится! Только запомни: не раньше чем появится «КОНЕЦ»! Песня почти кончилась. Волнуешься?

— Господи, еще как!

— Побеждает безрассудство, мой мальчик. Смело бросайся вперед. Если на кого-нибудь наступишь, не

оглядывайся. Приготовься! — Дун отвел ноги в сторону, чтобы я смог выскочить. — Песня кончилась. Он ее целует...

— Конец! — крикнул я и рванулся в проход.

Я мчался вверх по настилу. «Впереди всех! — мелькало у меня в голове. — Я обогнал! Не может быть! Вот дверь!»

Дверь распахнулась одновременно с первыми звуками гимна.

Я ворвался в фойе — все!

Победа! Я стоял в кепке и шарфе Дуна, словно увенчанный лаврами чемпиона, и не верил себе. Выиграл! Победил для всей Команды!

А кто второй, третий, четвертый?

Я повернулся к двери, когда она захлопывалась.

Только тогда до меня донеслись из зала крики и вопли.

Боже милостивый! Шесть человек одновременно ринулись к неправильному выходу, кто-то споткнулся, упал, остальные повалились на него. Иначе как объяснить, что я — первый и единственный? Там сейчас идет молчаливое побоище, две команды сцепились в смертельной схватке стенка на стенку, дубасят друг друга между рядами и под креслами! Не иначе!

Мне захотелось остановить потасовку, заорать, что я победил!

Я распахнул дверь.

Уставился в темный провал зала. Там никто не шевелился.

Подожел Нолан и заглянул мне через плечо.

— Вот вам и ирландцы, — сказал он, кивнув. — Любят искусство даже больше, чем спорт.

Но что же это за голоса раздавались в темноте?

— Покажи еще разок! Давай! Ту последнюю песню! Фил!

Никто не двинулся. Дун, как ты был прав!

Нолан прошел мимо меня и сел в кресло.

Я довольно долго смотрел вниз на ряды, где сидели команды гимнических спринтеров, сидели тихо, утирая глаза.

— Фил, дружок? — крикнул Тимулти откуда-то спереди.

— Готово! — ответил Фил.

— И на этот раз, — добавил Тимулти, — без гимна. Зрители зааплодировали.

Экран начал мерцать, как огромный теплый камин.

Я оглянулся и посмотрел на яркий, рациональный мир Графтон-стрит, на пивную «Четыре провинции», гостиницы, магазины, ночных прохожих. Я заколебался.

А потом, под музыку «Прекрасного острова Инишфри», снял кепку и шарф, сунул эти трофеи победителя в карман и медленно, с наслаждением, никуда не торопясь, опустился в кресло...

УЖАСНЫЙ БОЛЬШОЙ ПОЖАР В УСАДЬБЕ

Люди около получаса прятались возле сторожки у ворот, передавая друг другу бутылку, а потом, когда в шесть часов вечера сторож отправился отдыхать, крадучись двинулись по дорожке, поглядывая на огромный дом, во всех окнах которого горел теплый свет.

— Вот эта усадьба, — сказал Риордан.

— Проклятье, что ты имеешь в виду, когда говоришь «эта усадьба»? — воскликнул Кейси, а потом тихонько добавил: — Она всю жизнь у нас перед глазами.

— Конечно, — кивнул Келли, — но когда со всех сторон начали подступать Неприятности, усадьба выглядит по-другому. Как игрушка на снегу.

Так всем четырнадцати и казалось — огромный дом-игрушка стоял под медленно кружащимися перышками весеннего вечера.

— Ты принес спички? — спросил Келли.

— Принес ли я... за кого ты меня принимаешь?

— Ну так принес или нет — вот все, что я спрашиваю.

Кейси принялся искать. Когда все карманы оказались вывернутыми наружу, он выругался.

— Нет, не принес.

— Какого черта, — успокоил Нолан. — Там наверняка есть спички. Позаимствуем несколько штук. Пошли.

Когда они оказались на дороге, Тимулти споткнулся и упал.

— Ради Бога, Тимулти, — проворчал Нолан, — где твои романтические чувства? В разгар Большого Пасхального Восстания мы обязаны сделать все как следует. Через многие годы мы хотим войти в пивную и рассказать об Ужасном Большом Пожаре в Усадьбе, разве не так? А если ты будешь сидеть на заднице в снегу, то испортишь всю картину Восстания, разве не так?

Тимулти кивнул, поднялся на ноги, исправив общую картину.

— Я постараюсь помнить о хороших манерах, — обещал он.

— Тс-с! Вот мы и пришли! — воскликнул Риордан.

— Господи, перестань говорить вещи вроде «эта усадьба» и «вот мы и пришли», — заявил Кейси. — Конечно же, мы видим проклятый дом! Что делать дальше?

— Уничтожим его? — неуверенно предложил Мерфи.

— Ба, ты так глуп, что на тебя страшно смотреть, — сказал Кейси. — Конечно, мы его уничтожим, но сначала... чертежи и планы.

— Все казалось таким простым в пивной «У Хикки», — заметил Мерфи. — Мы придем и просто камня на камне не оставим от этой проклятой усадьбы. Если учесть, какая у меня толстая жена, мне просто необходимо с чем-нибудь зверски расправиться.

— Пожалуй, следует постучать в дверь, — вмешался Тимулти, сделав глоток из бутылки, — и спросить разрешения.

— Разрешения! — проворчал Мерфи. — Я бы не доверил тебе даже управление адом — пропащие души никогда бы не начали поджариваться! Надо...

Однако передняя дверь неожиданно распахнулась, заставив его замолчать.

На пороге стоял человек и вглядывался в темноту.

— Послушайте, — донесся негромкий спокойный голос, — не могли бы вы говорить потише. Хозяйка

дома прилегла отдохнуть перед вечерней поездкой в Дублин, и...

Мужчины, на которых падал свет, идущий из открытой двери, заморгали, отступили на несколько шагов и сняли шапки.

— Это вы, лорд Килготтен?

— Да, — ответил человек, стоящий в дверях.

— Мы постараемся не шуметь, — обещал дружелюбно улыбающийся Тимулти.

— Просим прощения, ваша светлость, — сказал Кейси.

— Вы очень добры, — ответил его светлость, и дверь аккуратно закрылась.

Все мужчины остались стоять с раскрытыми ртами.

— «Просим прощения, ваша светлость», «мы постараемся не шуметь, ваша светлость»!.. — Кейси хлопнул себя по лбу. — Что мы говорили? Почему никто из нас не ухватился за дверь, пока он здесь стоял?

— Мы были ошарашены, вот почему; он взял нас на испуг, как все сильные мира сего, будь они прокляты. Я хочу сказать, ведь мы ничего не делали, не так ли?

— Однако мы действительно шумели, — признал Тимулти.

— Шумели, черт побери! — взорвался Кейси. — Проклятый лорд ускользнул из наших когтей!

— Тс-с-с, не так громко, — сказал Тимулти.

Кейси понизил голос:

— Давайте осторожно подберемся к двери и...

— Это совсем не обязательно, — заметил Нолан. — Он уже знает, что мы здесь.

— Подберемся к двери, — повторил Кейси, закрипев зубами, — и взломаем ее...

Дверь снова открылась.

Лорд, словно тихая тень, выглянул и осведомился негромким, терпеливым и хрупким старческим голосом:

— Послушайте, что вы здесь делаете?

— Ну, дело обстоит так, ваша светлость... — начал Кейси и, побледнев, замолчал.

— Мы пришли, — выпалил Мерфи, — мы пришли... сжечь эту усадьбу!

Лорд постоял немного, глядя на снег и собравшихся мужчин, его рука все еще лежала на дверной ручке. Потом закрыл на мгновение глаза, подумал, после короткой борьбы справился с тиком, из-за которого затрепетали веки, и сказал:

— Гм-м, в таком случае вам лучше войти.

Мужчины ответили: хорошо, отлично, годится — и двинулись к дому, но тут Кейси выкрикнул:

— Подождите! — А затем добавил, обращаясь к стоявшему на пороге старику: — Мы войдем, когда будем готовы.

— Очень хорошо, — ответил старик. — Я не стану закрывать дверь, надумаете — входите. Я буду в библиотеке.

Оставив дверь приоткрытой, старик уже собрался уходить, когда Тимулти воскликнул:

— Когда мы надумаем? Господи, когда же мы надумаем больше, чем сейчас? С дороги, Кейси!

И все они взбежали на крыльцо.

Услышав шаги, его светлость снова повернулся к пришедшим; на спокойном лице совсем не было враждебности — так смотрит старая гончая, которая видела множество загнанных лисиц и примерно столько же спасшихся, умела быстро бегать, но теперь, в старости, перешла на медленную, шаркающую походку.

— Пожалуйста, вытирайте ноги, джентльмены.

— Мы вытираем. — И каждый тщательно очистил свои башмаки от глины и снега.

— Сюда, — сказал его светлость и повел их за собой. Бледные, прозрачные глаза лорда были окружены морщинами и мешками, результат многолетнего употребления бренди, а щеки стали красными, как вишневая наливка. — Я принесу вам выпить, и мы подумаем, что можем сделать относительно... как вы выразились... сожжения усадьбы?

— Вы просто воплощение здравого смысла, — признал Тимулти, следуя за лордом Килготтенем в библиотеку, где тот налил всем по стаканчику виски.

— Джентльмены. — Его светлость осторожно опустил свои старые кости в кресло с выгнутой спинкой. — Выпьем.

— Мы отказываемся, — заявил Кейси.

— Отказываемся? — выдохнули все. Выпивка уже была у них в руках.

— То, что мы собираемся учинить, нужно делать на трезвую голову, — сказал Кейси, вздрогнув от взглядов, которые бросали на него его приятели.

— Кого мы здесь слушаем? — поинтересовался Риордан. — Его светлость или Кейси?

Вместо ответа все мужчины выпили виски и закашлялись. Красный цвет мужества сразу проступил на их лицах, которые они обратили к Кейси, чтобы он смог оценить разницу. Кейси мигом опрокинул свой стаканчик, не желая отставать от остальных.

Между тем старик продолжал потягивать виски, и то, как спокойно и непринужденно он это делал, отбросило поджигателей в глубины Дублинского залива, где они начали тонуть. Пока Кейси не сказал:

— Ваша честь, вы слышали о Неприятностях? Я имею в виду не только войну с кайзером за морем, но наши собственные большие Неприятности и Восстание, которое добралось теперь и до нас, до нашего города, нашей пивной, а теперь и до вашей усадьбы?

— Многочисленные тревожные события свидетельствуют, что настали тяжелые времена, — сказал его светлость. — Я полагаю, чему быть, того не миновать. Я хорошо знаю вас всех. Вы на меня работали. Мне кажется, я вам неплохо платил.

— В том нет никаких сомнений, ваша светлость. — Кейси сделал шаг вперед. — Просто «старый порядок меняется», и мы слышали о больших домах в Таре и особняках в Киллашандре, которые были сожжены ради празднования свободы и...

— Чьей свободы? — кротко спросил старик. — Моей? От тягот содержания этого дома, в котором моя жена и я стучим как кости в стакане, или... Ладно, продолжайте. Когда бы вы хотели сжечь усадьбу?

— Если это вас не слишком затруднит, — ответил Тимулти, — то сейчас.

Старик, казалось, еще глубже погрузился в свое кресло.

— О Боже, — пробормотал он.

— Конечно, — быстро сказал Нолан, — если вам неудобно, мы можем прийти позднее...

— Позднее! Это еще что за разговоры? — спросил Кейси.

— Мне ужасно жаль, — сказал старик. — Пожалуйста, разрешите мне объяснить. Леди Килготтен сейчас спит, скоро за нами приедут гости, чтобы отвезти нас в Дублин на пьесу Синджа*...

— Чертовски хороший писатель, — заметил Риордан.

— Видел одну из его пьес год назад, — сказал Но-
лан, — и...

— Помолчите! — повысил голос Кейси.

Все примолкли.

Его светлость по-прежнему тихо продолжал:

— В полночь мы планировали дать у нас званый обед на десять персон... Нельзя ли отложить сожжение до завтрашнего вечера, чтобы мы могли подготовиться?

— Нет, — отрезал Кейси.

— Подождем, — сказали все остальные.

— Сожжение — это одно, — заметил Тимулти, — а билеты в театр — совсем другое. Я хочу сказать, что театр там, и было бы ужасно глупо пропустить пьесу и позволить куче еды пропасть. А гости, которые к вам придут? Как их предупредишь?

— Именно об этом я и думал, — сказал его свет-
лость.

— Да, я знаю! — закричал Кейси. Закрыв глаза, он провел ладонями по щекам, челюстям и губам, а потом сжал руки в кулаки и разочарованно отвернулся. — Нельзя откладывать сожжение, такие дела не переносят как вечеринки, черт возьми, так не делают!

— Именно так и делают, если забывают принести спички, — тихонько проговорил Риордан.

* Джон Миллингтон Синдж (1871—1909) — ведущий деятель ирландско-го литературного ренессанса. (Примеч. пер.)

Кейси развернулся — казалось, он сейчас ударит Риордана, но потом сообразил, что его приятель сказал правду, и немного остыл.

— Не говоря уже о том, — добавил Нолан, — что миссис — замечательная леди и нуждается в последнем вечере развлечений и отдыхе.

— Вы очень добры, — сказал его светлость, снова наполняя стаканчик гостя.

— Давайте проголосуем, — предложил Нолан.

— Проклятье! — Кейси мрачно посмотрел по сторонам. — Я вижу, что голоса уже подсчитаны. Значит, завтра вечером, черт побери.

— Да благословит вас Бог, — сказал старый лорд Килготтен. — На кухне будет оставлен холодный ужин, вы можете зайти сначала туда, наверное, вам захочется перекусить, поджог — тяжелая работа. Так мы договариваемся на завтрашний вечер, часов на восемь? К тому времени леди Килготтен будет благополучно доставлена в отель в Дублине. Я не хочу, чтобы она раньше времени узнала, что ее дом перестал существовать.

— Господи, вы настоящий христианин, — пробормотал Риордан.

— Ну, не будем грустить, — сказал старик. — Я считаю, что это уже в прошлом, а я никогда не думаю о прошлом. Джентльмены...

Он встал. И, как слепой пастух-святой, вышел в коридор вместе со стадом, которое двинулось вслед за ним.

Уже почти подойдя к двери, лорд Килготтен увидел что-то краем своего усталого глаза. Он повернул назад и в задумчивости остановился перед большим портретом итальянского аристократа.

И чем больше он на него смотрел, тем сильнее становился тик, а его губы начали беззвучно шевелиться.

Наконец Нолан спросил:

— Ваша светлость, в чем дело?

— Я тут подумал... — наконец отозвался лорд, — вы ведь любите Ирландию, не так ли?

— Видит Бог, да! — сказали все. — Разве нужно спрашивать?

— Как и я, — мягко продолжал старик. — А любите ли вы в ней все, землю и ее наследие?

— Тут тоже не может быть никаких сомнений, — заявили посетители.

— Я беспокоюсь о подобных вещах, — сказал его светлость. — Это портрет кисти Ван Дейка. Очень старый, очень хороший, очень важный и очень дорогой. Это, джентльмены, сокровище национального искусства.

— Ах вот оно что! — сказали все и столпились вокруг.

— О Господи, — проговорил Тимулти, — замечательная работа!

— Сама плоть, — добавил Нолан.

— Обратите внимание, — подал голос Риордан, — как его маленькие глаза следят за тобой, где бы ты ни стоял.

— Поразительно, — согласились все.

И собрались уже двинуться дальше, когда его светлость произнес:

— Вы понимаете, что это сокровище, которое в действительности не может принадлежать мне одному, или вам, а только всем людям, как драгоценное наследие будет потеряно навсегда завтра вечером?

Все разинули рты.

— Спаси нас, Господь, — сказал Тимулти. — Нельзя так поступать!

— Сначала мы вынесем картину из дома, — предложил Риордан.

— Подождите! — закричал Кейси.

— Благодарю вас, — сказал его светлость, — но куда вы ее денете? На открытом воздухе под воздействием ветра, дождя и снега картина быстро погибнет. Может быть, лучше ее сжечь...

— Нет, мы этого не допустим! — воскликнул Тимулти. — Я сам возьму ее домой.

— А когда великие разногласия закончатся, — заключил лорд Килготтен, — вы доставите этот бесценный

дар Искусства и Красоты, пришедший к нам из прошлого, в руки нового правительства?

— Э-э... все будет так, как вы говорите, — заверил его светлость Тимулти.

Но Кейси, не сводивший взгляда с большого холста, заявил:

— А сколько эта огромная штука весит?

— Полагаю, — слабым голосом ответил старик, — от семидесяти до ста фунтов.

— Ну и как, черт возьми, мы доставим ее в дом Тимулти? — поинтересовался Кейси.

— Мы с Брэннэхемом отнесем это проклятое сокровище, — ответил Тимулти, — а если потребуется, ты нам поможешь, Нолан.

— Потомки вас отблагодарят, — пообещал его светлость.

Двинулись дальше по коридору, и снова лорд Килготтен остановился перед двумя картинами.

— Эти полотна, на которых изображены обнаженные женщины...

— Да уж, так оно и есть! — сказали все.

— Принадлежат кисти Ренуара, — закончил старик.

— Значит, их нарисовал французский джентльмен? — спросил Руней. — Если мне будет позволено так выразиться?

— Да уж, так мог нарисовать только француз! — воскликнули все.

— Они стоят несколько тысяч фунтов, — сообщил старик.

— Я не стану с вами спорить, — заявил Нолан, поднимая палец, по которому сердито стукнул Кейси.

— Я... — начал Блинки Уаттс, чьи рыбы глаза под толстыми стеклами очков были всегда наполнены слезами. — Я готов забрать домой этих французских леди. Думаю, я смогу взять под мышки оба эти произведения искусства и отнести к себе.

— Договорились, — с благодарностью кивнул лорд.

Они подошли к большому пейзажу, на котором были изображены многочисленные люди-чудовища, скачущие и топчущие фрукты и обнимающие роскошных, как

дыни, женщин. Все подошли поближе, чтобы прочесть надпись на медной табличке: «Сумерки богов».

— Сумерки, проклятье, — проворчал Руней, — это больше похоже на полдень!

— Я полагаю, — пояснил благородный старик, — здесь скрывается некая ирония — в названии и в самом предмете. Обратите внимание на сверкающее небо и на страшные фигуры, скрывающиеся за облаками. Увлечшись своей вакханалией, боги не замечают, что им грозит гибель.

— Я не вижу, — заявил Блинки Уаттс, — ни церкви, ни священников среди облаков.

— В те времена все было иначе, — заверил его Но-лан.

— Я и Тиоухи, — сказал Флэннери, — отнесем этих демонических богов ко мне. Так, Тиоухи?

— Так!

И они пошли дальше по коридору, останавливаясь у каждой следующей картины, словно на экскурсии в музее, и по очереди предлагали свои услуги, чтобы отнести к себе домой сквозь снежную ночь рисунки Дега и Рембрандта или большие картины голландских мастеров, пока не оказались перед скверным портретом, написанным маслом и висевшим в алькове.

— Это мой портрет, — пробормотал старик, — сделанный ее светлостью. Оставьте его здесь, пожалуйста.

— Иными словами, вы хотите, чтобы он сгорел в Большом Пожаре? — удивился Но-лан.

— Ну а вот следующая картина... — сказал старик, сделав несколько шагов вперед.

Наконец долгое путешествие завершилось.

— Конечно, — вздохнул лорд Килготтен, — если вы действительно хотите все спасти, то в доме еще есть дюжина уникальных ваз эпохи Мин...

— Их стоит коллекционировать, — заметил Но-лан.

— Персидский ковер на полу...

— Мы свернем его и доставим в дублинский музей.

— И изысканная люстра в главной обеденной зале.

— Ее следует спрятать, пока не закончатся Неприятности, — сказал Кейси, который уже изрядно устал.

— Ну что ж, — сказал на прощание старик, пожимая каждому руку. — Может быть, вы начнете прямо сейчас? Хочу заметить, что вам предстоит тяжелая работа — спасти эти сокровища для нации. А мне нужно несколько минут вздремнуть перед тем, как придет время переодеться.

И старик удалился на второй этаж.

А четырнадцать поджигателей озадаченно наблюдали за тем, как он уходит.

— Кейси, — сказал Блинки Уаттс, — в твою маленькую головку не приходила мысль, что только из-за того, что ты забыл спички, нам придется работать всю ночь?

— Господи, где твое чувство эт-тики? — воскликнул Риордан.

— Заткнись, — упрямо бросил Кейси. — Ладно, Флэннери, ты возьмешься за этот конец «Сумерек богов», а ты, Тиоухи — за дальний, где девушка получает то, что ей нужно. Ха! Поднимайте!

И боги, безумно озираясь, оказались в воздухе.

К семи часам бо́льшая часть картин была вынесена из усадьбы и поставлена на снег; вскоре им предстояло отправиться в разные дома. В семь пятнадцать лорд и леди Килготтен спустились вниз и направились к машине, а Кейси быстро выстроил свою команду так, чтобы леди не увидела, что здесь происходит. Парни приветственно покричали вслед уезжающему автомобилю. Леди Килготтен слабо помахала в ответ рукой.

С семи тридцати до десяти почти все картины по одной или по две были унесены.

Когда осталась последняя, Келли остановился возле темного алькова и с беспокойством взглянул на портрет старого лорда, написанный леди Килготтен. Он содрогнулся, решил проявить гуманность и забрал картину с собой в ночь.

В полночь лорд и леди Килготтен, вернувшись домой с гостями, обнаружили лишь широкие следы,

оставленные в снегу, где Флэннери и Тиюхи волокли бесценные «Сумерки богов»; где вóрчащий себе под нос Кейси организовал парад Ван Дейка, Рембрандта, Бушара и Пиронезе; последним деловито протрусил Блинки Уаттс с двумя набросками Ренуара.

Обед закончился к двум часам. Леди Килготтен отправилась в постель, удовлетворившись объяснением, что все картины одновременно были отправлены на чистку.

В три часа утра лорд Килготтен все еще сидел без сна в библиотеке, среди голых стен, перед потухшим камином, с кашне на худой шее и стаканчиком бренди в слегка дрожащей руке.

Примерно в три пятнадцать тихонько заскрипел паркет, задвигались тени, и, через некоторое время, с шапкой в руках в дверях библиотеки показался Кейси.

— Тс-с-с! — тихонько прошипел он.

Лорд, который немного задремал, резко выпрямился, стараясь прийти в себя.

— Боже мой, — пробормотал он, — неужели нам пора уходить?

— Мы договорились на завтрашний вечер, — ответил Кейси. — К тому же это не вы должны уходить, а они возвращаются.

— Они? Ваши друзья?

— Нет, ваши. — И Кейси поманил его светлостью рукой.

Старик молча пошел за ним по коридору, чтобы выглянуть из-за входной двери в глубокий колодец ночи.

Там, как замерзшая и потрепанная наполеоновская армия, нерешительная и деморализованная, стояла в темноте знакомая толпа, в руках у каждого были картины — некоторые несли их на спине или прислонили к ногам; усталые, дрожащие руки с трудом удерживали произведения искусства под медленно падающим снегом.

Ужасающая тишина опустилась на растерянных мужчин. Они оказались в затруднительном положении,

словно один враг ушел, чтобы вести иные, замечательные войны, а другой, безымянный, бесшумно и незаметно подкрался сзади. Они продолжали озираться на горы и город, будто в любой момент сам Хаос мог спустить на них своих псов. Одиноко стояли, окруженные всепроникающей ночью, и слышали далекий лай разочарования и отчаяния.

— Это ты, Риордан? — нервно спросил Кейси.

— А кто, черт возьми, это может быть? — раздался голос из темноты.

— Что они хотят? — спросил старик.

— Тут дело не в том, что они хотят, скорее вопрос заключается в том, что теперь вы можете захотеть от нас, — послышался тот же голос.

— Понимаете ли, — заговорил другой, подходя поближе, так что в упавшем на него свете стало видно, что это Хэннеман, — рассмотрев все аспекты данного дела, ваша честь, и решив, что вы такой замечательный джентльмен, мы...

— Мы не станем сжигать ваш дом! — выкрикнул Блинки Уаттс.

— Заткнись и дай человеку сказать! — раздалось сразу несколько голосов.

Хэннеман кивнул:

— Так оно и есть. Мы не станем сжигать ваш дом.

— Но послушайте, — запротестовал лорд, — я уже приготовился. И могу легко все вынести.

— Вы слишком просто ко всему относитесь, прошу прощения, ваша честь, — вмешался Келли. — Легко для вас, но совсем нелегко для нас.

— Понимаю, — сказал старик, хотя он ничего не понимал.

— Создается впечатление, — заговорил Тиоухи, — что за последние несколько часов у всех нас возникли проблемы. Некоторые связаны с домом, некоторые — с транспортировкой и размещением, если вы понимаете, куда я клоню. Кто объяснит первым? Келли? Кейси? Риордан?

Мужчины молчали.

Наконец, тяжело вздохнув, вперед выступил Флэннери.

— Дело в том... — начал он.

— Да? — мягко сказал старик.

— Ну, — продолжал Флэннери, — я и Тиоухи прошли половину пути через лес, как два проклятых дурака, и преодолели две трети болота с этой огромной картиной «Сумерки богов»... когда мы начали проваливаться.

— Вас оставили силы? — с сочувствием спросил лорд Килготтен.

— Нет, мы просто проваливались, ваша честь, проваливались в землю, — добавил Тиоухи.

— Боже мой, — пробормотал лорд.

— Тут вы совершенно правы, ваша светлость, — продолжал Тиоухи. — Понимаете, я и Флэннери и демонические боги вместе весим почти шестьсот фунтов, а это болото такое топкое, и чем дальше мы шли, тем глубже проваливались, и крик застрял у меня в горле, когда я вспомнил эти сцены из «Собаки Баскервиль» и представил себе какое-нибудь еще страшилище, которое преследует героиню среди болот, я представил, как она падает в глубокую яму, жалея, что не придерживалась диеты, но уже слишком поздно, и на поверхности разбегаются пузыри. Вот какие картины промелькнули перед моими глазами, ваша честь.

— И что было дальше? — поинтересовался лорд Килготтен, догадавшись, что от него ждут этого вопроса.

— А дальше, — ответил Флэннери, — мы пошли прочь, оставив проклятых богов среди их сумерек.

— В болоте? — слегка огорчившись, спросил старик.

— Ну, мы их прикрыли. Я хочу сказать, мы положили сверху наши шарфы. Богам не пришлось умирать дважды, ваша честь. Эй, ребята, вы слышали это? Боги...

— Да заткнись ты! — воскликнул Келли. — Вы настоящие болваны. Почему вы не принесли проклятую картину обратно?

— Мы подумали, что приведем еще двух ребят, и они нам помогут...

— Еще двух! — вскричал Нолан. — Получается четыре человека и целая свора богов — да вы провалитесь вдвое быстрее, так что над вами поднимутся пузыри, олухи вы несчастные!

— Да? — изумленно проговорил Тиюхи. — Мне такое в голову не приходило.

— Ну, раз уж зашла речь... — промолвил старик. — Может быть, следует организовать спасательную команду...

— Мы уже это сделали, ваша честь, — сообщил Кейси. — Боб, ты и Тим быстро отправляйтесь туда и спасите языческие божества.

— А вы не расскажете отцу Лири?

— В задницу отца Лири!.. Идите!

Тим вместе с Бобом быстро зашагали в сторону леса. Его светлость повернулся к Нолану и Келли:

— Я вижу, вы тоже принесли свою большую картину обратно.

— Ну, мы сумели отойти от двери на сто ярдов, сэр, — сказал Келли. — Я полагаю, вам интересно, почему мы ее возвращаем, ваша честь?

— Учитывая, что совпадение следует за совпадением, — сказал старик, возвращаясь в дом и надевая пальто и твидовое кепи, чтобы можно было стоять на холоде и закончить разговор, который обещал быть долгим, — признаться, мне действительно интересно.

— Все дело в моей спине, — продолжал Келли. — Она отказала в менее чем пятистах ярдах от главной дороги. Позвонок выскакивает и не встает на место уже в течение пяти лет, а я испытываю мучения Христа. Я чихнул и упал на колени, ваша честь.

— Мне это знакомо, — кивнул старик. — Такое впечатление, что кто-то втыкает тебе в спину острый шип. — Старик осторожно коснулся спины, и все сочувственно закивали головами.

— Мучения Христа, как я уже говорил, — вздохнул Келли.

— Тогда я прекрасно понимаю, почему вы не смогли завершить свое путешествие. Удивительно, что вы сумели дотащить такую тяжелую картину обратно.

Келли моментально стал казаться выше, когда услышал оценку своего подвига. Он сиял.

— Ерунда. И я бы сделал это еще раз, если бы не кости над моей задницей. Прошу прощения, ваша честь.

Однако его честь уже перевел взгляд серо-голубых глаз на Блинки Уаттса, державшего сразу двух красоток Ренуара и нетерпеливо переминавшегося на месте.

— О Господи, у меня не было проблем с болотами или со спиной, — заявил Уаттс, который уверенно зашагал с двумя картинами, чтобы показать, как он легко с ними справляется. — Я добрался до дому за десять минут и принялся вешать картины на стену. И тут, у меня за спиной, появилась жена. Вам когда-нибудь случалась пережить такое: ваша жена стоит сзади и не произносит ни слова?

— Пожалуй, я могу припомнить похожие обстоятельства. — Старик силился вспомнить, бывало ли такое с ним, потом кивнул — действительно, подобные эпизоды хранились в его мерцающем сознании.

— Ну, ваша светлость, только женщина может так молчать, вы согласны со мной? И стоять как средневековый памятник. Температура в комнате стала понижаться так быстро, словно мы оказались за полярным кругом. Я боялся повернуться и оказаться лицом к лицу с Чудовищем, или с дочерью Чудовища, как я ее называю, чтобы отличать от тещи. Наконец я услышал, как она сделала вдох, а потом очень спокойно выдохнула, будто прусский генерал.

— Эта женщина голая, как сойка. А другая — как моллюск, выброшенный на берег прибоем.

— Но, — возразил я, — это работа знаменитого французского художника, изучавшего человеческое тело.

— Да придет за мной Христос! Французский! — возопила жена. — Юбки до половины задницы! Платье до пупка! Знаешь, что они делают ртом в грязных французских романах? А теперь ты пришел домой и

вешаешь своих «французских» на стену! Почему бы тебе заодно не снять распятие и не повесить на его место толстую голую девку?

Ну, ваша честь, я просто закрыл глаза, и мне ужасно захотелось, чтобы у меня отвалились уши.

— Ты хочешь, чтобы на это смотрели наши мальчики перед тем, как лечь спать?! — продолжала моя жена.

Когда я немного пришел в себя, оказалось, что я иду по дороге с двумя голыми, как моллюски, красотками, ваша честь, прошу прощения.

— Они и в самом деле кажутся раздетыми, — заметил старик, взглянув на обе картины так, словно пытался найти в них то, о чем говорила жена этого человека. — Я всегда думал о лете, когда смотрел на них.

— С того момента как вам исполнилось семнадцать, ваша светлость, может быть. Но до того?..

— Гм-м, да, да, — пробормотал старик, и в одном из его глаз промелькнула тень бывшего распутства.

Потом этот глаз остановился, уперевшись в Бэннока и Тулери; те стояли у самого края смущенной толпы, каждый при огромной картине.

Бэннок принес свою домой и обнаружил, что проклятая штука не проходит ни в дверь, ни в окно.

Тулери как раз сумел затащить картину в дом, когда его жена справедливо подметила, что они окажутся единственной семьей во всей деревне, у которой есть Рубенс стоимостью в полмиллиона фунтов, но нет коровы!

Таким, в целом, был результат этой долгой ночи. У каждого имелась своя мрачная и жуткая история, и когда все они были рассказаны, холодные снежинки закружились среди храбрых членов местного отделения ИРА.

Старик ничего не сказал, потому что ему нечего было добавить, и они стояли молча, а бледные облачка дыхания уносил ветер. Потом, очень спокойно, лорд Килготтен широко открыл парадную дверь; у него хватило порядочности не кивать и не показывать.

Медленно, не говоря ни единого слова, мужчины проходили мимо старика, как будто он был учителем в их старой школе, но потом зашагали побыстрее. Так, словно река повернула вспять, вскоре пустой коридор был снова полон животными и ангелами, обнаженными девушками, чьи тела пламенели, и благородными богами, выделяющими курбеты на копытах и крыльях. Глаза его светлости скользили по картинам, а рот беззвучно называл каждую: Ренуар, Ван Дейк, Лотрек... и так до тех пор, пока Келли не коснулся его плеча.

— Мой портрет, кисти моей жены?

— И ничто другое, — отозвался Келли.

Старик посмотрел на Келли и картину у него в руках, а потом в сторону снежной ночи.

Келли мягко улыбнулся.

Двигаясь бесшумно, точно грабитель, он исчез вместе с картиной в темноте. Мгновение спустя раздался его смех, и он вернулся обратно с пустыми руками.

Старик сжал ладонь Келли своей слегка трясущейся рукой, а потом закрыл дверь.

Он повернулся, словно память о прошедшей ночи уже выветрилась из его сознания, и заковылял по коридору; шарф утомленно покрывал худые плечи. Толпа проследовала за ним в библиотеку. Там мужчины нашли выпивку и, зажав стаканчики в своих огромных ладонях, увидели, как лорд Килготтен смотрит на картину над камином, словно пытаясь вспомнить, висело ли там многие годы назад «Разграбление Рима». Или «Падение Трои». Затем старик почувствовал на себе взгляды и посмотрел на окружающую его армию.

— И за что мы теперь выпьем?

Люди начали шаркать ногами.

Потом Флэннери воскликнул:

— Ну, за его светлость, конечно!

— Его светлость! — довольно закричали все, выпили, закашлялись, а старик вдруг почувствовал странную влагу на своих глазах, но так и не выпил, пока не улегся шум, и только после этого произнес:

— За нашу Ирландию!

И выпил, и все сказали:

— О Господи!

И все сказали:

— Аминь.

А старик посмотрел на картину над камином и проговорил извиняющимся тоном:

— По-моему, она висит немного криво. Не могли бы...

— Не могли бы мы, ребята! — воскликнул Кейси.

И четырнадцать мужчин бросились поправлять картину.

ЗЛОВЕЩИЙ ПРИЗРАК НОВИЗНЫ

Я попал в Дублин впервые за много лет — мотался по свету везде, кроме Ирландии — и не пробыл в отеле «Ройял Иберниен» часа, как зазвонил телефон, а в трубке... Нора, сама Нора, какая радость!

— Чарльз? Чарли? Детка? Разбогател-таки? Богатые писатели покупают сказочные поместья?

— Нора! — Я рассмеялся. — Ты когда-нибудь говоришь «здравствуй»?

— Жизнь коротка, теперь и прощаться толком нет времени. Так ты можешь купить Гринвуд?

— Нора, Нора, твое родовое поместье? Два века истории? Что станет с диким ирландским светом, гостями, банкетами, сплетнями? Ты не можешь пустить это все на ветер!

— Еще как могу. Да нет, у меня чемоданы с деньгами мокнут на улице под дождем. Но Чарли, Чарльз, я одна-одинешенька в этом доме! Слуги сбежали помочь эффенди. Сегодня последняя ночь, ты — писатель, тебе надо взглянуть на призрака. Мурашки бегут? Приезжай, я раздаю загадки и дом. Чарли, ой, детка, ой, Чарльз.

Бип. Молчание.

Через десять минут я летел по дорожному серпантину с зеленых холмов к синему озеру, туда, где средь сочных лугов притаилось сказочное поместье Гринвуд.

Я вновь рассмеялся. Милая Нора! Что бы ты ни плела, веселье наверняка в самом разгаре: вот-вот покатится кувырком. Берти прилетел из Лондона, Ник — из Парижа, Алисия примчалась на машине из Голуэя. Какой-нибудь режиссер, вызванный за час телеграммой, десантируется вертолетом или прыгнет на голову с парашютом: эдакая манна небесная в черных очках. Может, заедет Марион с пекинесами и дрессировщиками, и те накачаются как собаки.

Я газовал, не в силах сдержать улыбку.

К восьми я размякну, к полуночи ошалею от тряски тел, продремлю до полудня, вновь захмелею от плотного воскресного ужина. А где-то в промежутках — редкая игра «найди свободную койку» с ирландскими и французскими графинями, дамами и простыми неотесанными искусствоведами, выписанными по почте из Сорбонны, усатыми и не очень, а до понедельника — миллиарды лет. Во вторник я осторожно, ох как осторожно, тронусь к Дублину, умудренный женщинами, томимый воспоминаниями, нянча себя, словно ноющий зуб мудрости.

Я с трепетом припомнил, как двадцатилетним пареньком впервые переступил порог Гринвуда.

Пятнадцать лет назад безумная старая герцогиня, напудренная мукой, с зубами акулы, тягала меня и спортивный автомобиль на подъем, крича против ветра:

— Тебе понравится Норин выездной питомник, опытные делянки! Ее друзья — смотрители и звери, тигры и киски, росянки и рододендроны. В ее ручьях плещет холодная рыба, горячая форель. В огромных парниках животных насильно раскармливают в искусственной атмосфере. В пятницу их завозят к Норе с чистым бельем, в понедельник бросают в стирку с грязными простынями, и каждый чувствует, что вдохновил, написал и пережил Искушение, Ад и Страшный Суд

Босха! Поживи у Норы, и ты растаешь за теплой щекой Гринвуда, тебя будут нежно жевать каждый час. Ты пройдешь сквозь его коридоры, как провиант. Он раскусит последнюю сахарную косточку, высосет мозг и выплюнет тебя на глухой полустанок, в слякоть и дождь.

— Я что, намазан ферментами? — перекрикивал я мотор. — Меня так просто не переваришь! Жиреть на моем первородном грехе — нет, дудки!

— Дурачок! — смеялась герцогиня. — К воскресенью от тебя останутся одни ребрышки!

На выезде из леса я оторнул воспоминания и сбросил скорость, ибо разлитая в воздухе вязкая красота замедлила сердце, мозг, кровь... ступню на педали газа.

Здесь под озерно-синими небесами у небесно-синего озера раскинулась вотчина Норы, огромный старинный дом, называемый Гринвуд. Самые округлые холмы, самый дремучий лес, самые мощные дубы Ирландии окружили его кольцом. За тысячу лет до нас неизвестные каменщики, безликие зодчие воздвигли серые башни; летописи молчат, был ли тому резон. Сады Гринвуда расцвели пять столетий назад, а еще три века спустя меж забытых могил и крипт, как после дождя, полезли флигеля и службы. Здесь сельский помещик превратил монастырский зал в амбар для овса, тут лет девяносто назад пристроили два крыла... За озером угадываются развалины охотничьего домика, поросшего мятой — там дикие кони забредают в зеленую ряску, а возле холодных заводов покоятся кости распутных дочерей, не прощенных и в смерти, истлевших во мраке забвения.

Я вспомнил свой первый приезд в Гринвуд.

Входную дверь распахнула сама Нора. Стоя в чем мать родила, на морозном крыльце она заявила:

— Опоздали! Все кончилось!

— Чепуха. Подержи-ка вот это, малыш, и вот это тоже.

В три движения герцогиня разделась догола.

Я стоял как столб, сжимая в охапке ее одежду.

— Заходи, простудишься. — Голая герцогиня, похожая на устрицу без скорлупы, спокойно вошла к нарядным гостям.

— Один — ноль в ее пользу! — вскричала Нора. — Придется теперь напяливать все снова. А я-то мечтала вас изумить.

— Вам это удалось, — сказал я.

— Ладно, пошли, поможешь мне одеться.

В спальне мы прошли по ее одежде — озерцам мускусного запаха на блестящем паркетном полу.

— Держи трусы, я в них влезу. Ты ведь Чарли?

— Очень приятно. — Я покраснел, и тут меня разорвал истерический смех. — Не сердитесь, — выговорил я наконец, застегивая ей лифчик, — просто вечер в самом начале, а я вас одеваю. Я...

Где-то хлопнула дверь. Я обернулся, ища глазами герцогиню.

— Исчезла, — пробормотал я. — Дом ее поглотил.

Верно. Я не видел герцогиню до обещанного ей дождливого утра вторника, но к тому времени она напрочь забыла, кто я и зачем.

— Господи, — сказал я. — Это-то что? И это?

Не прекращая одевания, мы вошли в библиотеку. Внутри, как в зеркальном лабиринте, бродили воскресные гости.

— Это, — указала Нора, — манхэттенский городской балет, принесенный по льду реактивной струей. Слева — гамбургский, с другой стороны света. Божественный выбор. Враждующие балетные труппы не могут излить свой яд из-за разницы в языках. Им придется беседовать пантомимой. Посторонись, Чарли. Валькирии превращаются в рейнских дев. А эти ребята и есть рейнские девы. Береги фланг!

Нора была права.

Бой начался.

Тигровые лилии насккивали друг на друга, лепеча на разных наречиях, затем, отчаявшись, схлынули в разные стороны. Захлопали двери, враги укрылись по комнатам. Ужас стал ужасающей дружбой, дружба — перегретой парной беззастенчивой и, слава Богу, невидимой страсти.

А дальше с крутого склона субботы-воскресенья лавиной хрустальных подвесок посыпались писатели, художники, хореографы и поэты.

И вместе с комком утрамбованных тел меня понесло напрямик к столкновению с сухопарой реальностью понедельника.

И вот, много лет, много вечеринок спустя я снова здесь.

И Гринвуд здесь, стоит, как стоял.

Ни музыки, ни машин.

Здрасьте, подумал я. Новая статуя у пруда.

Снова здрастьте. Не статуя.

Нора. Она сидела, натянув на колени платье, и смотрела на Гринвуд, как будто меня нет в помине.

— Нора?..

Она все так же смотрела на дом, на замшелую крышу, на небо в пустых окнах. Я повернулся проследить ее взгляд.

Что-то и впрямь не так. Дом ли ушел на два фута в землю, земля ли расселась, оставив его одиноко стоять на промозглом ветру?

Может, землетрясением перекосило окна? Странные блики породили обман зрения?

Входная дверь распахнута, из нее веет дыханием дома.

Что-то неуловимое; так ночью ловишь теплый выдох жены и вдруг пугаешься, уловив непривычный запах, запах другой женщины! Ты будишь ее, трясешь, зовешь по имени. Кто она, что, откуда? Но сердце колотится, ты лежишь без сна, рядом с неведомым.

Я подошел. В тысяче окон мое отражение встало подле молчащей Норы.

Тысячи моих отражений тихо опустились на траву.

Нора, подумал я. Господи, вот мы и вместе.

Тот первый приезд в Гринвуд...

А потом много лет мы встречались, снова и снова, прохожие в толпе, влюбленные в церкви, случайные попутчики в поезде, когда уже лязгнули тормоза, толпа, напирая, валит к дверям, прижимая нас тесно-тесно, а

там — вокзал, и уже ни касанья, ни слова, на долгие-долгие годы.

И почти каждое лето мы рвали живую нить, полагая, что больше не встретимся, не прибежим за помощью. И снова кончалось лето, садилось солнце, приходила Нора с пустым ведром и я с разбитой коленкой, берег был пуст, нам оставалось сказать «здравствуй, Нора» и «здравствуй, Чарльз», а ветер крепчал, море чернело, словно стая кальмаров замутила его чернилами.

Я часто думал: ведь будет день, когда мы, описав круг, вернемся на прежнее место. Когда-то, лет двенадцать назад, случилась минута, когда мы держали любовь — пушинку на кончике пальца — встречным дыханием губ.

Но это случилось в Венеции, где Нора, оторванная от родимых корней, от Гринвуда, могла принадлежать мне сполна.

И тогда наши губы слились так тесно, что недосуг было требовать постоянства. Разняв их, искусанные, припухшие, мы не нашли в себе сил сказать: пусть так будет всегда, квартира, дом, где уютно, только не в Гринвуд, не в Гринвуд снова, останься! Может, слишком жесток полуденный свет, слишком явственно видны лица. А скорее капризные дети притомились игрой, испугались попасть в ловушку! Так или иначе, перышко, задержавшись, порхнуло с пальца, и не знаю, кто первый перестал дуть. Нора соврала про срочную телеграмму и убежала в Гринвуд.

Связь порвалась. Капризные дети не пишут. Не знаю, что за песчаные замки она порушила. Нора не ведает, как рубашки на мне линяли от страстного пота. Я женился. Развелся. Путешествовал.

И вот на исходе странного дня мы вновь сошлись у знакомого озера, в беззвучном зове, в бездвижном стремлении, словно не было этих лет.

— Нора! — Я взял ее за руку. Пальцы были холодны. — Что случилось?

— Случилось?! — Она рассмеялась, замолкла, отвела взгляд. Потом вновь рассмеялась, натужным смехом, который легко переходит в слезы. — Ой, Чарли, ми-

ленький, думай смелей, с ног на голову, к навязчивым снам. Случилось, Чарли, случилось?!

Она замолчала. Мне стало страшно.

— Где слуги, гости?

— Гости, — сказала она, — приходили вчера.

— Не может быть! Ты никогда не ограничивалась пятничными посиделками. Воскресное утро заставало на этих лужайках шабаш разбросанных одеял. Так в чем же дело?

— Хочешь знать, почему я тебя позвала, Чарли? — Нора по-прежнему глядела на дом. — Я хочу подарить тебе Гринвуд. Если он тебя примет, не выставит вон.

— Но я не хочу!

— Неважно, что ты хочешь. Главное, что хочет он. Мэг примчалась из Парижа. Эффенди прислал из Ниццы потрясную девушку. Роджер, Перси, Ивлин, Вивьен, Джон — все были здесь. Матадор, чуть не убивший писателя из-за танцовщицы. Ирландский драматург, он еще падал со сцены пьяный. Между пятью и семью прибыли девяносто семь человек. К полуночи все разъехались.

Я прошел по лужайке.

Да, на траве различались следы трех десятков протекторов.

— Он не позволил нам веселиться, — тихо сказала Нора.

Я обернулся.

— Кто? Дом?

— Музыка была превосходна, но ее заглушали перекрытия. Смех отдавался зловещим эхом. Беседа не клеилась. Закуски вставали в горле. Вино текло мимо рта. Никто не прилег и на три минуты. Не веришь? Но все разбежались, как тараканы, а я спала на лужайке. Знаешь почему? Догадайся. Пойди погляди, Чарли.

Мы подошли к открытой входной двери.

— Что смотреть?

— Все. Комнаты. Сам дом. Ищи отгадку. Когда устанешь ломать голову, я объясню, почему не могу здесь жить и почему Гринвуд твой, если захочешь. Иди один.

И я вошел, замирая на каждом шагу.

Я тихо ступил на желтый, с подпалинами, паркет огромного зала. Скользнул глазами по обюссонским шпалерам. Подошел к витрине: на зеленом бархате, как прежде, покоился мраморный греческий медальон.

— Ничего! — крикнул я в холодный вечер за дверью.

— Подожди! Осмотри все!

Библиотека. Запах ручных переплетов вишневой, брусничной, лимонной кожи колышется, словно море. Мерцают зрачки золотого тиснения корешков. Над камином, где укрылась бы свора гончих, чудесные «Девушки и цветы» Гейнсборо, возле которых отогревались сердца не одного поколения владельцев. На картине — открытый портал, за ним — летний сад. Мне всегда хотелось просунуть голову в раму, понюхать цветы, коснуться пушка на девических шеях, различить жужжание сшивающих воздух пчел...

— Ну? — слышался голос издалека.

— Нора! — закричал я. — Иди сюда! Здесь нечего бояться! Еще светло!

— Нет, — печально отвечал голос. — Солнце садится. Что ты видишь, Чарли?

— Я выхожу из зала на винтовую лестницу. Вижу коридор. В воздухе ни пылинки. Открываю дверь погребца. Тысячи бутылок и бочек. Кухня. Нора, это безумие!

— Правда? Ты понял? — отзывается голос. — Вернись в библиотеку. Стань посреди комнаты. Видишь своих любимых «Девушек и цветы»?

— Они здесь.

— Их здесь нет. Видишь серебряную флорентийскую сигаретницу?

— Вижу.

— Не видишь. А коричневый диван, стоящий особняком, где вы с папой пили однажды херес?

— Да.

— Нет, — выдохнул голос.

— Да, нет? Вижу, не вижу? Довольно, Нора!

— Более чем, Чарли. Как ты не догадываешься? Разве ты не чувствуешь, что случилось с Гринвудом?

Я обернулся. Потянул носом непривычный воздух.

— Чарли, — говорила Нора из-за дверей слабым голосом, — четыре года назад... Гринвуд сгорел дотла.

Я побежал.

Нора, бледная, стояла в дверях.

— Что?! — закричал я.

— Сгорел дотла, — повторила она. — Четыре года назад.

Я шагнул наружу — три долгих шага — взглянул на стены и окна.

— Нора, он стоит, он здесь!

— Нет, Чарли. Это не Гринвуд.

Я потрогал серый камень, красный кирпич, темно-зеленый плющ. Провел рукой по резной испанской двери.

— Не может быть!

— Может, — сказала Нора. — Все новое, от конька крыши до кладки погребца. Новое, Чарли. Новое.

— Эта дверь?

— Прислана из Мадрида в прошлом году.

— Плиты?

— Вытесаны под Дублином два года назад. Окна изготовлены в Уотерфорде этой весной.

Я шагнул в дверь.

— Паркет?

— Сделан во Франции, доставлен прошлой осенью.

— Но шпалеры?!

— Вытканы под Парижем, повешены в апреле.

— Но ведь все такое же, Нора!

— Да, не правда ли? Я ездила в Грецию, чтобы заказать точную копию мраморного медальона. Витрину сделали в Реймсе.

— Библиотека!

— Те же книги, такой же ручной переплет, тиснение, так же расставлены. Только восстановление библиотеки обошлось мне в сто тысяч фунтов.

— Но они такие же, Нора, такие же! — изумленно кричал я. И вот мы в библиотеке, я указываю на серебряную флорентийскую сигаретницу. — Уж ее-то, конечно, спасли из огня?

— Нет-нет. Ты знаешь, что я художница. Я вспомнила, нарисовала эскиз, отвезла во Флоренцию. Фальшивку закончили в июле.

— «Девушки и цветы» Гейнсборо?

— Вглядись! Творение Фрици. Помнишь жуткого битника с Монмартра? Он берет холст, поливает краской, запускает над Парижем в виде воздушного змея — пусть ветер и дождь потрудятся за него, — а потом продает за безумные деньги. Вспомнил? Так вот, оказалось, что Фрици — тайный поклонник Гейнсборо. Он убьет меня, если узнает, что я проболталась. Он написал «Девушек» по памяти. Правда, очень похоже?

— Очень. Господи, Нора, ты правда меня не обманываешь?

— Если бы! Думаешь, я сошла с ума? Знаю, думаешь. Ты веришь в добро и зло, Чарли? Я прежде не верила. И вдруг оказалось, что я — старая, раскисшая от дождя. Мне стукнуло сорок, стукнуло обухом по голове. Знаешь, что я думаю? Дом себя уничтожил.

— Дом?

Она заглянула в зал, где сгушались вечерние тени.

— Мне было восемнадцать, когда на меня упали все эти деньги. Когда мне кричали «Стыдно!», я отвечала «Тьфу!». Мне говорили «совесть», я смеялась: «старая повесть!» Но тогда дождевая бочка не переполнилась. А дождь все падал, стекал по трубе, и вдруг я увидела, что по края налита грехом, и есть совесть, и есть стыд.

Во мне тысячи юношей, Чарли.

Они летели на свет моих окон. Потом уезжали, я думала — они далеко. Но нет, Чарли, их шипы остались во мне, отравленные шипы, которые я так любила. Мне нравилась сладкая боль, и казалось — время и странствия сгладят ее следы. Но теперь я знаю, что вся — в отпечатках пальцев. Каждый дюйм моей кожи, Чарльз, — секретный архив ФБР. Тысячи славных ребят вонзали в меня жала, и теперь, не тогда, я истекаю кровью. Я залила ей весь дом. Мои друзья, не верящие в совесть и стыд, набивались сюда, как в огромный вагон подземки, и смыкались устами, исходили потом на стены, брызгали на пол страданием. Дом осаждали

убийцы, Чарли, каждый — с коротким кинжалом, они отдавали себя на заклятие, думая убить одиночество, но не находили покоя, лишь краткий расслабленный стон.

В этом доме все были несчастливы, Чарли, теперь я знаю.

Да, они казались счастливыми, Чарльз. Когда столько смеются, и пьют, и в каждой постели, как хлеб с ветчиной, бело-розовый сандвич тел, думаешь: как весело! как славно мы собрались!

Но это ложь, Чарли, мы оба с тобой знаем. Дом пропитался ложью. Так было при мне, при отце, при деде. Дом вечно бурлил весельем, а это — признак беды. Двести лет убийцы наносили друг другу раны. Стены сочатся влагой. Дверные ручки залапаны. От Гейнсборо тянет осенью. Убийцы входили и выходили, Чарли. Дом копил их грехи.

А если наглотаешься мрака, Чарли, тебя вырвет.

Моя жизнь — рвотное. Я давлюсь своим собственным прошлым.

И дом давился.

И вот, расплюснутая стыдом, я слышала ночью, как в роскошных кроватях ерзают накопленные грехи. От трения занялось пламя. Сперва оно в библиотеке листало книги, затем пирило в погребе. К тому времени я вылезла в окно и спустилась по плющу на лужайку. Там же были слуги. В доме привратника отыскалось шампанское и сухари. Мы устроили пикник. Это было в четыре. В пять приехали пожарные, и вовремя: они видели, как рушится крыша. К облакам взметнулся фонтан искр. Мы налили им шампанского и вместе смотрели, как умирает Гринвуд. К утру все было кончено.

Он должен был уничтожить себя, ведь правда, Чарли — от всей нашей гнусности, меня и моих предков?

Мы стояли в холодном доме. Наконец я шевельнулась и сказал:

— Наверное, да, Нора.

Мы вошли в библиотеку. Нора вытащила синьки и стопку блокнотов.

— Тогда-то, Чарльз, мной овладело желание: отстроить Гринвуд заново, собрать по кусочку. Феникс возродится из пепла. Пусть никто не узнает, как он болел и умер. Ни ты, Чарли, никто из моих друзей. Я виновна в его разрушении.

Как хорошо быть богатой! Можно подкупить пожарных шампанским, местную газету — четырьмя ящиками джина. За милую отсюда не просочилось и словечка. Успею еще рассказать. Пусть это будет сюрприз! А сейчас — за работу! Я помчалась в Дублин к поверенному, у которого папа хранил чертежи и планы отделки. Месяцами я просиживала с секретарем, играя в ассоциации, чтобы вызвать в памяти греческие лампы, римские изразцы. Я закрывала глаза, чтобы припомнить каждую ворсинку ковра, каждый дюйм бахромы, завиток лепнины, бронзулетки, дверные ручки, подставку для дров, выключатели. Когда список в десять тысяч названий был завершен, я вызвала плотников из Эдинбурга, плиточников из Сиенны, камнерезов из Перуджии. Они стучали, строгаги, резали четыре года, Чарли, а я торчала на фабрике под Парижем, смотрела, как паучки выплетают мои ковры и шпалеры. В Уотерфорде я приглядывала, как выдувают стекло, а в свободное время охотилась.

Чарли, как ты думаешь, ведь такого не было, никто не восстанавливал утраченного в малейшей подробности, в точности? Не надо ворошить прошлое! Я думала — его можно забыть: новый Гринвуд восстанет на месте прежнего. С виду он будет как старый, только лучше, потому что новый. Я думала — все начнется с чистой страницы. Я так тихо жила, куда он строился. Это само было приключением.

Я закончила дом. Мне казалось, я обновилась. Я возрождала его, ликуя. Наконец-то, думала я, в Гринвуде поселится счастье.

Все завершилось две недели назад. Последний камень, последняя черепица легли на место.

Я разослала приглашения по всему миру. Вчера приехали гости. Светские львы из Нью-Йорка, пахнущие хлебным деревом, хозяева жизни. Легконогие афин-

ские футболисты. Негритянский балет из Йоханнесбурга. Три сицилийских бандита — или они актеры? Семнадцать скрипачек, которых можно умыкнуть, едва они отложат смычки и бросят прятать коленки. Четыре чемпиона по конному поло. Один теннисист — подтянуть мне струны. Очаровательный французский поэт. Господи, Чарльз, я хотела закатить праздник! Открывается усадьба Феникс, владение Норы Гриндон! Могла ли я знать, что дом нас не примет?

— Разве дом может кого-то принять или не принять?

— Может, если он совсем новый, а все остальные, независимо от возраста, много старше. Он только родился. Мы — старые, умирающие. Он — добро. Мы — зло. Он хотел оставаться чистым. И выставил нас вон.

— Как?

— Просто тем, что он — это он. Такая стояла тишь, ты не поверишь. Нам казалось, что кто-то умер.

Очень скоро все это почувствовали, хотя не признались, просто сели в машины и уехали. Оркестр собрал инструменты и умчался на десяти лимузинах. За ним последние гости, вдоль озера, словно на ночной пикник, но нет — кто к самолету, кто в порт, кто в Голуэй, молча, трясаясь от холода. А дом остался пустым. Даже слуги укатили на велосипедах. Прием кончился, не начавшись, потому что не мог начаться. Я говорила, что спала всю ночь на лужайке, наедине со старыми мыслями, и тогда поняла — кончились мои годы, я сгорела, как головешка, а пепел не может строить. Новая дивная птица молчала в морозной тьме. Я знала: ей ненавистно мое дыхание. Я кончилась. Она началась. Здесь.

Нора закончила рассказ.

Довольно долго мы сидели молча. Сумерки вползали в комнаты, гасили глаза окон. Ветер наморщил озеро.

Я сказал:

— Не может быть. Разумеется, ты проспишь здесь ночь, если захочешь.

— Убедись сам, чтобы больше не спорить. Попробуем заночевать в доме.

— Попробуем?

— Мы не продержимся до рассвета. Давай зажарим яичницу, выпьем чуть-чуть, рано уйдем спать. Ложись на одеяло. Не раздевайся. Ты еще поблагодаришь за этот совет.

За едой мы больше молчали. Выпили вина. Послушали, как в новом доме бьют новехонькие часы.

В десять Нора велела идти в спальню.

— Не пугайся! — крикнула она с лестницы. — Дом не желает нам зла. Просто он нас боится. Я буду читать в библиотеке. Когда соберешься, зайди за мной. На часы можешь не смотреть, я все равно не лягу.

— Я буду спать как сурок, — пообещал я.

— Будешь ли? — отвечала Нора.

Я забрался в новую постель и лежал в темноте, курил. Спать не хотелось, не было и страха. Я ждал чего-то необычного.

В полночь я еще бодрствовал.

Не заснул и к часу.

В три сна не было в помине.

Дом не скрипел, не вздыхал, не нашептывал. Он ждал, как и я, подстраиваясь под мое дыхание.

В три тридцать дверь моей комнаты отворилась.

Мрак шевельнулся во мраке. Лица и рук коснулся холодный ветер.

Я медленно сел.

Прошло минут пять. Сердце почти не билось.

Потом далеко внизу распахнулась входная дверь.

Опять ни скрипа, ни шороха. Только щелчок, да сильней потянуло сквозняком.

Я встал и вышел на лестницу.

Входная дверь и правда была открыта. Лунный свет заливал половицы, сиял на новых стенных часах. Звонко тикал недавно собранный механизм.

Я спустился и вышел.

— Ну вот и все, — промолвила Нора. Она стояла подле моей машины.

Я подошел.

— Ты ничего не слышал, — сказала она, — и все-таки слышал, верно?

— Да.

— Теперь ты готов ехать?

Я оглянулся на дом:

— Почти.

— Так ты понял, что все кончено? Что скоро заря нового дня? Чарли, мое сердце замерзло, заплесневело, гонит черную кровь. Ты же знаешь, Чарли, оно так часто билось под тобой, ты знаешь, какая я старая. Ты знаешь, сколько во мне темниц, и пыточных камер, и синих осенних сумерек. Ну...

Нора взглянула на дом.

— Вчера около двух я лежала в постели. Вдруг распахнулась входная дверь. Я поняла, что дом накренился, стряхнул щеколду и распахнул створки. Я вышла на лестницу. Внизу расстилалось лунное озеро. Дом словно говорил: скатертью дорожка, ступай молочной рекой, уходи в свою тьму, старуха, там тебе место. Ты беременна. В твоей утробе — переносенный младенец-призрак. Ты не разродишься, и однажды он убьет тебя. Чего ты стоишь?

Так вот, Чарли, я побоялась запереть дверь. Я знала, что это правда, мне здесь больше не спать. Я вышла.

У меня есть порочное логово в Женеве, я заберусь туда. Но ты моложе и чище, Чарли. Я хочу, чтоб дом остался тебе.

— Я не так молод.

— Моложе меня.

— И не так чист. Он прогнал и меня, Нора. Дверь моей комнаты отворилась.

— Ой, Чарли, — выдохнула Нора и коснулась моей щеки. — Ой, Чарли, — и потом, тихо: — Извини.

— Не надо. Поедем вместе.

Нора открыла машину.

— Можно я поведу? Мне хочется гнать до самого Дублина. Ты не против?

— Ничуть. А твои вещи?

— Те, что в доме, пусть ему и останутся. Куда ты?

Я остановился:

— Надо закрыть дверь.

— Нет, — сказала Нора. — Пусть будет открыта.

— Как... Туда заберутся.

Нора тихо рассмеялась:

— Но только хорошие люди, верно?

Я подумал, потом кивнул:

— Да.

Уезжать не хотелось. Я вернулся и встал у машины. Тучи сгущались. Пошел снег. Большие белые хлопья сыпались в лунном свете, мягкие и безобидные, как болтовня ангелов.

Мы сели в машину. Хлопнули дверцы. Нора включила зажигание.

— Готов? — спросила она.

— Готов.

— Чарли, — сказала Нора, — когда мы приедем в Дублин, поспишь со мной несколько дней? Не в том смысле. Просто мне нужно, чтоб кто-нибудь был рядом. Хорошо?

— Конечно.

— Вот бы... — Глаза ее наполнились слезами. — Господи, вот бы сгореть и начаться сначала. Сгореть, а потом снова войти в этот дом, жить там вечно, как сельская девушка, питаться ягодами. О, черт. Что об этом говорить?

— Поезжай, Нора, — сказал я мягко.

Машина тронулась. Мы мчались вдоль озера, взмывая колесами гравий, в холмы, в заснеженный лес. На последнем подъеме Нора перестала плакать; она ни разу не оглянулась. Снег пошел гуще. Стрелка спидометра замерла на семидесяти. Мы ехали к темному горизонту, к холодному серому городу, и всю дорогу, не выпуская, я держал ее за руку.

ХОЛОДНЫЙ ВЕТЕР, ТЕПЛЫЙ ВЕТЕР

-Боже праведный, что это?
— Что — «что»?

— Ты ослеп, парень? Гляди!

И лифтер Гэррити высунулся, чтобы посмотреть, на кого же это пялил глаза носильщик.

А из дублинской рассветной мглы как раз в парадные двери отеля «Ройал Иберниен», шаркая прямо к стойке регистрации, откуда ни возьмись прутиковый мужчина лет сорока, а следом за ним словно всплеск птичьего щебета пять малорослых прутиковых юнцов лет по двадцати. И так все выются, веют руками вокруг да около, щурят глаза, подмигивают, подмаргивают, губы в ниточку, брови в струночку, тут же хмурятся, тут же сияют, то покраснеют, то побледнеют (или все это разом?). А голоса-то, голоса — божественное пикколо, и флейта, и нежный гобой, — ни ноты фальши, музыка! Шесть монологов, шесть фонтанчиков, и все брызжут, сливаясь вместе, целое облако самосочувствия, щебетанье, чириканье о трудностях путешествия и

ретивости климата — этот *кордебалет* реял, ниспадал, говорливо струился, пышно расцветая одеколонным благоуханием, мимо изумленного носильщика и остолбеневшего лифтера. Грაციозно сбившись в кучку, все шестеро замерли у стойки. Погребенный под лавиной музыки, управляющий поднял глаза — аккуратные буковки «О» без всяких зрачков посредине.

— Что это? — прошептал Гэррити. — Что это было?

— Спроси кого-нибудь еще! — ответил носильщик.

В этот самый момент зажглись лампочки лифта и зажужжал зуммер вызова. Гэррити волей-неволей оторвал взгляд от знойного сборища и умчался ввысь.

— Мы хотели бы комнату, — сказал тот самый высокий и стройный. На висках у него пробивалась седина. — Будьте так добры.

Управляющий вспомнил, где он находится, и услышал собственный голос:

— Вы заказывали номер, сэр?

— Дорогой мой, конечно, нет! — сказал старший. Остальные захихикали.

— Мы совершенно неожиданно прилетели из Таормины, — продолжал высокий. У него были тонкие черты лица и влажный, похожий на бутон рот. — Нам ужасно наскучило длинное лето, и тогда кто-то сказал: «Давайте полностью сменим обстановку, давайте будем чудить!» «Что?» — сказал я. «Ну ведь есть же на Земле самое невероятное место? Давайте выясним, где это, и отправимся туда». Кто-то сказал: «Северный полюс», — но это было глупо. Тогда я закричал: «Ирландия!» Тут все прямо попадали. А когда шабаш стих, мы понеслись в аэропорт. И вот уже нет ни солнца, ни сицилийских пляжей — все растаяло, как вчерашнее лимонное мороженое. И мы здесь, и нам предстоит свершить... нечто *таинственное!*

— Таинственное? — спросил управляющий.

— Что это будет, мы еще не знаем, — сказал высокий. — Но как только увидим, распознаем сразу же. Либо *Это* произойдет само собой, либо мы сделаем так, чтобы *Оно* произошло. Верно, братцы?

Ответ братцев отдаленно напоминал нечто вроде «тии-хии».

— Может быть, — сказал управляющий, стараясь держаться на высоте, — вы подскажите мне, что вы разыскиваете в Ирландии, и я мог бы указать вам...

— Господи, да нет же! — воскликнул высокий. — Мы просто помчимся вперед, распустим по ветру наше чутье, словно кончики шарфа, и посмотрим, что из этого получится. А когда мы раскроем тайну и найдем то, ради чего приехали, вы тотчас же узнаете об этом — ахи и охи, возгласы благоговения и восторга нашей маленькой туристской группы непременно донесутся до ваших ушей.

— *Это надо же!* — выдавил носильщик, затаив дыхание.

— Ну что же, друзья, распишемся?

Предводитель братцев потянулся за скрипучим гостиничным пером, но, увидев, что оно засорено, жестом фокусника вымахнул откуда-то собственную — сплошь из чистейшего золота, в 14 карат, — ручку, посредством которой замысловато, однако весьма красиво вывел светло-вишневой каллиграфической вязью: ДЭВИД, затем СНЕЛЛ, затем черточку и наконец ОРКНИ. Чуть ниже он добавил: «с друзьями».

Управляющий зачарованно следил за ручкой, затем снова вспомнил о своей роли в текущих событиях.

— Но, сэр, я не сказал вам, есть ли у нас место...

— О, конечно же, вы найдете. Для шестерых несчастных путников, которые крайне нуждаются в отдыхе после чрезмерного дружелюбия стюардесс... Одна комната — вот все, что нам нужно!

— Одна? — ужаснулся управляющий.

— В тесноте да не в обиде — так, братцы? — спросил старший, не глядя на своих друзей.

Конечно, никто не был в обиде.

— Ну что ж, — сказал управляющий, неловко возя руками по стойке. — У нас как раз есть два смежных...

— Перфетто!* — вскричал Дэвид Снелл-Оркни.

* Здесь: «Великолепно!» (ит.) (Примеч. пер.)

Регистрация закончилась, и теперь обе стороны — управляющий за стойкой и гости издалека — устали друг на друга в глубоком молчании. Наконец управляющий выпалил:

— Носильщик! Быстро! Возьмите у джентльменов багаж...

Только теперь носильщик опомнился и перевел взгляд на пол.

Багажа не было.

— Нет-нет, не ищите, — Дэвид Снелл-Оркни беззаботно помахал в воздухе ручкой. — Мы путешествуем налегке. Мы здесь только на сутки, может быть, даже часов на двенадцать, а смена белья рассована по карманам пальто. Скоро назад. Сицилия, теплые сумерки... Если вы хотите, чтобы я заплатил вперед...

— В этом нет необходимости, — сказал администратор, вручая ключи носильщику. — Пожалуйста, сорок шестой и сорок седьмой.

— Понял, — сказал носильщик.

И словно колли, что беззвучно покусывает бабки мохнатым, блеющим, бестолково улыбающимся овцам, он направил очаровательную компанию к лифту, который как раз вовремя принеся сверху.

К стойке подошла жена управляющего и встала за спиной мужа, во взгляде — сталь.

— Ты спятил? — зашептала она в бешенстве. — Зачем? Ну зачем?

— Всю свою жизнь, — сказал управляющий, обращаясь скорее к себе самому, — я мечтал увидеть не одного коммуниста, но десять и рядом, не двух нигерийцев, но двадцать — во плоти, не трех американских ковбоев, но целую банду, только что из седел. А когда своими ногами является букет из шести оранжерейных роз, я не могу удержаться, чтобы не поставить его в вазу. Дублинская зима долгая, Мэг, и это, может быть, единственный разгоревшийся уголек за весь год. Готовься, будет дивная встряска.

— Дурак, — сказала она.

И на их глазах лифт, поднимая тяжесть едва ли большую, чем пух одуванчиков, упорхнул в шахте вверх, прочь...

Серия совпадений, которые неверной походкой, то и дело сбиваясь в сторону, двигались все вместе к чуду, развернулась в самый полдень.

Как известно, отель «Ройял Иберниен» лежит как раз посередине между Тринити-колледж, да простят мне это упоминание, и парком Стивенс-Грин, более заслуживающим упоминания, а позади за углом лежит Графтен-стрит, где вы можете купить серебро, стекло, да и белье, или красный камзол, сапожки и шапку, чтобы выехать на псовую охоту. Но лучше всего нырнуть в кабачок Хиберы Финна и принять приличную порцию выпивки и болтовни: час выпивки на два болтовни — лучшая из пропорций.

Как известно ребята, которых чаще всего встретишь у Финна, — это Нолан (вы знаете Нолана), Тимулти (кто может забыть Тимулти?), Майк Ма-Гвайр (конечно же, друг всем и каждому), затем Ханаан, Флаэрти, Килпатрик, а при случае, когда Господь Бог малость неряшлив в своих делах и на ум отцу Лайему Лири приходит страдалец Иов, является патер собственной персоной — вышагивает, словно само Правосудие, и всплывает, будто само Милосердие.

Стало быть, это и есть наша компания, на часах — минута в минуту полдень, и кому же теперь выйти из парадных дверей отеля «Ройял Иберниен», как не Снеллу-Оркни с его канареечной пятеркой?

А вот и первая из ошеломительной серии встреч.

Ибо мимо, мучительно разрываясь между лавками сладостей и Хибером Финном, следовал Тимулти собственной персоной.

Как вы помните, Тимулти, когда за ним гонятся Депрессия, Голод, Нищета и прочие беспощадные Всадники, работает от случая к случаю на почте. Теперь же, болтаясь без дела, в промежутке между периодами страшной для души службы по найму, он вдруг унюхал запах, как если бы по прошествии ста миллионов лет

врата Эдема вновь широко распахнулись и его пригласили вернуться. Так что Тимулти поднял глаза, желая разобраться, что же послужило причиной дуновения на куш.

А причиной возмущения воздуха был, конечно же, Снелл-Оркни со своими вырвавшимися на волю зверюшками.

— Ну, скажу вам, — говорил Тимулти годы спустя, — глаза у меня выкатились так, словно кто-то хорошенько трахнул по черепушке. И волосы зашевелились.

Тимулти, застыв на месте, смотрел, как делегация Снелла-Оркни струилась по ступенькам вниз и утекала за угол. Тут-то он и рванул дальним путем к Финну, решив, что на свете есть улады почище леденцов.

А в этот самый момент, огибая угол, мистер Дэвид Снелл-Оркни-и-пятеро миновал нищую особу, игравшую на тротуаре на арфе. И надо же было там оказаться именно Майку Ма-Гвайру, который от нечего делать убивал время в танце — выдавал собственного изобретения ригодон, крутя ногами сложные коленца под мелодию «Легким шагом через луг». Танцуя, Майк Ма-Гвайр слышал некий звук — словно порыв теплого ветра с Гебридов. Не то чтобы щебет, не то чтобы стрекотанье, а чем-то похоже на зоомагазин, когда вы туда входите, и звякает колокольчик, и хор попугаев и голубей раздражается воркованием и короткими вскриками. Но звук этот Майк слышал точно — даже за шарканьем своих башмаков и переборами арфы. И застыл в прыжке.

Когда Дэвид Снелл-Оркни-и-пятеро проносился мимо, вся тропическая братия улыбнулась и помахала Ма-Гвайру.

Еще не осознав, что он делает, Майк помахал в ответ, затем остановился и прижал оскверненную руку к груди.

— Какого черта я машу? — закричал он в пространство. — Ведь я же их *не знаю*, так?!

— В Боге обрящешь силу! — сказала арфистка, обращаясь к арфе, и грянула по струнам.

Словно влекомый каким-то новым диковинным пылесосом, что вбирает все на своем пути, Майк потянулся за Шестерной Упряжкой вниз по улице.

Так что речь идет уже о двух чувствах — о чувстве обоняния и чуткости ушей.

А на следующем углу — Нолан, только что вылетевший из кабачка по причине спора с самим Финном, круто повернул и врезался в Дэвида Снелла-Оркни. Оба покачнулись и схватились друг за друга, ища поддержки.

— Честь имею! — сказал Дэвид Снелл-Оркни.

— Мать честная! — ахнул Нолан и, разинув рот, отпал, чтобы пропустить этот цирковой парад. Его страшно подмывало юркнуть назад, к Финну. Бой с кабатчиком вылетел из памяти. Он хотел тут же поделиться об этой сногшибательной встрече с компанией из перьевой метелки, сиамской кошки, недоделанного мопса и еще трех прочих — жутких дистрофиков, жертв недоедания и чересчур усердного мытья.

Шестерка остановилась возле кабачка, разглядывая вывеску.

«О Боже! — подумал Нолан. — Они собираются войти. Что теперь будет? Кого предупреждать первым? Их? Или Финна?»

Но тут дверь распахнулась и наружу выглянул сам Финн. «Черт! — подумал Нолан. — Это портит все дело. Теперь уж не нам описывать происшествие. Теперь начнется: Финн то, Финн се, а нам заткнуться, и все!» Очень-очень долго Снелл-Оркни и его братия разглядывали Финна. Глаза же Финна на них не остановились. Он смотрел вверх. И смотрел поверх. И смотрел сквозь.

Но он *видел* их, уж это Нолан знал. Потому что случилось нечто восхитительное.

Краска сползла с лица Финна.

А затем произошло еще более восхитительное.

Краска снова хлынула в лицо Финна.

«Ба! — вскричал Нолан про себя. — Да он же... *краснеет!*»

Но все же Финн по-прежнему блуждал взором по небу, фонарям, домам, пока Снелл-Оркни не прожурчал:

— Сэр, как пройти к парку Стивенс-Грин?

— Бог ты мой! — сказал Финн и повернулся спиной. — Кто знает, куда они задевали его на этой неделе! — И захлопнул дверь.

Шестерка отправилась дальше, улыбаясь и лучась восторгом, и Нолан готов был уже вломиться в дверь, как стряслось кое-что почище предыдущего. По тротуару нахлестывал невесть откуда взявшийся Гэррити, лифтер из отеля «Ройял Иберниен». С пылающим от возбуждения лицом он первым ворвался к Финну с новостью.

К тому времени как Нолан оказался внутри, а следом за ним и Тимулти, Гэррити уже носился взад-вперед вдоль стойки бара, а ошеломленный, еще не пришедший в себя Финн стоял по ту сторону.

— Эх! Что сейчас было! Куда вам! — кричал Гэррити, обращаясь ко всем сразу. — Я говорю, это было почище, чем те фантастические киношки, что крутят в «Гэйети-синема»!

— Что ты хочешь сказать? — спросил Финн, стряхнув с себя оцепенение.

— Весу в них нет! — сообщил Гэррити. — Поднимать их в лифте — все равно что горсть мякины в каминную трубу запустить! И вы бы *слышали*. Они здесь, в Ирландии, для того, чтобы... — он понизил голос и зажмурился, — ...совершить *нечто таинственное!*

— Таинственное! — Все подались к нему.

— Что именно — не говорят, но — попомните мои слова — они здесь не к добру! Видели вы когда что-нибудь подобное?

— Со времени пожара в монастыре, — сказал Финн, — ни разу. Я...

Однако слово «монастырь» оказало новое волшебное воздействие. Дверь тут же распахнулась, и в кабачок вошел отец Лири задом наперед. То есть он вошел

потясь, держась одной рукой за щеку, словно бы Парки исподтишка дали ему хорошую оплеуху.

Его спина была столь красноречива, что мужчины погрузили носы в пиво, выждав, пока патер сам слегка не промочил глотку, все еще тараща глаза на дверь, будто на распахнутые врата ада.

— Меньше двух минут назад, — сказал патер наконец, — узрел я картину невероятную. Ужели после стольких лет сбирания в своих пределах сирых мира сего Ирландия и впрямь сошла с ума?

Финн снова наполнил стакан священника.

— Не захлестнул ли вас поток пришельцев с Венеры, святой отец?

— Ты их видел, что ли, Финн? — спросил преподобный.

— Да. Вам зрится в них недоброе, ваша святость?

— Не столько доброе или недоброе, сколько странное и утрированное, Финн, и я выразил бы это словами «рококо» и, пожалуй, «барокко», если ты следишь за течением моей мысли.

— Я просто качаюсь на ее волнах, сэр.

— Уж коли вы видели их последним, куда они направились-то? — спросил Тимулти.

— На опушку Стивенс-Грина, — сказал священник. — Вам не мерещится ли, что сегодня в парке будет вакханалия?

— Прошу прощения, отец мой, погода не позволит, — сказал Нолан, — но, сдается мне, чем стоять здесь и трепать языком, вернее было бы их проследить...

— Это против моей этики, — сказал священник.

— Утопающий хватается за все что угодно, — сказал Нолан, — но если он вцепится в *этику* вместо спасательного круга, то, возможно, пойдет на дно вместе с ней.

— Прочь с горы, Нолан, — сказал священник, — хватит с нас нагорной проповеди. В чем соль?

— А в том, святой отец, что такого наплыва достойных сицилийцев у нас не было — страшно упомянуть с каких пор. И откуда мы знаем, может быть, они вот прямо сейчас посередь парка читают вслух для

миссис Мерфи, мисс Клэнси или там миссис О'Хэнлан... А что именно они читают вслух, спрошу я вас?

— «Балладу Рэдингской тюрьмы»? — спросил Финн.

— Точно в цель, и судно тонет! — вскричал Нолан, слегка сердясь, что самую соль-то у него выхватили из-под рук. — Откуда нам знать, может, эти чертики из бутылочки только тем и занимаются, что сбывают недвижимость в местечко под названием Файр-Айленд? Вы слышали о нем, патер?

— Американские газеты часто попадают на мой стол, дружище.

— Ага. Помните тот жуткий ураган в девятьсот пятьдесят шестом, когда волны захлестнули этот самый Файр — там, возле Нью-Йорка? Мой дядя, да сохранит Господь очи его и рассудок, был там в рядах морской пограничной службы, что эвакуировала всех жителей Файра до последнего. По его словам, это было почище, чем полугодовая демонстрация моделей у Феннелли. И пострашнее, чем съезд баптистов. Десять тысяч человек как рванут в шторм к берегу, а в руках у них и рулоны портьер, и клетки, битком набитые попугайчиками, и спортивные на них жакеты цвета помидоров с мандаринами, и лимонно-желтые туфли. Это был самый большой хаос с тех времен, как Иероним Босх отложил свою палитру, запечатлев Ад в назидание всем грядущим поколениям. Не так-то просто эвакуировать десять тысяч разряженных клоунов, расписанных, как венецианское стекло, которые хлопают своими огромными коровьими глазами, тащат граммофонные симфонические пластинки, звенят серьгами в ушах, — и не надорвать при этом живот. Дядюшка мой вскоре после того ударился в смертельный запой.

— Расскажи-ка еще что-нибудь о той ночи, — сказал замороженный Килпатрик.

— Еще что-нибудь! Черта с два! — вскричал священник. — Вперед, я говорю! Окружить парк и держать ухо востро! Встретимся здесь через час.

— Вот это больше похоже на дело! — заорал Келли. — Давайте действительно разузнаем, что за чертовщину они готовят.

Дверь с треском распахнулась.

На тротуаре священник давал указания.

— Келли, Мерфи, вам обойти парк с севера. Тимулти, зайдешь с юга. Нолан и Гэррити — на восток; Моран, Ма-Гвайр и Килпатрик — на запад. Пшли!

Так или иначе, но в этой суматохе Келли и Мерфи застопорились на полпути к Стивенс-Грину, в пивной «Четыре трилистника», где они подкрепились перед погоней; а Нолан и Моран повстречали на улице жен и вынуждены были бежать в противоположном направлении; а Ма-Гвайр и Килпатрик, проходя мимо «Элит-синема» и услышав, что с экрана поет Лоренс Тиббетт, напросились на вход в обмен на пару недокуренных сигарет. И вышло в результате так, что за пришельцами из иного мира наблюдали только двое — Гэррити с восточной и Тимулти с южной стороны парка.

Простояв с полчаса на ледянящем ветру, Гэррити приковылял к Тимулти и заявил:

— Что стряслось с этими ублюдками? Они просто *стоят* и *стоят* там посреди парка. За полдня не сдвинулись ни с места. А у меня пальцы на ногах вымерзли напрочь. Я слетаю в отель, отогреюсь и тут же примчусь, Тим, назад — стоять с тобой на страже.

— Можешь не спешить, — произнес Тимулти очень странным, грустным, далеким, философическим голосом, когда тот пустился наутек.

Оставшись в одиночестве, Тимулти вошел в парк и целый час сидел там, созерцая шестерку, которая по-прежнему не двигалась с места. Любой, кто увидел бы в этот момент Тимулти — глаза блуждают, рот искажен трагической гримасой, — вполне принял бы его за какого-нибудь ирландского собрата Канта или Шопенгауэра или подумал бы, что он недавно прочитал нечто поэтическое или впал в уныние от пришедшей на ум песни. А когда наконец час истек и Тимулти собрал разбежавшиеся мысли — словно холодную гальку в пригоршню, — он повернулся и направился прочь из парка. Гэррити уже был там. Он притопывал ногами, размахивал руками и готов был лопнуть от переполнявших

его вопросов, но Тимулти показал пальцем на парк и сказал:

— Иди посиди. Посмотри. Подумай. И тогда *сам* мне все расскажешь.

Когда Тимулти вошел к Финну, вид у всех был трусоватый. Священник все еще бегал с поручениями по городу, а остальные, походив для успокоения совести вокруг да около Стивенс-Грина, вернулись в замешательстве в штаб-квартиру разведки.

— Тимулти! — закричали они. — Рассказывай же! Что? Как?

Чтобы протянуть время, Тимулти прошел к бару и занялся пивом. Не произнося ни слова, он разглядывал свое отражение, глубоко-глубоко захороненное под лунным льдом зеркала за стойкой. Он поворачивал тему разговора так. Он выворачивал ее наизнанку. И снова на лицевую, но задом наперед. Наконец он закрыл глаза и сказал:

— Сдается мне, будто бы...

«Да, да», — сказали про себя все вокруг.

— Всю жизнь я путешествовал и размышлял, — продолжал Тимулти, — и вот через высшее постижение явилась ко мне мысль, что между ихним братом и нашим есть какое-то странное сходство.

Все выдохнули с такой силой, что вокруг заискрилось, в призмах небольших люстр над стойкой туда-сюда забегали зайчики света. А когда после выдоха перестали роиться эти косячки световых рыбок, Нолан вскричал:

— А не хочешь ли надеть шляпу, чтобы я мог сшибить ее первым же ударом?

— Сообразите-ка, — спокойно сказал Тимулти. — Мастера мы на стихи и песни или нет?

Еще один вздох пронесся над сборищем. Это был теплый ветерок одобрения.

— Конечно, еще бы!

— О Боже, так ты об *этом*?

— А мы уж боялись...

— Тихо! — Тимулти поднял руку, все еще не открывая глаз.

Все смолкли.

— Если мы не распеваем песни, то лишь потому, что сочиняем их. А если и не сочиняем, то пляшем под них. Но разве *они* не такие же любители песен, не так складывают их или не так танцуют? Словом, только что я слышал их близко, в Стивенс-Грине, — они читали стихи и тихонько пели, сами для себя.

В чем-то Тимулти был прав. Каждый хлопнул соседа по плечу и вынужден был согласиться.

— Нашел ты какие-нибудь *другие* сходства? — мрачно насупившись, спросил Финн.

— О да, — сказал Тимулти, подражая судье.

Пронесся еще один замороженный вздох, и сборище придвинулось ближе.

— Порой они не прочь выпить, — сказал Тимулти.

— Господи, он прав! — вскричал Мерфи.

— Далее, — продолжал нараспев Тимулти, — они не женятся до самой последней минуты, если женятся вообще! И...

Но здесь поднялась такая суматоха, что, прежде чем закончить, ему пришлось подождать, пока она стихнет.

— И они — э-э... — имеют очень мало дела с женщинами.

После этого разразился великий шум, начались крики и толкотня, и все принялись заказывать пиво, и кто-то позвал Тимулти наружу поговорить по душам. Но Тимулти даже веком не дрогнул, и скандал улегся, а когда все сделали по доброму глотку, проглотив вместе с пивом едва не начавшуюся драку, ясный громкий голос — голос Финна — возвестил:

— Теперь не сочтешь ли ты нужным дать объяснение тому преступному сравнению, каким ты только что оскорбил чистый воздух моего достойного кабачка?

Тимулти не торопясь приложился к кружке, и открыл наконец-то глаза, и спокойно взглянул на Финна, и звучно произнес — трубным гласом, дивно чеканя слова:

— Где во всей Ирландии мужчина может лечь с женщиной?

Он постарался, чтобы сказанное дошло до всех.

— Триста двадцать девять дней в году у нас как проклятый идет дождь. Все остальное время вокруг такая сырость, что не найдешь ни кусочка, ни лоскутка сухой земли, где осмелишься уложить женщину, не опасаясь, что она тут же пустит корни и покроется листьями. Кто скажет что-нибудь против?

Молчание подтвердило, что никто не скажет.

— Так вот, когда дело касается мест, где можно предаться греховным порокам и плотскому неистовству, бедный, до чертиков глупый ирландец должен отправиться не куда-нибудь, а только в Аравию! Мы спим и видим во сне «Тысячу и одну ночь», теплые вечера, сухую землю, мечтаем о приличном местечке, где можно было бы не только присесть, но и прилечь, и не только прилечь, но и прижаться, пожаться, сжаться в неистовом восторге.

— Иисусе! — сказал Финн. — Ну-ка, ну-ка, повтори.

— Иисусе! — сказали все, качая головами.

— Это номер раз, — Тимулти загнул палец на руке. — Место отсутствует. Затем — номер два — время и обстоятельства. К примеру, заговоришь сладким голосом зубы честной девушке, уведешь ее в поле — и что? На ней калоши, и макинтош, и платок поверх головы, и надо всем этим еще зонтик, и ты издаешь звуки, как поросенок, застрявший в воротах свинарника, что означает, что одна рука уже у нее на груди, а другая сражается с калошами, и это все, черт побери, что ты успеешь сделать, потому что кто это такой уже стоит у тебя за спиной и чье это душистое мягкое дыхание обдаёт твою шею?

— Деревенского пастора? — попробовал угадать Гэрити.

— Деревенского пастора! — сказали все в отчаянии.

— Вот гвозди номер два и три, забитые в крест, на котором распяты все мужчины Ирландии, — сказал Тимулти.

— Дальше, Тимулти, дальше.

— Эти парни, что приехали к нам в гости из Сицилии, бродят компанией. Мы бродим компанией. Вот и

сейчас вся наша братия собралась здесь, у Финна. Разве не так?

— Будь проклят, если не так!

— Иногда у *них* грустный и меланхолический вид, но все остальное время они беззаботны как черти и плюют решительно на все — вверх ли, вниз ли, но никогда не прямо перед собой. Кого вам *это* напоминает?

Все заглянули в зеркало и кивнули.

— Если бы у нас был выбор, — продолжал Тимулти, — пойти домой — кислым и потным от страха — к злющей жене и жуткой теще и засидевшейся в девках сестренке или же остаться здесь, у Финна, спеть еще по песне, выпить еще пива и рассказать еще по анекдоту, *что* бы все мы предпочли, парни?

Тишина.

— Подумайте об этом, — сказал Тимулти. — И отвечайте правдиво. Сходства. Подобия. Длинный список получается — с руки на руку и через плечо. Стоит хорошенько обмозговать все, прежде чем мы начнем прыгать повсюду и кричать «Иисусе!» и «Святая Мария!» и призывать на помощь стражу.

Тишина.

— Я хотел бы... — спустя много-много времени сказал кто-то странным, изменившимся голосом, — ...разглядеть их поближе.

— Думаю, твое желание исполнится. Тс-с!

Все замерли в живой картине.

Откуда-то издалека донесся слабый, еле уловимый звук. Как тем дивным утром, когда просыпаешься и лежишь в постели и особым чувством угадываешь, что снаружи падает первый снег, лаская на своем пути вниз небеса, и тогда тишина отодвигается в сторону, отступает, уходит.

— О Боже! — сказал наконец Финн. — Первый день весны...

Да, и это тоже. Сначала тончайший снегопад шагов, ложащийся на булыжник, а затем птичий гомон.

И на тротуаре, и ниже по улице, и возле кабачка слышались звуки, которые были и зимой, и весной одновременно. Дверь широко распахнулась. Мужчины

качнулись, словно им уже нанесли удар в предстоящей стычке. Они уняли нервы. Они сжали кулаки. Они стиснули зубы, а в кабачке — словно дети явились на рождественский праздник, где куда ни глянь — безделицы, игрушки, краски, подарки на особицу, — уже стоял высокий тонкий человек постарше, который выглядел совсем молодым, и маленькие тонкие человечки помоложе, но в глазах у них — что-то стариковское. Снегопад стих. Птичий весенний гам смолк.

Стайка чудных детей, подгоняемых чудным пастьрем, неожиданно ощутила, будто волна людей схлынула и они оказались на мели, хотя никто из мужчин у бара не сдвинулся на волосок. Дети теплого острова разглядывали невысоких, ростом с мальчишек, взрослых мужчин этой холодной земли, и взрослые мужчины отвечали им такими же взглядами строгих судей.

Тимулти и мужчины у бара медленно, с затяжкой втянули в себя воздух. Даже на расстоянии чувствовался ужасающе чистый запах детей. Слишком много весны было в нем.

Снелл-Орки и его юные-старые мальчишки-мужики задышали быстро-быстро — так бьется сердце птички, попавшей в жестокую западню сжатых кулаков. Даже на расстоянии чувствовался пыльный, спертый, застоявшийся запах темной одежды низеньких взрослых. Слишком много зимы было в нем.

Каждый мог бы выразиться по поводу выбора ароматов противной стороны, но...

В этот самый момент двойные двери бокового входа с шумом распахнулись и в кабачок, трубя тревогу, ворвался Гэррити во всей красе:

— Господи! Я все видел! Знаете ли вы, где они *сейчас*? И что они *делают*?

Все до единой руки в баре предостерегающе взметнулись. По испуганным взглядам пришельцы поняли, что крик из-за них.

— Они все еще в Стивенс-Грине! — на бегу Гэррити ничего не зрил перед собой. — Я задержался у отеля, чтобы сообщить новости. Теперь ваш черед. Те парни...

— Те парни, — сказал Дэвид Снелл-Оркни, — находятся здесь, в... — он заколебался.

— В кабачке Хиберы Финна, — сказал Хибер Финн, разглядывая свои башмаки.

— Хиберы Финна, — сказал высокий, благодарно кивнув.

— Где мы немедленно все и выпьем, — сказал, поникнув, Гэррити.

Он метнулся к бару.

Но шестеро пришельцев тоже пришли в движение. Они образовали маленькую процессию по обе стороны Гэррити, и из одного только дружелюбия тот ссутулился, став дюйма на три ниже.

— Добрый день, — сказал Снелл-Оркни.

— Добрый, да не очень, — осторожно сказал Финн, выжидая.

— Сдается мне, — сказал высокий, окруженный маленькими мальчиками-мужами, — идет много разговоров о том, чем мы занимаемся в Ирландии.

— Это было бы самым скромным толкованием событий, — сказал Финн.

— Позвольте мне объяснить, — сказал Дэвид Снелл-Оркни. — Слышали ли вы когда-нибудь о Снежной Королеве и Солнечном Короле?

Разом отвисли несколько челюстей.

Кто-то задохнулся, словно от пинка в живот.

Финн, поразмыслив с секунду, с какой стороны на него может обрушиться удар, с угрюмой аккуратностью медленно налил себе спиртного. Он с храпом опрокинул кружку и, ощутив во рту пламень, осторожно переспросил, выпуская горячее дыхание поверх языка:

— Э-э... Что это там за Королева и Король еще?

— Значит, так, — сказал высокий бледный человек. — Жила-была эта Королева, и жила она в Стране Льда, где люди никогда не видели лета, а тот самый Король жил на Островах Солнца, где никогда не видели зимы. Подданные Короля чуть ли не умирали от жары летом, а подданные Королевы чуть ли не умирали от стужи зимой. Однако народы обеих стран были спасены от ужасов своей погоды. Снежная Королева и Солнечный

Король повстречались и полюбили друг друга, и каждое лето, когда солнце убивало людей на островах, они перебирались на север, в ледяные края, и жили в умеренном климате. А каждую зиму, когда снег убивал людей на севере, весь народ Снежной Королевы двигался на юг и жил на островах, под мягким солнцем. Итак, не стало больше двух наций и двух народов, а была единая раса, которая сменяла один край на другой — края странной погоды и буйных времен года. Конец.

Последовал взрыв аплодисментов, но исходил он не от юношей-канареек, а от мужчин, выстроившихся вдоль позабытого бара. Финн увидел, что его ладони сами хлопают друг о друга, и убрал их вниз. Остальные глянули на свои руки и опустили их.

А Тимулти заключил:

— Боже, вам бы настоящий ирландский акцент! Какой рассказчик сказок из вас получился бы!

— Премного благодарен, премного благодарен! — сказал Дэвид Снелл-Оркни.

— Раз премного, то пора добраться до сути сказки, — сказал Финн. — Я хочу сказать, ну, об этой Королеве с Королем и всем таком.

— Суть в том, — сказал Снелл-Оркни, — что последние пять лет мы не видели, как падают листья. Если мы углядим облако, то вряд ли распознаем, что это такое. Десять лет мы не ведали снега, ни даже капли дождя. В нашей сказке все наоборот. Либо дождь, либо мы погибнем, верно, братцы?

— О да, верно, — мелодично прошебетала вся пятерка.

— Шесть или семь лет мы гонялись за теплом по всему свету. Мы жили и на Ямайке, и в Нассау, и в Порт-о-Пренсе, и в Калькутте, и на Мадагаскаре, и на Бали, и в Таормине, но наконец сегодня мы сказали себе: мы должны ехать на север, нам снова нужен холод. Мы не совсем точно знали, что ищем, но мы нашли это в Стивенс-Грине.

— Нечто *таинственное*? — воскликнул Нолан. — То есть...

— Ваш друг вам расскажет, — сказал высокий.

— *Наш друг? Вы имеете в виду... Гэррити?*

Все посмотрели на Гэррити.

— Что я и хотел сказать, — произнес Гэррити, — когда вошел сюда. Там, в парке, эти стояли и... *смотрели, как желтеют листья.*

— И это все? — спросил в смятении Нолан.

— В настоящий момент этого вполне достаточно, — сказал Снелл-Оркни.

— Неужто в Стивенс-Грине листья действительно *желтеют?* — спросил Килпатрик.

— Вы знаете, — оцепенело сказал Тимулти, — последний раз я *наблюдал* это лет двадцать назад.

— Самое прекрасное зрелище на свете, — сказал Дэвид Снелл-Оркни, — открывается именно сейчас, посреди парка Стивенс-Грин.

— Он говорит дело, — пробормотал Нолан.

— Выпивка за мной, — сказал Дэвид Снелл-Оркни.

— В самую точку! — сказал Ма-Гвайр.

— Всем шампанского!

— Плачу я! — сказал каждый.

И не прошло десяти минут, как все были уже в парке, все вместе.

Ну так что же, как говаривал Тимулти много лет спустя, видели вы когда-нибудь еще столько же распроклятых листьев в одной кроне, сколько их было на первом попавшемся дереве сразу за воротами Стивенс-Грина? «Нет!» — кричали все. А что тогда сказать о втором дереве? На нем был просто миллиард листьев. И чем больше они смотрели, тем больше постигали, что то было чудо. И Нолан, бродя по парку, так вытягивал шею, что, споткнувшись, пал на спину, и двум или трем приятелям пришлось его поднимать; и были всеобщие благоговейные вздохи, и возгласы о божественном вдохновении, ибо, если уж на то пошло, насколько они помнят, на этих деревьях никогда *не было* ни одного распроклятого листочка, а вот теперь они появились! Или, если они там и были, у них *никогда* не замечалось никакой окраски, или даже, если окраска и *наличествовала*, хм, это было так давно...

«Ах, какого дьявола, — сказали все, — заткнитесь и смотрите!»

Именно этим и занимались всю оставшуюся часть вечерающего дня и Нолан, и Тимулти, и Келли, и Килпатрик, и Гэррити, и Снелл-Оркни и его друзья. Суть в том, что страной завладела осень, и по всему парку были выкинуты миллионы ярких флагов.

Именно там и нашел их отец Лири.

Но прежде чем он смог что-либо сказать, три из шести летних пришельцев спросили его, не исповедует ли он их.

А уже в следующий момент патер с выражением великой боли и тревоги на лице вел Снелла-Оркни и К^о взглянуть на витражи в церкви и на то, как строительный мастер вывел апсиду, и церковь им так понравилась, и они так громко говорили об этом снова и снова, и выкрикивали «Дева Мария!», и еще несли какой-то вздор, что патер вмиг унесся, спасаясь бегством.

Но день достиг апофеоза, когда, уже в кабачке, один из юных-старых мальчиков-мужей спросил, как быть: спеть ли ему «Матушку Макри» или «Дружка-приятеля»?

Последовала дискуссия, а после того как подсчитали голоса и объявили результаты, он спел и *то* и *другое*.

«У него дивный голос, — сказали все, и глаза их заблестели, наполнившись влагой. — Нежный, чистый, высокий голос».

И как выразился Нолан:

— Сынишка из него не ахти какой получился бы. Но где-то там прячется чудная дочка.

И все проголосовали «за».

И вдруг настало время прощаться.

— Великий Боже! — сказал Финн. — Вы же только что приехали!

— Мы нашли то, что искали, нам больше незачем оставаться, — объявил высокий-грустный-веселый-старый-молодой человек. — Цветам пора в оранжерею... а

то за ночь они поникнут. Мы никогда не задерживаемся. Мы всегда летим, и несемся вскачь, и бежим. Мы всегда в движении.

Аэропорт затянуло туманом, и птичкам ничего другого не оставалось, как заключить себя в клетку судна, идущего из Дан-Лэре в Англию, а завсегдатаям Финна не оставалось ничего другого, как стоять в сумерках на пирсе и наблюдать за их отправлением. Вот там, на верхней палубе, стояли все шестеро и махали вниз своими тоненькими ручками, а вот там стояли Тимулти, и Нолан, и Гэррити, и все остальные и махали вверх своими толстыми ручищами. А когда судно дало свисток и отчалило, Главный Смотритель Птичек кивнул, взмахнул, словно крылом, правой рукой, и все запели:

Я шел по славному городу Дублину,
Двенадцать часов пробило в ночи,
И видел я девушку, милую девушку,
Власы распустившую в свете свечи.

— Боже, — сказал Тимулти, — вы *слышите*?

— Сопрано, все до одного сопрано! — вскричал Но-
лан.

— Не ирландские сопрано, а настоящие, *настоящие* сопрано, — сказал Келли. — Проклятье, почему они не сказали раньше? Если бы мы знали, мы бы слушали *это* еще целый час до отплытия.

Тимулти кивнул. И шепнул, слушая, как мелодия плывет над водами:

— Удивительно. Удивительно. Страшно не хочется, чтобы они уезжали. Подумайте. Подумайте. Сто лет или даже больше люди говорили, что их не осталось ни одного. И вот они вернулись, пусть даже на короткое время!

— *Кого* ни одного? — спросил Гэррити. — И *кто* вернулся?

— Как кто, — сказал Тимулти, — эльфы, конечно. Эльфы, которые раньше жили в Ирландии, а теперь больше не живут, и которые явились сегодня и сменили

нам погоду. И вот они снова уходят — те, что раньше жили здесь всегда.

— Да заткнись же ты! — закричал Килпатрик. — Слушай!

И они слушали — девять мужчин на самой кромке пирса, — а судно удалялось, и пели голоса, и опустился туман, и они долго-долго не двигались, пока судно не ушло совсем далеко и голоса не растаяли, как аромат папайи, в сумеречной дымке.

Когда они возвращались к Финну, пошел дождь.

ОТПРЫСК МАКГИЛЛАХИ

В 1953 году я провел полгода в Дублине, писал пьесу. С тех пор мне больше не доводилось бывать там.

И вот теперь, пятнадцать лет спустя, я снова прибыл туда на парохоме, поезде и такси. Машина подвезла нас к отелю «Ройял Иберниен», мы вышли, и, когда поднимались по ступенькам, какая-то нищенка ткнула нам под нос своего замызганного младенца и закричала:

— Милосердия, Христа ради, милосердия! Проявите сострадание! Неужто у вас ничего не найдется?

Что-то у меня было, я порылся в карманах и выудил мелочь. И только хотел ей подать, как у меня вырвался крик или возглас. Я выронил монеты.

Младенец смотрел на меня, я смотрел на младенца.

Тут же он исчез из моего поля зрения. Женщина наклонилась, чтобы поднять деньги, потом испуганно взглянула на меня.

— Что с тобой? — Жена завела меня в холл. Я стоял перед столиком администратора точно оглушенный и не мог вспомнить собственной фамилии. — В чем дело? Что тебя так поразило?

— Ты видела ребенка? — спросил я.

— У нищенки на руках?..

— Тот самый.

— Что тот самый?

— Ребенок тот же самый. — Губы не слушались меня. — Тот самый ребенок, которого она совала нам под нос пятнадцать лет назад.

— Послушай...

— Нет, ты послушай меня.

Я вернулся к двери, отворил ее и выглянул наружу.

Но улица была пуста. Нищенка исчезла — ушла к какой-нибудь другой гостинице, ловить приезжающих, отъезжающих.

Я закрыл дверь и подошел к стойке.

— Да, так в чем дело? — спросил я.

Потом вдруг вспомнил свою фамилию и расписался в книге.

Но младенец не выходил у меня из головы.

Вернее, воспоминание о нем.

Воспоминание о других годах, других дождливых и туманных днях, воспоминание о матери и ее малютке, об этом чумазом личике, о том, как женщина кричала, словно заскрежетали тормоза, на которые нажали, чтобы удержать ее на краю гибели.

Поздно ночью на ветреном берегу Ирландии, спускаясь по скалам туда, где волны вечно приходят и уходят, где море всегда бурлит, я слышал ее причитания.

И ребенок был тут же.

Жена ловила меня на том, что после ужина я сижу задумавшись над своим чаем или кофе. И она спрашивала:

— Что, опять?

— Да.

— Глупости.

— Конечно, глупости.

— Ты же всегда смеешься над метафизикой, астрологией и прочей хиромантией...

— Тут совсем другое дело, тут генетика.

— Ты весь отпуск себе испортишь. — Она подавала мне кусок торта и подливала еще кофе. — Впервые за

много лет мы путешествуем без кучи пьес и романов в багаже. И вот на тебе: сегодня утром в Голуэе ты все время оглядывался через плечо, точно она трусила следом за нами со своим слюнявым чадом.

— Нет, в самом деле?

— Как будто ты не знаешь! Генетика, говоришь? Прекрасно. Это впрямь та женщина, которая просила подаяние у отеля пятнадцать лет назад, она самая, да только у нее дома дюжина детей мал мала меньше, и все друг на друга похожи, словно горошины. Есть такие семьи, плодятся без остановки. Гурьба мальчишек, все в отца, или сплошная цепочка однойцевых близнецов, вылитая мать. Спору нет, этот младенец похож на виденного нами много лет назад, но ведь и ты похож на своего брата, верно? А между вами разница двенадцать лет.

— Говори, говори, — просил я. — Мне уже легче.

Но это была неправда.

Я выходил из отеля и прочесывал улицы Дублина.

Я искал, хотя сам себе не признался бы в этом.

От Тринити-колледжа вверх по О'Коннел-стрит, потом в сторону парка Стивенс-Грин я делал вид, будто меня живо интересует прекрасная архитектура, но втайне все высматривал ее с ее жуткой ношей...

Кто только не хватал меня за полу — банджоисты, чечеточники и псалмопевцы, журчащие тенора и бархатные баритоны, вспоминающие утраченную любовь или водружающие каменную плиту на могиле матери, — но добыча никак не шла мне в руки.

В конце концов я обратился к швейцару отеля «Ройял Иберниен».

— Майк, — сказал я.

— Слушаю, сэр.

— Эта женщина, которая обычно торчит здесь у подъезда...

— С ребенком на руках?

— Ты ее знаешь?

— Еще бы мне ее не знать! Да мне тридцати не было, когда она начала отравлять мне жизнь, а теперь вот, глядите, седой уже!

— Неужели она столько лет просит подавание?

— Столько, и еще столько, и еще полстолько!

— А как ее звать?

— Молли, надо думать. Макгиллахи по фамилии, кажется. Точно, Макгиллахи. Простите, сэр, а вам для чего?

— Ты когда-нибудь смотрел на ее ребенка, Майк?

Он поморщился, как от дурного запаха:

— Уже много лет не смотрю. Эти нищенки, сэр, они до того своих детей запускают, чистая чума. Не подотрут, не умоют, новой латки не положат. Ведь если ребенок будет ухоженный, много ли тебе подадут. У них своя погудка: чем больше вони, тем лучше.

— Возможно. И все же, Майк, неужели ты ни разу не присматривался к младенцу?

— Эстетика моя страсть, сэр, поэтому я частенько отвожу глаза в сторону. Простите мне, сэр, мою слепоту, ничем не могу помочь.

— Охотно прощаю, Майк. — Я дал ему два шиллинга. — Кстати, когда ты их видел в последний раз?

— В самом деле, когда? А ведь знаете, сэр... — Он посчитал по пальцам и посмотрел на меня. — Десять дней, они уже десять дней здесь не показываются! Неслыханное дело. Десять дней!

— Десять дней, — повторил я и посчитал про себя. — Выходит, их не было с тех пор, как я здесь появился.

— Уж не хотите ли вы сказать, сэр?..

— Хочу, Майк, хочу.

Я спустился по ступенькам, спрашивая себя, что именно я хотел сказать.

Она явно избегала встречи со мной.

Я начисто исключал мысль о том, что она или ее младенец могли захворать.

Наша встреча перед отелем и сноп искр, когда взгляд малыutki скрестился с моим взглядом, напугали ее, и

она бежала, словно лисица. Бежала невесть куда, в другой район, в другой город.

Я чувствовал, что она избегает меня. И пусть она лисица, зато я с каждым днем становился все более искусной охотничьей собакой.

Я выходил на прогулку раньше обычного, позже обычного, забирался в самые неожиданные места. Соскочу с автобуса в Болсбридже и брожу там в тумане. Или доеду на такси до Килкока и рыскаю по пивным. Я даже преклонял колена в церкви пастора Свифта и слушал раскаты его гуигнгнмopodobного голоса, тотчас настораживаясь при звуке детского плача.

Сумасшедшая идея, безрассудное преследование... Но я не мог остановиться, продолжал расчесывать зудящую болячку.

И вот поразительная, немыслимая случайность. Поздно вечером, в проливной дождь, когда все водостоки бурлят и поля вашей шляпы обвиты сплошной завесой, миллион капель в секунду, когда не идешь — плывешь...

Я только что вышел из кинотеатра, где смотрел какую-то старую картину. Жуя шоколадку «Кэдбэри», я завернул за угол...

И тут эта женщина ткнула мне под нос своего отпрыска и затинула привычное:

— Если у вас есть хоть капля жалости...

Она осеклась, повернулась кругом и побежала потому, что в одну секунду все поняла. И ребенок у нее на руках, малютка с возбужденным личиком и яркими, блестящими глазами, тоже все понял. Казалось, оба испуганно вскрикнули.

Боже мой, как эта женщина бежала.

Представляете себе, она уже целый квартал отмерила, прежде чем я опомнился и закричал:

— Держи вора!

Я не мог придумать ничего лучшего. Ребенок был тайной, которая не давала мне житья, а женщина бежала, унося тайну с собой. Чем не вор!

И я помчался вдогонку за ней, крича:

— Стой! Помогите! Эй, вы!

Нас разделяло метров сто, мы бежали так целый километр, через мосты на Лиффи, вверх по Графтен-стрит, и вот уже Стивенс-Грин. И ни души...

Испарилась.

«Если только, — лихорадочно соображал я, рыская глазами во все стороны, — если только она не юркнула в пивную “Четыре Провинции...”»

Я вошел в пивную.

Так и есть.

Я тихо прикрыл за собой дверь.

Вон она, около стойки. Сама опрокинула кружку портера и дала малютке стопочку джина. Хорошая приправа к грудному молоку...

Я подождал, пока унялось сердце, подошел к стойке и заказал:

— Рюмку «Джон Джеемисон», пожалуйста.

Услышав мой голос, ребенок вздрогнул, поперхнулся с джином и закашлялся.

Женщина повернула его и постучала по спине. Багровое личико обратилось ко мне, я смотрел на зажатые глаза и широко разинутый ротик. Наконец судорожный кашель прошел, щеки его посветлели, и тогда я сказал:

— Послушай, малец.

Наступила мертвая тишина. Вся пивная ждала.

— Ты забыл побриться, — сказал я.

Младенец забился на руках у матери, издавая странный жалобный писк.

Я успокоил его:

— Не бойся. Я не полицейский.

Женщина расслабилась, как будто кости ее вдруг обратились в кисель.

— Спусти меня на пол, — сказал младенец.

Она послушалась.

— Дай сюда джин.

Она подала ему рюмку.

— Пошли в бар, потолкуем без помех.

Малютка важно выступал впереди, придерживая пеленки одной рукой, сжимая в другой рюмку с джином.

Бар и впрямь был пуст. Младенец самостоятельно вскарабкался на стул и выпил джин.

— Еще бы рюмашечку, — пропищал он.

Мать пошла заджином, тем временем я тоже сел к столу. Малютка смотрел на меня, я на малютку.

— Ну, — заговорил он наконец, — что у тебя на душе?

— Не знаю, — ответил я. — Еще не разобрался. То ли плакать хочется, то ли смеяться...

— Лучше смейся. Слез не выношу.

Он доверчиво протянул мне руку. Я пожал ее.

— Макгиллахи, — представился он. — Только меня все зовут отпрыск Макгиллахи. А то и попросту — Отпрыск.

— Отпрыск, — повторил я. — А моя фамилия Смит.

Он крепко сжал мне руку своими пальчиками.

— Смит? Неважнецкая фамилия. И все-таки Смит в десять тысяч раз выше, чем Отпрыск, верно? Вот и скажи, каково мне здесь, внизу? И каково тебе там, наверху, длинный, стройный такой, чистым, высоким воздухом дышишь? Ладно, держи свою стопку, в ней то же, что в моей. Глотай и слушай, что я расскажу.

Женщина принесла нам обоим по стопке гвоздодера. Я сделал глоток и посмотрел на нее:

— Вы — мать?..

— Она мне сестра, — сказал малютка. — Мама давно-давно пожинает плоды своих деяний, полпенни в день ближайшие тысячи лет, а там и вовсе ни гроша, и миллион холодных весен.

— Сестра?

Видно, недоверие сквозило в моем голосе, потому что она отвернулась и спрятала лицо за кружкой с пивом.

— Что, никогда бы не подумал? На вид-то она в десять раз старше меня. Но кого зимы не состарят, того нищета доконает. Зимы да нищета — вот и весь секрет. От такой погоды фарфор лопается. Да, была она когда-то самым тонким фарфором, какой лето обжигало в своих солнечных печах.

Он ласково подтолкнул ее локтем.

— Но что поделаешь, мать, если ты уже тридцать лет...

— Как тридцать лет...

— У подъезда «Ройял Иберниен»? Да что там, считай больше! А до нас — маманя. И папаня. И его папаня, весь наш род! Только я на свет родился, не успели меня в пеленки завернуть, как я уже на улице, и маманя кричит: «Милосердие!», а весь мир глух, и нем, и слеп, ничего не слышит, ни шиша не видит. Тридцать лет с сестренкой да десяток лет с мамашей, сегодня и ежедневно — отпрыск Макгиллахи!

— Сорок лет? — воскликнул я и нырнул за смыслом на дно стопки. — Тебе сорок лет? И все эти годы... Как же это тебя?..

— Как меня угораздило? Так ведь должность моя такая, ее не выбирают, она, как говорится, прирожденная. Девять часов в день, и никаких выходных, не надо отмечаться, не надо в ведомости расписываться, загребай, что богатый обронит.

— И все-таки я не понимаю, — сказал я, намекая жестами на его рост, и склад, и цвет лица.

— Так ведь я и сам не понимаю и никогда не пойму, — ответил малютка Макгиллахи. — Может, я себе и другим на горе родился карликом? Или железы виноваты, что не расту? А может, меня вовремя научили — дескать, останься маленьким, не прогадаешь?

— Но разве возможно...

— Возможно? Еще как! Так вот, мне это тыщу раз твердили, тыщу раз, как сейчас помню, папаня вернется с обхода, ткнет пальцем в кровать, на меня покажет и говорит: «Послушай, малявка, не вздумай расти, чтоб ни волос, ни мяса не прибавлялось! Там, за дверью, мир тебя ждет, жизнь поджидает! Ты слушаешь, мелюзга? Вот тебе Дублин, а вот повыше Ирландия, а вот тебе Англия. Так что не думай и не прикидывай, пустое это дело, не загадывай вырасти и добиться чего-то, а лучше послушай меня, мелюзга, мы осадим твой рост правдой-истиной, предсказаниями да гаданиями, будешь ты у нас джин пить да испанские сигареты ку-

ритель, и будешь ты как копченый ирландский окорок, розовенький такой, а главное — маленький, понял, чадод? Нежеланным ты на свет явился, но раз уж пожаловал — жмись к земле, носа не поднимай. Не ходи — ползи. Не говори — пищи. Руками не шевели — полеживай. А как станет тошно на мир глядеть, не терпи — марай пеленки! Держи, мелюзга, вот тебе твой вечерний шнапс. Глотай, не мешкай! Там, у Лиффи, нас ждут всадники апокалипсические. Хочешь на них подивиться? Дуй со мной!»

И мы отправлялись в вечерний обход. Папаня истязал банджо, а я сидел у его ног и держал мисочку для подаяния. Или он наяривал чечетку, держа под мышкой справа меня, слева инструмент и выжимая из нас обоих жалостные звуки.

Поздно ночью вернемся домой — и спать, четверо в одной постели, будто кривые морковки, ошметки застарелой голодухи.

А среди ночи на папаню вдруг найдет что-то, и он выскакивает на холод, и носится на воле, и грозит небу кулаками. Я как сейчас все помню, хорошо помню, своими ушами слышал, своими глазами видел, он ничуть не боялся, что Бог ему всыплет, чего там, пусть-де мне в лапы попадется, то-то перья полетят, всю бороду ему выдеру, и пусть звезды гаснут, и представлению конец, и творению крышка! Эй ты, Господи, болван стоеросовый, сколько еще твои тучи будут поливать на нас, или тебе начхать?

И небо рыдало в ответ, и мать голосила всю ночь напролет. А утром я снова — на улицу, уже на ее руках, и так от нее к нему, от него к ней, изо дня в день, и она сокрушалась о миллионе жизней, которые унесла голодуха пятьдесят первого, а он прощался с четырьмя миллионами, которые отбыли в Бостон...

А однажды ночью папаня и сам исчез. Должно быть, тоже сел на пароход доли искать, а нас из памяти выкинул. И не виню я его. Бедняга, голод довел его, он совсем голову потерял, все хотел нам дать что-то, а давать-то нечего.

А там и маманя, можно сказать, утонула в потоке собственных слез, растаяла, будто рафинадный святой, покинула нас, прежде чем развеялась утренняя мгла, и легла в сырую землю. И сестренка вскоре совсем взрослой стала, а я? Я остался маленьким.

У нас еще раньше было задумано, давно решено, что мы делать будем. Я ведь готовился к этому. Я знал, честное слово, знал, что у меня есть актерский дар!

Все порядочные нищие Дублина кричали об этом. Мне еще и десяти дней не было, а они уже кричали: «Ну и артист! Вот с кем надо подавание просить!»

Когда мне стукнуло двадцать и тридцать дней, маманя стояла под дождем у «Эбби-тиэтр», и артисты-режиссеры выходили и внимали моим гэльским причитаниям и все говорили, что мне надо контракт подписать, на актера учиться! Мол, вырасту, успех обеспечен. Да только я не рос, а у Шекспира нет детских ролей, разве что Пак... И прошло сорок дней, пятьдесят ночей с моего рождения, и меня уже всюду заметили, нищие покой потеряли — одолжи им мою плоть, мою кость, мою душу, мой голос на часок туда, на часок сюда. И когда маманя болела, так что встать не могла, она сдавала меня на время, одному — полдня, другому — полдня, и кто меня получал, без «спасибо» не возвращал. «Черт возьми, — кричали они, — да он так горланит, что даже из папской копилки деньги вытянет!»

А в одно воскресное утро, у главного собора, сам американский кардинал подошел послушать концерт, который я закатил, когда заметил его дорогое облачение да роскошные уборы. Подошел и удивился.

Ну, каково? Было что-то невероятное — в моем крике, моем писке — поди-ка переплунь!

— Куда мне, — ответил я.

— Или взять другой случай, через много лет, того чокнутого американского киношника, что за белыми китами гонялся. В первый же раз, как мы на него наскочили, он зыркнул глазом в меня... и подмигнул!

Потом достает фунтовую бумажку, да не сестренке подал, а мою руку чесоточную взял, сунул деньги в ладонь, пожал, опять подмигнул и был таков.

Потом я видел его в газете, колет белого кита гарпунищем, будто псих какой. И сколько раз мы после с ним встречались, всегда я чувствовал, что он меня раскусил, но все равно я ни разу не мигнул в ответ. Играл немую роль. За это я получал свои фунты, а он гордился, что я не сдаюсь, виду не показываю, что знаю, что он все знает.

Изю всех, кого я повидал, он один смотрел мне в глаза. Он, да еще ты! Все остальные больно стеснительные выросли, не глядя подают.

Да, так все эти актеры-режиссеры из «Эбби-ти-этр», и кардиналы, и нищие, которые долбили мне, чтобы я не менялся, все таким оставался, и пользовались моим талантом, моей гениальной игрой в роли младенца — видать, все это на меня повлияло, голову мне вскружило.

А с другой стороны — звон в ушах от голодных криков, и что ни день — толпа на улице, то кого-то на кладбище волокут, то безработные валом валят... Соображаешь? Коль тебя вечно дождь хлещет и ты всего насмотрелся — как тут не согнуться, не съежиться, сам скажи!

Моришь ребенка голодом — не жди, что мужчина вырастет. Или нынче волшебники новые средства знают?

Так вот, наслушаешься про всякие бедствия, как я наслушался, — разве будет охота резвиться на воле, где порок да коварство кругом? Где все — и природа чистая, и люди нечистые — против тебя?

Нет уж, дудки! Лучше оставаться во чреве, а коли меня оттуда выдворили и обратно ходу нет, стой под дождем и сжимайся в комок. Я претворил свое унижение в доблесть.

И что ты думаешь? Я выиграл.

«Верно, малютка, — подумал я, — ты выиграл, это точно».

— Что ж, вот, пожалуй, и все, и сказочке конец, — заключил малец, восседающий на стуле в безлюдном баре.

Он посмотрел на меня, впервые с начала своего повествования.

И женщина, которая была его сестрой, хотя казалась седовласой матерью, тоже наконец отважилась поднять глаза на меня.

— Постой, — спросил я, — а люди в Дублине знают об этом?

— Кое-кто. Кто знает, тот завидует. И ненавидит меня, поди, за то, что казни и испытания, какие Бог на нас насыляет, меня только краем задела.

— И полиция знает?

— А кто им скажет?

Наступила долгая тишина.

Дождь барабанил в окно.

Где-то стонала дверная петля, когда кто-то выходил и кто-то другой входил.

Тишина.

— Только не я, — сказал я.

По щекам сестры катились слезы.

Слезы катились по чумазому лицу диковинного ребенка.

Они не вытирали слез, не мешали им катиться. Когда слезы кончились, мы допили джин и посидели еще немного. Потом я сказал:

— «Ройял Иберниен» — лучший отель в городе, я в том смысле, что он лучший для нищих.

— Это верно, — подтвердили они.

— И вы только из-за меня избегали самого доходного места, боялись встретиться со мной?

— Да.

— Ночь только началась, — сказал я. — Около полуночи ожидается самолет с богачами из Шаннона.

Я встал.

— Если вы разрешите... Я охотно провожу вас туда, если вы не против.

И я пошел обратно вместе с этой женщиной и ее малюткой, пошел под дождем обратно к отелю «Ройял

Иберниен», и по пути мы говорили о толпе, которая прибывает с аэродрома, озабоченная тем, чтобы не остаться без стопочки и без номера в этот поздний час — лучший час сбора подаяния, этот час никак нельзя пропускать даже в самый холодный дождь.

Я нес младенца часть пути, чтобы женщина могла отдохнуть, а когда мы увидели отель, я вернул ей его и спросил:

— А что, неужели за все время это первый раз...

— Что нас раскусил турист? — сказал ребенок. — Это точно, впервые. У тебя глаза что у выдры.

— Я писатель.

— Ого! — воскликнул он. — Как я сразу не смекнул! Уж не задумал ли ты...

— Нет-нет, — заверил я. — Ни слова не напишу об этом, ни слова о тебе ближайшие пятнадцать лет по меньшей мере.

— Значит, молчок?

— Молчок.

До подъезда отеля осталось метров сто.

— Все, дальше и я молчок, — сказал младенец, лежа на руках у своей старой сестры и жестикулируя маленькими кулачками, свеженький как огурчик, омытый в джине, глазастый, вихрастый, обернутый в грязное тряпье. — Такое правило у нас с Молли, никаких разговоров на работе. Держи пять.

Я взял его пальцы, словно щупальца актинии.

— Ничего, — сказал ребенок, — еще годик, и у нас наберется на билеты до Нью-Йорка.

— Уж это точно, — подтвердила она.

— И не надо больше клянчить милостыню, и не надо быть замызганным младенцем, голосить под дождем по ночам, а стану работать как человек, и никого стыдиться не надо — понял, усек, уразумел?

— Уразумел. — Я пожал его руку.

— Ну, ступай.

— Иду. — Я быстро подошел к отелю, где уже тормозили такси с аэродрома, и вновь услышал:

— Если у вас есть хоть капля жалости! — кричала она. — Проявите сострадание!

И было слышно, как звенят монеты в миске, слышно, как хнычет промокший ребенок, слышно, как подходят еще и еще машины, как женщина кричит «со-страдание» и «спасибо», и «милосердие», и я вытирал собственные слезы, и мне казалось, что я сам ростом не больше полуметра, но я все же одолел высокие ступени, и добрел до своего номера, и забрался на кровать. Холодные капли всю ночь хлестали дребезжащее стекло, и, когда я проснулся на рассвете, улица была пуста, только дождь упорно топтал мостовую.

СОДЕРЖАНИЕ

Вспоминая об убийстве

Смерть осторожного человека, <i>перевод С. Анисимова</i>	7
Я весь горю!, <i>перевод С. Анисимова</i>	24
Погибнуть из-за скудоумия, <i>перевод А. Мельникова</i>	36
Похороны для четверых, <i>перевод А. Мельникова</i>	52
Долгая ночь, <i>перевод А. Мельникова</i>	71
Карнавал трупов, <i>перевод А. Мельникова</i>	95
Полчаса ада, <i>перевод А. Мельникова</i>	118
Долгий путь домой, <i>перевод О. Васант</i>	132
Помяните живых, <i>перевод В. Старожильца</i>	149
Я вам не олух царя небесного!, <i>перевод В. Старожильца</i>	161
Девушка в Сундуке, <i>перевод В. Серебрякова</i>	172
Сегодня очень холодно, Диана..., <i>перевод О. Васант</i>	193
Мертвец никогда не воскреснет, <i>перевод А. Думеш</i>	213
Сахарный череп, <i>перевод С. Трофимова</i>	233

Холодный ветер, теплый ветер

Первая ночь поста, <i>перевод Е. Доброхотовой</i>	259
Страшная авария в понедельник на той неделе, <i>перевод Е. Доброхотовой</i>	266
Нищий с моста О'Коннела, <i>перевод Е. Доброхотовой</i>	274
Гимнические спринтеры, <i>перевод С. Анисимова</i>	291
Ужасный большой пожар в усадьбе, <i>перевод В. Гольдича, О. Оганесовой</i>	306
Зловещий призрак новизны, <i>перевод Е. Доброхотовой</i>	325
Холодный ветер, теплый ветер, <i>перевод В. Бабенко</i>	341
Отпрыск Макгиллахи, <i>перевод Л. Жданова</i>	363

**ЕДИНСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ В РОССИИ**

*Всем.
кто любит
фантастику!*

Журнал «Если» был основан в 1991 году, а с 1993 года распространяется преимущественно по подписке.

Ценители жанра найдут в «Если» лучшие образцы новейшей зарубежной фантастики. Залог тому — наше сотрудничество с двумя ведущими американскими НФ-журналами — Asimov's и Analog, критико-библиографическим изданием Locus, а кроме того, тесные контакты с крупнейшими литературными агентствами и ведущими зарубежными писателями.

«Если» внимательно следит за развитием отечественной фантастики. Ряд произведений российских авторов, напечатанных в нашем журнале, получили престижные премии.

В разделах критики и библиографии читателей ждут очерки, посвященные истории жанра, статьи о новейших течениях НФ и фэнтези, рецензии на новые книги, литературные портреты, встречи с писателями, новости фэндома.

Журнал выходит в удобном формате, с использованием современного дизайна, европейской бумаги, зарубежной полиграфии. Большой популярностью у читателей пользуется красочный раздел «Видеодром» — все о фантастическом кино.

Переписка с читателями сделала «Если» заочным клубом любителей фантастики и местом встреч поклонников жанра.

**«ЕСЛИ» — ЭТО 300 СТРАНИЦ
НОВЕЙШЕЙ ФАНТАСТИКИ!**

Подписка на журнал проводится по объединенному каталогу «ПОДПИСКА-98» (I том, раздел «Журналы»).

ИНДЕКС ЖУРНАЛА — 73118

Каталожная цена подписки на журнал — 48 тысяч рублей на полугодие плюс стоимость почтовых услуг.

Каталог есть в каждом почтовом отделении России.

Миры Пирса Энтони

Издательство «Полярис» представляет один из лучших сериалов в истории мировой фантастики — «Воплощения бессмертия» Пирса Энтони. Все семь романов — «На коне блед: Смерть», «С песочными часами: Время», «С запутанным клубком: Судьба», «Мечом кровавым: Война», «Будучи зеленой матушкой: Природа», «Из любви ко злу: Тьма», «И вечность: Свет» — увидят свет в серии «Миры Пирса Энтони».

Имя Пирса Энтони, одного из самых популярных и плодотворных авторов НФ и «фэнтези», известно всем любителям фантастики в нашей стране. Из-под его пера вышли такие циклы, как «Ксанти» и «Голубой адепт», такие романы, как «Макроскоп» и «Сос-Вережка». Но до сих пор ни один его сериал не был издан на русском языке полностью, и лучшие его вещи до сих пор оставались в тени.

А между тем уже ранние книги Энтони открывали вдумчивого и смелого мыслителя, стремящегося открывать новые земли. На грани 60-х и 70-х Энтони ворвался в литературу несколькими интереснейшими романами: «Хтон», блистательный юмористический роман «Дантист с плюсом» и знаменитый «Макроскоп». А в 1977-м Энтони начинает серии «Скопление» и «Ксанти», которые вывели его в первые ряды американских фантастов.

Теперь писатель ищет новые идеи, новые сюжеты. Но его популярность остается неизменной. Уже пятнадцать лет флоридский затворник Пирс Энтони остается самым любимым фэнами писателем-фантастом.

«ПОЛЯРИС». ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ!

Миры Харлана Эллисона

ВПЕРВЫЕ в России!

**Величайший американский прозаик второй
половины XX века представляет свои избранные
произведения в 3 томах!**

**Двадцать пять высших литературных премий
в разных жанрах,
одиннадцать высших премий в фантастике,
престижнейшие награды мира —
таков облик Харлана Эллисона.**

**В трехтомник вошло около сотни лучших рассказов,
одобренных автором, а также
ОТКРЫТОЕ ОБРАЩЕНИЕ
автора
К РОССИЙСКИМ ЧИТАТЕЛЯМ!**

«ПОЛЯРИС». ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ!

«Зачем ты пришел сюда, землянин? Чего искал? Ваше племя никогда не будет истинными правителями Марса».

Миры Ли Брэкетт

Ее называли «королевой космической оперы».

Она была писательницей и женой писателя.

Ее имя гремело среди любителей фантастики.

Она создала «Звездные войны».

Ли Брэкетт создала свой фантастический мир — мир героических подвигов, жутких древних тайн, удивительных краев. Под ее пером оживали планеты Солнечной системы — умирающий Марс, первобытная Венера, безумный Меркурий и холодные камни внешних миров.

Том 1
Пришествие
землян

Том 2
Вуаль
Астеллара

«ПОЛЯРИС». ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ!

Миры Роберта Шекли

*Самый веселый,
Самый ироничный,
Самый непредсказуемый!
К читателям возвращается
блистательнейший Роберт Шекли!*

*Вновь ждут читателей его рассказы —
хорошо знакомые и мало известные,
смешные, ехидные и грустные —
но всегда великолепные!*

**ОБРАЩАТЬСЯ С
ОСТОРОЖНОСТЬЮ**

*В свет выходит
собрание
лучших работ
писателя —
две книги
великолепных
рассказов
величайшего
юмориста
мировой НФ.*

**ПРИКЛАДНАЯ
ДЕМОНОЛОГИЯ**

**ОБРАЩАТЬСЯ С ОСОБОЙ
ОСТОРОЖНОСТЬЮ!**

«ПОЛЯРИС». ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ!

Миры Уильяма Тенна

Пятнадцать лет его карьеры оставили великолепное наследство. Блистательные рассказы этого мастера юмористической фантастики вошли в золотой фонд жанра.

*Теперь в свет
вышло самое
полное собра-
ние его работ
на русском
языке — два
тома лучших
рассказов
Уильяма Тенна.*

Том 1

«Из всех возможных миров»

«Человеческий аспект»

«Деревянная звезда»

Том 2

«Корень квадратный из человека»

«Огненная вода»

«ПОЛЯРИС». ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ!

МИРЫ РЭЯ БРЭДБЕРИ

Собрание фантастических произведений в 7 томах

Том восьмой (дополнительный)

Составитель *Д. Смушкович*
Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Редакторы *В. Баканов, М. Проворова*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Ж. Голубева, Н. Дундина, А. Хишфелде*
Операторы компьютерной верстки
Н. Амосова, В. Карцев, В. Рихтер
Оформление шмуцтитолов: *В. Ковалев*

ЛР № 065224 от 17.06.97.

Подписано в печать 15.09.97. Формат 84×108¹/₃₂.

Гарнитура Таймс. Печать высокая.

Усл. печ. л. 20,16. Тираж 10 000 экз. Заказ № 1316.

ООО издательство «Полярис»

101000, Москва, Главпочтамт а/я 900

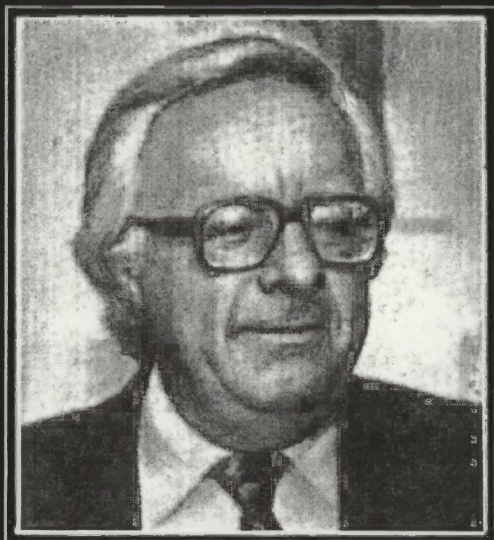
Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного Комитета Российской Федерации по печати
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

МИРЫ РЭЯ БРЭДБЕРИ

ВСПОМИНАЯ ОБ УБИЙСТВЕ

Кровавые убийства и бездны человеческого падения открывает нам Брэдбери, выступающий в необычной для себя ипостаси автора детективов, забытого ученика Хэммета и Чэндлера.

ХОЛОДНЫЙ ВЕТЕР, ТЕПЛЫЙ ВЕТЕР

На продуваемых океанскими ветрами просторах зеленого Эрина, древней и вечно молодой Ирландии, на улицах Дублина разворачивается действие этих почти автобиографических рассказов.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997